

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Петухова Александра Павловна

**Русское национальное движение и финляндский вопрос во второй
половине XIX – начале XX века**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
С.Л. Чернов

Москва – 2022

Содержание

Введение	3
Характеристика источников	17
Историография вопроса	26
I. Финляндский вопрос как феномен общественно-политической коммуникации в России второй половины XIX – начала XX века	47
§ 1. Особенности политики монархии в Великом княжестве Финляндском: иррациональность vs прагматизм	48
§ 2. Появление финляндского вопроса в русской публицистике: программные статьи Михаила Каткова в 1860–1870-е гг.	76
§ 3. Антифинляндский бум в российском информационном пространстве в конце 1880-х – 1890-е гг.	91
II. Деятельность группы интеллектуалов-националистов вокруг финляндской проблемы и ее влияние на политику русификации Финляндии	
§ 1. К.Ф. Ордин, его единомышленники, и их роль в актуализации финляндского вопроса в 1880–1890-е гг.	105
§ 2. М.М. Бородин и другие эксперты против особых прав Финляндии в конце 1890-х – начале 1900-х гг.	150
§ 3. Формы и методы взаимодействия русских националистов с обществом и властью по вопросу о статусе княжества в 1906–1917 гг.	173
III. Структура и особенности антифинляндского дискурса	
§ 1. Концептуальные основания и ключевые общественно-политические понятия	194
§ 2. Жанровая специфика антифинляндских публикаций	232
§ 3. Формальные характеристики текстов экспертов: между риторикой и пропагандой	253
Заключение	277
Список источников и литературы	282
Приложение I	329
Приложение II	331

ВВЕДЕНИЕ

Великое княжество Финляндское¹ стало частью Российской империи в 1809 г. и вплоть до конца XIX в. не доставляло имперским властям особых хлопот. Напротив, именно финнов ставили в пример менее лояльным инородцам. Петербург одаривал окраину различными льготами и продолжал расширять ее автономию вплоть до конца 1880-х. Но при Александре III ситуация коренным образом изменилась. Российская монархия обратилась к разработке и осуществлению политики унификации финляндского края. В результате родился финляндский вопрос – общественно-политический феномен, сложившийся вокруг конфликта финской и русских сторон по поводу определения статуса княжества. Его особенностью стало исключительно бурное обсуждение темы взаимоотношений с финнами в публичном пространстве, – хотя ранее эта тема никого особенно не волновала.

Контекст развития финляндского вопроса – кризис старого порядка в Российской империи. Власть и общество выбирали между модернизационной и традиционалистской стратегиями. Выбор был осложнен остротой социально-экономических противоречий, необходимостью догнать более передовые страны и сохранить статус великой державы. Это сочеталось со стремлением значительной части властных элит сохранить автократию, а вместе с ней – понятную, комфортную идентичность.

При этом обнаружилось, что не относящиеся к титульной нации инородцы могут иметь собственное мнение по этим острым вопросам, а на своих окраинах развивать вовсе не тот вариант идентичности, который был бы близок официальному Петербургу. Балансирование между имперской и национальной парадигмами оказалось непростым. В пространстве империи рождались, развивались и сталкивались между собой различные, часто

---

¹ Далее – ВКФ

конфликтующие между собой национальные проекты. В этом контексте ключевым становился выбор, который должна была сделать монархия.

Российская империя не была в этом вопросе уникальной. Две типологически близкие ей континентальные империи – Австро-Венгерская и Османская – были заняты аналогичными проблемами на протяжении всего XIX в. Оптимального ответа не смогла дать ни одна из них. Национальная проблема продолжала оставаться острейшей в этих странах весь заключительный период их существования. Многие исследователи склонны видеть именно в ней (а вовсе не в последствиях I мировой войны, лишь ускорившей центробежные процессы²) основную причину их краха.

Имперские правящие элиты пробовали различные варианты урегулирования национального вопроса. Общей модели функционирования континентальных имперских механизмов до сих пор не создано³. Попробуем выделить несколько общих черт, характерных для континентальных империй и явно проявившихся в решении ими дихотомии «империя – нация»:

1. наличие нескольких стратегий решения национального вопроса («австро-венгерской», «австро-венгеро-славянской», «венгерской» и «австрийской» в империи Габсбургов; османизма, панисламизма и турецкого

---

² *Вэнк С.* Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе. В кн.: Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995. С. 5, 19; История внешней политики России. Конец XIX – начала XX века. Т.5. М., 1997. С. 12; *Канпелер А.* Национальные движения и национальная политика в Российской империи: опыт систематизации (XIX век – 1917 год). В кн.: Имперский строй России в региональном измерении. М., 1997. С. 100, 108; Национальный вопрос в Государственных думах России (опыт законотворчества). М., 1999. С. 200; *Рыкин В.С.* Австрийский федерализм: история и современность // Новая и новейшая история. 1999, № 3. С. 64.

³ *Игнатъев А.В.* Российская империя в начале XX столетия: опыт сравнительной характеристики. В кн.: Имперский строй России в региональном измерении М., 1997. С. 110; *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. См. 2–3 разделы; *Миллер А.* Русификация: классифицировать и понять // *Ab imperio*. 2002. №2; Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 7–10; *Lieven D.* Russia as empire: a comparative perspective // Hosking G., Service R. Eds. *Reinterpreting Russia*. London, 1999. С. 13.

национализма в Османской империи»)⁴ и борьба между их сторонниками в правительственных кругах и обществе;

2. доминирование в мотивации правящих династий стремления сохранить всю полноту власти при выработке внутренней и внешней политики (как следствие – пресечение любых действий, которые в перспективе могут привести к созданию федерации и прекращению существования империи в прежней форме)⁵;

3. тенденция к централизации управления, присущая практически всем великим державам накануне I мировой войны⁶;

4. повышение роли идеологических мотивов во внутренней и внешней политике государства⁷;

5. необходимость обеспечения эффективной пропаганды действий власти, в том числе в области национального вопроса (эра массовой политики уже вступила в свои права, и правящие режимы не могли не считаться с общественным мнением при выработке своего курса. Это обстоятельство делало особенно актуальным для власти использование в своих целях средства массовой информации (роль прессы в этой связи анализировалась, в частности, на примере Османской империи))⁸.

Два последних пункта тесно связаны. Ускоренная модернизация при переходе от аграрного типа общества к индустриальному несла с собой распад

⁴ *Вэнк С.* Указ. соч. С. 15; *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм). XIX – начало XX в. М., 1985. С. 126–127, 202–205.

⁵ *Вэнк С.* Указ. соч. С. 10–11; *Миллер А.* Галиция в системе австро-венгерского дуализма. В кн.: Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995. С. 137.

⁶ *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 45.

⁷ *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 308–309; *Вэнк С.* Указ. соч. С. 12; *Петросян И.Е., Петросян Ю.А.* Османская империя: реформы и реформаторы (к. XVIII – н. XX вв). М., 1993. С. 154, 156; *Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. М., 2003. С. 338. *Он же.* Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (конец XVIII – начало XX вв.). М., 1985. С. 7–9; *Сафрасьян Р.А.* Доктрина османизма в политической жизни Османской империи. Ереван, 1985. С. 98; *Фадеева И.Л.* Указ. соч. С. 16, 202.

⁸ *Петросян И.Е., Петросян Ю.А.* Указ. соч. С. 156; *Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество... С. 316, 331.

традиционной сословной структуры, атомизацию общества, потерю былого «единства». Интегрирующей идеологией в этих условиях все чаще выступал национализм⁹. Властные элиты реагировали на него тем активнее, чем актуальнее для них становилась задача укрепления социальной базы и поиска новых союзников. Начиналось тестирование новых средств легитимации власти, языка и форм национальной политики. В то же время национализм как весьма популярная идеология мог быть привлекателен для определенной части властных элит и сам по себе. Это осложняло выбор между имперской и националистической парадигмами, и также влияло на решение национальных вопросов.

Помимо общих заданных условий развития многонациональной империи перед лицом модернизации, фоном для финляндского вопроса закономерно выступали конкретные проблемы других российских инородцев в аналогичный период. Польский, армянский, еврейский и другие инородческие вопросы обладали существенной спецификой по сравнению с финляндским, могли иметь значительно более длительную историю взаимных счетов, фобий и уже сложившихся стереотипов. Тем не менее, проведение параллелей между развитием данных вопросов и бытованием их в российском общественно-политическом пространстве совершенно необходимо.

Итак, сложное переплетение социально-экономических, политических, культурных и национальных проблем, помноженное на особенности публичного пространства эпохи зарождающегося массового общества составляли тот интеллектуальный коктейль, в котором развивались русско-финляндские отношения последней трети XIX – начале XX вв. Финляндский вопрос – проявление борьбы различных национальных проектов в эпоху «печатного капитализма»¹⁰. Это частный случай, в котором своеобразно

---

⁹ *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. С. 317–318; *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса. В кн.: *Нации и национализм.* М., 2002. С. 164, 168.

¹⁰ Термин Бенедикта Андерсона: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.

преломились общие закономерности. Механика этого процесса требует своего изучения.

Научная значимость и актуальность исследования. К настоящему моменту продолжают оставаться дискуссионными вопросы о характере финляндского вопроса, причинах последовательной эскалации конфликта с финнами в конце XIX – начале XX в. Слабо прояснен вопрос об авторстве антифинляндской политики монархии. Эволюция русского национального движения (а порой – сам факт его наличия)¹¹ относится к малоизученным страницам российской истории, а его роль в развитии финляндского вопроса никогда не становилась предметом специального исследования. Механизмы выработки национальной политики в поздней Российской империи, ее язык и методы, вопросы взаимоотношений различных общественно-политических групп и власти в определении общей стратегии развития страны и принятии конкретных решений также требуют дальнейшего изучения. Систематический анализ ключевых общественно-политических категорий, которые были актуализированы в ходе публичных дискуссий по финляндскому вопросу, многое дает для понимания истории российской общественной мысли и процессов самоидентификации в эпоху развития национальных проектов.

Объектом исследования является финляндский вопрос как феномен общественно-политической жизни Российской империи последней трети XIX – начала XX в., в том числе причины его зарождения и механизмы развития. Необходимо подчеркнуть, что в настоящей работе не ставится задача раскрыть юридические тонкости статуса Финляндии в составе империи или тем более обосновать правоту той или иной стороны конфликта. Но сделана попытка

---

¹¹ В данной работе не поднимаются вопросы, существовало ли в России оформленное русское национальное движение, с какого периода имеет смысл говорить о нем как о структурно и содержательно сложившемся, насколько влиятельным оно было. Здесь анализируется скорее деятельность отдельных националистов в одном вполне конкретном аспекте – в попытке решить финляндский вопрос, используя при этом политические и медийные рычаги. Но частично информация, выявленная в ходе исследования, может пролить свет и на указанные общие вопросы развития русского национального движения и русского национализма.

посмотреть на финляндский вопрос как на явление в первую очередь российской действительности и именно в ней попытаться найти ключи к его пониманию.

Предмет исследования – конкретная деятельность представителей русского национального движения в контексте финляндского вопроса, антифинляндский дискурс, реализованный в совокупности текстов, появившихся в коммуникативном пространстве империи в рассматриваемый период.

Хронологические рамки исследования укладываются в период второй половины XIX в. и доходят до 1917 г. Их выбор обусловлен спецификой темы. В рамках данного периода события развивались с разной степенью интенсивности. 1890–1900-е гг. – время обострения финляндского вопроса в национальной политике и общественной коммуникации Российской империи. Но вместе с тем нельзя обойти вниманием творчество М.Н. Каткова по финляндскому вопросу (примерно с 1863 г.), поскольку именно он начал активно формировать антифинляндский дискурс. Почти все 1880-е гг. русское правительство не обращалось к положению Финляндии, а до выхода в свет программной работы К.Ф. Ордина и русское общество также не придавало этой теме никакого значения. Вместе с тем именно в 1880-е гг. происходило складывание той группы экспертов в области финляндского вопроса, которая будет активно действовать в этой сфере вплоть до революции 1917 г.

Территориальные границы исследования связаны с его объектом и предметом и по преимуществу локализуются в Петербурге. Автор данной работы исходит из посылки, что все ключевые решения по политике русификации финляндской окраины принимались в Петербурге, там же организовывались антифинляндские кампании в прессе, поэтому основной акцент был сделан на выявление источников, корнями уходящих в столичные круги. Необходимым был также поиск информации, связанной с биографией основных персон исследования, их взаимоотношениями с финнами. Кроме того, было очень важно изучить попытки сторонников русификации создать

«правильный» образ политики на окраине в европейском общественном мнении, а также проследить позицию оппонентов антифинляндскому курсу, поэтому географию исследования пришлось расширить.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является выявление причин проведения политики русификации в отношении Великого княжества Финляндского (далее – ВКФ) во второй половине XIX – начале XX в. (в том числе поиск ее подлинных создателей, а также анализ финляндского вопроса как феномена в первую очередь политической коммуникации). В соответствии с указанной целью необходимо решить следующие исследовательские задачи:

– разобрать существующие объяснения причин русификации и дать заключение об их достаточности или неполноте;

– выделить особенности развития финляндского вопроса с момента его зарождения и до выхода Финляндии из состава империи, в том числе проблемы идеологических принципов либо соображений практической пользы при принятии решений о жесткой политике монархии в отношении ВКФ;

– обосновать сущность финляндского вопроса как явления, зародившегося и бытовавшего прежде всего в сфере общественного сознания и общественно-политической коммуникации, и сопоставить присутствие данной темы в информационном поле поздней империи, а также связанные с ней реальные политические шаги;

– установить причины антифинляндского бума в проправительственной публицистике и дать объяснение четко выраженной публичности финляндского вопроса;

– реконструировать деятельность малоизвестных исторических лиц, имевших прямое отношение к развитию финляндского вопроса, и сделать вывод о наличии или отсутствии системного воздействия на этот вопрос со стороны определенной общественной группы;

- раскрыть основные каналы взаимодействия лиц, которые были непосредственно связаны с развитием финляндского вопроса;

- рассмотреть преломление финляндского вопроса в различных вариантах общественно-политической коммуникации – научных и научно-популярных трудах, средствах массовой информации, отдельных пропагандистских брошюрах, внутриведомственных изданиях;

- проанализировать образно-идеологическую систему, отразившуюся в совокупности текстов по финляндскому вопросу, обосновать гипотезу о наличии в пространстве общественно-политической коммуникации империи антифинляндского дискурса и рассмотреть его в контексте ключевых общественно-политических дискуссий того времени, поставить вопрос о принципах мышления авторов такого дискурса;

- оценить формальную сторону антифинляндского дискурса, его основные лингвистические особенности, метафорический ряд, основные приемы авторов антифинляндских текстов, принципы работы с читательской аудиторией;

- предложить обоснование социального адресата «финляндского послания» в деле использования финляндского вопроса монархией в своих идеологических целях.

Методологическая основа исследования. При проведении анализа использовались следующие теоретические положения.

В соответствии с основными положениями французской школы анализа дискурса, за идеологическими системами признается способность определять самые разные стороны жизни общества и вектор его развития в целом. При этом отдельные элементы конкретной идеологии переходят от предшествующих исторических периодов, другие целиком являются порождением своей эпохи, и в обоих случаях идеологический дискурс сознательно конструируется авторами в своих целях. Дискурс понимается представителями этой школы не как отдельный текст, а как широкая совокупность текстов, существующих и рассматриваемых в неразрывном

единстве¹². В случае с финляндским вопросом тысячи статей, брошюр и книг определенной направленности, появившихся в общественно-политическом пространстве империи в конце XIX – начале XX в., важны именно как целостная совокупность. Такая интертекстуальность позволяет анализировать смысловую, жанровую и риторическую специфику текстов в единстве (как некий целостный антифинляндский дискурс) и трактовать подобную совокупность как социальное действие. С его помощью моделировались культурные ценности, нормы поведения, паттерны мышления, пропагандировался определенный социальный порядок – и конечно, конкретные политические шаги в отношении ВКФ. Тексты создавались в расчете на пропагандистский эффект, но при этом взятые в едином контексте, они немало могут рассказать о принципах мышления и мотивах своих создателей.

Согласно прагмалингвистике, являющейся логическим продолжением предыдущей школы, инструментом создания и распространения определенной идеологической системы является лингвистический аппарат. По этой теории, любой текст, порожденный и существующий в рамках определенной коммуникативной системы, заключает в себе непосредственную информацию о целях своего создателя и косвенную – о своем адресате. При этом общественно-политическая речь (безразлично, устная или письменная) воспринимается как языковое действие, которое влияет на людей и активно формирует действительность¹³. Поэтому было важно проанализировать формальные, лингвистические особенности антифинляндских текстов. Выявленные закономерности позволили сделать

---

¹² Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 113; Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 394–395; Пешё М., Фуке К. Итоги и перспективы по поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла. М., 1999. С. 118; Серюо П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. М., 1999. С. 45; Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. С. 68, 153–154.

¹³ Юдина Т.В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи: дисс. докт. филол. наук. М., 2001. С. 30, 37; Austin J. How to Do Things with Words. Cambridge, 1962. P. 125.

важные наблюдения об особенностях антифинляндского дискурса, о мотивах его создателей, о потенциале воздействия этих текстов на читателя.

В представлениях Х. Кона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона и ряда других сторонников конструктивистского подхода в теории национализма он признается политическим проектом, с большим или меньшим успехом реализуемым в конкретных исторических обстоятельствах (в условиях модернизации, на определенной стадии развития капитализма)¹⁴. Сильной стороной конструктивистского подхода в изучении национализма является акцент на сфере сознания, анализе виртуальной составляющей практической политики, ментальных процессов.

Автор настоящей работы солидарен также со следующими методологическими наблюдениями: «История возможна и перспективна как наука, чьим предметом остаются возможности и пределы человеческого мышления, а эмпирическим объектом является совокупность созданных человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности». Именно в переходе от нарративизма к когнитивной парадигме заключены значительные возможности для историка и разрыв с тем традиционным способом историописания, который лишь с большими натяжками может быть назван научным¹⁵. В соответствии с этим принципом, автор настоящей работы видит свою основную задачу не в доказательстве ошибочности или оправданности взглядов и действий представителей правых политических сил Российской империи в процессе создания и решения финляндского вопроса, но в попытке собрать максимум информации об этих действиях, проанализировать их и поставить вопрос о том, что именно сделало такие взгляды и действия возможными и успешными. Когнитивная парадигма

---

¹⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 29–30; Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? // Нации и национализм. М., 2002. С. 300; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 34–35; Кон Х. Идея национализма // *Ab imperio*. 2001. № 3. С. 420–421, 439; Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 334.

¹⁵ Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 8, 11, 20.

переносит акцент с описания фактов (по возможности полного и безоценочного) на поиск рабочих механизмов, активировавших в сознании изучаемых лиц те или иные модели восприятия действительности, предопределившие их действия.

Согласно Р. Козеллеку, в общественно-политических понятиях заложены определенные представления, а их семантика не является раз и навсегда законченной. В ней могут происходить значительные сдвиги, в переломные периоды может идти активная борьба различных акторов по поводу содержания этих понятий и утверждения той или иной их трактовки. Необходимо задавать вопрос, откуда пришли основные категории, которыми мыслили эксперты, какую модификацию этих категорий они предпочли и в каком виде отправили их в общественно-политическое пространство дальше.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней финляндский вопрос впервые рассматривается в первую очередь как идеологический феномен, существующий в поле общественно-политической коммуникации. Ранее поиск причин возникновения и развития финляндского вопроса в основном производился в области материальных факторов. В работе подробно рассматриваются эти факторы, выявляются несостыковки между их возможным воздействием и динамикой развития финляндского вопроса.

Автором предпринята попытка связать существование финляндского вопроса с деятельностью отдельных представителей зарождавшегося русского национального движения (в работе они фигурируют как эксперты). Впервые подробно раскрыты роль этой группы, ее влияние на развитие финляндского вопроса, механизмы деятельности ее членов, каналы их связи между собой и различными общественно-политическими контрагентами. Поставлен вопрос о специфике работы мышления указанных лиц. Их способ решения проблем ВКФ проанализирован в контексте системы их взглядов на политические, экономические, социальные и культурные проблемы России.

Антифинляндский дискурс проанализирован в работе с использованием лингвистических методов. Выдвинутая гипотеза о последовательной

пропаганде экспертами своих взглядов на финляндский вопрос базируется на анализе как содержательной, так и формальной сторон антифинляндских текстов. Часть неопубликованных документов вводится в научный оборот впервые.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней конкретно-исторические задачи решаются с помощью использования методов смежных гуманитарных наук (лингвистики, философии), а также в том, что в диссертации ставится вопрос о необходимости смены парадигмы при изучении национальной политики монархии (смещение акцентов с нарративного изложения на исследование процессов в области индивидуального, группового и массового сознания, изучение когнитивных механизмов принятия решений).

Практическая значимость. Научные результаты диссертации могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории русского национализма, истории русско-финских отношений, истории Российской империи, при подготовке соответствующих лекционных курсов и спецкурсов. В работе подробно исследуется вопрос о специфике исторических трудов экспертов и их политической ангажированности, что позволяет поставить под вопрос правомерность широкого использования этих трудов в современной историографии и ссылок на их авторов как на профессиональных историков.

Достоверность исследования обеспечивается широтой источниковой базы (в том числе обширным корпусом статей в прессе), подробным анализом публицистических работ (многие из которых были выявлены и введены в научный оборот впервые), активным привлечением неопубликованных материалов по всем аспектам складывания антифинляндской группировки.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения работы докладывались на 5 научных конференциях¹⁶ и изложены в 15 научных работах автора общим объемом 23,6 п.л.¹⁷, в том числе в 5 публикациях общим объемом 4,8 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете

¹⁶ 6–7 мая 2007 г. Ростов-на-Дону, V межрегиональная научная конференция «Человек второго плана в истории» (Доклад: «Михаил Бородкин и «финляндский вопрос»); 20–22 апреля 2010 г. Санкт-Петербург, Восьмые биографические чтения памяти Вениамина Иоффе «Право на имя: Биографика 20 века» (Доклад: «Как пишут историю в век национализма: биографии К.Ф. Ордина и М.М. Бородкина в контексте «финляндского вопроса» в Российской империи в конце XIX – начале XX веков»); 7–8 апреля 2015 г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербург и страны Северной Европы. XVII ежегодная научная конференция. (Доклад: «Финляндский вопрос» в российском историческом нарративе конца XIX – начала XX вв.»); 5 апреля 2017 Москва VII конференция молодых ученых и специалистов «КЛИО – 2017» (Доклад: «Русские консерваторы и попытки организации государственной пропаганды в Российской империи конце XIX – начале XX вв.»); 26–27 апреля 2021 г. Москва. Конференция Отдела исторической антропологии и истории повседневности, Редколлегии альманаха «Одиссей. Человек в истории», ИВИ РАН «Социальные категории и их интерпретация на языке метафор. (Доклад: «Метафорический ряд в текстах русских консерваторов конца XIX – начала XX вв.: что дает историку лингвистический анализ»).

¹⁷ Борьба за души подданных: информационная политика самодержавия в области освещения финляндского вопроса // Новый взгляд. Международный сборник работ молодых историков. Тамбов, 2007; В поисках terra promessa: роль цивилизационного дискурса в формировании внешнеполитических представлений русских консервативных публицистов начала XX века // Общественно-политическая мысль России: традиции и новации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции Ижевск, 2008; Возможности дискурс-анализа для изучения политической культуры властных элит Российской империи конца XIX – начала XX вв. // Дискурс-анализ: методология, теория, практика. Екатеринбург, 2006; «Историк беспристрастный»? Кесарь Ордин и «финляндский вопрос» в Российской империи в конце XIX в. // Родина. 2014. № 6; Михаил Катков и рождение «финляндского вопроса» в Российской империи (1860–1880-е гг.) // Клио. 2019. № 11; «Отсель грозить мы будем...»: военный фактор во взаимоотношениях России и Великого княжества Финляндского в конце XIX – начале XX вв. // Человеческий капитал. 2020. № 11; Российская идентичность: империя vs национализм. В соавт. с Черновым К.С., Черновым С.Л. В кн.: Русия между истока и запада: политика, идеология, дипломатия, место издания Университетско издательство «Св.Климент Охридски» София, 2022. Русские консерваторы и попытки организации государственной пропаганды в Российской империи конце XIX – начале XX вв. // Сборник материалов Седьмой конференции молодых ученых и специалистов «КЛИО – 2017». М., 2017; «Скажи мне, кто твой враг...»: «антифинляндский дискурс» в пространстве общественно-политической коммуникации Российской империи конца XIX – начала XX вв. // Ab Imperio. 2010. № 3; «Слово сильнее меча»: Михаил Бородкин и «финляндский вопрос» // Человек второго плана в истории. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 2008; Та же статья вышла в сборнике: В тени великих: Образы и судьбы. Сб. науч. статей. СПб., Алетейя. 2010; «Финляндский вопрос» в системе внутривластных представлений российской правящей элиты в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Московского университета. Серия. 8. История. 2008. № 4; «Финляндский casus»: принципы легитимизма в национальной политике российской монархии конца XIX – начала XX вв. // Исторические записки. Вып. 11. Пенза, 2007.

МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, трех глав, которые разделены на параграфы, посвященные конкретным проблемам в рамках каждой главы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Финляндский вопрос как явление общественно-политической жизни Российской империи второй половины XIX – начала XX в. нельзя сводить к определенным конкретным шагам, принятым российской монархией в отношении ВКФ, но имеет смысл трактовать как феномен общественно-политической коммуникации, имевший в своей основе в первую очередь идеологические причины.

2. Подлинными авторами политики русификации Финляндии и – шире – финляндского вопроса как явления российской общественно-политической жизни следует считать определенную группу лиц, которая сформировалась в 1880–1890-е гг. и ставила перед собой цели, во-первых, добиться сокращения особых прав финнов, во-вторых, привить правительству и обществу «национальный образ мышления». Их можно считать частью молодого русского национального движения.

3. Антифинляндские кампании в русской консервативной печати (периодические издания и публицистика) проводились под руководством и влиянием указанных лиц, имели конкретные цели воздействия на политику властей и общественное мнение.

4. В рассматриваемый период в российском общественно-политическом пространстве тестировались приемы систематического воздействия на общественное мнение, происходил первый опыт знакомства консервативных и властных элит с принципами политической пропаганды.

5. Система мышления рассматриваемой группы националистически мыслящих интеллектуалов включала в себя несколько ключевых принципов и

категорий, которые предопределили их видение русско-финляндских отношений (в том числе категорию «единство», принцип приоритета идеалистических соображений над рациональными).

Характеристика источников

Исследователь сюжетов, связанных с зарождением и развитием финляндского вопроса, может пожаловаться скорее на изобилие материалов, нежели на их недостаток.

Для оценки характера финляндского вопроса, сопоставления различных причин его происхождения необходимо было привлечь источники по «объективной» стороне русско-финляндских отношений, использовать данные, характеризующие ситуацию в политической, военной, экономической и других сферах, имеющих отношение к делу. Поскольку имперские власти с определенного момента являлись активными участниками развития финляндского вопроса, было необходимо ознакомиться с источниками официального происхождения. Есть целый блок документов, в которых представлена «внутренняя кухня» выработки политики в ВКФ: делопроизводственные документы, проекты реформ, материалы работы различных комиссий, переписка между чиновниками.

В связи с поставленной в работе гипотезой о ключевой роли представителей русского национального движения в развитии финляндского вопроса, было необходимо найти материалы, связанные с их деятельностью. Их биографии, их взаимоотношения, те каналы, которые они использовали для коммуникации как между собой, так и с влиятельными лицами – все это было важно для реконструкции их воздействия на политику в крае. Их идеология, принципы работы мышления, повлиявшие на финляндский вопрос, зафиксированы в личной переписке, в воспоминаниях, в официальных записках. Очевидно, для получения наиболее полной и объективной информации по их вкладу в финляндский вопрос требовалось также привлечение документов, происходивших из стана их политических

противников, а также рядовых наблюдателей, не вовлеченных непосредственно в процесс развития финляндского вопроса.

В силу своего изначального присутствия в пространстве общественно-политической коммуникации, финляндский вопрос включал в себя множество публикаций, ориентированных на массового читателя (материалы прессы, публицистика). Существовал и круг изданий, созданный в целях влияния на властные элиты, – не предназначенный для широкой публики, но достаточно обширный.

Наконец, потребовалось привлечь вспомогательные материалы по смежным сюжетам: истории общественной мысли того периода, каналам коммуникации между властью и различными общественными силами, спецификой функционирования прессы и другим.

Взятые в совокупности, это тысячи документов, поэтому наш обзор целесообразно представить по основным их типам. Последовательно перечислим их и кратко охарактеризуем их особенности.

1. Массив **источников официального происхождения** (в том числе делопроизводственная документация).

Значительную важность представляют собой делопроизводственные материалы центральных государственных учреждений¹⁸. В совокупности они предоставляют большой объем хорошо структурированной, однородной информации. Характер создания этих материалов («для внутреннего пользования») дает возможность увидеть сам процесс принятия решений по «финляндскому вопросу» и мотивацию ключевых для него фигур.

При написании работы были использованы Всеподданнейшие отчеты Военного министерства и близких к нему структур, военные обозрения по Финляндскому военному округу, отчеты по Главному штабу, отчеты командующих войсками Финляндского и Петербургского военных округов¹⁹.

---

¹⁸ Например, РГИА. Ф. 1162 (Государственная канцелярия Государственного совета), Ф. 1276 (Совет министров), Ф. 1409 (СЕЙВК) и другие.

¹⁹ В массе своей они были опубликованы, см. напр.: Всеподданнейший отчет военного министерства за 1895 год. СПб, 1897 и др.

Большую ценность представляет собой фонд Н.И. Бобрикова в РГВИА. Там отложились не только всеподданнейшие записки и официальные отчеты генерал-губернатора, но и его переписка с доверенными лицами²⁰.

Также использовались материалы заседаний различных комиссий по финляндскому вопросу, рассмотрения его в Государственном совете и Государственной думе. Привлекались докладные записки и аналитические материалы, которые создавались в рамках работы различных государственных структур²¹. Важными для настоящей работы были данные об обсуждении в правительстве финляндских дел, зафиксированные в записях хода летних заседаний Совета министров 1915 г. А.Н. Яхонтова. Официальных стенографических записей заседаний правительства не велось, а сведения о дебатах в Совмине не разглашались в принципе²², тем ценнее данные, зафиксированные Яхонтовым. Анализировались официальные выступления, речи политиков²³ и представителей общественных кругов, материалы заседаний Русского собрания²⁴.

Исключительно полезны были также материалы допросов видных представителей властных элит Российской империи, произведенные комиссией Временного правительства после Февральской революции²⁵.

---

²⁰ Например, РГВИА. Ф. 1 (Канцелярия военного министерства); Ф. 59 (Н.И. Бобриков); Ф. 400 (Главный штаб Военного министерства); Ф. 409 (Послужные списки военных); Ф. 970 (Военно-походная канцелярия Е.И.В.); Ф. 2000 (Штаб Петроградского военного округа); Ф. 3611 (Послужные списки); Ф. 4000 (Лейб-гвардии конная артиллерия); ряд опубликованных материалов, например: Историческая записка о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. // Россия. Государственный совет. Временные организации. Дополнение. Материалы. Т. 79. СПб., 1910.

²¹ Например, ГА РФ Ф. 555 (выписки из финляндских газет, лекции и другие материалы)

²² Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. А.Н. Яхонтов и его «тяжелые дни». История текста и издания. 1996. С. 673.

²³ См. напр.: Речь Александра III при открытии сейма в Гельсингфорсе 12–24 января 1882 г. // Акты для выяснения политического положения Великого княжества Финляндского. СПб., 1908.

²⁴ Например, ГА РФ. Ф. 116 (Союз русского народа), Ф. 586 (Плеве В.К.), Ф. 588 (Никольский Б.В.).

²⁵ ГА РФ. Ф. 1467 (Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Следственная часть).

Выборочно привлекались законодательные акты, отдельные указы и манифесты по положению Финляндии в составе Российской империи.

2. Документы личного происхождения.

В первую очередь, это переписка лиц, имевших отношение к развитию финляндского вопроса. В основном она не опубликована и находится в различных фондах российских архивов²⁶. Важную информацию удалось обнаружить в воспоминаниях и дневниках представителей бюрократии, влиятельных людей, имевших непосредственное отношение к выработке финляндского курса²⁷ или к идеологической политике властей²⁸, либо содержащие свидетельства представителей различных общественных кругов по поводу того и другого²⁹. Там сохранились важные свидетельства о восприятии финляндского вопроса в высших эшелонах власти и в обществе, о принятии ключевых политических решений, личные характеристики членов русского национального движения и другие детали, важные для понимания темы. Также немало информации содержится в воспоминаниях отдельных лиц, на первый взгляд не имеющих никакого отношения к истории финляндского вопроса, но оставивших ценные наблюдения о людях и событиях, связанных с ним³⁰.

3. Данные периодической печати.

Используя этот источник, важно представлять себе специфику периодических изданий в эпоху перехода от традиционного общества к

²⁶ В частности, ОР РГБ. Ф. 169 (Милютин Д.А.), Ф. 224 (Петровский С.А.), Ф. 230 (Победоносцев К.П.), Ф. 249 (Розанов В.В.); РГАЛИ. Ф. 317 (Соколов Н.М.), Ф. 459 (Суворин А.) и др. Значительный интерес, например, представляют материалы фонда Н.С. Таганцева в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (там можно встретить переписку по поводу финляндского вопроса между Ординым, Дейтрихом, Сергеевским и другими значимыми персонами): ОР РНБ. Ф. 760 (Н.С. Таганцев).

²⁷ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919. Париж, 1933; Куропаткин А.Н. Дневник // Красный архив. 1922. Т. 2; Из записок А.Ф. Редигера // Красный архив. 1930. Т. 5 (60) и др.

²⁸ Суворин А.С. Дневник. М., 1992; Тихомиров Л.А. Из дневника // Красный архив. 1935. №6.

²⁹ Богданович А.В. Три последних самодержца. М.-Пг. 1924; Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992; Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998 и др.

³⁰ Например: Короленко В.Г. Дневник. 1898–1903. Полтава, 1928 и др.

модерному. Периодика перестает существовать в виде одной из двух ипостасей – либо сухого перечня официальной информации, либо пространства интеллектуального общения достаточно узкой группы лиц («толстые журналы»). Она становится полем столкновения общественных групп, местом борьбы разных политических и идеологических течений, областью агитации и пропаганды. В России эти процессы шли с запозданием по отношению к Западной Европе – но все же изменения конца XIX – начала XX вв. придали им значительное ускорение. Исследователи уже используют термин «массовая» применительно к печати (прежде всего, газетной) того времени³¹, при этом доверие к печатному слову было очень велико. Конечно, термин «средства массовой информации» может использоваться применительно к рассматриваемому периоду лишь с известной долей допущения. Разумеется, вопросы о степени зрелости российского общества, появлении массового читателя, уровне грамотности и влиянии печатного слова на провинциального читателя сравнительно со столичным остаются открытыми³². Но все же, в целом российская пресса конца XIX – начала XX вв. – это институт стремительно модернизирующегося общества. Запоздалый переход российской монархии к парламентским формам, поздняя легализация политических партий ускорили формирование группировок различных политических сил вокруг печатных органов, делали закономерной попытку их использования в своих целях.

Поскольку это массовый источник, постольку очевидна принципиальная ущербность применения к нему иллюстративного (фрагментарного) метода. Сплошь просматривались годовые подшивки таких газет и журналов как «Новое время», «Московские ведомости», «Гражданин», «Свет», «Россия»,

---

³¹ *Симонова Н.Б.* Система периодической печати России (вторая половина XIX – начала XX вв.). Новосибирск, 2002. С. 4, 229–230.

³² Например, можно встретить мнение, что после первой русской революции газета приходит в деревню и «в России появляется массовый демократический читатель»: *Лихоманов А.В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 годах. СПб., 1997. С. 11.

«Санкт-Петербургские ведомости» за отдельные годы, наиболее важные с точки зрения развития «финляндского вопроса»; за другие – выборочно), что обеспечило заведомо более полный объем "снимаемой информации", системный ее анализ. Анализировались в первую очередь материалы консервативной прессы. Важны издания, которые были напрямую связаны с деятельностью представителей русского национального движения, имевших отношение к финляндскому вопросу: «Финляндская газета», «Окраины России».

Выборочно привлекались материалы печатных изданий, репрезентирующих другие части политического спектра: «Вестник Европы», «Биржевые ведомости», «Русское богатство» и другие. Нередко газеты занимались прямым цитированием друг друга, причем не только в пересказе новостей или особенно ценных аналитических материалов, но и просто в копировании оценочных суждений или умозаключений, мелких деталей. Особенно часто подобные коротенькие заметки шли в разделе «Провинциальная хроника»³³. Эти нюансы также попали в фокус внимания.

Работу с прессой в значительной мере дополнило наличие подготовленных самими экспертами в области финляндского вопроса тематических изданий (так, например, все статьи Каткова в «Московских ведомостях» по данному сюжету можно найти в известном трехтомнике, изданном Сергеем Петровским³⁴). Определенная часть выводов по массиву прессы базируется на анализе библиографического сборника, составленного экспертом по финляндскому вопросу М.М. Бородкиным³⁵. Библиография включает в себя 6208 наименований, охватывающих все публикации, выходившие на русском языке по вопросам истории, культуры, экономики и других областей, касающихся Финляндии³⁶. Автор довел библиографию до 1

---

³³ См. напр.: Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 6 (19) марта. С. 3.

³⁴ Финляндская окраина России. М., 1891–1897. Вып. 1–3.

³⁵ *Бородкин М.М.* Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии. СПб., 1902.

³⁶ Личной особенностью Бородкина был фундаментальный интерес к разного рода библиографиям, редким изданиям, литературным новинкам. Его политические

января 1901 г., обработав огромное количество текстов за 197 лет (с 1704 по 1901). У библиографии Бородкина было продолжение, составленное его единомышленником – Н.Н. Корево³⁷. Оба издания обладают сквозной нумерацией. Общее количество публикаций, учтенных авторами – почти 22000. Обе составлены по смешанному алфавитно-предметному принципу, что затрудняло подсчет и анализ значимых для данного исследования публикаций³⁸.

В рамках этой же группы источников упомянем о таком издательском проекте, который был осуществлен с участием экспертов – «Обзоре периодической печати Финляндии». Он представлял собой аналитически обработанные материалы из финляндской прессы и предназначен для ознакомления властных элит Российской империи с финляндским вопросом. Подбор материалов и их комментирование осуществлялись достаточно тенденциозно – и именно характер этой тенденциозности выступает предметом анализа в настоящей работе³⁹.

4. Брошюры.

Отдельной группой источников автор данной работы считает пропагандистские брошюры по финляндскому вопросу. Брошюры – небольшие по объёму публицистические издания, ставшие существенным элементом информационного пространства Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Как правило, они представляли собой не единичное законченное издание, а входили в блок аналогичных изданий на определенную тему, в чем и заключалось их значение. При этом они обладали несколькими

пристрастия, насколько можно судить, практически не сказались на отборе литературы: он использовал любые источники, в которых так или иначе затрагивалась тема Финляндии – от сугубо специальных статей академического плана до публикаций в левых изданиях.

³⁷ Корево Н.Н. Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии, 1901–1913. Пг., 1915.

³⁸ При этом многие пункты включают в себя библиографическое описание не одной, а нескольких публикаций (как правило, перепечатки одних и тех же статей, либо рецензии на одну работу, либо продолжающиеся материалы, публикуемые в определенном издании под одним и тем же заголовком). Общее число материалов в библиографии Бородкина после разбивки – 8888.

³⁹ Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. 1–13. СПб, 1899–1907 и др.

схожими признаками, которые позволяют объединить их в серии и анализировать как элементы системы. Брошюры по определенной тематике характеризовались единством базовых идеологических позиций, стиля и содержания. Они выходили достаточно большим тиражом, распространялись бесплатно или стоили недорого. Всего по финляндскому вопросу было опубликовано около 90 подобных работ⁴⁰. Стороннему наблюдателю, который не владеет косвенной информацией по биографиям их авторов, точно атрибутировать их как принадлежащих к определенному комплексу часто не представляется возможным (указаны, как правило, только типография, и, реже, общество, занимающееся непосредственно распространением такой литературы). Только в некоторых случаях можно определенно утверждать о связи вышедших сочинений с редакциями «Московских ведомостей»⁴¹ и «Нового времени»⁴². Их авторы регулярно публиковались по финляндской проблематике, входили в редакции газет «Окраины России», «Московские ведомости», «Новое время»⁴³. Отличительной чертой является обязательный и, в массе своей, идентичный список рекомендуемой литературы в конце каждого издания, перекрестный характер ссылок.

Их издание и распространение часто проводилось с помощью различных государственных структур (от общего финансирования до распределения между различными группами населения по государственным каналам). Сюда можно отнести бесплатное распространение брошюр, отпечатанных Государственной типографией; рекомендации к их обязательному приобретению библиотеками и использованию в качестве учебников, поступавшие от Министерства народного просвещения, Ведомства

---

⁴⁰ Некоторые из них были переведены на 6 иностранных языков: *Соломец И.М.* Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 1992. С. 6.

⁴¹ См. напр.: *Будилович А.С.* Новейший фазис самоопределения народностей. СПб., 1906; *Алехторов А.Е.* Иногородцы в России. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Латыши. Евреи. Намцы. Армяне. Татары. СПб., 1906.

⁴² См. напр.: *Финляндия в столетнюю годовину завоевания.* СПб., 1910.

⁴³ К.Ф. Ордин, П. Мессарош, А.С. Будилович, А.П. Липранди, М.М. Бородкин, Ф. Еленев, А. Риттих, Н.Д. Сергеевский и др.

Учреждений императрицы Марии или Главного управления военно-учебных заведений⁴⁴. В начале XX в. действовала «постоянная комиссия народных чтений», которая на регулярной основе занималась изданием брошюр. В рамках Главного штаба существовало особое делопроизводство по изданию каталога книг, одобренных к обращению в войсках⁴⁵. Распространение в войсках брошюр, в том числе в целях борьбы с революционной пропагандой, а также размещение в прессе статей на военную тематику не было в новинку для военного ведомства⁴⁶. Эти данные позволяют сделать вывод, что использование такого инструмента уже было известно в информационном пространстве империи. Он же был использован и в финляндском вопросе – сначала экспертами по собственной инициативе, а потом при поддержке и инициативе государственных структур.

5. Отдельные издания по финляндскому вопросу.

В период со второй половины XIX в. и до революции 1917 г. на российский книжный рынок вышло множество отдельных работ по русско-финляндским взаимоотношениям. В своем большинстве они связаны с кругом лиц, которых мы определили как экспертов. В основном их можно подразделить на три основные группы: это юридические и исторические сочинения, а также политическая публицистика⁴⁷. Эти работы определили лицо дореволюционной литературы по этой теме. Их влияние на разработку финляндской политики самодержавия сказывается до сих пор. Поэтому, по формальным критериям, с них необходимо начинать историографический анализ. Однако нам представляется, что считать эту литературу

---

⁴⁴ Берендтс Э.Н. По поводу воззваний иностранных ученых относительно прав Финляндии. СПб., 1910; Богданович Е.В. Школа патриотизма. СПб., 1908; Бородкин М.М. Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения: Исторический очерк. СПб., 1901; Он же. Краткая история Финляндии. СПб., 1911; Он же. О «Рассказах прапорщика Столя». Гельсингфорс, 1901 и др. работы этого автора; Корево Н.Н. Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии. Пг., 1915.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5283.

⁴⁶ См. напр., документы за 1903–1905, 1907 гг.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 2. Д. 4500, Д. 5247, Д. 5247 а, Д. 5284, Д. 5295, Д. 5303, Д. 5301, Д. 5299, Д. 5339.

⁴⁷ См. напр.: Абов Г.А. Из истории учений финляндского государственного права. Из Ж-ла Мин-ва Юст., СПб, Типография Правительствующего Сената, 1895 и многие другие.

историографией было бы ошибочно. Эти работы были одним из элементов идеологической кампании. Система аргументации их авторов, исходные тезисы и полученные выводы определялись не научными критериями, а степенью соответствия некой заданной схеме. Это в меньшей степени относится к тем разделам их сочинений, которые касались древней истории края, – однако распространяется также и на них. Политизированность была максимальной в главах и отдельных работах, посвященных положению княжества в составе империи в XIX–XX вв. Их авторы выступали не как историки, а как идеологи финляндского вопроса. Кроме того, они сами имели непосредственное отношение к выработке и проведению антифинляндской политики. Поэтому их взгляды становятся для нас объектом изучения, а их труды – источником. Упомянем здесь же об изданиях, которые освещали точку зрения противников политики унификации, представляли их видение причин и развития финляндского вопроса⁴⁸. Несмотря на всю тенденциозность, они дают массу интересной информации.

Историография вопроса

По взаимоотношениям России и ВКФ написано значительное количество книг и статей. Особенное внимание исследователей закономерно привлекало обострение этих отношений в эпоху двух последних российских императоров.

Накоплен огромный материал в освещении политических шагов российской власти в княжестве, анализа законодательных актов и юридической стороны конфликта, на который можно опираться в дальнейших исследованиях⁴⁹. Но, во-первых, в фокусе внимания исследователей

---

⁴⁸ См. напр.: *Civis Fennicus* (Лео Мехелин). Опровержение книги М.М. Бородкина. «С.К. Михайлов: юридическое положение Финляндии. Заметки по поводу отзыва Сейма 1899 г.» СПб., 1901; Русская политика насилия в Финляндии. Берлин, 1902; Финляндский разгром. Purleigh, Maldon, Essex, England. 1900. Сб. под редакцией В. Черткова. Содержал публикации ряда финских авторов, помещенных в англоязычной прессе.

⁴⁹ См. фундаментальные работы: Суни Л.В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982; Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 гг. Хельсинки, 2009 и другие.

оказывалась преимущественно фактическая сторона темы: события, являвшие собой процесс взаимодействия окраины и центра в конце XIX – начале XX вв., и рациональные факторы, которые могли лежать в его основе. Финляндский вопрос как феномен прежде всего общественно-политической коммуникации практически не ставился в центр рассмотрения. А во-вторых, историография этой проблемной области с самого начала (и в последующие десятилетия) развивалась под существенным влиянием тех лиц, которые непосредственно участвовали в создании и развитии финляндского вопроса. Поэтому ниже выбран не хронологический, а проблемный принцип историографического анализа.

Проблема оценки исторических работ экспертов по финляндскому вопросу. Работы К.Ф. Ордина, М.М. Бородкина, Ф. Еленева и другие были созданы, на наш взгляд, по политическим мотивам, под непосредственным влиянием националистической идеологии и были инструментом воздействия, а не научным трудом. В настоящем исследовании они рассматриваются в первую очередь как источник по взглядам своих создателей и отдельным аспектам их деятельности в финляндском вопросе. Но поскольку формальная сторона этих работ позволяла причислить их к историческому жанру, а отечественная традиция вплоть до настоящего времени рассматривала этих авторов как историков, некоторые их тезисы перекочевали в исследовательскую литературу и остались там по сей день. На основании участия в работе ряда научных конференций, на которых затрагивались вопросы истории русско-финляндских отношений конца XIX – начала XX вв., можно утверждать, что пока еще критический подход к творчеству упомянутых историков далеко не преобладает, в основном их продолжают воспринимать как коллег по цеху. С сочинения Ордина порой отсчитывают «научный» период в историографии изучения русско-шведской войны 1808–1809 гг.⁵⁰. Бородкина называют историком и считают своего рода

---

⁵⁰ Приходько Н.И. Исследовательские периоды в изучении русско-шведской («финляндской») войны 1808–1809 гг. в отечественной историографии // Санкт-Петербург

предшественником-собратом по перу вполне серьезные ученые⁵¹. Так, В.Н. Барышников высоко оценивает заслуги Бородкина как историка Финляндии. При этом он не сообщает о причинах, по которым Бородкина стали вводить в состав разных комиссий по финляндским делам, напротив, именно в факте службы в них он видит толчок к тому, что Бородкин занялся финляндской историей. Приводя данные о приверженности Бородкина к консервативно-русофильскому лагерю, Барышников делает вывод о наличии проявлений у историка «скорее патриотизма, нежели национализма»⁵². Сам Бородкин, как мы увидим ниже, не согласился бы с такой оценкой. Для составителей Военной энциклопедии в 1911 г. было очевидно, что Бородкин в своем творчестве «являлся проводником русских националистических идей», а также принимал непосредственное участие в разработке мероприятий по Финляндии⁵³. Любопытно, что уже составители Советской исторической энциклопедии демонстрируют совсем другой уровень осведомленности. Они называют Бородкина «русским историком», упоминают о насыщенности его работ фактическим материалом, но не сообщают ни о его националистических взглядах, ни о роли в практическом решении финляндского вопроса⁵⁴.

и страны Северной Европы. Материалы конференции 25–26 апреля 2001 года. СПб., 2002. С. 117–124.

⁵¹ *Выскочков Л.В.* Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823–1831 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Пятой ежегодной научной конференции (23–25 апреля 2003 г.). СПб., 2004; *Новикова И.Н.* Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб., 2002; *Пекшева Л.А.* Деятельность М.М. Сперанского в сфере местного управления (1803–1831 гг.). Автореф. дисс. на соискание степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2007. С. 7 (в последней работе имена К.Ф. Ордина, Р.Р. Даниэльсона и С.А. Корфа стоят в одном ряду с именами таких историков XX века, как Н.В. Минаева, А.С. Кан и В.В. Похлебкин); *Фишер А.Е.* К вопросу об особенностях исследования партизанского движения в Финляндии в период русско-шведской войны 1808–1809 годов на примере российской историографии XIX–XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы конференции 2006 г. С. 23–24.

⁵² *Барышников В.Н.* Русский исследователь М.М. Бородкин о Финляндии и о финнах периода времени Петра I. // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы конференции. СПб., 2007. С. 51–53, 55, 56, 61.

⁵³ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Издательство Сытина. Т. V. С. 32.

⁵⁴ Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 630.

Поворотным пунктом в этом историографическом сюжете стала относительно недавняя публикация статьи, авторами которой являются И.Р. Такала и И.М. Соломещ. По их мнению, в к. 1880-х гг. К.Ф. Ординым был сформулирован гранд-нарратив покорения Финляндии, который определил все последующие отечественные разработки этой темы, «прочно вписался в современные интерпретации российской истории и по-прежнему воспроизводится без каких-либо существенных изменений». Авторы отмечают, что сегодня труд Ордина признали бы «заказным», и делают вывод о том, что он знаменовал собой скорее политический, нежели историографический водораздел⁵⁵.

На наш взгляд, это мнение абсолютно обоснованно и жаль, что пока оно учитывается не всеми исследователями. В настоящей работе предпринимается попытка скорректировать лишь положение о заказном характере произведения Ордина (представляется, что он действовал по собственной инициативе). Кроме того, в том же самом ключе рассматриваются труды ряда других историков и их непосредственная роль в возникновении и развитии финляндского вопроса.

Пожалуй, главным наследием работ экспертов является объяснение антифинляндской политики материальными причинами, необходимостью решать объективные задачи (военные, экономические, социальные, политические). К.Ф. Ордин, М.М. Бородкин и их последователи считали критически важным рационально обосновать необходимость унификации ВКФ в рамках Российской империи.

Вопрос о причинах перехода самодержавия к политике унификации и русификации ВКФ. Вопрос о причинах поворота к русификации продолжает оставаться дискуссионным⁵⁶.

---

⁵⁵ Такала И.Р., Соломещ И.М. «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 гг. // *Российская история*. 2009. № 3. С. 67, 68.

⁵⁶ Дубровская Е. Первая мировая война в Финляндии: империя против нации, российская армия против финляндцев // *Ab imperio*. 2001. № 4. С. 171; Новикова И.Н. Особое

Военные причины. Одним из основных тезисов, воспринятых от упомянутых историков, был приоритет военно-стратегического фактора среди причин политики русификации (изучались планы использования этой территории в случае мировой войны, противодействие усилению шведского присутствия в регионе, столкновение с интересами германского капитала, иными словами, геополитические мотивы, которыми должно было руководствоваться царское правительство)⁵⁷. Угроза Петербургу со стороны финнов, вероятность договоренностей финнов с противниками России за спиной у имперского правительства рассматривалась публицистами конца XIX – начала XX вв. как важнейший аргумент в обосновании необходимости русификации края. В текстах по финляндскому вопросу соображения военной и оборонной безопасности встречались настолько часто, что стремление именно ими объяснить политику правительства в крае перешло даже в собственно финскую историографию⁵⁸. В последние годы выходили отдельные статьи и монографии о военных и экономических связях княжества с Германией и о существовании планов его использования в Первой мировой войне⁵⁹. В ряде работ финляндский вопрос затронут в связи с историей российской армии и внешней политики начала XX в., однако применительно к своей тематике авторы анализируют его достаточно подробно и на широком круге источников, что делает их вклад в его разработку значительным⁶⁰.

государство... С. 38; *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904. СПб., 1997. С. 305.

⁵⁷ Там же. С.81; *Похлебкин В.В.* СССР – Финляндия. 260 лет отношений. 1713–1973. М., 1975. С.17–19, 62.

⁵⁸ *Новикова И.Н.* Особое государство... С. 42; *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 133; *Дубровская Е.Ю.* Европейский север в истории России: «круглый стол» // *Российская история.* 2009. № 3. С. 30.

⁵⁹ *Дубровская Е.* Первая мировая война в Финляндии: империя против нации, российская армия против финляндцев // *Ab imperio.* 2001, № 4; *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

⁶⁰ *Латин А.В.* Армия империи – империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил в России в XVI – начало XX вв. // *Ab imperio.* 2001. № 4; *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо». Запад и военная элита России. 1900–1914. М., 2001.

Тот факт, что утрата лояльности финнов не укрепляет, а ослабляет безопасность северо-западных границ России как правило игнорировался, так сильно было воздействие многократно повторявшихся слов о военных причинах русификации. Однако, есть и точка зрения, согласно которой, военную организацию финнов стали реформировать именно тогда, когда реальной угрозы в той области не существовало, и в целом военную реформу предопределили политические, а не военные задачи унификации⁶¹.

В этом же исследовательском кластере анализировалась активное рабочее и **революционное движение** в Финляндии, выступающее угрозой самодержавию и требующее подавления. Однако совершенно очевидно, что если оно и было среди причин политики русификации, то только на втором ее этапе (при Столыпине). Ни о каких революционных угрозах в ВКФ в к. 1880-х – 1890-х гг. не может идти и речи. В работе финского историка хорошо показано, что даже в к. 1900-х гг. в Петербурге было известно об отсутствии реальной угрозы, исходившей от окраины⁶². Революционность ВКФ была следствием политики русификации, а не ее причиной.

Общий экономический детерминизм советской историографии проявился в активном изучении **экономических аспектов** русско-финляндского конфликта⁶³. Корни этого подхода уходили в позицию, которую занимал по национальному и, в частности, по финляндскому вопросу, В.И. Ленин. При характеристике политики русификации в Финляндии он исходил из следующих базовых положений. Природа и сущность национальной политики определяется социально-экономическим строем, господствующим в стране. Российское государство н. XX в. является капиталистическим по своей

---

⁶¹ Суни Л.В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982. С. 10–23. См. также: Игнатъев А.В. Балтийский вопрос во внешней политике России. 1905–1907 годов // Вопросы истории. 1986. № 3.

⁶² Куяла А. Россия и Финляндия в 1907–1914 гг.: планы введения военного положения // Отечественная история. 1998. № 2. С. 70–72.

⁶³ Бобович И.М., Китанина Т.М. Русский хлебный экспорт и рынок Финляндии во второй половине XIX – начале XX вв. // Труды советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1988. С. 76–81.

природе, совмещающим ряд как прогрессивных черт (что позволяло назвать его империалистическим), так и архаических (самодержавная форма правления). Следовательно, инициатором притеснения Финляндии являлось самодержавие, преследовавшее главную цель – удержаться у власти, но в основе его политики лежали экономические интересы тех социальных сил, которые оно представляло. Это дворянство (правда, чем объяснялась антифинляндская позиция русских помещиков, Ленин предпочел не конкретизировать) и буржуазия (у нее он отмечал двойную цель – стремление к экономической эксплуатации Финляндии – российской колонии; и подавление уже достаточно развитого финского пролетариата)⁶⁴.

После изучения таких сюжетов, как: экономические интересы российской буржуазии в Финляндии, конкуренция на бумажном рынке, вопрос о реальной возможности части промышленников влиять на правительственный курс, борьба за протекционистскую таможенную политику на финской границе, – был сделан вывод весьма общего характера, что позицию российской буржуазии при изучении причин и движущих сил политики русификации не учитывать нельзя. Вполне в русле ленинской теории империализма разрабатывался тезис о лоббировании антифинляндской политики русскими помещиками, но доказать их последовательное влияние так и не удалось⁶⁵.

Буржуазия действительно была заинтересована в политике, ущемлявшей, в определенной степени, интересы финляндских конкурентов⁶⁶.

---

⁶⁴ Ленин В.И. Политическая борьба и политиканство // Полное собрание сочинений. Т. 7. С. 34–35; Он же. Поход на Финляндию // Полное собрание сочинений. Т. 19. С. 219; Он же. Царь против финского народа // Полное собрание сочинений. Т. 24. С. 301–304.

⁶⁵ Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой октябрьской социалистической революции (эпоха империализма). Л., 1968. С. 80, 155.

⁶⁶ Ахвенайнен Й. Бумажная промышленность и российский рынок в 1885–1913 гг. В кн.: Россия и Финляндия. Торговля, промыслы, крупная промышленность. Л., 1981; Корнилов Г.Д. Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX – начале XX вв. (1885–1914). Авт. дисс. на степень канд. ист. наук. Петрозаводск, 1968; Летенков Э.В. «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX в. Л., 1988; Ошеров Е.Б., Суни Л.В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986; Суни Л.В.

Однако, она не обладала определяющим влиянием на правительство⁶⁷. Тезис об определяющем значении буржуазии в определении внутренней политики происходил не из анализа реального удельного веса капиталистических элементов в социальной структуре общества и демонстрации механизмов их влияния, а из ленинской схемы, в которой он уже в силу признания империалистического характера российского государства не требовал доказательств.

По факту выяснилось, что финляндская политика самодержавия в экономическом отношении носила противоречивый и незаконченный характер, вызывала постоянное недовольство промышленных и финансовых кругов, и в итоге так и не удовлетворила их основные требования⁶⁸. Лобби промышленных кругов некоторые исследователи считают скорее помехой русификации, чем ее причиной⁶⁹. Этот вывод плохо соотносится с признанием определяющего влияния буржуазии, которое проистекало из ленинских работ.

Конфликт в области **карельского вопроса** как возможная причина русификации досконально исследован в работах Марины Витухновской. В ее концепции он является одной из производных конкуренции различных национальных проектов – финляндского и русского/имперского. В частности, она отмечает факт финской пропаганды среди российских карел, совпавшей по времени с активизацией русского национализма, что привело к усилению процессов русификации на этих территориях⁷⁰. Как и в случае с

Русско-финляндский таможенный тариф 1885 // Вопросы истории. Сб. ст., Вып. 1, Петрозаводск, 1961.

⁶⁷ *Вест Дж. Л.* Буржуазия и общественность в предреволюционной России // История СССР. 1992. № 1; *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974.

⁶⁸ Ахвенайнен Й. Указ. соч. С. 79; О крахе замыслов таможенного объединения см.: *Райконен Е.Е.* Таможенное законодательство Великого княжества Финляндского. СПб., 1996.

⁶⁹ *Ошеров Е.Б., Суни Л.В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986. С. 6.

⁷⁰ *Витухновская М.* Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социально-экономические различия российской и финляндской Карелий как фактор национальной политики // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 116.

революционным фактором, спорами вокруг Карелии можно частично объяснить лишь вторую волну русификации.

Идеологические причины. Этот аспект был артикулирован в творчестве экспертов явно и четко, однако парадоксальным образом практически не воспринят исследователями. Творцы финляндского вопроса в российском общественно-политическом пространстве обращали особенное внимание на появление теории об особом государстве в творчестве финляндских националистов и прямо постулировали необходимость симметричного ответа (не говоря уже о прочих идеологических мотивах, которыми они объясняли правильность политики русификации). Применительно к рассматриваемому периоду в предмет рассмотрения очевидно должна попадать и националистическая парадигма. Однако, все, что так или иначе связано с идеологией, в изучении финляндского вопроса уходило на второй план.

Идеологию называют наиболее недооцененным исследователями фактором российской имперской экспансии⁷¹. Специалисты по внешней политике выделяют идеологические мотивы как порой важнейшие при выработке курса⁷². Но степень и механизмы воздействия идеологических факторов на реальную финляндскую политику в целом анализируются очень мало.

Применительно к советской историографии такое положение дел было вполне понятно. Любая идеология, с точки зрения марксизма, это лишь форма выражения классовых интересов. Национализм трактовался им как выражение интересов буржуазии, как ее инструмент в достижении главной цели – разобщении пролетариата, а потому, хотя за ним и признавали важную роль в финляндской политике царизма, но самостоятельным фактором влияния

---

⁷¹ Схиммельпенник ван дер Ойе. Идеологии империи в России имперского периода // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 212.

⁷² Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо» ... С. 173–174, 183; История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999. С. 343, 346; Игнатьев А.В. Внешняя политика России 1907–1914 гг. Тенденции. Люди. События. М., 2000. С. 33, 39, 47–48.

считать никак не могли⁷³. Поэтому многообразие взглядов по финляндскому вопросу сводилось к описанию «оголтелой шовинистической кампании», раздутой самодержавием (при поддержке дворянских и буржуазных кругов) для обоснования своей империалистической политики⁷⁴. В результате, исследование идеологической подоплеку финляндской политики советскими исследователями носило характер скорее иллюстративный, дополнительный, по сравнению с анализом базисных, «материальных» сторон, а потому и не дало значительных результатов.

В зарубежной историографии XX в. идеологическим мотивам уделяли большее внимание, но непосредственно на изучении «финляндского вопроса» это сказалось мало. Был введен термин «консервативный национализм» и отмечалась причастность этого явления к антифинляндской политике, однако акцент определенно ставился на первом слове, а уровень конкретизации был очень низкий⁷⁵. Влияние собственно националистической доктрины на реальную политику почти не рассматривалось.

Термин «национализм» активно использовался в нескольких работах при характеристике финляндской и национальной политики в целом. Но при этом, как правило, его применяли как оценочное клише, обозначающее идеологическое прикрытие великодержавной политики самодержавия, маскирующее его экономические интересы⁷⁶. Сам по себе, как сложное идеологическое явление, которое, при определенных условиях, может

---

⁷³ Ленин В.И. Еще о «национализме» // Полное собрание сочинений. Т. 24. С. 325; Он же Критические заметки по национальному вопросу // Там же. С. 122.

⁷⁴ Ведерников В.В. Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895–1902). Вестник ЛГУ. 1981. № 8. Вып. 2. Бобович И.М. Указ. соч. С. 27.

⁷⁵ Кеттола Э., Черняев В.Ю. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6; Пайпс Р. Русский консерватизм во второй половине XIX в. // Доклад на XIII международном конгрессе исторических наук 16–23 авг. 1970 г. М., 1970. С. 5; Thaden Edward C. Conservative nationalism in nineteenth-century Russia. Seattle, Univ. of Washington Press, 1964. P. VII; Он же (ed.) Russification in the Baltic Provinces and Finland. Princeton, N.J., Princeton Univ. Press, 1981; Полвинен Т. Указ. соч. СПб., 1997. С. 28. Таден Э. Vol. 8, С. 14.

⁷⁶ Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. М., 1968; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1910 гг. Л., 1978; Кузнецов Н.Д. III Государственная Дума и национальная политика царизма на Кавказе. Авт. дисс. на степень канд. ист. наук. М., 1951.

оказывать самостоятельное воздействие на политическую практику, национализм в этих работах не анализировался. Так, в работах Суни «поход на Финляндию» выглядит как проявление некоей единой политики самодержавия – вписанное в более общий процесс окончательного поворота российской монархии к «реакции»⁷⁷.

В ранней постсоветской историографии идеология национализма последовательно не рассматривалась даже в работах, специально посвященных национальной политике в империи, уступая место более значимым и базисным, с точки зрения авторов, факторам (к примеру, геополитическим или административным)⁷⁸.

Значимым исключением из этой тенденции является итоговая работа одного из признанных специалистов по истории русско-финляндских отношений, О. Юссила. В ней последовательно признается важность идеологического фактора. Его базовая теоретико-методологическая установка настолько важна и для данного исследования, что должна быть процитирована полностью: «Одна из главных идей настоящей работы, идущая вразрез с материалистической трактовкой истории, состоит в том, что именно идеи, идеологии и модели мышления двигают людьми и заставляют их действовать именно так, а не иначе. Поэтому в истории так важно изучать именно возникновение и развитие этих идей и идеологий»⁷⁹. И все же именно в этом аспекте, на наш взгляд, проявилась и признаваемая им самим «эпизодичность» его работы. Подробно изучая процесс возникновения и развития «идеи финляндской государственности» и реакцию на нее со стороны России, в правовом конфликте финляндских и русских политиков, юристов, историков и общественных деятелей, О. Юссила сам недостаточно отстранился от этого спора, хотя и очень старался не выбирать между Гельсингфорсом и Санкт-

---

⁷⁷ Ошеров Е.Б., Суни Л.В. Финляндская политика ... С. 153–154.

⁷⁸ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1998; Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины. М., 1997.

⁷⁹ Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 гг. Хельсинки, 2009. С. 21.

Петербургом. Его по-прежнему больше интересует, кто же – финны или русские – больше приблизились к объективной истине и были более правы в трактовках Основных законов, нежели конкретные причины и проявления мышления и действий представителей обеих сторон.

Складывается ощущение, что, повествуя о М.Н. Каткове, К.Ф. Ордине, М.М. Бородкине, о высших чиновниках и бюрократах Империи, и, наконец, о самих императорах, как конечных и определяющих инстанциях принятия решений по Финляндии, О. Юссилла все же недооценивает их реальную роль в зарождении и решении финляндского вопроса. Он упоминает, разумеется, о консерватизме и национализме, периодически уделяя внимание логике и основным пунктам программы «пожирателей Финляндии», однако больше концентрируется на том «что» они говорили и правы ли были при этом, а не на том, «почему» они это делали, какова была их внутренняя логика, «привычки мышления».

В работе Юссиллы четко показан принципиально важный тезис о роли польского восстания 1863 г. в кристаллизации идеологического конструкта «единой и неделимой России» и его становлении в качестве государственной идеологии. Блестяще демонстрируя важность идеи о принципиальной вариативности исторического процесса на конкретных примерах из области русско-финляндских отношений, Юссилла часто оставляет открытым вопрос о том, почему же, собственно, победил тот или иной вариант развития событий. Почему Александр III все же предпочел активную стратегию унификации княжества, почему не победила компромиссная линия, представленная фон Деном и Р. Германсоном, – эти важнейшие вопросы оставлены в монографии без ответа. Во вводной части О. Юссилла пишет, что «действительной ход истории зачастую зависел от случая», признавая, что «то, почему из многих возможных был избран тот или иной вариант, зачастую объяснить невозможно»⁸⁰. Нам представляется, что на этот вопрос может быть дан иной,

---

⁸⁰ Юссилла О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 гг. Хельсинки, 2009. С. 17.

более оптимистичный ответ. Именно этот момент, отчасти, является оправданием очередного обращения к проблемам финляндского вопроса, предпринятого в настоящем исследовании.

Последние двадцать лет были ознаменованы резким всплеском интереса к имперской и националистической проблематике применительно к истории России. Сам факт повышения влияния националистической идеологии при двух последних императорах постепенно признается в исследовательской литературе⁸¹. Чаще стало упоминаться распространение националистических воззрений среди правящей элиты, а «официальный» или «консервативный национализм»⁸² был назван одной из причин политики русификации. Попытки посмотреть на символическую сторону взаимоотношений финнов и русских в н. XX в. в контексте столкновения двух модификаций национализма в общем культурном пространстве империи по-прежнему остаются единичными, что только повышает ценность этих исследований⁸³. Так, М. Витухновская отмечала значительный рост финского национального движения в XIX веке⁸⁴. Уже ею была отмечена «вписанность» финского национального проекта в типологию Мирослава Хроха: за этот период он успел перейти из фазы А (пробуждение интереса небольшой группы интеллигенции к языку и культуре народа) в фазу С (когда национальная идея получает массовую общественную поддержку). Как указывает М. Долбилов, все больше исследователей «склоняются к трактовке национализма не как идеологического отражения «естественно» сложившейся нации, но как креативного проекта нации ... как символически ориентированного способа осмысления и сотворения

---

⁸¹ Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Том 3. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2016. С. 187.

⁸² *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. СПб., 2000. С. 11–12, 226.

⁸³ *Кудрявцева Л.* Борьба за «место памяти» в империи: история памятника основателя Выборга Торгильсу Кнутссону // *Ab imperio*. 2004. № 4; *Илюха О.* Проект «Образ Финляндии в России» // *Ab imperio*. 2003.

⁸⁴ *Витухновская М.* Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социально-экономические различия российской и финляндской Карелий как фактор национальной политики // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 114.

социального мифа»⁸⁵. Перекликается с мнением Долбилова оценка Ф.Б. Шенка: «нации стали все больше рассматриваются не как «естественные» формы существования, а скорее как продукты процессов коммуникации»⁸⁶. Им вторит Р. Суни: «нации не являются естественными продуктами исторического развития и не есть извечно существующая данность. Они представляют собой результат упорной созидательной работы интеллектуальной и политической элиты»⁸⁷. Это смещает исследовательскую оптику на творцов национализма – и националистической политики. Однако, пока нет ни одного серьёзного исследования, специально анализирующего эти сюжеты применительно к Финляндии.

Настоящее исследование попадает в проблемное поле изучения империй, становления национальных государств и роли национализма в этом процессе. Частным случаем данного направления является теория ориентализма и *imperial-studies* – сюда попадают все сюжеты, связанные с взаимодействием ученых и научного знания с властью и политикой⁸⁸, описание «национальных вопросов» под определенным углом и все попытки манипулирования посредством этого описания. Это и узнавание собственно властными элитами «чужих» инородцев, оказавшихся под их руководством – и работа с общественным мнением, создание позитивного образа имперской власти, самого идеала имперских отношений. Уже сделана попытка трактовать восприятие Финляндии российской правящей верхушкой в рамках колониального дискурса⁸⁹.

---

⁸⁵ Долбилов М. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 228.

⁸⁶ Шенк Ф.Б. Политический миф и коллективная идентичность: миф Александра Невского в российской истории (1263–1998) // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 143.

⁸⁷ Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и «теория» империи // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 11.

⁸⁸ Кемпбелл Е. К вопросу об ориентализме в России (во второй половине XIX – начале XXв.) // *Ab imperio*. 2002. № 1. С. 317–318; Эткинд А. «Бремя бритого человека» или внутренняя колонизация России // *Ab imperio*. 2001. № 3. С. 268.

⁸⁹ Hirvisaho Iida Katariina. A Stepchild of the Empire. Finland in Russian Colonial Discourse. LA, 1997.

Пока недостаточно исследованными остаются такие сюжеты, как история возникновения и эволюции самой национальной политики в Российской империи, процесс выработки ее языка и методов, осознания во власти и в обществе тех или иных ее проблем. Настоящая работа была написана с учетом той интеллектуальной традиции, которая особенное внимание уделяет не только идеям, но и лингвистическим средствам, с помощью которых эти идеи выражаются. Применительно к отечественному материалу отмечают тенденцию смещения внимания от истории идей к «истории языка, которым писали мыслители, к языковым конвенциям, которые влияют на то, как концептуализируется политика и на то, как легитимируются ее практики и институты»⁹⁰. Как и в случае с теоретическим багажом в изучении национализма, эту традицию невозможно не учитывать, даже если она не имеет прямого отношения к изучению истории русско-финляндских отношений.

Надо отметить, что несмотря на популярность изучения национализма в последние годы, в отечественной, и в западной историографии сохранилась общая привычка скорее недооценивать степень распространения и влияния русского национализма как идеологии (приведем в пример характерную оговорку: «русский национализм (если он вообще был)»)⁹¹. Так, в статье Д. Роули освещается история развития русского национального самосознания и сделан вывод об отсутствии русского национализма в его современной форме, что было вызвано имперским контекстом российской истории⁹². Не случайно даже в работах, непосредственно посвященных русскому национализму, не ставится вопрос о влиянии националистического дискурса на политику властей, а сам национализм выступает как слабо

---

⁹⁰ *Миллер А.И.* «Народность» и «нация» в русском языке XIX в.: подготовительные наброски к истории понятия // *Российская история*. 2009. №1. С. 159.

⁹¹ *Хэфнер Л.* «Конституционно-демократическая партия не менее твердо держится принципа единства и нераздельности России»: либерализм и национализм в российской провинции. // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 93.

⁹² *Rowley, D.* Imperial Vs. National Discourse: The Case of Russia // *Nations and Nationalism* 6:1 (2000). P. 23–42.

отрефлексированный, неразвитый, и практический идентичный традиционным консервативным настроениям все тех же дворянско-аристократических элит (даже специально оговорено его применение «для терминологического удобства»⁹³). Тем самым линия на общее отождествление его с консерватизмом пока еще продолжается.

С предыдущим проблемным блоком тесно связан **вопрос об авторстве политики унификации и русификации ВКФ**. В свою очередь, он включает в себя и более частный аспект **о роли прессы и печатных изданий в выработке политики русификации**. Александра Коллонтай первая отметила уникальное существование финляндского вопроса в публичном пространстве, на стыке взаимодействия различных группировок во власти и среди различных общественных сил⁹⁴. Этот вывод оказался не востребован вплоть до самого последнего времени. Если для авторов очевидны «рациональные причины» обострения отношений с краем, они закономерно видят именно в самодержавии инициатора и основного игрока на этом поле, а активность и ориентацию прессы – объясняют полной подконтрольностью и запросом со стороны властей. Так, по мнению Л.В. Суни, труды Ордина, Бородкина, Еленева были призваны «обосновать и поддержать усилия самодержавия»⁹⁵. Ключевую дилемму здесь можно сформулировать как «власть vs общество»: монархия с опорой на бюрократию, которая пришла к политике русификации в процессе решения практических задач по управлению страной либо определенные общественные силы, которые имели свои представления о правильной политике на национальных окраинах и пытались лоббировать ее

⁹³ *Елисеев А.В.* Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX века. Авт. канд. дисс. М., 1997. С. 6–7, 12–20; *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 495–496, 498; *Он же.* ВНС. Формирование организационно-идейных основ (1907–1917). Авт. дисс. на степень канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 15–18.

⁹⁴ *Коллонтай А.* Общественное движение в Финляндии. // Общественное движение в России в начале XX века. СПб, 1912.

⁹⁵ *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое ... С. 6.

как в общественно-политическом пространстве, так и непосредственно в зоне практической политики.

Изучение этой проблемы точно так же уходит корнями в период непосредственного развития финляндского вопроса. Параллельно событиям, сопровождавшим обострение отношений с княжеством, в информационном пространстве как России, так и Финляндии ставились вопросы, кто же виноват в обострении, кто и почему толкал этот маховик. При этом именно финляндская сторона была особенно заинтересована в поиске виновных, называла их имена, связывала с определенной идеологией. Поэтому в финской историографии в целом отчетливее, нежели в русской, высказана мысль о важнейшей роли конкретных лиц определенного идеологического направления в инициировании финляндского вопроса. В русской традиции чаще фигурирует абстрактная «общественность», которую по непонятным причинам слушалась власть. В частности, Р. Нумминен указывает на то, что российская политика после манифеста 12 июня 1890 года «вдохновлялась поддержкой панславистов» и отмечает, что это и привело, в конечном итоге, к напряженности между окраиной и центром. В 1908–1918 гг. «поначалу причиной всех бед считался не сам Столыпин, а все те же бобриковские чиновники, которые его окружали»⁹⁶. Юттикала отмечал, что «укрепление автономии Финляндии произошло в то время, когда в России получили распространение националистические идеологии, подчеркивающие значение языка и расы». Он же четко связывает «наступление на Финляндию» с деятельностью Ордина и Бородкина. По его мнению, предел «националистическому течению» был поставлен Александром III, и максимумом, достигнутым националистами, осталось объединение финляндской почты с российской. Однако, ситуация коренным образом поменялась при Николае II, когда «националисты получили доступ к

---

⁹⁶ Нумминен Р. П.А. Столыпин в истории Финляндии // На пути к революционным потрясениям. СПб. –Кишинев, 2001. С. 233, 235.

формированию политики в финляндском вопросе»⁹⁷. Но и в финской историографии нет опыта последовательного анализа и оценки влияния националистов (или любых других конкретных лиц, не имевших непосредственного отношения к княжеству в силу должностного положения) на развитие финляндского вопроса. Например, в концепции Полвинена ведущая роль оказывается у власти, которая в условиях внутреннего отставания и жесткой внешнеполитической конкуренции должна была найти нечто скрепляющее империю изнутри. Участие Каткова отмечено им, но вопрос соотношения ролей власти и общества в данной области не поставлен⁹⁸. Роль «консервативно-националистических кругов», для которых Финляндия очевидно стала выпадать из гомогенного пространства империи, выделена⁹⁹. В качестве одной из причастных фигур назван Ф.Л. Гейден, который в 1881 г. предложил систему мер, направленных на более тесное объединение края с Россией. Однако, Полвинен цитирует Швейцера, который считает, что власть лишь делала уступки консервативным националистам в финляндском вопросе, желая «успокоить их» и одновременно сохранить с финнами хорошие отношения – что продолжалось даже в первые годы правления Николая. Акценты в его работах последовательно расставлены на инициативе именно автократии, власти в финляндском вопросе, требования «консервативно-националистической прессы» выглядят вторичными¹⁰⁰. Бородкин фигурирует в его работе как важная персона, «друг и помощник» представителей власти, но не более того¹⁰¹.

В советской историографии довольно единодушно отмечалась активная реакция различных социальных слоев на русификаторский курс, отразившаяся в появлении значительного количества публикаций и материалов по

---

⁹⁷ Юттикала Э. История Финляндии с древнейших времен до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 58.

⁹⁸ Полвинен Т. «Держава и окраина» ... С. 24.

⁹⁹ Там же. С. 25–26, 28.

¹⁰⁰ Там же. С. 26–27, 30–31.

¹⁰¹ Там же. С. 69 и др.

финляндскому вопросу. Констатировалось, что сложился определенный круг авторов, постоянно поднимающих эту тему. Имели место попытки классификации основных общественных позиций и, в соответствии с ними, типов периодических изданий¹⁰². Однако никаких фундаментальных выводов касательно роли этого круга авторов сделано не было. Главным творцом политики в Финляндии единодушно считалось самодержавие – в максимально широком толковании этого слова. Однако, в историографии присутствует и линия, пытающаяся связать публичность финляндского вопроса и мотивы самодержавия. Так, в работе В.П. Обнинского¹⁰³, вышедшей в Берлине в 1912 г., впервые отмечалась не просто связь внутренней политики в России и в Финляндии, но и сознательное стремление властей решить некоторые внутриимперские проблемы за счет последней («поднятие своего престижа за счет угнетения слабейшего соседа»). Полвинен отмечал инструментальный характер националистической идеологии (называя политику в национальном вопросе «действенным средством отвлечения внимания населения от нерешенных общественных проблем»)¹⁰⁴.

В современных работах эта ситуация во многом сохраняется. Так, исследователи могут признать, что общественное мнение «являлось важнейшим компонентом процесса принятия решения на официальном государственном уровне». Но при этом позиция представителей общества выводится из влияния на них политики властей, не конкретизируется кто же входил в это «мнение» и не упоминается о том, что собственно давление правых кругов и совершенно определенная позиция их относительно княжества сложилась задолго до прихода Бобрикова в Гельсингфорс и

---

¹⁰² Андронов С.И. К. Ордин о возникновении государственной автономии Финляндии // Петрозаводский университет. Уч. зап. Т. 16. Вып. 7. Петрозаводск, 1986; Ошеров Е.Б. Политика царизма в Финляндии в освещении русской печати (1890–1899) // Петрозаводский университет. Уч. зап. Т. 16. Вып. 7. Петрозаводск, 1986; Тейстрепе У.В. «Финляндский вопрос» в политике царизма в конце XIX – начале XX вв. Авт. дисс. на степень канд. ист. наук. Тарту, 1980.

¹⁰³ Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора российского Николая II. М., 1992.

¹⁰⁴ Полвинен Т. «Держава и окраина» ... С. 20.

активных действий государственной власти¹⁰⁵. Например, в недавно опубликованной диссертации по отражению образа финнов в материалах консервативной и либеральной прессы ее автор В.П. Жабоедов-Господарец подробно разбирает присутствие национального вопроса в программах правых и центристских партий и последовательно рассматривает отражение определенных тем, связанных с ВКФ, на страницах печати. Он анализирует складывание образа народа и княжества как устойчивого феномена массового сознания, выделяет его составные элементы, говорит о важности изучения основных полемических средств (темы, жанры, сюжеты) для характеристики образа финнов. Образ финнов на материалах прессы проанализирован во всей своей полноте, сделан вывод о его «демонизации», что является неоспоримым достоинством данной работы. Вопрос о конкретных людях, которые стояли за этими публикациями и тем более, их роли в развитии финляндского вопроса в данной диссертации не поднимался¹⁰⁶. В целом, активное участие прессы все же признается вторичным по отношению к политике правительства. Общий вывод по мотивам и идеологической базе противников финляндской автономии лежит в достаточно традиционном русле «выпады правых и октябристов были основаны на великодержавном шовинизме, превосходстве метрополии над окраиной и вытекающем подчиненном положении последней». Автор отмечает, что финляндский вопрос являлся одним из воплощений национальной политики конца XIX – начала XX столетия, ядром которой стала русификаторская политика в отношении окраин» – тем самым не затрагивая тему причин и движущих сил, лежавших в основе этой политики¹⁰⁷.

---

¹⁰⁵ Кудрявцева Л. Борьба за «место памяти» в империи: история памятника основателю Выборга Торгильсу Кнутссону // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 420–421, 423.

¹⁰⁶ Жабоедов-Господарец В.П. Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати: 1905–февраль 1917 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2016. С. 4–5, 17–18, 26.

¹⁰⁷ Там же. С. 193, 195.

В работах М.А. Витухновской анализируется присутствие финляндского вопроса в публичном поле и подробно аргументируется мысль, что в основе различий отношения к Финляндии тех или иных групп российского общества лежали в первую очередь их взгляды на развитие России, ее настоящее и будущее¹⁰⁸. Автор настоящей работы солидарен с ее выводом о том, что дискуссия вокруг проблем края была фактическим отражением борьбы вокруг парадигмы модернизации в обществе, а сам финляндский вопрос в определенной мере – конкуренцией двух «национальных проектов».

Привлекались также исследования, не рассматривающие непосредственно финляндский вопрос, однако позволяющие извлечь полезную информацию о национальной и внутренней политике самодержавия в целом, а также о роли идеологических мотивов в выработке общего курса¹⁰⁹.

Подведем итоги. Историография финляндского вопроса долгое время находилась под влиянием двух политических сил: представителей русского национального движения, которые принимали непосредственное участие в его зарождении и развитии, и создали массу публицистических работ в обоснование проводимой политики унификации в крае, а с другой стороны – представителей левого движения (Ленин и его последователи), для которых важнее было обвинить самодержавие в проведении «антинародной» политики, нежели выяснить его подлинные мотивы (которые к тому же помещались, в силу следования догмам марксизма, исключительно в материальную сферу). В результате основным творцом политики унификации и русификации Финляндии считалось абстрактное «самодержавие», а его мотивы объясняли

---

¹⁰⁸ Витухновская М.А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX вв. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 92.

¹⁰⁹ Asher A. P.A. Stolypin. The Search of Stability in Late Imperial Russia. Stanford. 2001; Revolutionary Russia. Ed. by R.Pipes. NY. 1968; Seton-Watson H. Russian Nationalism in Historical Perspective // The Last Empire: Nationality and the Soviet Future. Stanford, 1986; Кантелер А. Национальные движения и национальная политика в Российской империи: опыт систематизации (XIX век – 1917 год). В кн.: Имперский строй России в региональном измерении. М., 1997.

почти исключительно рациональными соображениями либо абстрактными ярлыками («великодержавие»). Нелогичность политики монархии объясняли «кризисом самодержавия». Практически совершенно не изучалась ни внутренняя, ни официально провозглашаемая мотивация самодержавия/лиц причастных к выработке финляндского курса. Соответственно полностью не исследованной оказалась идеологическая доктрина, положенная в его основу, как и все дискурсивные сюжеты, связанные с её формулированием и пропагандой.

За последние четверть века была проделана огромная работа по изучению отдельных сторон российско-финляндского конфликта. Увеличилось внимание к идеологической стороне конфликта, рассмотрению его в контексте развития национальных проектов и проблем определения имперской стратегии. Вместе с тем, современная историография пока не предложила исчерпывающего объяснения причин политики русификации в Финляндии¹¹⁰. Вопросы об «авторстве» финляндской политики, о соотношении ролей властей и общества в принятии соответствующих решений, о мотивированности действий властей интересами тех или иных социальных групп остаются пока открытыми – что делает обращение к этим вопросам оправданным.

І. Финляндский вопрос как феномен общественно-политической коммуникации в России второй половины XIX – начала XX века

Финляндский вопрос традиционно понимается как политика унификации и русификации ВКФ, которая реализовывалась с начала 1890-х гг. вплоть до Первой мировой войны. Историки видели в этом вопросе, в первую очередь, конкретные политические решения и искали их рациональные причины. Освещение финляндских проблем в прессе

---

¹¹⁰ Дубровская Е.Ю. Первая мировая ... С.171.

трактовалось как простое отражение политики самодержавия, естественное для любой информационной системы (есть событие – должно быть и его освещение в прессе). Факт особенной активности в этой теме консервативных изданий объяснялся их стремлением обеспечить генетически близкому режиму информационную поддержку.

Политические шаги, которые были предприняты российскими властями в отношении княжества в последние десятилетия существования Империи, неоднократно становились объектом исследования и очень хорошо изучены. При этом те особенности финляндского вопроса конца XIX – начала XX вв., которые не вписывались в концепцию рационального выбора монархии, не только не получили своего объяснения, но вообще не формулировались как значимые. Сформулируем их следующим образом:

1. Отсутствие практической пользы от действий имперских властей в ВКФ, иррациональность антифинляндской политики;
2. Развитие финляндского вопроса в первую очередь как медийного феномена (факт рождения его в публицистике Михаила Каткова, организация широкомасштабных антифинляндских кампаний в прессе, массовый выход исторических и юридических сочинений по проблемам окраины, принципиальная публичность при освещении даже самых не популярных мероприятий в ВКФ – осуществляемых или только запланированных).

Рассмотрим их подробнее.

§ 1. Особенности политики монархии в Великом княжестве Финляндском: иррациональность vs прагматизм

В области реальной политики Петербург вплоть до конца 1880-х гг. не предпринимал никаких шагов, которые противоречили бы имперской стратегии сохранения лояльности ВКФ. Александр III не особенно одобрял финляндские особые права, но ограничивать их не торопился. Поворот в сторону унификации княжества произошел достаточно внезапно в 1890 г. До сих пор не предложено убедительных версий его причин (этот вопрос будет рассмотрен ниже). Александр III неожиданно заблокировал принятие проекта

нового финского уголовного уложения. Были основаны комиссии по унификации отдельных отраслей государственного управления. Речь пока не шла об уничтожении автономии – но имперские власти начали движение в этом направлении¹¹¹. Нет смысла здесь описывать его подробно. Но, на наш взгляд, стоит проанализировать эффективность и непосредственные результаты этой политики.

Первый этап по ограничению имперской властью особых прав Финляндии был завершён работой Особого совещания по финляндским делам под председательством Н.Х. Бунге (1891–1893). Ключевой вывод Совещания – признание вопроса об основных законах Финляндии прерогативой русской государственной власти¹¹². Это никак не повлияло на реальное положение дел в крае. Был основан отдел свода законов княжества при Государственной канцелярии и комиссия по систематизации его законов. В конечном итоге Александр III предпочёл не давать ход делу об общегосударственном законодательстве, что по редкому совпадению признавалось в документах как финляндского, так и российского происхождения¹¹³. Единственным практическим итогом деятельности Совещания стало ужесточение цензуры в крае с 1893 г. Целый ряд проектов унификации того времени будет частично реализован правительством только в 1907–1910 гг. О практическом объединении финансовых и таможенных систем (предмет заботы правительства с 1890 г.) нельзя было говорить и в начале 1910-х.¹¹⁴ Как

---

¹¹¹ В частности: приняты манифесты об образовании комиссий по объединению русской и финляндской денежных систем, таможни и почты; приостановлено новое финляндское уголовное уложение, ограничен объём полномочий финляндского статс-секретаря; русским дарованы права покупки недвижимости в крае; стали менять финских чиновников на русских в аппарате финляндского генерал-губернатора и в статс-секретариате.

¹¹² *Бородкин М.М.* Краткая история Финляндии. СПб., 1911. С. 64.

¹¹³ В том числе, в профинской публицистике и в составленной исторической справке Н.Д. Сергеевского. См. напр.: Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший манифест от 3–15 февраля 1899 г. Официальные документы, реляции, газетные и журнальные статьи и прочее. Берлин, 1901. С. 4; Об издании законов государственных. Записка Н.Д. Сергеевского // Россия. Государственный совет. Временные организации. Дополнение. Материалы. Т. 79. СПб., 1910. С. 1–2.

¹¹⁴ *Майков П.М.* Финляндия. История и культура. Её прошедшее и настоящее. СПб., 1911. С. 398, 401. См. также о провале постановления об объединении почтовых ведомств в:

отмечали финляндские противники унификации, реформа почтового ведомства не принесла Империи никакой практической выгоды, как и все первичные меры по ограничению автономии в целом¹¹⁵. Непоследовательность и крайне невысокий темп проведения в жизнь политических решений по интеграции финляндского княжества в российский имперский организм навсегда останется характерной чертой русской правительственной политики в этом вопросе.

Николай II, как и его отец, начал царствование с обещания хранить «основные законы, права и преимущества» княжества «в нерушимой и непреложной их силе и действии»¹¹⁶. Он признал особые права Финляндии и констатировал, что «великодушным изволением русских государей» ей «даровано широкое внутреннее самоуправление»¹¹⁷. Он сделал это довольно легко, не задумываясь в тот момент о каких-то противоречиях с общим направлением правительственной политики¹¹⁸.

Новый виток мероприятий по ограничению прав края начался в 1898 г. Он совпадает с «первым периодом угнетения» по версии финской историографии и с периодом генерал-губернаторства в крае Н.И. Бобрикова (вплоть до убийства последнего в 1904 г.). Отдельные мелкие постановления 1890-х, направленные на унификацию края, не идут ни в какое сравнение с воздействием на русско-финские отношения манифеста от 3 февраля 1899 г. Остановимся на истории этого акта и его последствиях несколько подробнее.

Манифест был разработан с опорой на результаты работы уже упоминавшейся комиссии Н.Х. Бунге. Согласно документу, вопросы,

---

Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997. С. 171.

¹¹⁵ *Мехелин Л.* К вопросу о финляндской автономии и основных законах. Критика брошюры Н.Д. Сергеевского. Берлин, 1903. С. 133–134; *Он же.* Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор. СПб., 1908. С. 75.

¹¹⁶ Высочайшие Манифесты Российских императоров о сохранении особых прав Финляндии. В кн.: *Шиловский П.* Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 15.

¹¹⁷ Проект Председателя Совета министров о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения. СПб., 1910. С. 2.

¹¹⁸ *Аренберг Як.* Из новейшей истории Финляндии // *Голос минувшего.* 1916. № 9. С. 169.

имеющие общегосударственное значение, изымались из юрисдикции финляндского сейма. С этого момента российское правительство имело право издавать законы, обязательные для исполнения в княжестве, но не одобренные в нём. Сейм, тем самым, из законодательного органа превратился в совещательный, а Финляндия лишалась статуса личной унии¹¹⁹. Несмотря на всю значительность этого акта, в нем не были выработаны четкие критерии, позволяющие отделить те вопросы, которые требовали вмешательства имперских властей от тех, которые имели местное значение и оставались в компетенции сейма.

Акт стал нормативной базой манифестов от 7 июня 1900 г. (признание русского языка основным в деятельности всех правительственных учреждений края, кроме судов) и 1901 г. (ликвидация автономного войска в крае: финляндские стрелковые батальоны распускались, а жители должны были служить в русских войсках)¹²⁰. Больше на основании этого документа не было принято ни одного законодательного акта. Очевидно, что именно закон о ликвидации отдельного войска был непосредственной целью принятия манифеста от 3 февраля 1899 г. В околоправительственных кругах ходило мнение, что решение по военному закону принято было ещё до его рассмотрения. Позицию противников закона, среди которых был С.Ю. Витте, учитывать не стали.

«Манифест пришелся финнам не по нутру», – отмечали современники. – «Всюду полное уныние. В Финляндии полный траур...Все женщины и мужчины в трауре, в магазинах только черные вещи выставлены»¹²¹. В.Г. Короленко оценивал суть февральского манифеста следующим образом: «привилегии княжества уничтожены. Для чего это было нужно – сказать трудно, во всяком случае, то, что называется «реальной политикой» – здесь совершенно отсутствует. Никогда и никаких действительных конфликтов и

---

¹¹⁹ Уткин Н.И. Россия – Финляндия: «карельский вопрос». М., 2003. С. 40, 52.

¹²⁰ См. полный текст манифеста в кн.: Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины. М., 1997. С. 76.

¹²¹ Богданович А.В. Указ. соч. С. 231–232, 261.

столкновений финляндского права с русскими интересами не происходило. Газетная агитация, пустое и чванное «национальное самолюбие» – давно уже сражаются с Финляндией... традиционная «лояльность» финского общества и народа перейдет в скрытую ненависть, на которую и будут «до времени» накапливаться проценты»¹²². Короленко лично никак не был заинтересован в финляндском вопросе, его отзыв – свидетельство стороннего наблюдателя. Подчеркнем в приведенном отрывке акцент Короленко на медийной составляющей в развитии финляндского вопроса и непонимание им самой логики правительства.

Обычно издание этого закона называют гранью, за которой полная нормализация отношений с обычно лояльными финнами стала уже невозможной¹²³. В княжестве прошли многочисленные митинги, были организованы петиции протеста. Широкие массы ранее лояльного финляндского населения познакомились с «сепаратистскими теориями». Произошли явные сдвиги в области восприятия проблем финнов в российской обществе. Стало ясно, что финны утратили расположение официальной власти. Уже в 1897–1898 гг. приглашение финляндских художников к участию в выставке означало даже для относительно далеких от политики общественных кругов «известный уклон» космополитического характера, «нечто, имеющее символично-политическое значение»¹²⁴. В 1899 г. разговоры о Финляндии уже «бесконечно» велись в гостиных, наряду с обсуждением других злободневных проблем¹²⁵.

Впервые актуализировался вопрос о репутационных потерях монархии в результате нарушения финляндских особых прав, которые были

¹²² *Короленко В.Г.* Дневник. 1898–1903. Полтава, 1928. С. 111–112. Запись от 7 февраля 1899.

¹²³ *Рассила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 102. См. резкие оценки, приведенные в издании, генетически связанном со сторонниками автономии: *Растление гельсингфорской полиции.* Берлин, 1902. С. 3–4.

¹²⁴ *Бенуа А.* Мои воспоминания. Кн. IV–V. М., 1980. Кн. IV. С. 187–188; *Обнинский В.П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора российского Николая II. М., 1992. С. 58.

¹²⁵ *Пресняков А.Е.* Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2004. С. 422.

предоставлены теми же самыми монархами. Так, в путеводителе к 1880-х, русский читатель еще мог прочесть следующее: Финляндия представляет собой «конституционную монархию, находящуюся в личной унии с Россией», в стране действуют основные законы 1772 и 1789 гг., «все они санкционированы императором Александром I и всеми последующими»¹²⁶. Действия монархии в конца 1890-х – начала 1900-х будут очевидно идти вразрез с этой линией. Это используют ее политические оппоненты. Так, «Искра» писала о политике насильственного обрусения Финляндии и отмечала, что царь «открыто и всенародно нарушил клятву», называла действия в крае «клятвопреступлением» и «государственным переворотом», осуществленным без всяких видимых причин¹²⁷. Аналогично ситуация оценивалась в финляндской социалистической публицистике¹²⁸.

Напомним, что отдельные современники и исследователи считали лобби военного министерства и саму реформу статуса финнов в имперской армии ключом к пониманию политики русификации в целом¹²⁹. Коротко рассмотрим развитие военного сюжета во взаимоотношениях финляндской окраины и империи с точки зрения оправданности экстренных мер и реальной отдачи от них.

С середины XIX в. и до революции 1917 г. большинство российских военных не видело реальной практической угрозы со стороны Финляндии, которая требовала бы немедленных мер. Такой вывод можно сделать на основании анализа комплекса документов, отложившихся в различных подразделениях Военного министерства. В 1874 г. в издании, составленном при Штабе Финляндского военного округа, описывался сценарий возможной борьбы со шведским десантом – однако это делалось во вполне спокойном

---

¹²⁶ Майков В. Путеводитель по Финляндии. СПб., 1887. С. 1, 6.

¹²⁷ Искра Вып. I. №1 // Искра. Вып. I. 1900–1901 № 1–7. Л. 1925; Искра. № 16–23. 1902 г. № 22. Июль. С. 136; Искра. Вып. II. № 11 // Искра. Вып. II. 1900–1903 № 8–15.

¹²⁸ Лехен. Финляндия. Краткий исторический, политический и военный очерк. М., 1924. С. 9–11.

¹²⁹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 124.

тоне, без намека на возможное предательство финнов, отмечалась лишь необходимость поддержки жителей шхер¹³⁰. Д.А. Милютин, указывая в 1876 г. на потенциальную опасность превращения финляндских военных частей в «совершенно отдельное самостоятельное войско», абсолютно не сомневался в «настоящих верноподданнических чувствах финнов»¹³¹. В 1890 г. А.М. Золотарев (который спустя несколько лет примет участие в организации печатного органа «Окраины России» и будет входить в группу «национально мыслящих» публицистов, пропагандировавших необходимость унификации) подробно охарактеризовал военно-стратегическое положение Финляндии. На тот момент им не было отмечено ничего экстремного. Возможности захвата Финляндии другим государством в целях ослабления России или нападения на Петербург оценивались как чисто гипотетические, и в очень большой степени зависящие от отношения местного населения (которое на тот момент Золотаревым, опять же, оценивалось как лояльное¹³²). В 1890 г. военное ведомство не поддержало меры по объединению вооруженных сил края с общероссийскими, которые предлагали Ф.Л. Гейден и Н.И. Бобриков (оба в разное время генерал-губернаторы края, сторонники унификации)¹³³.

Обратимся к обзорным документам военных ведомств, предназначенным исключительно для внутреннего пользования. Для отчетов, как типа документации, характерен акцент на проблемных и приоритетных направлениях в обеспечении безопасности империи. Ситуация на финляндской окраине описывалась в отчетах в спокойном тоне, а о проблемах, муссировавшихся в связи с финляндским вопросом в прессе, даже не упоминалось¹³⁴. В конце 1890-х гг. составители исторической справки и

¹³⁰ Военное обозрение Финляндского военного округа. Гельсингфорс, 1876. С. 174, 182.

¹³¹ Военное Министерство. Доклад по Главному штабу. 22 мая 1898 г. История составления и утверждения Финляндского устава о воинской повинности. С. 1

¹³² Золотарев А.М. Военно-статистический очерк Финляндии. Курс Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1890. С. I–III, 16–19, 114–125.

¹³³ Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997. С. 40–41.

¹³⁴ Данные за период с 1881 по 1901: Обзор деятельности военного министерства в царствование императора Александра III. 1881–1894. СПб., 1903. С. 1, 10, 32, 35, 60–76, 83,

рекомендаций по изменениям в финляндской воинской организации, не указывали на какие-либо реальные военные опасности в связи с положением ВКФ. Они строили основную аргументацию вокруг *теоретических*¹³⁵ рассуждений о необходимости сближения финских и русских войск, подлинного объединения Финляндии с империей, а также «коренной необходимости моментального и полного следования пожеланиям императоров на этот счет»¹³⁶. Как мы увидим, все эти тезисы переключались в отчеты из консервативной прессы, в которой именно в таких терминах активно обсуждалась принципиальная неприемлемость особых финляндских прав. Единственной реальной проблемой, собственно, в войсках, на которую обращали внимание в конце 1890-х, было слабое владение солдатами и офицерами русским языком, что и предлагалось исправить¹³⁷. Аналогичная ситуация характерна для начала 1900-х гг.¹³⁸. Данные «для внутреннего пользования» в военном министерстве подтверждают наблюдения Л. Мехелина (при всей тенденциозности последнего): «до 1899 г. не возникало затруднений в военных вопросах», русские и финляндские войска действовали

149, 202, 299; РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 1. Главный штаб военного министерства. О командировании войск для предупреждения и подавления волнений. Д. 2103, 2116, 2135, 2167, 2181, 2200, 2221, 2245, 2279, 2300, 2321, 2341, 2383, 2399, 2423, 2442.

¹³⁵ Курсив мой – А.П.

¹³⁶ Военное министерство. Доклад по Главному штабу. 22 мая 1898. История составления и утверждения финляндского устава о воинской повинности. С. 12, 19–20, 26.

¹³⁷ Всеподданнейший отчет военного министерства за 1895 год. СПб., 1897. С. 3–13; Всеподданнейший доклад по военному министерству. СПб., 1896. С. 3, 7, 23, 28–31, 31–42, 52; Всеподданнейший отчет военного министерства за 1897 год. СПб., 1899. Приложение. Отчет о состоянии финских войск. С. 1–14; Всеподданнейший отчет военного министерства за 1898 год. СПб., 1900. Приложение. О состоянии финских войск. С. 1–2, 8; Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1899 год. СПб., 1901. С. 1–3.

¹³⁸ Всеподданнейший отчет военного министерства за 1898 год. СПб., 1900. Приложение. О состоянии финских войск. С. 2, 8; Аналогично – в отчете за 1899 год; Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1900 год. СПб., 1902. С. 3, 8; Всеподданнейший отчет о мероприятиях Военного министерства, выполненных за пятилетие 1898–1902. СПб., 1904. С. 3, 5, 34, 60–61.

совместно; финляндские военные части удостоивались похвалы Монарха и «участие Финляндии в общей обороне было постоянно хорошо и прочно»¹³⁹.

Первый случай упоминания ВКФ как объекта командирования войск для предупреждения и подавления революционных волнений, наряду с губерниями Прибалтики, Польши, Украины, Кавказа и средней полосы России, был зафиксирован весной – летом 1902 г. и до революции ничего существенного зафиксировано не было¹⁴⁰. Обострение ситуации на Балтике в 1905–1906 гг. – факт известный, напрямую связанный как с общими революционными событиями в Российской империи, так и с реакцией финнов на активный период русификации – и являющийся, тем самым, следствием политика правительства, а не ее причиной.

«Внутриведомственным» оценкам ситуации в Финляндии отвечают данные по реальной ситуации в Балтийском регионе в интересующий нас период. Первое десятилетие XX в. на Балтике оказалось более бурным, нежели предшествовавшее. Но, в общем и целом, регион продолжал считаться относительно спокойным, и поддержание status-quo было приоритетной задачей царской дипломатии. В первой половине десятилетия основные военные силы были сосредоточены на азиатском направлении¹⁴¹.

Забегая вперед, отметим, что финны не только не подвергались никакой дискриминации с точки зрения продвижения по бюрократической линии военных ведомств в Петербурге, но работали на постах, дававших доступ к секретным сведениям. В частности, в Академии Генштаба в 1909 г. работал Оскар Карлович Энкель, сын важного финляндского сановника в Гельсингфорсе, – не скрывал своих симпатий к Финляндии и Швеции, хорошо

---

¹³⁹ Мехелин Л. Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор. СПб., 1908. С. 70.

¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 1. Главный штаб военного министерства. О командировании войск для предупреждения и подавления волнений. Д. 2471. По 1906 г. см.: Д. 2746; Общий обзор состояния и деятельности всех частей военного министерства за 1903 год. СПб., 1905. С. 5, 23, 85, 99. В т.ч.: Отчет по главному штабу за 1903 год. С. 10–11.

¹⁴¹ Игнатьев А.В. Балтийский вопрос во внешней политике России 1905–1907 гг. // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 23, 26, 36.

владевший финским и шведским. При этом был помощником правой руки Данилова Николая Монкевица, главы разведывательного отделения, который выполнял «наиболее ответственные и секретные приказания и поручения», «сам составлял и собственноручно перепечатывал на машинке все секретные бумаги на имя начальника Генштаба, военного министра, МИД и пр.»¹⁴².

Обратим внимание на непосредственную отдачу, которую получило имперское правительство от принятия манифеста по ликвидации автономного войска. Из 26000 финнов, подлежащих воинской повинности, на действительную военную службу были привлечены лишь 280 солдат в 1902 г. и 190 в 1903 гг. В 1904 г. контингент новобранцев в крае составил 190 человек¹⁴³. Недовольство вооруженных призывников той страной, которую им предстояло защищать, умножало сомнительность предприятия. Даже в случае превращения Финляндии в театр военных действий, польза от финляндских соединений (которые существовали бы в результате принятого закона о выполнении финнами воинской повинности) была бы невелика – и в силу небольшого количества, и по идеологическим причинам¹⁴⁴. В результате знаменитого «пассивного сопротивления» финляндских призывников, закон этот так никогда и не начал исполняться в том объеме, в котором планировалось при его принятии. В 1908 г. было признано, что восстанавливать расформированные финляндские войска и принуждать их к службе «несвоевременно» и предлагалось заменить эту повинность денежной¹⁴⁵. В Финляндии был введен ежегодный «военный налог» (от 2 до 15 млн финских марок), в качестве компенсации за фактическое неисполнение

---

¹⁴² Самойло А. Две жизни. М., 1958. С. 114.

¹⁴³ ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1496. Особый журнал заседания Совета министров по вопросу о военных платежах Финляндии Государственному казначейству и справки Н.В. Плеве по тому же вопросу. Журнал высочайше учрежденного совещания по делам Великого княжества Финляндского. Л. 4.

¹⁴⁴ Лапин В. Армия империи – империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил в России в XVI – н. XX вв. // *Ab imperio*. 2001. № 4. С. 115. См. также свидетельство, сохранившееся в архиве Военного министерства: нелояльность финнов считалась губительной именно в случае ведения военных действия. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 5. Д. 6891. Ч. II. Л. 120.

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3214. Л. 20, 22.

воинской повинности¹⁴⁶. Вопрос о производстве соответствующих выплат из финляндской казны взамен отбывания финнами воинской повинности разбирался на заседании Государственного Совета в 1911 г. Участники заседания пришли к выводу, что размер выплат недостаточен и сам принцип лишь частично решает проблему уравнивания военно-финансовых тягостей между финнами и остальными жителями Империи, восстановить воинские контингенты, впрочем, не предлагая¹⁴⁷. Император утвердил одобренный Думой и Госсоветом соответствующий законопроект о денежных взносах вместо отбывания финнами воинской службы в начале 1912 г.¹⁴⁸.

В условиях военных действий в Первой мировой войне генерал-губернатор княжества Ф.А. Зейн (вместе с Н.Н. Корево, статс-секретарем Государственного совета, председателем Комиссии для систематизации финляндских законов и одним из сторонников политики унификации) лично настоял на непривлечении финских контингентов именно из-за сомнений в их благонадежности¹⁴⁹, и к этому мнению прислушались. Финны же писали, что закон о воинской повинности привел к острейшему конфликту, и не будь его – «хорошо обученные финские войска были бы наготове, чтобы совместно с русскими войсками препятствовать высадке неприятеля в Финляндии и движению его на Петербург»¹⁵⁰.

Обратимся к экономической сфере. Суть обсуждавшегося в 1890-е гг. проекта финансовой реформы сводилась к упразднению особой финляндской монетной системы и переводу Финляндии в рублевую зону. Даже в

---

¹⁴⁶ Манифест о производстве финляндской казной государственному казначейству денежных платежей взамен отбывания жителями Великого Княжества Финляндского личной воинской повинности // Гражданин. 1909. № 77–78. С. 1.

¹⁴⁷ Протоколы заседаний Государственного совета. 1–81. Сессия VII. 1911–1912 гг. Протокол от 14 декабря 1911 г. С. 2; Протокол от 9 января 1912 г. С. 3–4.

¹⁴⁸ Протоколы заседаний Государственного совета. 1–81. Сессия VII. 1911–1912 гг. Протокол от 10 января 1912 г. С. 3–4.

¹⁴⁹ Записи А.Н. Яхонтова, сделанные во время заседаний Совета министров в 1914–1916 гг. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 64.

¹⁵⁰ *Мехелин Л.* Неприемлемый проект, составленный русским совещанием. Гельсингфорс, 1909. С. 19–21.

российском Министерстве финансов сомневались в целесообразности её проведения¹⁵¹. В итоге был принят компромиссный вариант, в принципе сохранявший старую финляндскую денежную систему. Изменения касались укрепления платежеспособности российского рубля наравне с финляндской маркой, однако реализацию и этого, уже принятого, варианта предпочли отложить. Опубликованием закона дело и закончилось.

В области тарифной и таможенной политики преобразования по плану должны были завершиться отменой таможенной границы с княжеством. Но и здесь правительству не удалось добиться желаемого. Мехелин упоминал, что при обсуждении вопроса об упразднении между Россией и Финляндией таможенных границ с министром финансов Н.Х. Бунге в 1884 г. уже обнаружилась практическая невыгодность этого мероприятия, из-за чего объединение в тот момент было отвергнуто. По его мнению, вопрос был вновь поднят «влиятельными лицами» в 1889 г. – по политическим соображениям. Но невыгодность решения сохранялось – чем и объясняется тот факт, что невзирая на многочисленные обсуждения и комиссии, вопрос так и не был решен вплоть до 1910 г.¹⁵². Сходные оценки высказывал человек противоположных Мехелину взглядов, Э.Н. Берендтс: «к объединению таможенных систем до 1900 г. не было приступлено»¹⁵³. Предполагаемая реформа была не выгодна ни русским, ни финляндским промышленникам, поэтому этот вопрос был заморожен. Таможенные пошлины не только не отменили, но даже повысили из-за лобби российских предпринимателей. Вопрос о таможенном объединении упрямо ставился на повестку дня и оставался не решенным. В 1913 г. в ходе его обсуждения в правительстве прозвучало следующее авторитетное мнение: в случае распространения на Финляндию имперского тарифа, «большинство отраслей финской

---

¹⁵¹ *Полвинен Т.* Держава и окраина ...С. 191.

¹⁵² *Мехелин Л.* Критический разбор закона 17 (30) июня 1910 г. Гельсингфорс, 1910. С. 63–68.

¹⁵³ *Берендтс Э.Н.* Финансовое право Великого княжества Финляндского в XIX столетии. Исторический очерк. СПб., 1900. С. 155.

промышленности были бы поставлены в очень затруднительное положение, а некоторые были бы доведены до гибели» при том, что сама Россия не получила бы значительных выгод от этого объединения¹⁵⁴.

Более последовательно реализовывались задачи в сфере русификации. При Бобрикове в Финляндии были проведены административные реформы. Расширились права генерал-губернатора и губернаторов, уменьшилось влияние сената, который превратился в чисто совещательный орган. Повышались влияние русских чиновников и статус русского языка¹⁵⁵. В феврале 1903 г. Бобриков добился предоставления себе чрезвычайных, почти диктаторских полномочий «по охранению государственного порядка и общественного спокойствия». На этом основании он в административном порядке выслал из Финляндии целый ряд общественных деятелей. С этого времени началось так называемое «время исключительных положений». Присутствие в Финляндии Корпуса жандармов было увеличено, а круг их полномочий расширен¹⁵⁶. Вместе с тем и здесь эффективность была не абсолютной: как признавал сам Бобриков, «финны под его носом делают то, что хотят, он же узнает их деяния случайно, или же из иностранных газет»¹⁵⁷. Все же, в полной мере использовав административный ресурс, имперская власть продемонстрировала финляндцам их подчиненное положение и смогла сделать несколько шагов в сторону создания той «русской империи», о

---

¹⁵⁴ Памятная записка начальника экспедиции торговли и промышленности Императорского финляндского сената, переданная представителем финляндского генерал-губернатора на заседание 24 апреля 1913 года высочайше утвержденной при Министерстве финансов Междуведомственной комиссии, образованных для разработки основных начал таможенного объединения Финляндии с империей. СПб., 1913. С. 3, 29, 31.

¹⁵⁵ С июня 1902 г. русский язык приравнивался к местным языкам при всех деловых контактах, а шведский подвергался определенным притеснениям. В постановлении от 18 августа 1902 г. ещё раз подчеркивалось требование замещения русскими подданными административных должностей в Финляндии.

¹⁵⁶ *Аверин М.Б.* Финляндия и Польша в составе Российской империи: становление и развитие буржуазных судебных систем (середина 60-х годов XIX в. – 1914 г.). Ульяновск, 2001. С. 48–50.

¹⁵⁷ *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 242.

которой, как мы увидим ниже, писал Михаил Катков. Но ситуация в крае была полностью дестабилизирована.

В 1904 г. в русско-финляндских отношениях наступил перелом. Недовольство финнов достигло грани, за которой пассивное сопротивление превратилось в активное. В 1904 г. был убит Н.И. Бобриков. Деятельность в Финляндии в октябре-ноябре 1905 г. первой рабочей красной гвардии, стачечное и торпарское движение, Свеаборгское восстание (июль–август 1906 г.) парализовали работу местных властей, жандармерии и армейских подразделений; и в целом сделали продолжение прежней политики в княжестве временно невозможным¹⁵⁸. Волнения на окраине совпали с общим кризисом в империи, сокрушительным поражением в русско-японской войне и революционными событиями в столице. Правительство вынуждено было пойти на уступки. В ВКФ это была цена политики 1890-х – начало 1900-х гг. Стремление добиться большей унификации края и сделать его пребывание в составе Империи выгодным и максимально соответствующим государственным интересам привело к обратным результатам.

В изданном 22 октября 1905 г. манифесте «О мерах к восстановлению порядка в крае» Николай II отменял основные, недавно принятые, антифинляндские постановления (в первую очередь Манифест от 03 февраля 1899 г.)¹⁵⁹. На пост генерал-губернатора был назначен осторожный и уступчивый Н. Оболенский. «Высочайшим постановлением относительно русского языка в делопроизводстве административных учреждений Финляндии» 20 апреля 1906 г. упразднялись все основные акты, принятые по внедрению русского языка. Законом от 07 августа 1906 г. «О свободе слова, собраний и союзов» отменялись предварительная цензура и необходимость

---

¹⁵⁸ Власова М.Н. Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции (1905–1907). Петрозаводск, 1961. См. посл. главу.

¹⁵⁹ Главные события и мероприятия правительства в Финляндии в период 1905–1909 гг. СПб., 1910. С. 18–25.

получения предварительного разрешения для собраний граждан¹⁶⁰. В финляндский сенат вошли представители бывшей оппозиции во главе с Лео Мехелином, вернулись уволенные при Бобрикове финляндские чиновники, а русские, назначавшиеся в администрацию края в период с 1899 по 1905 гг. лишились своих постов¹⁶¹. Манифест от 20 июня 1906 г. сделал финляндскую конституцию одной из самых демократичных в мире. Четырехсословный сейм был преобразован в однопалатный парламент, куда допускались и женщины. В 1907 г. состоялись первые выборы. На них социал-демократы добились значительной поддержки избирателей и в итоге получили 80 мест из 200 – больше, чем где бы то ни было в Европе. В итоге управление княжеством приобрело вид, который оно имело до 1899 г., а с принятием конституционной реформы и пакета законов 1905–1906 гг. произошло явное расширение и укрепление автономии края. Как констатировал один из сторонников политики унификации, «опыт последовательной национальной политики в крае терпит крушение»¹⁶². Имперское правительство не получило никакой практической пользы из своей финляндской политики 1890-х – начала 1900-х гг.

Но по каким-то причинам Финляндию больше не забывали – «как в обществе и печати, так и в правительственных сферах». Невзирая на сомнительные итоги испробованной стратегии, власть проявила последовательность и вернулась к ограничению вновь расширившихся прав финнов уже в 1906 г. Явным этот курс стал в 1907. Конечной целью была реализация и дальнейшее углубление мер, предлагавшихся ещё комиссией Бунге: широкомасштабная законодательная программа, ликвидирующая финляндские автономные институты, низводившая права и привилегии Финляндии до общеимперского уровня. Очередную попытку наступления

---

¹⁶⁰ См. текст постановлений в кн.: Национальная политика в императорской России. Цивилизованные...С. 76.

¹⁶¹ Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XIII. СПб., 1907. С. 59–64.

¹⁶² ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1504. Записка без подписи «Главнейшие события и мероприятия правительства в Финляндии в период 1905–1909 гг.». Л. 3, 4–5.

монархии на особые права финляндцев связывают с именем П.А. Столыпина. При нем к решению финляндского вопроса привлекались многие чиновники и идеологи еще бобриковской плеяды).

Левый финляндский сейм вскоре был разогнан. В своей программной речи в Думе в тот же период Столыпин определил список общегосударственных вопросов, судя по которому его намерения относительно Финляндии вполне соответствовали принципам антифинляндского курса начала века¹⁶³. В мае 1908 г. Николай II утвердил предложенные Столыпиным «Правила о направлении финляндских дел, касающихся интересов Империи», в соответствии с которыми Дума признавалась высшей инстанцией по отношению к Сейму. Доклады по финляндским делам отныне должны были направляться не через статс-секретаря, действовавшего в интересах финляндцев, а через Совет министров. С этого времени финская историография ведет отсчет «второму периоду лет угнетения» (1908–1914).

Не будем останавливаться на мелких конфликтных эпизодах между окраиной и Петербургом. Центральным звеном этого периода, безусловно, являлось принятие закона об общегосударственном законодательстве. Результаты обсуждения законопроекта в Госсовете и в Думе были предreshены. Известный ученый, общественный деятель и думский депутат М. Ковалевский иронически сочувствовал «бедному Государственному совету», вынужденному решать самый сложный вопрос об общегосударственном законодательстве «всего за несколько дней, да еще к концу сессии»¹⁶⁴. Подписанный царем и ставший обязательным с 17 июня 1910 г., акт содержал перечисление всех законов, отныне причисленных к общегосударственным. Их список сильно пересекался с основными законами княжества, что создавало предпосылки для их нарушения, к тому же он не был

¹⁶³ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 146–147.

¹⁶⁴ *Ковалевский М.* Финляндский вопрос // Вестник Европы. 1910. Кн. VII. Июль. С. 261.

окончательным, что ставило автономию под угрозу дальнейшего сокращения. Финляндское законодательство по всем наиболее важным вопросам (воинская повинность, участие Финляндии в общегосударственных расходах, вопросы о подданстве и иностранцах, надзор за школой, железные дороги, таможня, телеграф, почтовое дело, мореплавание и др.) переходило в ведение российских властей, а старые финляндские законы могли отменяться без санкции сената и сейма¹⁶⁵. Декларировалось, что законодатели будут руководствоваться прежде всего государственной пользой России. Внутреннее самоуправление края формально сохранялось.

Функционально принятие этого документа позволяет провести аналогию с февральским манифестом 1899 г. Как и лишение финнов самостоятельности в военных делах, легальная возможность монархии принимать любой закон, затрагивающий внутренние дела княжества, имели в большей степени символическое значение, нежели были обусловлены непосредственными нуждами империи. Фактически июньский манифест означал создание правовой основы для окончательного демонтажа той системы государственной власти, которая ранее гарантировалась финнам самодержавием (в том числе и лично Николаем II при вступлении на престол). На основании этого акта, в частности, стали разрабатываться проекты уравнивания в правах русских уроженцев в Финляндии с местными гражданами и об отбывании воинской повинности финнами, – оба проекта внесены Столыпиным в Думу в 1910 г.¹⁶⁶. К этому моменту в результате последовательной кадровой политики, проводимой с 1908 г., управление краем успело в значительной мере перейти в руки русских¹⁶⁷. С изданием июньского манифеста эта политика получила дополнительный толчок¹⁶⁸.

---

¹⁶⁵ «Манифест о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» // Гражданин. 1910. № 23. С. 7; См. также: *Аверин М.Б.* Указ. соч. С. 62.

¹⁶⁶ См. текст законопроектов: Гражданин. 1910. № 37, С. 1.

¹⁶⁷ *Хяккинен К., Цеттерберг С.* Финляндия вчера и сегодня. Саранск, 1997. С. 84.

¹⁶⁸ Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XVIII. СПб., 1911. С. 116, 140–151.

По свидетельству современников, «до издания новых законов, в силе ... оставались старые, и фактически особых перемен в Финляндии не произошло. Но антирусские течения в этой области значительно усилились: финляндцы сочли, что русская власть – на этот раз с согласия народных представителей – нарушила вторично их исконные права»¹⁶⁹.

В 1910 г. Николай II предложил поставить вопрос о целесообразности самого существования финляндского сейма, но ход делу дан не был. В этот же период был запрещен журнал «Финляндия». «Вестник Европы» писал об этом событии как об административном произволе и характеризовал издание как «журнал, спокойно обсуждавший все фазисы финляндского вопроса и отстаивающий права Финляндии, не упуская из видов интересы России»¹⁷⁰.

Гибель Столыпина оборвала период активной антифинляндской кампании, однако шаги в направлении ликвидации автономии края продолжались. Следующий российский премьер В.Н. Коковцов продолжил линию своего предшественника, причем счел нужным открыто заявить об этом даже раньше, чем предпринял соответствующие шаги¹⁷¹. С 1911 г. было принято несколько постановлений, касающихся уравнивания в правах русских уроженцев и финляндцев, особенно в вопросах, касавшихся государственной службы. Правительством начала обсуждаться программа мер по окончательной ликвидации автономии и утверждению в крае русских начал, предложенная генерал-губернатором ВКФ Ф.А. Зейном.

Итак, с 1907 по 1917 гг. был принят пакет законов и выработан целый ряд программ, антифинляндских по характеру. Как и в случае с основными законами первого периода, реальной прагматической отдачи эти меры не дали. Ключевой закон от 17 июня 1910 г., позволявший имперским властям вмешиваться в законодательство ВКФ, как и аналогичный по характеру манифест от 3 февраля 1899 г., сам по себе не вносил кардинальных изменений

---

¹⁶⁹ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Т. II. М., 1992. С. 69.

¹⁷⁰ *Вестник Европы.* 1910. Кн. VII. Июль. С. 364.

¹⁷¹ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919. Париж, 1933. С. 12–13.

в жизнь княжества, все зависело от будущих шагов, которые должны были быть предприняты на их основании. Важнейшей чертой этих законов была их символическая значимость. Постулировалось фактически, что финляндцы ничем не отличаются от остального населения Империи, не имеют никаких особых прав и должны подчиняться любому указанию официального Петербурга. Проведенные на этом основании, законы свелись к обрусительной кадровой политике и попытке заставить финнов служить в общеимперских войсках. Последнее, как мы видели, не принесло никакой практической пользы делу обороны империи, напротив, создало дополнительные трудности. В экономической политике объединительные мероприятия были незначительны. Повышение пошлин имело явно антифинляндскую направленность, но не способствовало интеграции края. Идея объединения денежных систем осталась на бумаге. Широкомасштабное обсуждение вопроса об объединении российских и финляндских железных дорог к конкретным результатам не привело. Финляндия на момент начала первой мировой войны оставалась самостоятельным экономическим организмом, не укладывавшимся в рамки общеимперской системы.

Очень ярким проявлением общей иррациональности политики Петербурга в финляндском крае была **принципиальная публичность** всех планируемых и проводимых в жизнь унификаторских мероприятий. Имперское правительство было склонно максимально открыто и подробно обсуждать все перипетии своей политики в крае. Достоянием широкой общественности делались даже те проекты, которые еще не прошли финального обсуждения и не были утверждены во властных структурах.

Рассмотрим конкретные примеры. В конце 1906–1907 гг. по инициативе финляндского сената был выработан проект кодификации основных законов, в продолжение проекта, не реализованного в начале 1890-х гг. Проект был секретным, однако несколько экземпляров, с указанием секретности, были высланы для ознакомления в Совет министров. Вскоре проект был

опубликован в «Новом времени», что спровоцировало новую волну нападков на Сенат и общее обсуждение финляндского вопроса¹⁷².

В 1914 г. финляндцы проявили стремление забыть о разногласиях с имперской властью и даже принять участие в войне на её стороне. Популярность сепаратистов в крае была очень относительной¹⁷³. Как подчеркивал офицер Генштаба, Борис Сергеевский, российские военные не были вполне уверены в настроениях финляндцев на момент начала Первой мировой войны. Однако, «население Финляндии оказалось совершенно лояльным»¹⁷⁴. В ноябре 1914 г., в разгар войны, в России был принят документ, который обсуждался в Совете министров с апреля и в конечной редакции назывался «Программа законодательных предложений и мер по Великому Княжеству Финляндскому». Он содержал ряд требований по укреплению центральной власти в Финляндии, обеспечению интересов государственной обороны, достижению политического и экономического сближения княжества с империей. В программу были включены пункты, предусматривающие таможенное объединение, обеспечивавшее за русскими товарами преобладание на финляндском рынке; объединение денежных систем; подготовку в России чиновников для замещения должностей по управлению краем; ограничение полномочий финляндских чиновников и их права на участие в политических партиях¹⁷⁵. В случае последовательной реализации положений программы от автономии ВКФ осталось бы одно воспоминание. Именно так этот документ и был воспринят общественностью княжества¹⁷⁶. В финскую историографию он вошел под названием «программа

---

¹⁷² Мехелин Л. Критический разбор закона 17 (30) июня 1910 г. Гельсингфорс, 1910. С. 182–183.

¹⁷³ Дубровская Е. Первая мировая война в Финляндии: империя против нации, российская армия против финляндцев // *Ab imperio*. 2001. № 4. С. 179.

¹⁷⁴ Сергеевский Б.Н. Пережитое. 1914. Белград, 1933. С. 22, 31.

¹⁷⁵ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // *Вопросы истории*. 1996. № 11–12. С. 47.

¹⁷⁶ Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 79.

русификации»¹⁷⁷. Принять на её основе конкретные законы правительство не успело, более того, осуществление предложенных мер в обозримом будущем и не планировалось её создателями¹⁷⁸. Тем не менее, программа была немедленно опубликована. С принятием программы недовольство финнов вспыхнуло с новой силой, распространение прогерманских настроений в крае резко усилилось, публикация ускорила и создание егерского движения¹⁷⁹.

По мере своего осуществления, программа по ликвидации особых финляндских прав обрела массу противников в высших эшелонах власти и влиятельных слоях общества. Подчеркнем, что критические воззрения на финляндскую политику были широко распространены среди консерваторов и представителей бюрократической элиты самого высокого уровня. Их позиция объяснялась не стремлением защитить Сейм и другие либеральные институты в княжестве, она вообще не имела ничего общего с либерализмом. Если выделить основную линию в их аргументах, то это будет признание антифинляндской политики противоречащей здравому смыслу, иррациональной, не выгодной для Империи¹⁸⁰.

В оппозиции финляндской политике монархии стоял С.Ю. Витте¹⁸¹, причем его позицию разделяло в период его премьерства большинство членов Государственного совета¹⁸². Смягчить жесткую правительственную политику в отношении Финляндии пыталась вдовствующая императрица Мария

¹⁷⁷ *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 1992. С. 12, 14.

¹⁷⁸ *Новикова И.Н.* Великое Княжество Финляндское в имперской политике ... С. 141–143; *Она же.* «Финская карта» в немецком пасьянсе... С. 80.

¹⁷⁹ *Соломещ И.М.* Указ. соч. С. 16, 27. Осенью 1914 г. правительством был также поднят вопрос о непосредственном подчинении финляндских учреждений соответствующим ведомствам империи. Конкретное решение тогда принято не было, но обсуждение его в том числе в финской прессе только подлило масла в огонь. См. подробнее: *Новикова И.Н.* Великое княжество Финляндское в имперской... С. 147.

¹⁸⁰ *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992. С. 82.

¹⁸¹ *Куропаткин А.Н.* Дневник // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 25, 60.

¹⁸² *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 261; *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 127; *Половцов А.А.* Дневник // Красный архив. 1929. Т. 3. С. 76–77, 92–93.

Федоровна, используя те рычаги влияния, которые были ей доступны¹⁸³. Неодобрительно о правительственной политике в этой сфере отзывались и лица, принадлежащие к военной¹⁸⁴ (что очень важно!) и бюрократической элите. Даже у непосредственных проводников антифинляндского курса возникали порой сомнения в его оправданности. О том, что «крутые и поспешные меры» «только озлобят финское население» и «затруднят задачи России» писал А.Н. Куропаткин¹⁸⁵. Его мнения придерживался начальник штаба Финляндского военного округа Н.В. Каульбарс¹⁸⁶. В.К. Плеве, в бытность свою статс-секретарем княжества в 1901 г., предлагал считать частью Российской империи только территорию Выборгской губернии, а во внутренние дела княжества не вмешиваться, учитывая, что из-за тесных экономических связей с Россией она и так останется в орбите её влияния¹⁸⁷. Забегая вперед, стоит отметить, что он был пожалуй единственным из авторов финляндской политики, который не придавал проблемам княжества большого значения, используя его просто как повод для продвижения по служебной лестнице; карьерные соображения явно преобладали в его случае над идеологическими¹⁸⁸.

Глава департамента общих дел С.Н. Палеолог, в целом оспаривая обвинения России в угнетении прав иностранцев, применительно к политике в Финляндии признавал: «мы озлобляли их интеллигенцию мелочными, ненужными и раздражающими мероприятиями», а русские чиновники в крае «фатально и бессмысленно портили хорошие отношения с иностранцами»¹⁸⁹. Бывший государственный секретарь и сенатор А.А. Половцов выступал против ужесточения мер по Финляндии, считая их несвоевременными¹⁹⁰.

¹⁸³ Куропаткин А.Н. Дневник // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 17, 31.

¹⁸⁴ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 191.

¹⁸⁵ Он же. Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2002. С. 50–51.

¹⁸⁶ Богданович А.В. Указ. соч. С. 229–230.

¹⁸⁷ Там же. С. 128.

¹⁸⁸ Там же. С. 247; Захарова Л.Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 133; Полвинен Т. Держава и окраина... С. 101, 200;

¹⁸⁹ Палеолог С.К. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 49.

¹⁹⁰ Половцов А.А. Дневник // Красный архив. 1923. Т. 4, С. 103.

Сходным образом высказывался и В.И. Гурко (влиятельный генерал, убежденный консерватор): «Ничего не достигая по существу в смысле закрепления Финляндии за Россией и вообще обеспечения общегосударственных интересов, она лишь раздражала финляндцев, одновременно уничтожая в них не только всякий страх русской власти, но и всякое уважение к ней», это была «политика булавочных уколов, раздражавших, но отнюдь не обессиливавших противника и даже придававших ему большую силу» за счет «внушения ему уверенности, что в сущности бояться ему нечего, что все сводится к пустым угрозам и бутафорской шумихе». Надо учесть при этом, что Гурко совершенно не одобрял особые права финляндцев, однако ему представлялась весьма сомнительной оправданность и необходимость избранного курса именно с практической точки зрения¹⁹¹.

Во многих изданиях финского или шведского происхождения подчеркивалось, что именно пренебрежение правовыми аспектами со стороны российской монархии, являлись критичным для финляндского населения, в котором глубже, нежели в русском, было распространено уважение к имеющимся правовым нормам¹⁹². Однако, и такой мыслящий вполне в духе объединения проф. К. Борнгак признавал, что попытки изменить финляндское законодательство без согласия самих финнов должно считаться «незакономерным»¹⁹³.

В период премьерства П.А. Столыпина несколько более мягкую линию пытались проводить министр финансов В.Н. Коковцов, некоторые представители военного министерства, да и сам Столыпин не всегда был последователен в нажиме на край¹⁹⁴. Правитель канцелярии финляндского

---

¹⁹¹ Гурко В.И. Указ. соч. С. 126–127.

¹⁹² К освещению финляндского вопроса. Несколько статей из финляндской газеты. Berlin, 1900. С. 73, 83; Происшествия в Гельсингфорсе. Стокгольм, 1902. С. 2, 4.

¹⁹³ Борнгак К. По поводу книги анонимного автора под заглавием «Финляндский вопрос в 1911 году». СПб., 1914. С. 5–10.

¹⁹⁴ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 70, 95.

генерал-губернатора, вице-президент финляндского Сената М.М. Боровитинов считал закон от 17 июня 1910 г. «страшно повредившим русскому делу в Финляндии и нуждавшимся в коренном пересмотре»¹⁹⁵. В 1910 г. министр юстиции И.Г. Щегловитов обращал внимание участников особого совещания по финляндским делам, что «как бы ни было желательно, с точки зрения интересов государственного единства, подчинить судебный строй ... и законы об отправлении правосудия в Финляндии общегосударственному законодательству, ... нельзя не считаться с наличием весьма важных обстоятельств, препятствующих реальному осуществлению подобной меры в полном ее объеме», в частности тем, что «в Финляндии в течении почти двух столетий существует своеобразный строй судебной организации и судопроизводственных порядков, успевший наложить заметный отпечаток на всю правовую жизнь края и не допускающий резкой ломки»¹⁹⁶.

С.Е. Крыжановский, товарищ министра внутренних дел и правая рука Столыпина, националист и монархист по собственному признанию, характеризовал финляндскую политику премьера как безусловно вредную не просто по форме и методам проведения, но по существу¹⁹⁷. О его некоей оппозиционности к Столыпину и в целом сдержанности в финляндском вопросе писали сами финны¹⁹⁸.

---

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 31 (2). ЧСК для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Канцелярия (Следственная часть). Переписка с Министерством юстиции и другими учреждениями о деятельности и привлечении к уголовной ответственности бывшего генерал-губернатора Финляндии Ф.А. Зейна и вице-губернатора М.М. Боровитинова. Л. 8.

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1507. Особый журнал Совета министров по проекту правил о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения и журнал совещания по делам Великого княжества Финляндского. 1910 г. Л. 8.

¹⁹⁷ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Б.г. Б.д. С. 217.

¹⁹⁸ *Мехелин Л.* Неприемлемый проект, составленный русским совещанием. Гельсингфорс, 1909. С. 10–11.

Также против обострения отношения с финнами был другой член столыпинского кабинета – П. Курлов¹⁹⁹. Он считал, что финны видели в каждой попытке ассимиляции «проявление насилия», при этом подлинные шансы ассимилировать их стремились к нулю и стоили казне огромных денег²⁰⁰. Перед Первой мировой войной за смягчение правительственной линии в отношении края высказывался министр иностранных дел С.Д. Сазонов²⁰¹. Той же позиции он придерживался и в 1915 г. Ее в общих чертах разделял председатель Совета министров И.Л. Горемыкин²⁰². В начале мировой войны ключевые фигуры в высших эшелонах власти призывали оставить финнов в покое, поскольку хватало иных – реальных – проблем²⁰³.

Нерациональной была и та публичность в освещении русско-финляндских проблем, которую отмечали даже те современники, которые относились к правому лагерю, в общих чертах поддерживали политику унификации. Приведем реакцию на обсуждение финляндских дел кн. Мещерского: без всех этих «страстных речей в государственной Думе и Государственном совете» легко можно было бы обойтись, так как вместо успокоения финнов они способствуют только обострению конфликта²⁰⁴.

Анализ отношения неконсервативной части спектра российского общества к антифинляндской политике правительства не входит в нашу задачу. Конечно, российские либералы и левые в первую очередь фиксировались на аргументации незаконности происходящего²⁰⁵. Однако и для них было характерно недоумение по поводу практической нецелесообразности проводимой политики²⁰⁶. В частности, в рамках

¹⁹⁹ При Столыпине – вице-директор департамента полиции, потом – начальник главного тюремного управления, с 1909 г. – товарищ МВД.

²⁰⁰ Курлов П. Гибель императорской России. Берлин, 1924. С. 101–102.

²⁰¹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 116.

²⁰² Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVIII. С. 22, 35.

²⁰³ Бахтурина А. Военное и гражданское управление на западных окраинах Российской империи в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 76–77.

²⁰⁴ Мещерский В.П. Дневники. Гражданин 1910. № 21. С. 14–15.

²⁰⁵ Два письма Б.Н. Чичерина о финляндском вопросе // Освобождение. 1904. № 23 (47). С. 412.

²⁰⁶ См., например: Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 188; Обнинский В.П. Указ. соч. С. 58.

библиотечки «Биржевых ведомостей» выходила брошюра, автор которой отмечал всю сложность юридических коллизий между Россией и Финляндией, но при этом делал акцент на «несправедливости, бесцельности и исторической нецелесообразности насильственной русификации, которая до последнего времени была руководящим принципом русской правительственной политики в Финляндии»²⁰⁷. Из лагеря противников российского правительства доносились утверждения, что политика русификации противоречит не только истине, но и разуму, а страдает от нее в первую очередь само «русское дело в Финляндии»²⁰⁸.

«Вестник Европы» утверждал, «что не реальные потребности вызвали проект об общеимперском законодательстве – об этом красноречиво свидетельствуют те условия, в которых проект был проведен, и те вопросы, вокруг которых все время велась и до сих пор ведется полемика»²⁰⁹. А.В. Тыркова-Вильямс (партия кадетов) констатировала: «Из лояльных подданных великого князя Финляндского финны превратились в заядлых врагов русского императора, да и русской империи»²¹⁰. П.Б. Струве (либеральный националист, отстаивал интересы «национальной империи») резко осуждал методы правительственной политики в крае: «торжествующий ныне официальный национализм прокладывает путь не национально-государственному объединению, а национальному автономизму и федерализму. Он не собирает, а дробит государство»²¹¹.

Невзирая на господствующую в исследовательской литературе тенденцию искать рациональные причины русификации, схожие оценки все

²⁰⁷ *Василевский Л.М.* Россия и Финляндия. Политическая библиотека «Биржевых ведомостей». СПб., 1906. С. 3–4, 29, 33.

²⁰⁸ *Civis Fennicus (Лео Мехелин)*. Опровержение книги М.М. Бородкина. «С.К. Михайлов: юридическое положение Финляндии. Заметки по поводу отзыва Сейма 1899 г.» СПб., 1901. С. 103; Происшествия в Гельсингфорсе. Стокгольм, 1902. С. 2.

²⁰⁹ Вестник Европы. 1910. Кн. VII. Июль. С. 426–428.

²¹⁰ *Тыркова-Вильямс А.В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 326, 328.

²¹¹ *Струве П.Б.* Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет. (1905–1911). М., 1997. С. 301. См. также его позицию по Финляндии: *Малинова О.Ю.* Две концепции «либерального национализма»: П.Б. Струве и П.Н. Миллюков. В кн.: П.Н. Миллюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 470.

же проскальзывают и там. Русификация, проводимая монархией, называется «скверно организованной, плохо подкреплённой материально и поэтому малоэффективной»²¹². Признавались и объективно отрицательные последствия финляндского курса для стабильности в империи²¹³. Как правило, это считается свидетельством неправильно избранного курса, его общей противоречивости и непоследовательности, неумения реализовать заявленные меры в силу кризиса монархии²¹⁴. Однако, на наш взгляд, рассмотренные выше факты указывают как раз на последовательность монархии: политика в отношении края развивалась по одним и тем же линиям в течение почти тридцати лет, была идентична по методам, характеру и результатам в каждый из периодов наступления на финляндскую автономию. Характер действий монархии не был случайным, но представлял собою систему. Признание последовательности монархии в финляндском вопросе, невзирая на противодействие весьма влиятельных лиц и все препятствия на пути унификации, делает еще более важным вопрос о причинах обострения русско-финских отношений и упорства монархии и движущих силах в столь неоднозначном курсе, – об этом пойдет речь ниже.

Подведем итоги. Кроме короткого периода отступления в 1905–1906 гг., вызванного внутренними российскими проблемами, имперские власти с н. 1890-х гг. и вплоть до Первой мировой войны систематически осуществляли политику унификации и русификации ВКФ. Мощная оппозиция, которая существовала в самых высших социальных стратах, не смогла этому помешать. При этом осуществление «объединительной программы» в начале

---

²¹² Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 52; Горбаков И. «Осколки разбитого вдребезги»: историческое поражение русского имперского проекта. // *Ab imperio*. 2001. № 4. С. 398; Цимбаев Н.И. Идеи федерализма в общественной мысли. В кн.: Очерки истории русской культуры. Т. 4. М., 2003. С. 472.

²¹³ Соломещ И.М. Указ. соч. С. 4; Кетولا Э., Черняев В.Ю. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27.

²¹⁴ Обнинский В.П. Указ. соч. С. 58; Полвинен Т. Держава и окраина... С. 25, 46, 117, 251; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998. С. 371.

1890-х гг., потом в ходе генерал-губернаторства Бобрикова и позже в эпоху Столыпина, не принесло практически никаких положительных практических дивидендов российским властям: к 1914 г. Финляндия оставалась автономной экономической и политической единицей, не укладывавшейся в рамки общеимперской системы. Княжество жило по собственным законам, имело свою денежную систему и демократически избираемый госаппарат²¹⁵. При этом, лояльность финляндского населения, остававшееся константой на всем протяжении XIX века, была безнадежно утрачена. За какие-то двадцать лет, вместо финна – доброго соседа, на границах империи возникла фигура финна – врага, грозящего союзом с Германией и Швецией, лелеющего планы создания Великой Финляндии, манкирующего распоряжениями имперских властей, словом и делом поддерживающего русскую революцию. Склонность русских и финнов видеть друг в друге противников стала фактом, определившим их взаимоотношения на несколько десятилетий вперед. Политическая составляющая финляндского вопроса своим непосредственным итогом имела выход Финляндии из состава Российской империи в декабре 1917 г. Эта политика не только не обеспечила Империи большей военно-стратегической безопасности, экономического единения и процветания или политических дивидендов, но по факту сократила их.

Реальными «успехами» правительства в политике унификации и русификации были меры символического характера, а также усилия по повышению статуса русского языка и русских чиновников в крае. Сторонники антифинляндской политики пытались представить ее оправданной реальными потребностями Империи. Но анализ итогов мероприятий правительства с большой натяжкой позволяет находить в них механизмы и мотивацию из области Real Politik. В гораздо большей степени он заставляет вспомнить о конструкте «русской Империи», в рамках которой формально зафиксированные абсолютные права монархии, единство и неделимость

---

²¹⁵ Кетولا Э., Черняев В.Ю. Указ. соч. С. 36.

империи, преобладание русского населения на всем протяжении имперского пространства – были сами по себе приоритетными ценностями, ради которых многим можно было пожертвовать.

Важными особенностями были широкое привлечение общественности к обсуждению финляндских проблем, гласность в освещении самых негативных для финнов мероприятий, даже в том случае, если их не собирались реализовывать в ближайшее время. Рассмотрим теперь те конкретные формы, в которых финляндский вопрос был представлен в российском коммуникационном пространстве в конце XIX – начале XX вв.

§ 2. Появление финляндского вопроса в русской публицистике: программные статьи Михаила Каткова в 1860–1870-е гг.

Если мы зададимся вопросом о времени появления финляндского вопроса в пространстве русской общественно-политической коммуникации, нам придется отступить почти на 2,5 десятилетия в прошлое от тех шагов, которые предпринял Александр III в начале 1890-х. Уже один этот факт должен был бы заставить исследователей усомниться в гипотезе о простом «отражении» в прессе политики властей в отношении ВКФ.

С момента своего рождения финляндский вопрос был в большей степени идеологическим феноменом, нежели продуктом Real Politik. Своими корнями он уходит в пространство общественно-политической коммуникации эпохи Великих реформ. Инициаторами его возникновения выступили вовсе не имперские власти. В этот период Александр II санкционировал открытие второго финляндского сейма и сделал это сознательно²¹⁶. Процесс расширения финляндской автономии продолжался вплоть до конца 1880-х²¹⁷.

---

²¹⁶ Всеподданнейшая записка финляндского генерал-губернатора. 1898–1902 гг. СПб., 1902. С. 3.

²¹⁷ Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России. В кн.: Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.). М., 1997. С. 134.

Официальный Петербург был уверен в лояльности края. Большинство представителей военного ведомства также не высказывало никаких возражений. И чиновники, и военные хорошо помнили, что Александр I торопился дать окраине такую высокую степень автономии именно и исключительно для обеспечения лояльности её населения в предстоящих войнах²¹⁸.

В этой связи очень любопытно привести позицию видного военного, адмирала В. Мелихова, сформулированную как раз в 1860-е гг. Она являлась исключением из общего правила: в отличие от большинства, Мелихов не верил в лояльность финнов. Он уверенно писал об их равнодушии и неприязни к России. Адмирал был склонен переоценивать угрозу высадки шведских войск, их прохода через Финляндию и опасность для Петербурга, отмечая: «всю Финляндию следует считать скорее шведской провинцией, чем русской областью; мы не владеем ею, мы как будто храним ее для Швеции». При этом красноречиво выглядит программа действий, которую Мелихов предлагал в целях исправления ситуации. Коротко она заключается во фразе: «надо иметь на своей стороне финское население». Для этого адмирал считал необходимым предоставить финнам те права, которые никогда не давала им Швеция, проводить политику максимального поощрения финского языка и финской культуры, стимулировать деятельность финских народных школ²¹⁹. Исключение, тем самым, подтверждало общее правило. Как ни оценивали представители имперской элиты *status quo* в крае, рекомендации были идентичны: не портить отношения с финнами. Национальное чувство пока

---

²¹⁸ *Бородкин М.М.* Г.-М. Армфельт и его русско-финские отношения. Исторический очерк. СПб., 1901. С. 51; *Корф С.А.* Положение Финляндии // Санкт-Петербургские ведомости. 1912 № 54, 7 (12) марта. С. 5; См. также: *Суни Л.В.* О месте Финляндии в военно-стратегических планах царизма в 80-е гг. XIX в. // Скандинавский сборник. Таллин. 1976. С. 100; *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 37–38.

²¹⁹ Записка адмирала В. Мелихова «О направлении, которое полезно было бы принять для правительственных распоряжений в Финляндии» от 26 декабря 1861 года // РГИА. Ф. 1250, Оп. XVI. Д. 4. Ч. IV. Из дел графа Блудова. Мнения и предположения по различным частям управления. Л. 152–168.

еще уступало гибкому и прагматичному имперскому мышлению. Властные элиты именно так и действовали в 1860–1880-е гг., параллельно всячески поддерживая движение фенноманов в противовес шведскому влиянию.

Однако в 1860-е гг. правильность принципов имперского мышления сильно пошатнулась в глазах некоторой части русского общества. Это произошло вследствие второго польского восстания 1863 г. «Предательство» поляков спровоцировало общественную дискуссию вокруг национальных проблем. На спокойную Финляндию пока еще мало кто обращал внимание. Общественная дискуссия о статусе национальных окраин велась в 1860–1880-е гг., в основном, вокруг Польши и Прибалтики. В характере публикаций на финляндскую тему в российской прессе практически невозможно отследить какие-либо устойчивые политические мотивы, тематика статей абсолютно спонтанна и по преимуществу аполитична²²⁰.

Но именно тогда в российском общественно-политическом пространстве стала набирать вес та сила, которая нередко будет влиять на развитие как национальной политики в целом, так и финляндской в частности, в последний период существования империи. По мнению дореволюционного историка и наблюдателя Д.М. Оди́нца, в Польше произошло первое отступление российских монархов от политики национальной и религиозной терпимости. Именно польское восстание 1863 г., пробудило «в некоторой части русского общества чувство национального шовинизма». Оди́нец также отметил, что с этого момента появляются органы печати, ведущие систематическую проповедь русского или, точнее говоря, великорусского национализма как государственной доктрины»²²¹.

На наш взгляд, материалы прессы того периода соответствуют утверждению Оди́нца. Речь идет о русском национальном движении, которое

---

²²⁰ Об этом позволяют судить материалы библиографии, составленной Бородкиным М.М.: Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии. СПб, 1902. Статьи Михаила Каткова, о которых пойдет речь ниже, являются исключением. В целом такая ситуация будет характерна для российской печати вплоть до самого конца 1880-х.

²²¹ Оди́нец Д.М. Национальный вопрос // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 327.

тогда было персонифицировано, в частности, в фигуре Михаила Каткова. С его статей по проблемам ВКФ, опубликованных в «Московских ведомостях», можно отсчитывать существование финляндского вопроса в российском общественно-политическом пространстве. Подчеркнем, что само государство пока еще не присвоило эту доктрину и не поддерживало ее.

Катков стоял у истоков политической журналистики в России. В пору его руководства «Московскими ведомостями» издание приобрело значительную популярность и стало важнейшим элементом российского информационного пространства. Катков и сам прекрасно осознавал возможности, которые предоставляла зарождавшаяся массовая пресса в вопросах формирования общественных настроений и практической политики²²². Он воспринимал свою деятельность как гражданский долг и считал важным активно распространять те идеи, которые казались ему верными, вне зависимости от их актуальности в конкретный момент времени²²³. Одним из первых, он стал сознательно использовать печатное слово для просвещения влиятельных общественных слоев с одной стороны и власти – с другой. Это направление его деятельности, усиленное многократно, было взято на вооружение и развито его последователями в финляндском вопросе в 1890–1910-е гг.

Катков начал систематически трактовать происходящие события «в свете русских национальных интересов», «пользы Престола и государства»²²⁴. В его системе взглядов естественным образом нашли свое место и общая оценка положения ВКФ и предложения по корректировке политического курса в нем, хотя другие национальные «вопросы» явно были для журналиста приоритетнее.

---

²²² Катков М.Н. О печати. М., 1905. С. III, 9, 16.

²²³ Он же. О смысле и значении политической печати в России // Александров А. Знаменательное десятилетие (Памяти М.Н. Каткова). М., 1897. С. 15.

²²⁴ Он же. О печати. М., 1905. С. М., С. VI, 16, 18. Он четко формулировал эту задачу уже в 1866 г.

Творчество Каткова естественным образом включается в общеевропейский интеллектуальный контекст, связанный с развитием националистической мысли и созданием национальных государств. Он нередко приводил примеры, как в схожей ситуации европейские страны, действуя в соответствии со своими национальными интересами, выбирали те же непопулярные среди либералов рецепты, что предлагал и он²²⁵. В целом идейная эволюция Каткова с его приматом «национального мышления» была совершенно органичной для европейской общественно-политической мысли того времени. Как и его предшественник на ниве актуализации национальной мысли, С. Уваров, Катков скорее настаивал на самостоятельном и успешном развитии России в рамках единого европейского пространства, чем вне его. Тем не менее, сам принцип мышления в национальных категориях, стремление видеть и решать в первую очередь «русский вопрос» – были неким новым явлением в российском общественно-политическом пространстве.

Уже в 1869 г. Катков формулировал это очень четко: «прежде всего и в основе всего решается у нас **русский национальный вопрос**, вне которого не может быть у нас ни истинно консервативных, ни истинно либеральных начал. Серьезная борьба, которая проходит через все наши дела, относится только к этому вопросу»²²⁶. Спустя почти полвека аналогичное замечание было сделано идейным преемником Каткова, М.М. Бородкиным: «когда проснется национальное чувство, наши соотечественники поймут, что вопрос о Финляндии – вопрос русский»²²⁷. И тот, и другой вкладывали в это положение, в том числе, необходимость мыслить национальными категориями, оценивать политическую реальность с позиций «национального интереса»²²⁸.

---

²²⁵ *Он же*. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1886 год. М., 1898. С. 275.

²²⁶ *Катков М.Н.* О печати. М., 1905. С. 37. См. также констатацию им тесной связи «русского» и «польского» вопросов: Катков М.Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». Вып. I. 1863 год. М., 1887. С. 23.

²²⁷ *Бородкин М.М.* Н.Д. Сергеевский и его отношение к финляндскому вопросу. Харьков, 1909. С. 30.

²²⁸ *Катков М.Н.* О печати. М., 1905. С. VI.

Характерно само объединение разных «вопросов» в рамках единой системы. В исследовательской литературе, касающейся истории «польского» и других инородческих вопросов уже отмечалась теснейшая взаимосвязь между предлагавшимися способами их трактовки и решения, а также этническими, конфессиональными, социальными, политическими проблемами внутри самой метрополии²²⁹.

Это один из важных принципов мышления Каткова. Он мыслил системно и ключевой в ходе его размышлений была категория «единство» - и она же имела центральное значение в трактовке национального вопроса²³⁰. Ее воздействие очевидно в трактовке им вопросов формы правления, государственного устройства, политического режима.

Как подсказывал европейский имперский опыт, любой национальный вопрос со времен Французской революции был так или иначе завязан на полноту власти монарха, потенциально выводил в повестку дня ее возможное ограничение. Тем самым, национальный вопрос был органически связан с проблемами внутренней политики. Это делает вполне закономерной отмеченную П.А. Зайончковским особенность: явный переход Каткова на общие «реакционные» позиции совпал по времени с польским восстанием и может быть признан вполне состоявшимся к 1866 г.²³¹. Одно вытекало из другого.

Катков объяснял само наличие нерешенных «национальных вопросов» незрелостью российского общества, особенно – интеллигенции, в совокупности с «бесхарактерностью ... правительственных деятелей»²³². Порой он прямо связывал наличие «антинациональных» начал в российской

---

²²⁹ Горизонтов Л.Е. «Польский вопрос» в кругу «роковых вопросов» Российской империи (1831 год – начало XX в.). // Государственное и муниципальное управление в России: История и современность. Самара, 2004. С. 76.

²³⁰ Катков М.Н. О дворянстве. М., 1905. С. 35, 42; *Он же*. О самодержавии и конституции. М., 1905. С. 16–20.

²³¹ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 68.

²³² Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1886 год. М., 1898. С. 338.

политике с влиянием либерализма (или «лжелиберализма»)²³³. Политическое, социальное и национальное были тесно переплетены между собой. Из этого же корня вырастет стремление его последователей в финляндском вопросе конца XIX – начала XX вв. переносить внутрироссийские социальные реалии на финляндские проблемы (приписывая, например, стремление к сепаратизму прежде всего финляндской интеллигенции, а преданность монархии – крестьянству).

Существование разных политических наций в одной империи, по Каткову, прямо угрожало единству государства точно так же, как существование политических партий и враждебных социальных групп, отстаивающих свои позиции в представительных органах – единству власти²³⁴. Закономерно, что Катков усматривал идейное родство между федеративными теориями и революционными учениями. Полемизируя с Н. Костомаровым, он видел в федеративном устройстве – «одной из самых пагубных государственных форм» – скорее угрозу распада страны и призрак раздробленности, нежели гармоничное сосуществование областей в рамках сохранившей единство государственности²³⁵. «Каждая политически организованная нация стремится иметь собственную верховную власть, которая увеличивает национальную независимость и сообщает ей полноту государственного существования»²³⁶, – писал Катков. В наличии внутри страны обширных территорий с населением, обладавшим развитой культурой

---

²³³ *Он же*. Передовая статья в «Московских ведомостях» за 2 апреля 1883 года // Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «финляндского вопроса». Вып. 1. М., 1891. С. 8, 11; Там же. Статья за 19 сентября 1885 г. С. 12–13.

²³⁴ *Катков М.Н.* Сборник статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». Вып. I. 1863 год. М., 1887. С. 803.

²³⁵ *Он же*. Сборник статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». Вып. II. 1863 год. М., 1887. С. 751.

²³⁶ *Он же*. Сборник статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». Вып. I. 1863 год. М., 1887. С. 868.

и реальной, проявленной уже, способностью к национальному строительству (как у финнов), он усматривал опасность внутреннего сепаратизма. Такой «федерализм» в системе взглядов Каткова потенциально мог затронуть весь организм империи, включая ее ядро. В этой связи Катков четко сформулировал максиму, которая потом неоднократно будет звучать в российской консервативной мысли: было бы лучше, если бы окраины (польская и финляндская, в частности) вовсе не входили в состав Российской империи. Присоединение таких территорий приносило России больше проблем, чем пользы и являлось подлинным бременем для нее²³⁷.

Однако, отдать окраины по доброй воле Катков готов не был. Допустить их национальное развитие – тем более. Он весьма трепетно относился к термину «нация», признавая право называться таковой лишь за русскими и поляками среди всех «этнографических элементов» империи²³⁸. Схожие мысли примерно в тот же период высказывал другой идеолог русского национального движения – Николай Данилевский. По его мнению, «все наши финны, татары, самоеды» были «предопределены к ассимилированию»²³⁹. Схожесть позиций двух идеологов в финляндском вопросе отмечал впоследствии их идейный последователь, активно участвовавший в «антифинляндской компании» в прессе, А.П. Липранди²⁴⁰.

При этом Катков легко представлял себе реальность трансформации этих «элементов» в нации при выборе федералистской модели, – и именно этого стремился не допустить. Государство по Каткову – это «орган господствующей народности»²⁴¹. Он уже высказывал тезис «Россия для

²³⁷ Там же. С. 862-863; Катков М.Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся ... Вып. II. 1863 год. М., 1887. С. 751.

²³⁸ Катков М.Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся ... ». Вып. I. 1863 год. М., 1887. С. 878.

²³⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 27.

²⁴⁰ Липранди А.П. Катков и Данилевский о Финляндском вопросе // Московские ведомости. 1899. № 197.

²⁴¹ Катков М.Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». Вып. I. 1863 год. М., 1887. С. 370.

русских» («не в каком-либо племенном, но в национально-политическом смысле»)²⁴². Он отмечал возможность и даже желательность этнографического разнообразия в рамках единой империи, подчеркивал необходимость сохранения специфики быта и обычаев разных народов²⁴³, важность уважительного отношения к их местным особенностям – но полностью отрицал возможность признания за ними статуса политической нации²⁴⁴.

Таким образом, в задаче «национальный вопрос» по Каткову существовало два условия: не отдать окраины и не допустить трансформации «этнографических элементов» в нации. Предлагаемое им решение было закономерно: не посягая на бытовые особенности населения окраин, сделать их по возможности более «русскими», провести административную, правовую, культурную унификацию. Фактически, Катков предлагал соединить русский национализм и империю, создать «русскую империю»²⁴⁵ – и именно эта линия осталась ведущей в политическом мышлении представителей русского национального движения (и в частности, экспертов по «финляндскому вопросу») вплоть до 1917 года²⁴⁶.

Обращение Каткова к статусу Финляндии именно в 1860-е гг., когда между окраиной и центром объективно не существовало значимых проблем, хорошо демонстрирует изначальную идеологизированность финляндского вопроса, его рождение в области политической мысли и теории, бытование в сфере общественно-политической коммуникации в значительно большей степени, чем в сфере реальной политики. Не посвящая финляндским

---

²⁴² *Он же*. Передовая статья в «Московских ведомостях» за 10 марта 1883 года // Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «финляндского вопроса». Вып. 1. М., 1891. С. 4.

²⁴³ *Он же*. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся ... Вып. I. 1863 год. М., 1887. С. 879.

²⁴⁴ *Он же*. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1886 год. М., 1898. С. 339.

²⁴⁵ *Он же*. С. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся .... Вып. I. 1863 год. М., 1887. С. 899.

²⁴⁶ *Витухновская М.А.* Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков. // Многоликая Финляндия. Великий Новгород, 2004. С. 101.

проблемам столько же внимания, сколько польским, – Катков, тем не менее, заложил не только общую трактовку отношения к окраинам в русле национально ориентированного консервативного мышления и принципа «единства», но и дал оценку частных особенностей русско-финских отношений. Так, он констатировал постоянное и систематическое ущемление прав русских на территории финляндского княжества – в вопросах торговли, языка, воинской повинности, гражданских прав. Он первым начал говорить о том, что Финляндия, по существу, богатеет за счет России, пользуясь широкими экономическими льготами и не участвуя в воинской повинности. Исходя из общетеоретических соображений, Катков придавал огромное значение армии как имперскому институту: «русская армия должна быть горнилом, в котором сплавливаются все элементы населения»²⁴⁷. Этим объясняется его четкая отрицательная позиция по вопросу об особом финляндском войске. Постепенное сближение с имперскими войсками и итоговое «слияние воедино «финской службы» с русской»²⁴⁸ – тезис, на котором он продолжал настаивать, вне зависимости от конкретных политических шагов имперских властей, от международных отношений и внешнеполитической ситуации в 1860–1880-е гг., наличия угроз на Балтике или их отсутствия. По его мнению, бытие окраины все больше отличалось и обособливалось от метрополии. Отлично понимая механизм мышления в национальных категориях, Катков находил это совершенно естественным, а такое поведение финнов – вполне объяснимым²⁴⁹. Национальное чувство закономерно ведет к созданию политической нации, а бытие в качестве таковой требует независимого государства. Поэтому, невзирая на всю благонадежность финнов, он оценивал финляндский особый статус как

---

²⁴⁷ Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1886 год. М., 1898. С. 276.

²⁴⁸ Там же. С. 275.

²⁴⁹ Катков М.Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся ... Вып. I. 1863 год. М., 1887. С. 885.

аномалию – равно в 1860-е и в 1880-е гг.²⁵⁰. В 1863 г. он приветствовал открытие финляндского сейма, подчеркивая полную лояльность финнов к империи и признавая их заслуги перед ней. Тем не менее уже тогда он отказывал в нормальности сложившимся между державой и окраиной отношениям²⁵¹. С годами жесткость его тона в отношении финнов только усиливалась.

Националистическое мышление Каткова хорошо проявляется при анализе аргументационной стратегии и риторических особенностей его текстов²⁵². Он даже считал нужным подчеркивать выбор соответствующей риторики: быть представителем «русского, ультра-русского, исключительно-русского» не казалось ему чем-то ненормальным²⁵³. Угрозы для национального бытия России он видел вполне реальными, рисовал их живо и образно. Общая эмоциональность его текстов, их метафорическая насыщенность апеллировали к чувствам читателей. Катков начал активно использовать исторические образы и термины, которые отсылали к периодам российской истории, вызывавшим негативные коннотации в сознании любого государственника. Призраки феодальных княжеств и смуты витали над страницами его публицистики при описании проблем национальных окраин. Аллюзии со смутным временем, как символом реальной угрозы существованию независимого российского государства, прочно поселились на страницах «Московских ведомостей» и русской консервативной мысли²⁵⁴. Использование «физиологических» метафор, сравнивающих наличие национальных окраин с действием «чужеродных тел», провоцирующих

---

²⁵⁰ Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1886 год. М., 1898. С. 275.

²⁵¹ Катков М.Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся ... Вып. II. 1863 год. М., 1887. С. 750.

²⁵² Московские ведомости. 1883. №70. 10 марта. Или Финляндская окраина России. Сборник статей ... Т.1. С. 4.

²⁵³ Катков М.Н. О печати. М., 1905. С. 16.

²⁵⁴ Александров А. Знаменательное десятилетие (Памяти М.Н. Каткова). М., 1897. С. 3, 5; Катков М.Н. О самодержавии и конституции. М., 1905. С. 12, 16.

болезнь всего организма, его разложение и распад²⁵⁵, служило той же цели. Катков красочно описывал «русского великана», которому угрожает «потеря крови, высасываемой приставленными к нему с разных сторон пиявками»²⁵⁶. Существовавший в тот период режим экономического благоприятствования финляндской окраине Катков предпочитал анализировать в категориях постоянных жертв, приносимых Россией и ее народом, своего рода «барщины на чужих»²⁵⁷. Весьма показательна также частота, с которой на страницах катковской публицистики появлялся термин «Русское государство» и даже «Русская империя» вместо Российской империи²⁵⁸.

Позиция Каткова по финляндскому вопросу образца 1880-х годов явилась закономерным итогом предшествующего двадцатилетия и содержала в себе те же исходные основания и тезисы, только выдержанные в гораздо более резком тоне. У редактора «Московских ведомостей» прибавилось аргументов, поскольку за указанный период финляндская окраина продемонстрировала серьезный рывок практически во всех областях – политической, социально-экономической и культурной. Появившееся финское национальное движение заставляло распрощаться с иллюзиями об отсутствии у финнов политического бытия, если они еще и были в 1860-е гг. Успешное развитие капитализма в ВКФ сделала еще более заметным тяготение его к западной модели развития и контраст с происходящим в центре России. Позитивный образ «лояльных финнов» сменился негативным,

---

²⁵⁵ Катков М.Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся ... Вып. I. 1863 год. М., 1887. С. 879, 888.

²⁵⁶ Он же. Передовая статья в «Московских ведомостях» от 19 марта 1883 года // Финляндская окраина России. Сборник статей ... Вып. 1. М., 1891. С. 7.

²⁵⁷ Он же. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся ... Том I. 1863 год. М., 1887. С. 884; Он же. Из передовой статьи в «Московских ведомостях» за 10 марта 1883 года // Финляндская окраина России. Сборник статей... Вып. 1. М., 1891. С. 3–5; Он же. Передовая статья в «Московских ведомостях» за 19 марта 1883 года // Финляндская окраина России. Сборник ... Вып. 1. М., 1891. С. 6–8; Он же. Передовая статья в «Московских ведомостях» за 2 апреля 1883 года // Финляндская окраина России. Сборник статей... Вып. 1. М., 1891. С. 8.

²⁵⁸ Он же. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся ... Вып. I. 1863 год. М., 1887. С. 879, 899 и др.

а эмоциональность и выразительность текстов Каткова значительно усилилась²⁵⁹.

Подведем итоги. Обсуждение «особых прав» финляндского княжества в негативном ключе появилось в российском информационном пространстве в 1860-е гг. стараниями Михаила Каткова. Автономия финнов обратила на себя его внимание в связи с польским восстанием 1863 г. Именно его публицистика в 1860–1880-е годы заложила основу для последующей борьбы противников с особыми финляндскими правами. Можно сказать, что именно тогда родился **финляндский вопрос** – как феномен общественно-политической жизни, как идейный конструкт, а вовсе не как совокупность конкретных политических решений по отдельным вопросам русско-финских отношений. Подчеркнем, что родился он **ДО** того, как в сфере этих отношений появились (и были осознаны властью) какие бы то ни было реальные проблемы – в геополитической, военной, внешнеполитической, экономической, карельской, внутривосточной (революционная угроза), культурной областях.

Такие особенности творчества Каткова, как:

- рассмотрение «национальных интересов» России в рамках создания «русской империи», соединение имперской и националистической стратегий;
- склонность рассматривать внутри-, внешнеполитические и национальные проблемы Российской империи в рамках единой системы;
- приоритет, который он отдавал идеологическим вопросам по сравнению с потребностями Real Politik;
- взгляды на механизмы и значение идеологической работы в обществе и власти.

Наконец, основные тезисы его политической программы в отношении финляндского княжества, – стали отправной точкой и неотъемлемыми

---

²⁵⁹ Витухновская М.А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков. // Многоликая Финляндия. Великий Новгород, 2004. С. 112–114.

компонентами деятельности представителей русского национального движения в финляндском вопросе в последующие годы. Роль Каткова в общем теоретическом осмыслении проблем инородцев с позиций русского национального взгляда всегда признавалась антифинляндскими экспертами, хотя ими же указывалось на то, как мало, в сущности, публицист занимался непосредственно финляндской темой²⁶⁰. Явное и скрытое цитирование его трудов было весьма характерно для антифинляндских идеологов в последующие десятилетия²⁶¹.

Обычно размежевание российского общественно-политического спектра проводят по демаркационной линии консерваторов-либералов. Нельзя не отметить тот факт, что в либеральной традиции в 1860–1880-гг. взгляд на финляндские особые права был совершенно иным. Либералы считали необходимым не только сохранение особого статуса финляндской окраины, но и видели в особенностях ее развития своего рода политический и социально-экономический ориентир²⁶². Это было закономерным следствием системы их взглядов на желаемое экономическое и политическое развитие России как капиталистического правового европейского государства. Националистическое мышление у них на тот момент практически не встречалось. Как мы видели на примере Мелихова, консервативный лагерь был гораздо менее единым. Катков представлял собой наиболее жесткий вариант отношения консерваторов к Финляндии, и эта жесткость напрямую проистекала из его националистических взглядов.

Реальных политических дивидендов творчество Каткова в финляндском вопросе на первом этапе не принесло. Уже в 1860-е гг. власти постарались

---

²⁶⁰ *Бородкин М.М.* К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читаемый в «Русском собрании») // *Русский вестник*. 1902. Июнь. С. 628. Июль. С. 181.

²⁶¹ Начало финляндских притязаний. Статья г-на Мих-а // *Русский архив*, 1890. Кн. II. Вып. 7. С. 304.

²⁶² *Витухновская М.А.* Бунтующая окраина или модель для подражания... С. 101, 105.

поставить пределы распространению Катковым его крайней позиции²⁶³. Обсуждение финляндских проблем не поощрялось: редакциям русских периодических изданий было рекомендовано молчание, все появлявшиеся статьи проводили через цензуру финляндского статс-секретариата. Инициатива по публикации материалов из Гельсингфорса в центральной прессе пресекалась «начальством». Попытка прочесть публичную лекцию в Гельсингфорском университете по вопросам покорения Финляндии не увенчалась успехом²⁶⁴. В 1870–1880-е гг. в России почти никто не следил за финляндской литературой и научной жизнью²⁶⁵.

По требованию «сверху», Катков полностью свернул обсуждение проблем национальных окраин на страницах своей газеты с 1871 и до 1882 г.²⁶⁶. Было известно также, что Катков не пользовался особенным доверием Александра II в 1863–1876 гг.²⁶⁷. Кстати, это был не единственный подобный казус. Издание «Окраины России» Юрия Самарина, в котором довольно резко трактовались вопросы развития остзейского провинциализма, было закрыто в 1868 г. Император Александр II дал по этому поводу личные пояснения²⁶⁸.

Этот сюжет наглядно демонстрирует принципиальную нетождественность Каткова и власти в тот период времени, что бы ни писали об их единстве советские историки. На этом этапе власть не принимала участия в создании и развитии финляндского вопроса как общественно-политического феномена, оставаясь на твердой почве *Real Politik*. В эпоху Каткова монархия еще сохраняла за собой возможность выбора разных национальных и имперских стратегий.

²⁶³ *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии, 1898–1904. СПб., 1997. С. 31; *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 66–67, 69.

²⁶⁴ *С.К.* Финляндские заметки. XXX. К.Ф. Ордин // Новое время. 1902. 5–18 июня. С. 2.

²⁶⁵ *Берендтс Э.Н.* Императорский Александровский университет Финляндии. Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб., 1902. С. 199.

²⁶⁶ *Чернуха В.Г.* Правительственная политика ... С. 175–181.

²⁶⁷ *Берендтс Э.Н.* Кое-что о современных вопросах. СПб., 1907. С. 97.

²⁶⁸ Православное обозрение. 1890. Май–июнь. С. 292–293.

1880-е гг. ознаменовались скорее дальнейшим расширением финляндской автономии. Были созданы отдельные финские воинские части. С 1886 г. Сейм получил право возбуждать законодательные вопросы, созыв земских чинов производился каждые три года. В тот же период активно работала комиссия Вейсенберга по выработке нового уголовного уложения, составленного в интересах финнов. С такими результатами эпоха Михаила Каткова закончилась, а инициатива в развитии финляндского вопроса в общественно-политическом пространстве перешла к другим действующим лицам.

§ 3. Антифинляндский бум в российском информационном пространстве в конце 1880-х – 1890-е гг.

Важнейшим для понимания сути финляндского вопроса является описание и анализ присутствия финляндской тематики в российском информационном поле в эпоху правления Александра III и Николая II. Термин «информационное поле» введен не случайно. Наиболее заметную его часть, несомненно, составит пресса. Именно в рассматриваемый период пресса в Российской империи становится средством относительно массовой информации – и это ставит финляндский вопрос в контекст общественно-политической борьбы, что не могло не отразиться на его специфике и развитии. Но важно учесть и другие виды публикаций по этому вопросу, качественно иные, по сравнению со злободневными газетными материалами. Они также были частью информационного поля и могли играть важную роль в формировании антифинляндских мировоззренческих установок представителей власти и общества.

В 1880-е гг. в печати еще царил тишина относительно финляндских проблем. Например, в выпусках «Московских ведомостей» мы не найдем даже

телеграмм с окраины – постоянного явления ближе к началу XX в.²⁶⁹. Газета без всякой иронии цитировала слова Александра III о монаршем «доверии и благоволении к финскому народу» и охотно напоминала, что государь имел возможность убедиться «в добрых качествах» финляндских подданных²⁷⁰. Значимым исключением были редкие статьи общеидеологического плана, без информационного повода – но с непременным «национальным» оттенком. Их авторы выражали надежду на то, чтобы «совершился спасительный кризис в русском мнении и чтоб оно стало действительно русским во всех своих оттенках»²⁷¹. Российскую империю называли уже в тот момент «Русской Землей»²⁷², оппонентов ругали за «пристрастие к чужеземщине»²⁷³. Это можно считать маркером тлеющего противостояния имперской и национальной парадигм. Традиции Михаила Каткова в этом смысле не прерывались, но к Финляндии это пока не имело отношения.

До публикаций Каткова все упоминания Финляндии были посвящены отдельным частным сюжетам и не могут быть включены в «финляндский вопрос» по определению, за отсутствием в них конфликтности, столкновения интересов и собственно формулирования каких бы то ни было политических проблем²⁷⁴. Его статьи тоже не повлекли за собой широкого общественного обсуждения финляндского вопроса, оставаясь вплоть до 1880-х гг. исключением. Когда «Катков замолкал, о Финляндии забывали»²⁷⁵. Для широких слоев населения край представлялся скорее каким-то курьезом, о котором было очень мало известно»²⁷⁶. Сохранилось множество свидетельств крайнего равнодушия российского читателя к финляндским проблемам.

²⁶⁹ Московские ведомости. 1881. № 245. 4 сентября. С. 4 и другие выпуски сентябрь.

²⁷⁰ Московские ведомости. 1882. № 18. 18 января. С. 3.

²⁷¹ Московские ведомости. 1882. № 1. 1 января. С. 2. То же самое и в: Московские ведомости. 1908. № 1. 1 января. С. 1.

²⁷² Московские ведомости. 1882. № 1. 1 января. С. 2.

²⁷³ Московские ведомости. 1882. № 60. 1 марта. С. 3.

²⁷⁴ *Бородкин М.М.* Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии. СПб., 1902.

²⁷⁵ *С.К.* Финляндские заметки. ХХХ. К.Ф. Ордин. // Новое время. 1902. 5–18 июня. С. 2.

²⁷⁶ *Вихавайнен Т.* Новая ситуация – новая идентичность. В кн.: Два лика России. СПб., 2007. С. 372.

Финны даже обвиняли русскую либеральную печать в пренебрежении темой ВКФ²⁷⁷.

С конца 1880-х гг. ситуация качественным образом меняется. Анализ российского информационного пространства 1890-х – начала XX вв. (преимущественно его правого сегмента) оставляет субъективное ощущение колоссального интереса российской публики к проблемам Финляндии. Определилась группа авторов, регулярно публикующих статьи и отдельные работы по финляндскому вопросу в духе Каткова. Количество публикаций в консервативной прессе было настолько большим, что можно говорить об антифинляндских кампаниях. Особенно активными были консервативные издания во главе с «Московскими ведомостями». Собранные и изданные вместе в 1890-е гг., эти статьи составили три объемных тома²⁷⁸. Финляндский вопрос активно и очевидно для современников развивался в первую очередь как медийный феномен. Как констатировали либеральные авторы в мае 1890 г., «нападения на Финляндию и финляндские порядки все больше и больше входят в обиход известных органов нашей печати. В «Московских ведомостях», например, они сделались почти такой же ежедневной газетной рубрикой, как метеорологический бюллетень или список театральных представлений. Чрезвычайно редкое явление составляет, наоборот, газетная или журнальная статья, относящаяся к Финляндии дружелюбно или хотя бы беспристрастно»²⁷⁹. Общественный интерес рос пропорционально. Можно было бы высказать предположение, что это нормальная реакция печати и публики на «информационный повод». Российская монархия начала предпринимать определенные действия по ограничению финляндской автономии – и эти усилия закономерным образом получили освещение в

---

²⁷⁷ Растление гельсингфорской полиции. Берлин, 1902. С. 82–83.

²⁷⁸ Финляндская окраина России. Вып. 1–3. М., 1891–1897.

²⁷⁹ Вестник Европы. 1890. Май. Из общественной хроники. С. 422.

прессе²⁸⁰. Однако, есть обстоятельства, которые позволяют оспорить эту гипотезу.

Во-первых, сохранилось достаточно много свидетельств современников, отмечавших начало «нападок» на финляндские особые права в прессе раньше, чем были предприняты активные правительственные шаги. Они связывали их с деятельностью определенной группы лиц, нередко маркируя их как представителей «русского национального начала». Во-вторых, эти наблюдения совпадают с анализом собственно печатных изданий, сопоставлением времени появления публикаций на финляндские темы с действиями правительства. В-третьих, описанное положение дел было свойственно вовсе не всей прессе, и что более важно – далеко не всем консервативным изданиям! Как в к. 1880-х, так и в н. XX в. даже в консервативных изданиях могли отметить, что финляндские проблемы не обладают особенной актуальностью для России²⁸¹. Объясняется третий пункт очень просто – те авторы, которые проявили активность в данном вопросе, физически не могли работать в каждом печатном органе. Несмотря на частые выводы исследователей о качественном ухудшении образа финнов в российском общественно-политическом пространстве в 1890-е гг., надо отметить, что в этот же период публиковались и вполне нейтральные материалы. Их авторы не относились ни к группе антифинляндских публицистов, ни к полемизирующим с ними либералам. Закономерно их изложение отличалось гораздо более спокойным тоном, а образ финнов рисовался в гораздо менее мрачных красках. Например, составитель популярных исторических «чтений для народа» (дешевых пятикопеечных брошюр) Ф.Ф. Пуцыкович отмечал в 1898 г. наряду с некоторой «угрюмостью и молчаливостью» такие черты финнов как религиозность и набожность, грамотность и феноменальное трудолюбие, благодаря которому они

---

²⁸⁰ Как это и делалось в отдельных работах: *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982. С. 111.

²⁸¹ *Сугоняев Тим.* Автономия. М., 1906. С. 16.

осваивают свой суровый край, «все шире развивают свою промышленность и торговлю; все глубже распространяют образование народа»²⁸². Наличие этой группы изданий и в целом остающееся вполне спокойным отношение русского общества к финляндской окраине также свидетельствует об отсутствии реальных и очевидных для всех проблем, связанных с княжеством, на всем протяжении 1890-х.

В отличие от историков XX в., современники не раз высказывали предположение, что финляндский вопрос зародился не столько на просторах озерного края, сколько в головах представителей определенной части русской прессы и некоторых русских государственных деятелей «искусственно»²⁸³. Они указывали на факт «долгих и упорных» кампаний против финляндских вольностей, развернутых русскими правыми «в брошюрах, статьях и книгах»²⁸⁴, не связывая это с действиями русского правительства, скорее усматривая в этом параллельные процессы²⁸⁵ либо отмечая вторичный характер действий по сравнению с кампаниями²⁸⁶.

Так, финляндский автор утверждал в 1900 г., что примерно за 15 лет до этого «реакционная партия в России начала, при помощи целого ряда газетных и журнальных статей, брошюр и книг, ожесточенную атаку против автономии и привилегий Финляндии ... начала подстрекать русское правительство – уничтожить финляндские привилегии», а царь выполнял в этом процессе роль «мягкой куклы в руках реакционной камарильи»²⁸⁷. Авторы

²⁸² Финны. Чтение для народа. Сост. Ф.Ф. Пуцыкович. СПб., 1898. С. 13–14, 16.

²⁸³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3152. Л. 66, 94; *Бородкин М.М.* К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читанный в Русском собрании) // Русский вестник. 1902. Июнь. С. 626–628; Июль. С. 191; Материалы по финляндскому вопросу. Берлин, 1901. С. V; Мысли о современном положении Финляндии. Лондон, 1900. С. 3, 15, 21, 52 (о Мессароше), 55 (о Гольмстреме), 57–60, 70; *Ордин Б.К.* О правах России на Финляндию. СПб., 1906. С. 8; Россия и Финляндия. Очерк Л.М. Василевского. СПб., 1906. С. 4; Русская политика насилия в Финляндии. Берлин, 1902. С. 19; Финляндский разгром. Purleigh, 1900. С. 13–14.

²⁸⁴ *Руссоботовский М.* Историческое освещение «финляндского вопроса». СПб., 1910. С. 30.

²⁸⁵ *Одинец Д.М.* Национальный вопрос // *Ab Imperio*. 2001. №1–2. С. 334.

²⁸⁶ *Хедегренн Иоанн.* Лео Мехелин. Биографический очерк. СПб., 1908. С. 11–12.

²⁸⁷ Финляндский разгром. Purleigh, Maldon, Essex, England. 1900. С. 3–5, 13–14; 30; *Civis Fennicus (Лео Мехелин).* Опровержение книги М.М. Бородкина «С.К. Михайлов:

«всеподданнейшего адреса финского народа» упоминали, что «финляндские события изображаются некоторыми русскими газетами и их публицистами в превратном свете», что эта линия была начата еще в 1880-х гг. «некоторыми русскими писателями» и допускала «невероятные искажения исторических фактов»²⁸⁸. Мехелин указывал на начало 1880-х гг., как на время появления враждебных Финляндии материалов в отдельных органах русской печати (с «Московскими ведомостями» во главе) и писал о «шайке русских публицистов-шовинистов»²⁸⁹, весьма активной при распространении своей программы. Аналогичным образом отмечался рост интереса к ВКФ в 1880-х гг. в сборнике Протопопова, лояльном к финляндцам²⁹⁰.

Пальму первенства в пробуждении финляндского вопроса, начиная с 1880-х гг., отдавали группе публицистов и иностранные наблюдатели. Начало активных действий правительства на этом поприще считалось лишь следствием²⁹¹. «Петербургский корреспондент «Times» отмечал, что «нападки русской прессы на поляков, поляков, балтийских немцев и закавказских армян носят гораздо более мягкий и случайный характер, по сравнению с нападками на безобидных финляндцев» и указывал также на издание ряда книг, преследующих те же цели²⁹².

«Группа чиновников» и «группа публицистов», а вовсе не самодержавие, нередко фигурируют в разных источниках в качестве основных «авторов» финляндского вопроса, неотделимо друг от друга. Но постепенно

юридическое положение Финляндии. Заметки по поводу отзыва Сейма 1899 г.». СПб., 1901. С. 103.

²⁸⁸ Всеподданнейший адрес финского народа Его Величеству Императору и Великому Князю по поводу Высочайшего манифеста от 29 июня (12 июля) 1901 года и Высочайше утвержденного того же числа так называемого закона о воинской повинности Великого княжества Финляндского. СПб., 1901. С. 1, 6.

²⁸⁹ Мехелин Л. Противоречат ли права Финляндии интересам России? По поводу финляндского вопроса. Гельсингфорс, 1890. С. 1–2, 57; *Civis Fennicus* (Лео Мехелин). Опровержение книги М.М. Бородкина «С.К. Михайлов: юридическое положение Финляндии. Заметки по поводу отзыва Сейма 1899 г.». СПб., 1901. С. 103.

²⁹⁰ Финляндия. Под ред. Д. Протопопова. СПб., 1898. С. 30.

²⁹¹ Finland im Abfang des XX Jahrhunderts. Helsingfors, 1919. S. 653.

²⁹² Финляндский разгром. Purleigh, Maldon, Essex, England. 1900. С. 31–32.

становилось ясно, что представители этих групп получили доступ и во властные структуры. Анализируя искусственное возникновение финляндского вопроса, противники политики унификации обращали внимание на союз части русской прессы и представителей высшей бюрократии²⁹³. В финляндских источниках говорилось о роли печати и правительственных комиссий как основных площадках обсуждения финляндского вопроса вплоть до столыпинского времени²⁹⁴. Ниже будет показано, что как правило на обеих площадках наиболее активно взаимодействовали одни и те же люди.

Финны четко связывали политику генерал-губернатора Бобрикова с группой людей, имеющих непосредственное отношение к прессе: с сотрудником, а с 1896 г. редактором «Московских ведомостей» В. Грингмутом, редактором газеты «Свет» В. Комаровым, редактором «Нового времени» А. Сувориным и другими. Влияние на императора и общую политику власти приписывалось ими группе лиц, в которую через запятую включались не только Плеве и Бобриков, но и упомянутые издатели газет, а также авторы антифинляндских материалов в прессе и книг по этой теме («лига националистов»)²⁹⁵.

Сопоставление с библиографическими материалами показывает, что современникам не показалось: первые, если не считать Каткова, пока еще редкие публикации по финляндскому вопросу будущих русских экспертов в этой области действительно были напечатаны в 1880-е, хотя их публикация и не носила того систематического характера, который обретет впоследствии. «Московские ведомости» собственно и сами писали о группе «русских прозорливцев» – К.Ф. Ордине, К.И. Якубове, Ф.П. Еленеве, Абове (псевдоним

²⁹³ Материалы по «финляндскому вопросу». Берлин, 1901. С. V–VI; *Мехелин Л.* Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор Лео Мехелина. СПб., 1908. С. 3; Россия и Финляндия. Очерк Л.М. Василевского // Политическая библиотека «Биржевых ведомостей». Вып. 9. СПб., 1906. С. 4.

²⁹⁴ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1, Д. 485. Выписки из финляндских газет по «финляндскому вопросу». Л. 2–3; *Мехелин Л.* Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор Лео Мехелина. СПб., 1908. С. 3.

²⁹⁵ Русская политика насилия в Финляндии. Берлин, 1902. С. 3–4, 10–13, 19, 24, 29, 39, 40.

Михаила Бородкина), П.И. Мессароше и других, раскрывших русскому обществу глаза на «финляндскую ложь»²⁹⁶. Характерно, что центральную роль «группы влиятельных финноведов», публицистов и интеллектуалов (прежде всего, историков и юристов) в «неожиданном» возбуждении финляндского вопроса в к. 1880-х признавали как финны, так и русские, как сторонние наблюдатели, так и лица, причастные к антифинляндской политике на самом высоком уровне, как представители либеральной общественности, так и правые круги, включая самих членов упомянутой группы или связанных с ними лиц²⁹⁷. Так, например, российские либералы констатировали, что все финляндские угрозы «живут едва ли не только в головах некоторых из русских государственных деятелей и недобросовестной части русской прессы с «Московскими ведомостями» и «Новым временем» во главе»²⁹⁸. А один из активных участников правительственных комиссий н. XX в., юрист Э.Н. Берендтс упоминал среди вовлеченных лиц последовательно Каткова, Ордина, Еленева, Петровского, Коркунова, Мессароша, Бородкина, Сергеевского и других²⁹⁹. Он оценивал политику монархии 1890-х в крае скорее позитивно, однако стратегию в отношении края после революции 1905–1906 гг. характеризовал как недальновидную и объяснял ее именно победой группы «национальных шовинистов» в правительственных кругах. Время появления этой группы и начала распространения ею своего влияния он датировал

---

²⁹⁶ Московские ведомости. 1901. 20 января (2 февраля). С. 1.

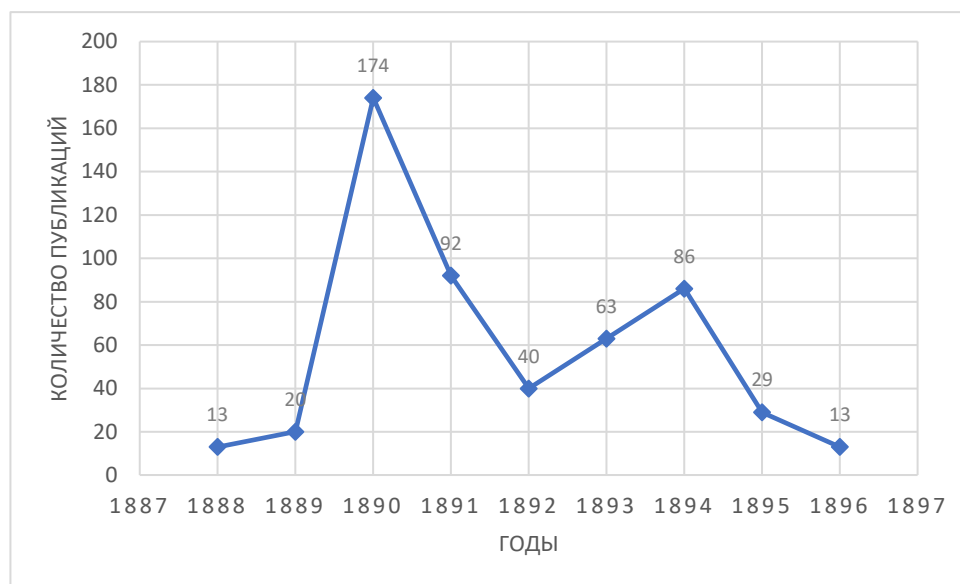
²⁹⁷ Берендтс Э.Н. Статьи по поводу речи члена Государственной Думы П.Н. Милюкова 13 мая 1908 года при рассмотрении вопросов по Финляндскому управлению. СПб., 1910. С. 48; Бородкин М.М. К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читанный в Русском собрании) // Русский вестник. 1902. Июнь. С. 626–628; Июль. С. 191; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 125–126; Исторический вестник. 1891. Август. Рецензия на труд Ф. Еленева «Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам». С. 477; Крыжановский С.Е. Воспоминания. Б/г, б/д. С. 218; Ордин Б.К. О правах России на Финляндию. СПб., 1906. С. 8.

²⁹⁸ Василевский Л.М. Россия и Финляндия. Очерк. Политическая библиотека «Биржевых ведомостей». СПб., 1906. С. 4.

²⁹⁹ Берендтс Э.Н. Кое-что о современных вопросах. СПб., 1907. С. 76.

началом 1890-х³⁰⁰. Имена этих лиц можно выявить на основании широкого круга источников, их деятельности посвящена вторая глава настоящей работы.

На графике динамики газетных публикаций в «Московских ведомостях» по проблемам Финляндии за 1888–1896 гг. хорошо виден резкий скачок публикаций, относящийся к 1890 г.³⁰¹.

Если говорить об общей динамике публикаций на «финляндскую тему» в «Московских ведомостях» за вторую половину XIX в., то мы увидим небольшой всплеск интереса в середине 1850-х, связанный с событиями Крымской войны, далее в 1860-х гг., объясняющийся публикациями Каткова. Уверенный рост начинается только с к. 1880-х, а пик приходится на 1899 г.

На основании библиографии, составленной Бородкиным³⁰², можно утверждать, что в рассматриваемый период финляндская тематика поднималась в 348 периодических изданиях. Наименее важными были публикации в сугубо «специальных» изданиях (например, «Русское лесное

³⁰⁰ Там же. С. 101–102.

³⁰¹ Подсчет произведен по книге: «Финляндская окраина России». Вып. I–III. М., 1891–1897. Цифры отличаются от данных библиографического сборника Бородкина, но динамика по всплескам носит идентичный характер. Разброс в цифрах объясняется спецификой организации материала у Бородкина и Петровского: у первого каждая статья (даже разбросанная по разным номерам) посчитала за одну единицу учета, у второго – отдельно учитывается каждая публикация в отдельном номере, даже если она представляет собой параграф или часть одного общего материала.

³⁰² Здесь и далее в этом параграфе расчеты делались по следующему изданию: Бородкин М.М. Финляндия в русской печати. СПб., 1901.

дело») или разнообразных «ученых записках», а также официальных/ведомственных изданиях («Правительственный вестник»). Их число составляет примерно 1010. Насколько можно судить по их названиям, их тематика в массе своей не была связана с политическими гранями финляндского вопроса.

Особняком стоят отдельные книги (в том числе небольшого формата, либо большие главы в отдельных изданиях). За весь период с 1861 по 1901 гг. их вышло чуть более 600. При этом за период с 1861 по 1885 – 211. С 1886 по 1888 выходило порядка 10 книг в год. В 1889 произошел скачок – вышло 32 книги, в 1890 – 37 и в дальнейшем показатели держались примерно между 20 и 30 книгами в год.

Провинциальная периодическая печать практически не проявляла интереса к финляндской тематике. За весь период с 1861 по 1901 гг. можно говорить о 49 публикациях в провинциальных изданиях (и 439 – в «профильных» «Кронштадтском вестнике» и «Олонецких губернских ведомостях»). По понятным причинам, особняком стоят материалы «Финляндской газеты» (560 публикаций только за 1900 г.).

На основании данных библиографии Бородкина виден меньший интерес либеральных изданий к финляндской теме (что подтверждается данными других источников). Например, в ключевые для финляндского вопроса 1889 и 1890 гг. «Биржевые ведомости» вообще не опубликовали ни одного материала по его поводу, «Вестник Европы» опубликовал 2 в 1889 и 13 в 1890-м. Общее число публикаций с 1861 по 1900 – **121** (в основном за счет «Вестника Европы»).

Сравним эти цифры с данными по консервативным изданиям. Были выбраны для анализа «Московские ведомости», «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Свет». Всего за период с 1861 по 1900 в них было опубликовано **1740** материалов по темам, связанным с ВКФ, из них 595 – в «Московских ведомостях», 565 – в «Новом времени». В «Свете» вышло 372 материала – причем, начиная с 1889 г. (издание выходило с 1882 г., и до

1889 «финляндской тематикой» не занималось, первый значимый год для него – 1890 (28 материалов)). На порядок меньше – 208 – было опубликовано в «Санкт-Петербургских ведомостях». Разница показательна, первые издания были теснее связаны с публицистами условной группы Бородкина, насколько удалось выяснить по косвенным источникам). Из этих же изданий в 1889 и 1890-м гг. активнее вели себя «Московские ведомости» (42 публикации против 31 в «Свете», 27 в «Новом времени», и 8 в «Санкт-Петербургских ведомостях»).

Данные по распределению публикаций по годам в отдельных изданиях представлены в Приложении II. На всех графиках видны два скачка. Если второй из них можно еще связать с банальным реагированием прессы на значимые изменения правительственной политики в связи с уже привычным информационным поводом (генерал-губернаторство Бобрикова и февральский манифест 1899 г.) либо со стремлением правительства обеспечить себе информационную поддержку (хотя на этот счет не удалось найти никаких данных), то резкий всплеск публикаций в 1889 – 1890-х не выглядит объяснимым (никаких существенных публичных шагов пока предпринято не было).

Это действительно был шквал публикаций. Как отмечали финляндские публицисты в 1902 г., «литература последних лет по финляндскому вопросу уже принимает в количественном отношении такие размеры, что трудно маломальски занятому человеку, не специалисту по юридическим или государственным наукам, хотя бы поверхностно знакомиться со всем тем, что писалось по поводу известного «coup d'état» от 3–15 февраля 1899»³⁰³. Попадая в информационное пространство, тезисы антифинляндских статей начинали жить своей жизнью и тиражироваться уже без осознанных усилий их авторов. Эксперты по финляндскому вопросу отлично знали, что многие менее солидные газеты заимствуют, с теми или иными купюрами или изменениями,

---

³⁰³ Русская политика насилия в Финляндии. Берлин, 1902. С. 1.

их статьи из «Московских ведомостей» или других «профильных» изданий, умалчивая при этом об источниках. Порой это распространение принимало каскадный характер, когда сведения, например, из передовицы «Московских ведомостей» отправлялись в «Неделю», затем в «Новое время», в «Петербургскую газету», в «Свет», в «Русскую жизнь» и т.д.³⁰⁴.

Очень сложно сказать, в какой момент к инициативе «известных лиц» по освещению финляндского вопроса в прессе добавились негласные санкции властей. В конце 1880-х – 1890-е гг. антифинляндский дискурс воплощался в отдельных исторических сочинениях и газетных статьях, проекты по ограничению автономии не шли дальше письменных столов отдельных чиновников, а общество не проявляло к княжеству большого интереса. Инициативы Александра III быстро сошли на нет. Только спустя два года после воцарения Николая II власть перешла к решительным шагам в отношении «вольностей» княжества. Факт использования прессы властью в период премьерства Столыпина широко известен и есть прямые доказательства, что подобное влияние осуществлялось и в связи с финляндским вопросом. Так, Столыпин оставлял подробные рекомендации И. Гурлянду³⁰⁵ на предмет того, что именно должна включать в себя «статейка по финляндскому вопросу», а потом полученный вариант визировал³⁰⁶. Сознательное и систематическое использование прессы для проведения антифинляндских информационных кампаний обсуждалось на самом высоком уровне, но найденные прямые доказательства относятся, в первую очередь, к периоду н. 1910-х гг.³⁰⁷.

³⁰⁴ ОР РГБ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 15. Л. 5. Приводимый Бородкиным пример относится к 1894 г.

³⁰⁵ Юрист Илья Гурлянд был чиновником особых поручений при Министре внутренних дел Плеве с 1903 г., а с 1907 г. – членом совета МВД и ближайшим сотрудником Столыпина. По совместительству он был редактором правительственной газеты «Россия» (1906–1914) и директором Бюро прессы.

³⁰⁶ *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 332 (записка И.Я. Гурлянду от 5 июля 1909 г.).

³⁰⁷ Записи А.Н. Яхонтова, сделанные во время заседаний Совета министров в 1914–1916 гг. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 182.

Весьма любопытно также совпадение той роли, которую играла публицистика в развитии тех или иных инородческих вопросов. Так, например, понятие «остзейский вопрос» как проблема внутренней политики Российской империи впервые появилось на страницах консервативной публицистики во второй половине XIX в.³⁰⁸. Сама гипотеза об искусственности конструирования образа финна-врага в общественно-политическом пространстве империи заставляет вспомнить об аналогичном процессе конструирования полонофобии «более или менее националистически ориентированными деятелями», равно как и о проблеме участия в этом процессе властей – центральных и местных³⁰⁹.

Сочинения антифинляндского характера систематически публиковались с начала 1890-х не только в прессе. Как будет показано во второй главе, тема ограничения «особых» прав ВКФ также раскрывалась в многочисленных исторических и юридических трудах, а также в публицистических брошюрах, и этот процесс шел по нарастающей.

Подведем итоги. Подзабытая со времен Михаила Каткова, тема о необходимости нивелирования финнов до положения рядовых подданных вновь начинает муссироваться в коммуникационном пространстве империи в конце 1880-х – начала 1890-х гг. Антифинляндские кампании шли волнообразно, пика достигли к 1890 г., начала XX в. и в период премьерства П.А. Столыпина. Основными каналами коммуникации выступали периодические издания консервативного направления: «Московские ведомости» (выступившие флагманом), к ним чуть позже присоединились «Новое время», «Свет», «Гражданин», «Наблюдатель», «Россия», «Окраины России», «Финляндская газета» и ряд других, менее значимых; брошюры на финляндскую тематику, выпускаемые Государственной типографией и

---

³⁰⁸ Андреева Н.С. «Остзейский вопрос» в реформаторских планах правительства (1900–февраль 1917 года). // Исторические записки. 12 (130). М., 2009. С. 203.

³⁰⁹ Долбилов М.Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. М., 2005.

распространяемые в официальных учреждениях³¹⁰; сочинения известных авторов, входивших в состав комиссий по финляндскому вопросу и связанных с выработкой политики в крае³¹¹. Антифинляндский дискурс реализовывался в нескольких жанрах (исторические сочинения, юридические трактаты, газетные публикации, пропагандистские брошюры, речи политиков).

Исследователи обычно понимают под финляндским вопросом в первую очередь практические шаги имперской власти (и ответные – финляндской стороны) и в этой же плоскости рассматривают причины поворота Петербурга к унификации. На наш взгляд, этот подход нуждается в известной корректировке.

Финляндский вопрос – общественно-политический феномен, сложившийся вокруг конфликта финляндской и русских сторон по поводу определения статуса ВКФ в составе Российской империи во второй половине XIX – начала XX вв. Он имел как минимум две важнейшие составляющие:

- Политическую (реальные политические шаги российских официальных властей, направленные на унификацию и русификацию ВКФ);
- Идеологическую (все грани присутствия финляндской проблематики в информационном пространстве Российской империи, в том числе появление огромного массива текстов, посвященных ранее совершенно не интересным для основного населения империи финляндским делам).

Рассмотрим конкретные обстоятельства появления этих текстов и отношение их создателей к «реальной», политической стороне финляндского вопроса подробнее.

---

³¹⁰ Берендтс Э.Н. По поводу воззваний иностранных ученых относительно прав Финляндии. СПб, 1910; Богданович Е.В. Школа патриотизма. СПб, 1908 и др., всего более ста изданий на русском и иностранных языках.

³¹¹ Наиболее плодовитым из них был М.М. Бородкин, в общей сложности более ста работ на финляндскую тематику (и это число относится только к тем работам, для которых его авторство установлено однозначно).

**II. Деятельность группы интеллектуалов-националистов
вокруг финляндской проблемы и ее влияние на политику
русификации Финляндии**

**§1. К.Ф. Ордин, его единомышленники и их роль в актуализации
финляндского вопроса в 1880–1890-е гг.**

Данная глава посвящена исследованию деятельности отдельных людей, которые оказались не просто связанными с финляндским вопросом, но, по нашей гипотезе, были непосредственно причастны к его возникновению и развитию. Именно их деятельность, на наш взгляд, позволяет объяснить многие из тех нестыковок и лагун в понимании финляндского вопроса, о которых говорилось выше. В конце XIX – начале XX вв. некоторые из этих имен были известны достаточно широкой публике, другие так и остались в тени. После революции об их роли и о них самих забыли.

К началу XX в. они располагали репутацией экспертов в области русско-финляндских отношений. Это был достаточно устоявшийся термин, с которым были согласны (и сознательно эксплуатировали его) они сами. Термин отражал отношение к этой группе части российской правящей элиты и правых общественных сил. Поэтому в данной работе он также используется. Вместе они составляли достаточно сплоченную группу, исповедуя схожие взгляды на вектор политического развития Российской империи (особенно в национальном вопросе) и на желательный образ действий. Предварительно, этих деятелей можно обозначить как членов русского национального движения. Рассмотрим подробнее их вклад в развитие финляндского вопроса.

С началом правления Александра III идеология русского национального движения получила новый толчок для своего развития. Трагическая гибель царя-реформатора дала дополнительный импульс обострению конфликта между консервативной и либеральной политическими практиками, между идеологами европейского и русского путей развития, между сторонниками и противниками реформ. Выбор модели имперского развития и решения национальных проблем также происходил в данном контексте.

Усложняющееся информационное пространство Империи представляло собой поле, в котором различные политические силы предлагали свое видение спорных вопросов, а также постепенно осознавали возможности влияния друг на друга через печатные издания. Параллельно те же задачи на своем уровне решались и в финляндском обществе, где рост национального самосознания, экономическое и политическое развитие заметно прогрессировали по сравнению с 1860-ми гг.

С фигурой Александра III оказался связан выбор российской монархии между династическим и национальным типами легитимации – в пользу последнего³¹². Закономерным образом, в ходе его царствования все большее влияние в общественно-политическом пространстве получала риторика «русского взгляда» на внешнюю и внутреннюю, в том числе и национальную политику. Этот переход осознавался в обществе и, несмотря на все неясности и наличие разных трактовок в его содержании, внешне получал очень четкие формулировки. Любопытно, как в нескольких строчках, спустя много лет, охарактеризовал последние два царствования сын известного «антифинляндского» деятеля Н. Сергеевского, Борис: «Оба государя ставили себе задачами: извне мир и невмешательство в чужие дела; внутри – сохранение неограниченной монархии и защита прав русского народа от захвата их инородцами»³¹³.

Александр III нередко позиционировался именно как «русский национальный государь», занимавший «правильную» позицию в отношении инородцев³¹⁴. «Московские ведомости» рассказывали об «историческом подвиге Каткова в эпоху польского восстания... польского вопроса, решение

³¹² Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Том 3. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2016. С. 187, 191; *Уортман Р.* Сценарии власти. М., 2004. Т. II.

³¹³ *Сергиевский Б.Н.* Прошлое земли русской. Нью-Йорк, 1954. С. 132.

³¹⁴ *Ковалевский П.И.* Александр III, царь-националист. СПб., 1912; С.К. Финляндские заметки. XXX. К.Ф. Ордин // Новое время. 1902. 5(18) июня. С. 2; *Риттих А.Ф.* Обиженный край. СПб., 1911. С. 30.

которого было началом новой эры – русской национальной политики»³¹⁵ и возлагали на нового монарха большие надежды по ее продолжению.

Интересна характеристика, данная истокам финляндской политики Александра III историком Петром Майковым³¹⁶: император любил Финляндию, но был в то же время «истинно русским человеком», а значит «всеми мерами заботился об охранении основных начал русской народности, т.е. православия, русского языка и государственной власти», что и отразилось на его политике в княжестве³¹⁷. Известный поэт и публицист В.Л. Величко (националист по убеждениям)³¹⁸ называл Александра «венценосным провозвестником и ревнителем русской национальной идеи»³¹⁹.

Вместе с тем, переход монархии к идеологии «русского национального движения» состоялся только при Николае II. Период 1880-х– начало 1890-х гг. – переходный, когда новая идеологическая платформа только начинала утверждаться в сфере практической политики. Сказались и личные особенности императора. Александр III – прагматичный политик – в споре между идеологически «правильным» и практически осуществимым/полезным в данный момент, нередко выбирал последнее. Он, безусловно, сочувствовал «русской национальной парадигме», но еще только нащупывал пути и методы ее претворения в жизнь.

Есть немало доказательств негативного отношения Александра III к финляндским особым правам. Но он так и не решился предпринять реальные политические шаги по их ограничению. Хорошие отношения с финнами остались для него важнее. Сохранились свидетельства о принципиальном отношении императора к своему слову. В случае с ВКФ это выражалось в

³¹⁵ Московские ведомости. 1889. 10 марта. С. 3.

³¹⁶ Историк поддерживал политику унификации ВКФ, был одновременно членом Государственного совета.

³¹⁷ *Майков П.М.* Финляндия. История и культура. Ее прошедшее и настоящее. СПб., 1911. С. 390.

³¹⁸ Величко – один из организаторов Русского собрания, находился в тесном контакте с Грингмутом, был знаком с Бородкиным.

³¹⁹ *Величко В.Л.* Интересное время // Величко В.Л. Русские речи. Полное собрание публицистических сочинений В.Л. Величко. Т. 2. СПб., 1905. С. 12.

крайней осторожности при принятии решений, кажушихся ему стратегически верными, но противоречившими данным им ранее обещаниям³²⁰.

Как отмечал известный знаток финляндского вопроса Э.Н. Берендтс, «первые восемь лет царствования Императора Александра III были апогеем конституционного развития Финляндии»³²¹. Он начал свое правление, реализовав намерение отца дать ход законопроекту о предоставлении земским чинам права предложения «по всем вообще предметам законодательства, требующим их содействия», за исключением тех, в которых монарх счел бы необходимым сохранить инициативу за собой³²². Он не просто формально подтвердил «религию, основные законы, права и привилегии» финнов сразу по вступлении на престол, но сделал это «с душевным удовольствием, памятуя многочисленные доказательства неизменной преданности и признательности жителей этого края к Своему государю»³²³. Такую позицию транслировали в тот момент и «Московские ведомости»³²⁴. Лояльность финнов была общепризнанным фактом³²⁵. Вплоть до 1890 г. их автономия расширялась.

Подробная характеристика отношения Александра III к финляндскому вопросу необходима, поскольку проблема «авторства» политики русификации – одна из наиболее сложных в этой истории. Становится очевидным, что не Александру принадлежала роль локомотива в переводе политики Петербурга на «антифинляндские рельсы». Теперь попробуем нащупать причины актуализации финляндского вопроса в информационном пространстве

---

³²⁰ Об этом рассказывал Карл фон Ден. См.: *Аренберг Як*. Из новейшей истории Финляндии // *Голос минувшего*. 1916. № 9. С. 166.

³²¹ *Берендтс Э.Н.* Кое-что о современных вопросах. СПб., 1907. С. 100.

³²² Речь Александра III при открытии сейма в Гельсингфорсе 12(24) января 1882 г. // *Акты для выяснения политического положения Великого княжества Финляндского*. СПб., 1908. С. 74.

³²³ *Борениус Г.* Акты для выяснения политического положения Великого княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1890. С. 52–56.

³²⁴ *Московские ведомости*. 1882. № 18. 18 января. С. 3.

³²⁵ *Лунтинен П.* Отношения между финнами и русскими во времена Великого княжества Финляндского (1809–1917). В кн.: *Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII – XX вв.* М., 2006. С. 62.

империи, рассмотрев деятельность отдельных энтузиастов, на первый взгляд, не имевших отношения к власти.

В отличие от предшествовавшего периода, в 1880-е гг. первоначальный толчок к обсуждению проблем, существовавших в русско-финляндских отношениях, был дан не столичными теоретиками, а малоизвестными широкой публике фигурами. Независимо друг от друга этой темой стали заниматься несколько человек, связанных с Финляндией местом своего рождения, определенным периодом проживания в крае, либо профессиональными интересами.

В 1881 г. на пост финляндского генерал-губернатора был назначен Ф.Л. Гейден³²⁶. С его именем были связаны первые попытки донести до имперской власти представления о финляндских «нестроениях» (а также в целом изменить ситуацию с принятием решений по княжеству, о чем сам Гейден позднее рассказывал Бобрикову³²⁷). Под его эгидой уже в 1881 г. был выработан проект общих законов, который впоследствии обсуждался в рамках комиссии Бунге и был предтечей борьбы за общегосударственное законодательство в III Думе³²⁸. Все это позволило впоследствии представителям русских национальных взглядов достаточно высоко оценивать его генерал-губернаторство. В 1888 г. в шведском обществе уже можно было услышать отголоски опасений среди финляндцев слухов о будущем ограничении их автономии³²⁹. Впрочем, активность Гейдена пока

---

³²⁶ А министром статс-секретарем по финляндским делам – Т. Брун, в общем и целом, проводивший линию того же Гейдена. См.: *Суни Л.В.*. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982. С. 13, 29; *Юссила О.* Великое княжество Финляндское... С. 476.

³²⁷ Всеподданнейшая записка финляндского генерал-губернатора. 1898–1902. СПб., 1902. С. 10. Имеется в виду лоббирование упразднения Комитета по финляндским делам при статс-секретариате.

³²⁸ *Берендтс Э.Н.* Статьи по поводу речи члена Государственной думы П.Н. Милюкова 13 мая 1908 года при рассмотрении вопросов по Финляндскому управлению. СПб., 1910. С. 21; Записка о дальнейшем направлении дела относительно разграничения общегосударственного законодательства от местного финляндского. Статс-секретариат Великого княжества Финляндского. СПб., 1904. Л. 1.

³²⁹ *Ковалевский М.* Финляндский вопрос // Вестник Европы. 1910. Кн. VII. Июль. С. 253.

была направлена скорее на ограничение шведского элемента в княжестве и расширение финляндских торговых интересов в отношениях с империей. Вопрос о степени серьезности его намерений в вопросе о смене курса правительственной политики в крае остается дискуссионным. Сохранилось свидетельство, согласно которому этот политик был очень подвержен чужим влияниям и не отличался принципиальностью и последовательностью. Яков Аренберг сообщает о нескольких эпизодах, доказывающих, что Гейден не хотел обострения отношений с финнами и вполне довольствовался тем вектором, который был заложен еще его предшественником. Он постепенно изменил свой подход лишь в 1885–1891, когда, по мнению Аренберга, «ветер переменился»³³⁰. Аренберг однозначно связывает эти перемены с деятельностью «русских националистических кругов», называя их «панславистами». По его мнению, представители этих кругов, прежде всего, стали обретать некоторый (вплоть до давления на императора) вес в Петербурге, и уже оттуда давление на Гейдена обрело такую силу, что он перестал быть защитником финских интересов³³¹.

На наш взгляд, «ветер» мог перемениться не без участия нескольких активных противников финляндской автономии, которые начали свою деятельность именно в Гельсингфорсе, порой объединяясь вокруг Гейдена, но не обязательно подчиняясь ему. В 1880-е гг. усилия «русской группы» не имели никакого формального оформления. «Московские ведомости» в 1889 г. упоминали некий «кружок русских патриотов в Финляндии», жалуясь при этом на его малочисленность³³². Документы позволяют выявить нескольких человек, которые входили в эту группу и в общих чертах описать их деятельность.

Наблюдавший за работой комиссии Вейсенберга по кодификации финляндского права, Гейден ввел в ее состав нескольких русских членов. Это

---

³³⁰ Аренберг Як. Из новейшей истории Финляндии // Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 302.

³³¹ Там же. С. 304, 321, 330.

³³² Московские ведомости. 1889. 5 марта. С. 3.

было, вероятно, одним из ключевых решений в истории развития финляндского вопроса. Финляндские участники комиссии составили проект таким образом, что члены русской партии усмотрели в нем стремление провести под носом у императора законодательное закрепление фактической автономии княжества. Русскими была осознана необходимость дать какой-то симметричный ответ. Так началась активная деятельность участника гейденовского «кружка» и одновременно одного из «отцов» финляндского вопроса – Константина Ивановича Якубова.

К сожалению, практически все, что мы о нем знаем, исходит из воспоминаний его единомышленников, с которыми он, так или иначе, соприкасался в процессе работы над финляндским вопросом и, прежде всего, – М.М. Бородкина³³³. Якубов родился в Финляндии и прекрасно знал финский³³⁴. Он стал профессиональным историком и намеревался посвятить себя научным изысканиям. Окончив в 1884 г. курс в Петербургском историко-филологическом институте, он несколько лет провел в Стокгольмском государственном архиве и Московском главном архиве МИД, собирая материалы для диссертации. Этот труд имел своим итогом несколько научных публикаций источниковедческого характера³³⁵. Помимо своих юридических трудов, он постоянно жил в Финляндии и работал в русской гельсингфорской гимназии учителем истории. Отметим, что с этой же гимназией был связан будущий лидер экспертов по финляндскому вопросу М.М. Бородкин, там какое-то время работала его жена, и в целом гимназия была одной из тех площадок, где члены русской диаспоры в Финляндии имели удобную возможность пересекаться.

³³³ См. напр.: *Абов Г.* Памяти К.И. Якубова // Новое время. 1900. 12 октября. С. 3; Московские ведомости. 1900. № 317; Наблюдатель. 1900. Ноябрь; Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 13 октября; Финляндская газета. 1900. 10 октября.

³³⁴ Памяти К.И. Якубова // Наблюдатель. 1900. Ноябрь. С. 43.

³³⁵ *Якубов К.И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов, извлеченных из Московского главного архива МИД и Шведского государственного архива, и касающихся взаимоотношений России и Швеции в 1616–1651 гг. М., 1897; *Он же.* Русские рукописи Стокгольмского государственного архива. М., 1890.

От ученых занятий Якубов вынужден был отвлечься как раз когда его привлекли в качестве переводчика к работе комиссии Вейсенберга. Видимо, с этого момента он оказался тесно связан с представителями русской общественности, группировавшейся вокруг Гейдена. Якубов не только перевел все материалы работы комиссии, но и издал в 1889 г. собственный критический комментарий к ним, составленный в духе «русских государственных интересов». Этот труд был осуществлен с ведома и по непосредственному поручению Гейдена³³⁶.

Опубликовав свой труд, К.И. Якубов считал, однако, что для защиты русских интересов в крае им сделано недостаточно. По итогам своего участия в комиссии, он сделал вывод о явном стремлении финнов к усилению своей и без того широкой автономии и ущемлении прав имперских властей. Для него было очевидно, что российские власти должны изменить подобное положение дел. По собственной инициативе он начал отстаивать свою точку зрения в многочисленных статьях³³⁷. Он делал это и раньше – небольшие по формату статьи были опубликованы в 1878–1883 гг. в «Новом времени», в 1884–1885 гг. – в «Санкт-Петербургских ведомостях», в 1881 – в «Порядке» и в ряде других изданий³³⁸. Сохранились его письма С.Н. Шубинскому за 1887 г., где он предлагал к печати свою статью, не прилагая при этом никаких рекомендаций и не ссылаясь на высоких покровителей³³⁹. Из соображений личной безопасности, он публиковал свои статьи, по большей части, анонимно. Как показала практика, на это были свои причины, поскольку, когда его авторство открылось, он был подвергнут полному ostracism со стороны

---

³³⁶ Якубов К.И. Сборник действующих в Финляндии законоположений и относящихся к ним узаконений и актов. Гельсингфорс, 1889.

³³⁷ См. напр.: Якубов К.И. Что творилось в Финляндии в скорбные дни России; Искажение финляндцами Высочайшего манифеста об их привилегиях; Пребывание генерала Дена в Финляндии и Гельсингфорский университет // Московские ведомости. 1894 г. 10 и 18 ноября.

³³⁸ Бородкин М.М. Финляндия в русской печати... С. 285.

³³⁹ ОР РНБ. Арх. С.Н. Шубинского. Оп. 1. Д. 38. Л. 261. Письмо Якубова К.И. Шубинскому С.Н. от 1887 г.; Там же. Д. 38. Исторический архив за 1887 год. Л. 1095. О Шубинском см. ниже стр. 41.

финнов. В переписке Бородкина и Петровского характерным слогом, показывающим их общую заинтересованность и вовлеченность в происходящее, обсуждалось, как Якубов «поддерживает огонь на своей батарее», публикуя статьи по финляндскому вопросу в свободное время от поручений графа Гейдена³⁴⁰. За период с 1890 по 1896 г. Якубов опубликовал 152 корреспонденции по финляндскому вопросу только в «Московских ведомостях» (большую часть – в виде передовиц)³⁴¹. Он стал признанным экспертом в глазах лиц, принимавших конкретные политические решения в отношении княжества³⁴².

Авторы воспоминаний о борьбе за ограничение финляндских притязаний единодушно подчеркивали, что деятельность Якубова велась им «на свой страх и риск», требовала «немало гражданского мужества» и находила очень мало поддержки, как в обществе, так и во власти³⁴³. Ранняя кончина Якубова также связывалась его соратниками с колоссальным давлением, оказываемым на него из-за его позиции по финляндскому вопросу.

Параллельно с Якубовым, активную борьбу с финляндскими претензиями на автономию начал другой участник «гейденовского кружка», Михаил Михайлович Бородкин. Он родился в ВКФ и с детства прекрасно знал финский и шведский языки³⁴⁴. После курса в Гатчинском сиротском институте и Константиновском военном училище он начал службу в 1875 г. также в Финляндии. Женился на учительнице из Гельсингфорса. Все это обеспечило ему входной билет в местное общество и хорошую осведомленность о

³⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 224. Петровский С.А. Оп. 1. Д. 15. Письма Бородкина за 1894 год. Л. 1. О Петровском см. ниже, С. 41–42.

³⁴¹ Количество его статей в «Московских ведомостях» за 1890–1896 составляет 145. См. также: *Полвинен Т.* Держава и окраина. С. 33.

³⁴² Его «замечания» по истории присоединения княжества к России отложились в бумагах В.К. Плеве, однако и без подобных документов достаточно свидетельств в пользу влиятельности его точки зрения среди лиц, вовлеченных в решение «финляндского вопроса». ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1524. Л. 1–8.

³⁴³ *Абов Г.* Памяти К.И. Якубова // Новое время. 1900. 12 октября. С. 3.

³⁴⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 20762. Л. 5; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. М., 1992. Т. 2. С. 443; *Civis finnicus.* (Мехелин Л.) Опровержение книги М.М. Бородкина. Стокгольм, 1903. С. 3.

происходящем в крае. В военных действиях он так никогда и не участвовал, зато преуспел в получении образования. В 1879 г. он сумел поступить в Военно-Юридическую академию в Петербурге. Прослушав за два года полный курс, за «отличные успехи в науках» был произведен в капитаны³⁴⁵. Непосредственно в конце 80-х – начале 90-х он служил в ВКФ, и при этом активно участвовал в жизни местной русской диаспоры. Супруги занимались благотворительностью, поддерживая и участвуя в деятельности местных кружков, помогавших беднейшему русскому населению. Жена в 1892 г. еще выполняла обязанности попечительницы детского приюта в Гельсингфорсе³⁴⁶. Разумеется, Бородкин активно общался с представителями членов «русского кружка», окружавших графа Гейдена, и сам был одним из них. Во второй половине 1880-х он в качестве юриста был привлечен графом Гейденом к работе комиссии Вейсенберга по кодификации основных законов края³⁴⁷.

С этого момента он активно действовал в двух направлениях – как публицист и как эксперт в различных комиссиях при правительстве по финляндскому вопросу. В обеих ипостасях он, как и Якубов, последовательно проводил линию на ограничение особых финляндских прав и обеспечение русских интересов на окраине. Репутацию эксперта по финляндским делам ему составила, прежде всего, активная публицистическая деятельность. В конце 1880 – начале 1890-х гг. он активно писал статьи и заметки по финляндскому вопросу, зачастую под псевдонимами. Свою первую заметку о финляндцах под характерным названием «Самовлюбленные» он опубликовал еще в 1881 г., в «Санкт-Петербургских ведомостях»³⁴⁸. Однако, в к. 1880-х гг. он активно включился в начавшуюся тогда газетную полемику, пропагандируя

³⁴⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133652/1-29. Послужной список генералов, штаб- и обер-офицеров Варшавского военно-окружного суда. 1895 год. Л. 63; РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 20762. Об объявлении Высочайшего благоволения Председателю, членам и делопроизводителям Комиссии по финляндским делам. Л. 5.

³⁴⁶ Отчет о 25-летней деятельности Русского благотворительного общества в Финляндии. 1872–1897. Сост. Лилье Вс. Гельсингфорс, 1898. С. 17, 24, 26, 30.

³⁴⁷ Правительствующий Сенат. СПб., 1912. С. 77; *Хорсов П.* Михаил Михайлович Бородкин // Мирный труд. 1904. № 3. С. 90–94.

³⁴⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1881. 6 сентября.

необходимость урезонить не в меру независимых финнов³⁴⁹. Он публиковал свои изыскания по финляндскому вопросу в десятке центральных и местных изданий – в том числе активно в «Свете», «Новом времени», «Русском вестнике», «Наблюдателе», «Русской беседе», «Журнале юридического общества» и, конечно же, в «Московских ведомостях»³⁵⁰. По мнению биографа Бородкина, «эти статьи смело могут составить несколько томов»³⁵¹.

Чуть позже Бородкин навсегда уехал из княжества, стал военным судьей Варшавского, а потом Петербургского военно-окружного суда, получил несколько орденов и «по итогам отличной службы» был пожалован в 1899 г. чином генерал-майора³⁵². За годы службы по военной и юридической Бородкин зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Однако, его карьерные успехи были связаны не столько с усердным исполнением прямых обязанностей, сколько с особыми заслугами в области решения финляндского вопроса. Он навсегда сохранил как острый интерес к проблемам княжества, так и связи с представителями русской власти и общества в Гельсингфорсе. В частности, после отъезда из княжества Бородкин продолжал поддерживать контакты – в переписке и лично – с Якубовым³⁵³.

Оставим пока Бородкина обустриваться после переезда в Петербурге и перейдем к описанию деятельности в конце 1880-х – начале 1890-х другого важнейшего члена русской партии, которому впоследствии приписывали роль ключевой фигуры в развитии финляндского вопроса, – Кесаря Филипповича Ордина. Непосредственные причины возникновения упомянутой газетной полемики в наибольшей степени были связаны именно с ним. Он не был

³⁴⁹ Правительствующий сенат. СПб., 1912. С. 77.

³⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1220. Л. 1; ОР РНБ. Архив Исторического вестника. 1895. Л. 89.

³⁵¹ Правительствующий сенат. СПб., 1912. С. 78. Впрочем, данную заметку мог написать и он сам, о чем свидетельствует ее стилистика и сопоставление содержания с другими работами генерала.

³⁵² Кузьмин-Караваев В.В. Военно-юридическая академия. 1866–1891. Краткий исторический очерк. СПб, 1891. С. 58–59; РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133652/1-29. Л. 62–63; Ф. 409. Оп. 1. Д. 133428/1-13. Л. 31–35; Правительствующий сенат. СПб., 1912. С. 77.

³⁵³ ОР РГБ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.

членом гейденовского кружка, но его деятельность в финляндском вопросе своими корнями уходит именно в местные реалии и никоим образом не связана с официальным Петербургом.

Биография Ордина вне финляндского сюжета любопытна, но ничего выдающегося из себя не представляет. В 1885 г. он уволился по собственному желанию с поста чиновника особых поручений при министре внутренних дел, сохранив обязанности попечителя Богадельни цесаревича Николая Александровича в Петербурге и продолжая числиться при МВД вплоть до 1891 г.³⁵⁴. В целом уже в 1880-е гг. основная деятельность Ордина была связана с ВКФ.

Он начал погружаться в финляндские проблемы, купив имение в Выборгской губернии в 1871 г.³⁵⁵. Жизнь в Финляндии ему понравилась, но была сразу омрачена проблемами с оформлением имения в собственность и нежеланием местных чиновников обсуждать эти проблемы по-русски. Ордин сделал вывод о пренебрежении финнов русским языком и в целом значительно худшем положении русских в крае по сравнению с положением финнов в России³⁵⁶. Свою первую статью по этой теме он опубликовал в «Собеседнике» еще в 1877 г. под названием «Нечто о Финляндии с точки зрения русского человека». Основной авторский вывод сводился к тому, что финляндская провинция фактически представляет собой чужую страну в составе Российской империи. В статье уже затронуты те темы, которые будут занимать его в последующие годы: осуждение сепаратизма и конституционализма в княжестве, неприемлемость ограничения прав монарха в крае. Уже тогда Ординым было сформулировано понимание основной задачи интеллектуалов,

³⁵⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1214. Формулярный список о службе состоящего при МВД попечителя богадельни цесаревича Николая Александровича, гофмейстера Его Императорского Величества Ордина. Сост. в февр. 1891 г. Л. 1–8, 20; см. также: РГИА. Ф. 759. Оп. 80. Д. 102.

³⁵⁵ Ордин Б.К. Предисловие. В кн.: Ордин К.Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. 1. Исследования, статьи, записки и письма. СПб., 1908. Т. 1, С. I.

³⁵⁶ От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 1. С. I–III; К.Ф. Ордин. Некролог // Московские Ведомости. 1892 г. № 157 и 160; Санкт-Петербургские Ведомости. 1892 г. № 151; С.К. Финляндские заметки. XXX. К.Ф. Ордин // Новое время. 1902. 5(18) июня. С. 2.

разделявших ценности русского национального взгляда на внутреннюю и национальную политику: воспитание общества и власти³⁵⁷ в духе национальных ценностей. Ордин, как и Катков, четко понимал роль и значение прессы в качестве наиболее мощного канала влияния. В первой же своей статье по финляндскому вопросу он отмечал: «на русской печати, послужившей уже своему отечеству, лежит обязанность привлечь общественное внимание и возбудить *интерес к настоящему предмету*»³⁵⁸.

В 1887 г., по личной инициативе, Ордин перевел на русский язык книгу известного финского националиста Лео Мехелина и издал ее со своими комментариями³⁵⁹. Мехелин в своей работе впервые в законченном виде сформулировал теорию об «особом финляндском государстве». В оригинале книга называлась всего-навсего «Краткий очерк государственного права Великого княжества Финляндского» и вполне могла остаться незамеченной как российской публикой, так и имперскими властями. Л. Мехелин обратился к выработке и распространению теории «особого государства» задолго до описываемых событий. Эту тему он вполне успешно и совершенно безнаказанно развивал еще в своих ранних работах – диссертации и переведенных на ряд иностранных языков статьях. Говорил он о ней и с университетской кафедры. По свидетельству публицистов, это вовсе не помешало ему в 1888 г. оказаться в составе русской делегации при подписании договора с Испанией. Лишь в 1890 г. (знаковый год для финляндского вопроса, когда российские власти уже встали на путь ограничения особых прав княжества) он был лишен Александром III звания сенатора³⁶⁰.

К.Ф. Ордин перевел его работу под провокационным для российского слуха названием «Финская конституция в изложении местного сенатора Л. Мехелина». Появление перевода Ордина вызвало активную дискуссию в

---

³⁵⁷ Курсив мой – А.П.

³⁵⁸ Ордин К.Ф. Нечто о Финляндии с точки зрения русского человека // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 1. С. 4.

³⁵⁹ Конституция Финляндии в изложении местного сенатора Л. Мехелина. СПб., 1888.

³⁶⁰ Панов В.И. Великий лжец. СПб, 1910. С. 5.

газетах на тему положения края в составе Империи. Публикации стали нарастать, как снежный ком. В полемике принимали участие видные русские и финляндские юристы. Финны привлекли к спору европейских ученых, которые в свою очередь с удовольствием стали рассуждать на тему, что российская монархия вправе, а что не вправе делать в княжестве.

Ордин принял активнейшее участие в газетной полемике, в полном соответствии со своими взглядами на роль и возможности прессы. В русской печати множились статьи, «в которых разоблачились неосновательность и произвольность финляндского учения». Будущий последователь Ордина Ф. Еленев атрибутировал их принадлежность некоему «компетентному автору», явно зная, о ком идет речь³⁶¹. Как минимум трое специалистов по финляндскому вопросу подходили на эту роль – К.Ф. Ордин, К. Якубов и М. Бородкин (все они подписывали далеко не каждую свою статью на финляндскую тему³⁶², и все неоднократно обращались к ней в печати в к. 1880-х).

Финны называли «всем известною тайною, что ... г. Ордин автор тех враждебных статей, которыми «Московские ведомости» уже несколько лет возбуждают русское общество против Финляндии и финляндцев»³⁶³. Ниже указано примерное количество публикаций Ордина в это время в «Московских ведомостях», «Новом времени», «Русском вестнике», «Русском архиве» и ряде других изданий³⁶⁴:

Год	Количество публикаций
1887	1
1888	12

³⁶¹ Еленев Ф.П. Учение о финляндском государстве. СПб. 1893. С. 2.

³⁶² Ордин К.Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. 1. Исследования, статьи, записки и письма. СПб, 1908. Т.1. С 149.

³⁶³ Г. Ордин и его история покорения Финляндии. Перевод из газеты «Uusi Suometar». Гельсингфорс, 1890. С. 2.

³⁶⁴ Подсчет осуществлен на основании Собрания сочинений К.Ф. Ордина, изданного при непосредственном участии его сына в 1908 г. Возможно, реальное количество написанных статей несколько отличается в большую сторону.

1889	8
1890	26
1891	3

Антифинляндские публицисты объясняли свои старания необходимостью реагирования на соответствующие финские разыскания и инициативы (в частности, работы Мехелина). Их оппоненты отрицали этот факт, отмечая, что «нападки на Финляндию» начались в некоторых «враждебно настроенных русских газетах» гораздо ранее, и, напротив, Мехелин сам должен был помещать серию статей, опровергающих их «неправильные утверждения»³⁶⁵. Впрочем, попытка вычлнить и соотнести между собой образчики публицистического творчества сторонников и противников финляндской автономии, как нам кажется, не имеет под собой большого смысла. Очевидно, что имели место и те, и другие. При этом сами творения финских националистов точно так же оставались до поры до времени достоянием лишь отдельных элитных групп финского общества, как взгляды Гейдена или Якубова на проблемы финляндского законодательства были известны исключительно в их среде. Как отмечал Э.Н. Берендтс, «учение о государственности Финляндии вовсе не имеет исключительным источником сочинения Мехелина, Монтгоммери, Германсона, т.е. деятелей 1880-х и 1890-х гг. Уже их предшественники Пальмен, Росенборг, Эрштрем в своих лекциях проводили тот же взгляд и их ученики, сотрудники в газетах и журналах, появившихся в новую эру, всячески поддерживали эту теорию, не встречая никакой оппозиции, ни в Финляндии, ни в России, где в 70-х и 80-х годах редко кто следил за финляндской литературой и научной публицистикой»³⁶⁶. Для членов группы, занимавшихся развитием финляндского вопроса в

³⁶⁵ *Хедегрени Иоанн*. Лео Мехелин. Биографический очерк. СПб, 1908. С. 6. В первую очередь имелись в виду «Московские ведомости».

³⁶⁶ *Берендтс Э.Н.* Императорский Александровский университет Финляндии. Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб, 1902. С. 199.

дальнейшем, роль Ордина в развитии и актуализации финляндского вопроса в общероссийском масштабе не подлежала никаким сомнениям³⁶⁷.

Активная полемика шла уже в первой половине 1888 г. (реакция финляндских газет на выход перевода Ординым книги Мехелина и его собственные статьи, возражения самого Мехелина и комментарии Ордина). По словам Даниэльсона, периодически Ордин брал тайм-аут в перепалке с финляндскими оппонентами и не отвечал им, однако общая линия нападок на особые права ВКФ продолжалась «Московскими ведомостями» и сочувствующими изданиями «ежедневно или, по крайней мере, еженедельно»³⁶⁸.

Накал этих публикаций был таков, что граф Гейден был вынужден предоставить всеподданнейший доклад императору, напечатанный в «Правительственном вестнике», в опровержение сведений «Московских ведомостей»³⁶⁹. Однако компания продолжалась, и уже сам Гейден оказался представлен в таком нелюбезном ключе, что «Московским ведомостям» было объявлено первое предупреждение. На наш взгляд, это свидетельствует в пользу того предположения, что Гейден не играл личной решающей роли в организации «наступления на Финляндию», хотя и послужил объединительным звеном между несколькими будущими «экспертами» и внес свой вклад в развитие финляндского вопроса. Об опровержении Гейденом «наиболее злых нападок на Финляндию» в «Правительственном вестнике» писали и финские авторы³⁷⁰. Можно констатировать, что Ордин и его единомышленники активно и сознательно продолжали использовать прессу

³⁶⁷ *Бородкин М.М.* К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читаемый в «Русском собрании») // *Русский вестник*. 1902. Июнь. С. 628; *Еленев Ф.П.* Отчего победители обращаются иногда в побежденных. СПб, 1898. С. 11; *Он же.* Учение о финляндском государстве. СПб. 1893. С. 1 – 2; *Мессарош П.И.* Существует ли конституция в Финляндии? СПб, 1900. С. 6; *Мих-ъ.* Начало финляндских притязаний // *Русский архив*. 1890. Кн. 2. С. 289 – 290; *Московские ведомости*. 1909. 23 июня; *Обзор печати о Финляндии*. СПб, 1910. С. 11; *Ордин Б.К.* О правах России на Финляндию. СПб, 1906. С. 8;

³⁶⁸ *Даниэльсон-Кальмари И.Р.* Соединение Финляндии с Российской Державою. По поводу сочинения К. Ордина «Покорение Финляндии». Гельсингфорс, 1890. С. 11 – 12.

³⁶⁹ Там же. С. 12; *Правительственный вестник*. 1889. Май.

³⁷⁰ *Хедегренн Иоанн.* Лео Мехелин. Биографический очерк. СПб, 1908. С. 12.

как инструмент для проведения своих взглядов, поскольку до начала работ различных комиссий по финляндскому вопросу в 1890-е гг. иных рычагов у них просто не было. Один из последователей Ордина спустя годы отмечал, что печать возложенную на нее задачу выполнила: «и в наши дни финляндский вопрос не сходит уже со страниц русских и иностранных изданий»³⁷¹.

Однако, Ордин не остановился на уровне политической публицистики и задался целью изучить вопрос во всей его глубине. Он не пожалел сил и времени на работу в архивах, поиск и изучение необходимых документов³⁷². Несколько лет он готовил труд по истории русско-финских отношений – внушительный трехтомник, написанный по собственной инициативе человеком, ранее не имевшим к исторической науке никакого отношения³⁷³. В личной переписке он писал об этой книге: «Это мое детище, я вынашиваю и на сердце, и в голове многие годы»³⁷⁴. Он издал ее за свой счет, и смирился с тем, что издание не окупилось³⁷⁵. Как отмечал впоследствии сын Ордина, «такое рвение» объяснялось в том числе личными обидами, полученными на окраине при контактах с местной администрацией: «финляндский вопрос недостаточно изучить, его надо еще прочувствовать»³⁷⁶.

Итоговая книга Ордина вышла в 1889 г. и носила название «Покорение Финляндии. Опыт описания по неизвестным источникам». В работе содержался вывод о банальном завоевании края российскими императорами, что делало неправомерными претензии финнов на «особое положение» в

³⁷¹ С.К. Финляндские заметки. XXX. К.Ф. Ордин // Новое время. 1902. 5/18 июня. С. 2.

³⁷² Не удалось найти свидетельства владения Ординым финским языком. Труд Мехелина Он переводил с его второго французского издания. На его достаточное владение шведским неоднократно указывали при характеристике его работ. См. напр.: *Дубровин Н.Ф.* Рукописное сочинение К.Ф. Ордина «Покорение Финляндии». Отчет о присуждении в 1889 г. премии Макария, митрополита Московского. СПб, 1890. С. 2; *Еленев Ф.П.* Учение о финляндском государстве. СПб. 1893. С. 15.

³⁷³ *Ордин К.Ф.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. СПб, 1889. Т. 1 – 3.

³⁷⁴ ОР РНБ Ф. 377. Д. 964. Письма Ордина К.Ф. Ивану Петровичу Корнилову. 1878 – 1890. Л. 2.

³⁷⁵ *Ордин Б.К.* О правах России на Финляндию. СПб, 1906. С. 8; Финляндская окраина России. Вып. 2. М., 1894. С. 326.

³⁷⁶ От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 1. С. II.

империи. По некоторым свидетельствам, за свой исторический труд К.Ф. Ордин был произведен в придворный чин³⁷⁷. Действительно, он стал гофмейстером с 5 июля 1889 г., сразу после выхода книги³⁷⁸. Сочинение было удостоено Большой Макариевской премии еще в рукописи (присуждена 17 мая 1889 г.)³⁷⁹. Оно было рекомендовано Ученым Комитетом Министерства просвещения для фундаментальных и ученических библиотек средних учебных заведений³⁸⁰. Надо отметить, что автор сам хлопотал об этой рекомендации и стремился заранее заручиться положительной оценкой рецензентов³⁸¹. При изучении этого этапа биографии бросается в глаза его исключительная социальная активность – он с самого начала очевидно не рассматривал свои финляндские занятия как хобби, не допускал возможности писать «в стол», помня о практическом значении своих выводов.

После выхода книги к Ордину заходил председатель комитета министров Н.Х. Бунге – выразить удовлетворение по случаю публикации сочинения, о подготовке которого ему было известно. С министром внутренних дел И.В. Дурново Ордин лично обсуждал возможность симметричного публичного ответа на обсуждение уголовного уложения в финской прессе. О «свете истины», которое пролил К.Ф. Ордин на финляндские дела, писали ему отдельные чиновники³⁸². Милютин поддерживал научные изыскания Ордина и в письме желал ему успеха в его «патриотической работе»³⁸³. Показателен тот факт, что Ордин начал

³⁷⁷ Чичерин Б. Россия накануне ... С. 127.

³⁷⁸ РГИА Ф. 468. Оп. 43. Д. 1214. Л. 20.

³⁷⁹ Павлов М. Покорение Финляндии // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 2. С. 135; Письмо Я.К. Грота К.Ф. Ордину. Письмо Н.И. Бобрикова Б.К. Ордину // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 1. С. 286.

³⁸⁰ От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 1. С. III. Или С.К. Финляндские заметки ... С. 2.

³⁸¹ ОР РНБ Ф. 377. Д. 964. Письма Ордина К.Ф. Ивану Петровичу Корнилову. 1878-1890. Л. 2-3.

³⁸² От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 1. С. I, V; С.К. Финляндские заметки... С. 2.

³⁸³ Письма гр. Милютина К.Ф. Ордину от 13 марта 1890 г., от 9 апреля 1890 // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 1. С. VIII; С.К. Финляндские заметки... С. 2.

переписку с Милютиным, не будучи при этом знакомым с ним лично, исходя из уверенности, что адресат откликнется на запрос историка, руководимый своим «русским сердцем»³⁸⁴. Милютин мало чем смог помочь историку, однако выразил ему всяческую симпатию и поддержку³⁸⁵. Труд также поддержали И.Е. Забелин, вице-президент Императорской Академии наук Я.К. Грот, акад. М.И. Сухомлинов, гр. Н.П. Игнатъев³⁸⁶.

Публикация трехтомника, в котором обильно цитировались источники и выдерживалась стилистика научной работы (насколько это соответствовало действительности – вопрос отдельный), придала взглядам и публицистике Ордина профессиональный, экспертный статус. На момент лета 1889 г. это пока не привело к каким-либо значимым последствиям на уровне практической политики в отношении княжества, однако сыграло большую роль в развитии финляндского вопроса. Как писал М.М. Бородкин, «все исследователи финляндского вопроса после Ордина повторяли приведенные им доводы на разные лады, варьировали и комбинировали по-своему»³⁸⁷. «Московские ведомости» отмечали, что до перевода Ординым книги Мехелина теория финляндских историков, юристов и публицистов «распространялась беспрепятственно»³⁸⁸. Роль Ордина признавали и его оппоненты. Так, Б. Чичерин отмечал, что именно с исторической работы Ордина начался «поход против Финляндии», ему вторили и другие либеральные авторы³⁸⁹. Характерно, что в ходе думских заседаний, много лет спустя после выхода трехтомной истории Ордина, в ходе полемики по поводу общегосударственного законодательства, Милюков обвинял своего оппонента

³⁸⁴ ОР РГБ Ф. 169 (Милютин Д.А.). Оп. 72. Д. 47. Письмо К.Ф. Ордина к Милютину от 2 марта 1890 г. Л. 1.

³⁸⁵ ОР РГБ Ф. 169 (Милютин Д.А.). Оп. 54. Д. 16. Письмо Д. Милютина к К. Ордину от 13 марта 1890 г. Л. 1.

³⁸⁶ От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 1. С. IX-X. Или С.К. Финляндские заметки ... С. 2.

³⁸⁷ Письмо Н.И. Бобрикова Б.К. Ордину // Ордин К.Ф. Собрание сочинений Т. 1. С. XXI.

³⁸⁸ Московские ведомости. 1899. 13 (25) апреля. С. 2.

³⁸⁹ Чичерин Б. Россия накануне XX столетия. Берлин, 1901. С. 127; Руссобтовский М. Историческое освещение «финляндского вопроса». СПб, 1910. С. 30-31; Finland im Anfang des XX. Jahrhunderts. Helsingfors, 1919. S. 653.

Э.Н. Берендтса в том, что тот «руководствовался сочинением Ордина» и из-за этого высказывался тенденциозно. Берендтс же ставил на вид Милюкову, что тот не счел нужным ознакомиться с недавней книгой Бородкина по финляндской истории и из-за этого упустил весьма значимые для всей дискуссии подробности³⁹⁰. Эта дискуссия как нельзя лучше иллюстрирует факт исключительной важности исторической аргументации в развитии финляндского вопроса, а также сохраняющейся влиятельности экспертов в коммуникационном поле.

«Покорение Финляндии» открыто называлось в консервативной прессе «насто́льным справочным изданием для всех, желающих изучить финляндский вопрос»³⁹¹. Как отмечалось правым публицистом еще в 1890 г., своим трудом Ордин «оказал великие услуги русскому политическому сознанию в правительствующих сферах»³⁹². Ссылки на него стали постоянным элементом разного рода «записок», «предложений» по ситуации в крае и прочей бюрократической переписки³⁹³. Со дня смерти Ордина пройдет почти двадцать лет, когда кадетская «Речь» по поводу заседания финляндской комиссии Харитоновой 1909 г. констатирует: «гг. Дейтрих, Мясоедов, Бородкин, Корево и Якунчиков прочитали в заседании длинные диссертации, повторявшие с разными вариациями давно известные теории школы Ордина. Пока вся эта полемика велась в тенденциозных памфлетах и статьях официозных газет, можно было еще надеяться, что правильные государственные взгляды восторжествуют над страстными призывами фанатиков русификаторства. Еще в особом совещании, обсуждавшем программу настоящей комиссии, звучали предостерегающие голоса таких благонадежных людей, как генерал-губернатор Бекман, Коковцов, профессор

³⁹⁰ *Берендтс Э.Н.* Статьи по поводу речи члена Государственной думы П.Н. Милюкова 13 мая 1908 года при рассмотрении вопросов по Финляндскому управлению. СПб, 1910. С. 40 – 41, 48 – 49.

³⁹¹ *С.К.* Финляндские заметки. XXX. К.Ф. Ордин // Новое время. 1902. 5/18 июня. С. 2.

³⁹² *Павлов М.* Покорение Финляндии. Статья в «Русском вестнике». Цит. По: Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 2. Политические статьи. С. 163.

³⁹³ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

Берендтс и даже г. Крыжановский. Теперь все они смолкли. Политики лубочного национализма, по-видимому, могут торжествовать полную победу»³⁹⁴. Позицию «Речи», разумеется, нельзя назвать объективной. Однако, сам факт «долгой жизни» имени и книги Ордина в политической практике в отношении ВКФ совершенно несомненен.

Ордину удалось обратить внимание общества и власти на ситуацию в крае именно под углом зрения русских национальных интересов. В фокусе находились принципиальные и символические вопросы статуса, соотношение прав и привилегий русской государственности и финляндской окраины, но не конкретные потребности реальной политики. В тот период в разговорах о Финляндии не столько обсуждали военные или экономические перипетии, сколько рассказывали о полемике Ордина-Мехелина-Даниэльсона³⁹⁵. Попытки «объективизировать» финляндско-русские противоречия, аргументировать военную, экономическую, социальную и прочие опасности, исходящие от финнов – в наиболее полном масштабе стали реализовываться позднее, в 1890-1900-е гг. В тот момент, когда положением финляндского края увлекся Ордин, ситуация была иная. Как и Катков, он писал о том, что Россия может утратить княжество вследствие торжества **теории**³⁹⁶ об особом государстве, развиваемой финляндскими интеллектуалами – историками, юристами, политиками, интеллигенцией. Об этом говорили в канцелярии генерал-губернатора Гейдена в 1880-е и писали в различных ведомственных справках вплоть до эпохи премьерства Столыпина³⁹⁷. Бородкин ставил в

---

³⁹⁴ Речь. 1909. 1 ноября.

³⁹⁵ Исторический вестник. 1891. Август. С. 477. Вскоре в полемику включился Ф. Еленев (см.: *Еленев Ф.П.* Учение о финляндском государстве. СПб. 1893. С. 26 – 56 и сл.) и ряд других авторов.

³⁹⁶ Выделено мной – А.П.; *Катков М.Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1886 год. М., 1898. С. 338.

³⁹⁷ ГА РФ Ф. 586. Плева В.К. Оп. 1. Д. 1511. Записка неустановленного лица об отношениях финляндских партий к вопросу о равноправии русских в Финляндии. Не ранее июня 1910. Л. 1; ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1524. Конспект «замечаний» Якубова по истории присоединения Финляндии к России. Л. 6; ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1496. Особый журнал заседания Совета министров по вопросу о военных платежах Финляндии Государственному казначейству и справки Н.В. Плева по тому же вопросу. Л. 4; Замечания

основу рождения финляндского вопроса не появление первых финских капиталистов или усиление контактов с немцами, и даже не начало работы второго финляндского сейма в 1863 г. – но появление трудов И. Вассера, заложившего первый камень в стену теории об «особом государстве», и деятельность радикальных публицистов (Ф. Кастрена, Ф.Л. и Авг. Шауманов, И. Коскинена и др.). Они еще до Л. Мехелина, в 1860-е гг. обосновали теорию государственного права Финляндии и ее конституционных порядков³⁹⁸. Еленев прямо называл действия сторонников теории финляндской государственной самостоятельности «пропагандой», Берендтс и будущий генерал-губернатор края Бобриков – «агитацией»³⁹⁹. Из публицистики этот взгляд перекочевал в бюрократическую переписку. Та же мысль прослеживалась в трудах организаторов обзора печати о Финляндии в 1900-1910-е гг., о которых речь пойдет ниже. Ордин ставилось в заслугу именно «разоблачение» «измышлений» финляндских ученых и публицистов⁴⁰⁰. Битва шла за умы, а не за экономические привилегии и исходила от интеллектуалов, а не от представителей буржуазии или военного лобби.

Концепция воспроизводилась даже на уровне риторики: «учение» об особом финляндском государстве противопоставлялось «историческому факту покорения Финляндии»⁴⁰¹. Разоблачение «сумасбродных политических теорий» финнов обличалось на страницах периодической печати⁴⁰². Их

на составленные финляндским временным комитетом в 1885 – 1887 гг. проекты кодификации основных законов и сословных привилегий Финляндии. Гельсингфорс, 1889. С. 23.

³⁹⁸ *Абов Г.* Топелиус, как поэт и публицист // Русская беседа. 1895. Апрель. №4. С. 95; *Бородкин М.М.* К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читаемый в «Русском собрании»). // Русский вестник. 1902. Июль. С. 181.

³⁹⁹ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 3; *Берендтс Э.Н.* Кое-что о современных вопросах. СПб, 1907. С. 76; *Еленев Ф.П.* Отчего победители обращаются иногда в побежденных. СПб, 1898. С. 11, 16, 25.

⁴⁰⁰ Обзор печати о Финляндии. СПб, 1910. Государственная типография. Бесплатное приложение к газете «Окраины России». С. 10 – 11; Московские ведомости. 1909. 23 июня.

⁴⁰¹ ГА РФ Ф. 586. Плева В.К. Оп. 1. Д. 1496. Л. 10; *Еленев Ф.П.* Историко-критический обзор узаконений, включенных под именем Основных законов Финляндии в финляндские кодификационные проекты». СПб, 1894. С. 85.

⁴⁰² Московские ведомости. 1901. 20 января (2 февраля). С. 1.

«рассадником» объявлялся Гельсингфорский университет, равно как и вся «учебно-воспитательная система края», а также печать⁴⁰³. Суть проблемы русско-финских отношений виделась как существование «финляндской теории» и необходимость ее искоренения.

Позже политики – проводники государственной программы подчеркивали, что в основе всех государственных мероприятий 1890-х гг. лежало именно стремление к «теснейшему единению» с краем, **идея**⁴⁰⁴, а не конкретные злободневные нужды правительства или каких-либо социальных сил⁴⁰⁵. Несколько позже, Плеве и Бобриков обсуждали задачу разоблачения «казуистики» одного из финских общественных деятелей прошлого, что должно было «отрезвить современных агитаторов»⁴⁰⁶. Осознание роли теоретиков в национальном финском движении и их пагубного влияния на «простой финский народ» перешло, тем самым, со страниц публицистики в плоскость реальной политики.

Однако, в конце 1880-х гг. привлечь внимание общества еще не значило добиться конкретных политических шагов от власти. Ордин не захотел довольствоваться продолжением своих изысканий в кабинетной тиши, изначально придавая своей работе не просто академическое значение. Он считал необходимым, чтобы его идеи распространялись как обществе, так и в правительственных сферах, воплощались в конкретных политических решениях. В частности, он видел свою задачу в том, чтобы познакомить со своими изысканиями ни много ни мало самого императора⁴⁰⁷, а до него – всех, кто обладал хоть каким-то влиянием на практическую политику.

---

⁴⁰³ *Абов Г.* Топелиус, как поэт и публицист. // Русская беседа. 1895. №4. С. 91 – 92; Московские ведомости. 1901. 20 января (2 февраля). С. 1; 23 января (5 февраля). С. 2.

⁴⁰⁴ Выделено мной – А.П.

⁴⁰⁵ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

⁴⁰⁶ ОР РНБ Ф. 586. Д. 11. Плеве В.К. и Н.В. Письма Н.И. Бобрикову. 1899 – 1901. Письмо от 14 июля 1899. Л. 3.

⁴⁰⁷ От издателя // *Ордин К.Ф.* Собрание сочинений ... Т. 1. С. IV.

Предположительно весной 1888 г. Ордин предупреждал Гейдена об опасности принятия уголовного уложения в финляндской редакции⁴⁰⁸. Письмо и советы были переданы министру юстиции, консультации с Гейденом продолжались. Но желательного для Ордина результата не было, хотя Гейден и запрашивал его мнения по различным вопросам, касающимся законодательства края⁴⁰⁹. Разговоры об угрозе нового уголовного уложения и необходимости срочных мер не встретили поддержки министра юстиции Н.А. Манасеина и управляющего кодификационным отделом Э.В. Фриша, не придававших делу большого значения, а главное – не понимавших (как и Гейден) активности частного лица, которым, в сущности, являлся Ордин⁴¹⁰. В весьма эмоциональном письме к выдающемуся юристу, сенатору, человеку с прекрасной репутацией Н.С. Таганцеву, Ордин стал настаивать на активном участии последнего в борьбе в правительственных сферах против окончательного принятия уголовного уложения⁴¹¹, но безрезультатно.

Отчаявшись, он обратился за помощью к графу И.И. Воронцову-Дашкову, которого ранее уже просил представить свой труд о Финляндии императору. На этот раз выбор был сделан чрезвычайно удачно. Илларион Иванович Воронцов-Дашков был в то время одной из ключевых фигур в окружении императора. Тесные и дружеские отношения связывали его с Александром III еще с тех времен, когда тот считался цесаревичем. Находясь с 1881 г. на посту министра, И.И. Воронцов-Дашков был в числе лиц, особенно приближенных к трону, был постоянным партнером императора по игре в

---

⁴⁰⁸ Ордин – частное лицо, не был под началом у Гейдена и не должен был ему подчиняться, но имел возможность регулярно общаться с членами русской диаспоры в Гельсингфорсе и лично с генерал-губернатором, знал Якубова и работал с ним рука об руку. См. напр.: Московские ведомости. 1892. 8 июня // Финляндская окраина России. Вып. 2. М., 1894. С. 326.

⁴⁰⁹ Письмо К. Ордина гр. Гейдену от 27 ноября 1890 г.; Письмо Воронцова-Дашкова С.А. Ординой от 8 августа 1898 г. // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 1. С. VII, С. 121 – 125; С.К. Финляндские заметки... С. 2.

⁴¹⁰ От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений... Т. 1. С. V; С.К. Финляндские заметки... С. 2.

⁴¹¹ ОР РНБ Ф. 760. Д. 365. Ордин К.Ф. Письмо к Таганцеву Н.С. от 10 сентября 1890 г. Л. 1 – 2; От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 1. С. VII.

карты и охоте⁴¹². Он имел массу возможностей донести до Александра информацию, показавшуюся ему важной. Влиятельность Воронцова-Дашкова отнюдь не исчерпывалась сферой его министерских полномочий. Активная позиция по вопросам самых различных правительственных начинаний, занимаемая им в Комитете министров, Госсовете и других инстанциях, позволяет характеризовать его как весьма разностороннего государственного деятеля⁴¹³. В силу этих личных особенностей он обладал достаточными сведениями об основных направлениях правительственной политики, склонностях императора и настроениях в «высших сферах», чтобы суметь оценить своевременность и перспективность поданной ему записки. При этом, Воронцов-Дашков обладал в глазах императора репутацией либерала. Он отличался скорее гибкими взглядами по поводу проблем инородцев, сам стремился проводить осторожную и гибкую политику на Кавказе, протестовал против насильственного обрусения. Его преобразования на этой окраине положительно оценивали даже весьма либеральные авторы⁴¹⁴. Упоминая об очередной проблемной окраине, граф писал «армянский вопрос мы сами создали неосторожным обращением с религиозными и национальными воззрениями армян»⁴¹⁵. Поэтому Александр вряд ли мог ожидать от него продвижения какого-то чрезмерно реакционного проекта. С другой стороны, весьма интересным для понимания взглядов графа и круга его общения представляется упоминание о том, что при Александре III, еще до назначения министром двора, он играл роль своего рода «вожака славянофилов»⁴¹⁶.

Именно в нем Ордин нашел наконец нужного человека, готового выслушать его доводы, разделить его опасения по поводу положения «русского дела» в Финляндии и донести до действительно влиятельных людей

---

⁴¹² *Исмаил-Заде Д.И.* Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1991. С. 44 – 45.

⁴¹³ Там же. С. 42.

⁴¹⁴ *Ковалевский М.М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 471.

⁴¹⁵ *Туманов Г.М.* Из записок гр. И.И. Воронцова-Дашкова // Голос минувшего. 1916. №9. Сентябрь. С. 139 – 140, 144; *Ковалевский М.М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 471.

⁴¹⁶ *Клейнмихель М.* Из потонувшего мира. Мемуары. Пг.-М., 1923. С. 54.

необходимость активных действий в этом вопросе. Случай предоставил ему такую возможность. Будущий знаток финляндского вопроса Н.Н. Корево упоминает о том, что Ордин сумел изложить суть дела о финляндском уголовном уложении Воронцову-Дашкову на придворном балу, и «обеспокоенный граф потребовал от него письменного изложения»⁴¹⁷. Б.К. Ордин датировал выход в Зимнем дворце, где его отец сумел переговорить с графом, 26 ноября 1889 г.⁴¹⁸. Бородин в статье датирует активную деятельность Ордина в прессе 1890-м г., им же – разговор с Воронцовым-Дашковым, октябрём 1890 г. – совместный доклад Манасеина и Фриша, гр. Гейдена и Эрнрота в Гатчине, имевшим следствием образование комиссии Таганцева 31 октября 1890 г., учреждение особого совещания гр. Гейдена – в декабре 1890 г, тем же месяцем – подачу Ординым своей записки по военной реформе Ванновскому⁴¹⁹. Корево Н.Н. также указывает на 1890 год, как на более вероятную дату⁴²⁰. Однако, сама последовательность (записка Ордина – посредничество Воронцова-Дашкова – действия императора) во всех упомянутых источниках совпадает.

Записка Ордина в тот же день была передана императору⁴²¹. Делу был дан ход. Тот факт, что принятие уложения (в декабре 1890-го) было отложено – целиком и полностью является следствием разговора Ордина с Воронцовым-Дашковым и поддержки последнего⁴²². Именно с этого момента идеологам борьбы с чрезмерными финляндскими правами удалось обратить на себя

---

⁴¹⁷ Доклад Н.Н. Корево по финляндскому вопросу. СПб, 1907. С. 15.

⁴¹⁸ Записка, посланная графу И.И. Воронцову-Дашкову 26 ноября 1889 г., об уголовном уложении // *Ордин К.Ф.* Собрание сочинений ... Т. 1. С. 148-149; От издателя // *Ордин К.Ф.* Собрание сочинений... Т. 1. С. VI.

⁴¹⁹ *Бородин М.М.* К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читаемый в «Русском собрании») // *Русский вестник.* 1902. Июль. С. 189-191.

⁴²⁰ Доклад Н.Н. Корево по Финляндскому вопросу. СПб, 1907. С. 15.

⁴²¹ Письмо Воронцова-Дашкова С.А. Ординой от 8 августа 1898 г. // От издателя. *Ордин К.Ф.* Собрание сочинений... Т. 1. С. VII.

⁴²² Юридическая летопись. 1891. Январь; Библиотека «Окраин России» Н.Д. Сергеевского за 1907; Новое время. 1898. 20 сентября; Письмо Воронцова-Дашкова С.А. Ординой от 8 августа 1898 г. // *Ордин К.Ф.* Собрание сочинений ... Т. 1. С. VII; *С.К.* Финляндские заметки... С. 2.

внимание самых высших властных сфер и заставить прислушаться к своим доводам. Как писал один из них чуть позже, Александр III «под конец своего царствования получил несомненные доказательства фальшивости их (финнов. – *А.П.*) действий» и начал внимательно читать «все выдающиеся сочинения о Финляндии некоторых русских писателей, известных своим знанием финляндского вопроса»⁴²³. Это означало в первую очередь историческое сочинение Ордина и работы, выходившие из-под пера уже упоминавшихся «экспертов». Александр III проявил не только интерес к «мятежной» окраине, но и тонкое понимание лингвистических тонкостей в определении тех или иных терминов в документах, регламентирующих отношения с краем. Так, он поручил в марте 1891 г. известному специалисту по языку и культуре Финляндии Я.К. Гроту сделать точный перевод ряда терминов Фридрихсгамского трактата, подробно обсуждал с ним приемлемость использования слов «единение» или «слитие» и намеревался посвятить в эти детали также и Гейдена. Кстати, Я.К. Грот общался с Ординым, бывал у него в гостях⁴²⁴.

Ряд чиновников, в дальнейшем также специализировавшихся на финляндском вопросе, подготовили по высочайшему распоряжению соответствующие доклады. В итоге было образованы упоминавшиеся выше три комиссии под председательством Гейдена и комиссия Н.С. Таганцева⁴²⁵. Сенатор **Н.С. Таганцев** на долгие годы вошел в круг лиц, причастных к решению финляндского вопроса на уровне высших государственных чиновников. Он вел переписку с К.Ф. Ординым, встречался с ним, обсуждал перипетии финляндской политики и практические шаги по реализации

⁴²³ *Еленев Ф.П.* Отчего победители обращаются иногда в побежденных. СПб, 1898. С. 21 – 22.

⁴²⁴ Эпизод с рескриптом императора Александра III о русско-финляндских отношениях (Из записной книжки Я.К. Грота) // Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III. Кн. XIV. М., 1911. С. 515 – 519.

⁴²⁵ *Афанасьев Н.И.* Современники. Альбом биографий. Т. 1. СПб, 1909. С. 291; *Бородкин М.М.* К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читаемый в «Русском собрании») // Русский вестник. 1902. Июль. С. 191 – 193.

«русской программы»⁴²⁶. С годами он отнюдь не охладел к этой теме. Приезжая в Гельсингфорс на открытие Сейма в 1904 г. он останавливался у В.Ф. Дейтриха, по личному и весьма сердечному приглашению последнего⁴²⁷, долгое время состоял в переписке с Э.В. Фришем (оба деятеля – из той же когорты важных для финляндского вопроса государственных чиновников, о них речь ниже)⁴²⁸. По злой иронии судьбы, его сына, В.Н. Таганцева, большевики позже будут обвинять в том числе в связях с финскими контрреволюционерами («дело Таганцева»).

Эти события оказались ключевыми в русско-финляндских отношениях, именно тогда был сделан поворот к активной стратегии унификации княжества, от которой российские императоры так и не смогли отойти. По мнению Э.Н. Берендтса, «1890 г. является поворотным пунктом ... в политическом развитии Финляндии вообще... Обособление Финляндии, сделавшее столь значительные успехи с 1855 г. приостанавливается. «Империя» «Kejsaredomet» старается возратить себе то положение в отношении Великого княжества, которое она занимала до начала «конституционной эры»⁴²⁹.

Примечательно, что около 1890 г. наблюдается и активизация лиц, работавших под началом Гейдена (видимо, тот почувствовал, что сейчас эти инициативы уместны). Так, в «русскую группу» входил **Дмитрий Степанович Тризна**, работавший под непосредственным началом генерал-губернатора⁴³⁰. В 1890 г. он выпустил написанную от руки брошюру, в которой доказывал «неосновательность претензий финляндских писателей» на

⁴²⁶ ОР РНБ Ф. 760. Д. 365. Ордин К.Ф. Письмо к Таганцеву Н.С. от 10 сентября 1890 г. Л.1 – 2.

⁴²⁷ ОР РНБ Ф. 760. Д. 161. Письма к Таганцеву Дейтриха В.Ф. 1899-1904. Л. 5.

⁴²⁸ ОР РНБ Ф. 760. Д. 509. Письма Эдуарда Васильевича Фриша к Таганцеву. 1889 – 1904 и б/д. Л

⁴²⁹ Берендтс Э.Н. Финансовое право Великого княжества Финляндского в XIX столетии. Исторический очерк. СПб, 1900. С. 154.

⁴³⁰ Он родился в 1846, писал стихи и поэмы, в 1902 г. выпустил брошюру «Будущая агония цивилизации в Германии (правдоподобная фантазия)». Известно, что он числился по военному ведомству, дослужился до генерала от инфантерии.

отдельную государственность, чрезмерно большое количество предоставленных ВКФ льгот и безусловность присоединения его в качестве провинции⁴³¹. Помимо брошюры Тризны, в типографии финляндского окружного штаба в 1889 – н. 1890-х гг. по прямому распоряжению гр. Ф.Л. Гейдена было выпущено несколько книг и брошюр по кодификации законов княжества и русско-финляндским отношениям⁴³². В к. 1890 г. **Кронид Малышев**, работавший тогда под началом генерал-губернатора, издал по его инициативе свою рукопись на русском языке по действующим в крае гражданским, торговым, уголовным и судебным практическим законам. Уже тогда говорили про неизвестность русским юристам действовавших в Финляндии законов и про необходимость «сближения их с общими законами империи»⁴³³. В тот же период причастным к финляндскому вопросу стал **Петр Алексеевич Харитонов**⁴³⁴. С 1888 г. по приглашению Э.В. Фриша он перешел на службу в кодификационный отдел при Государственном совете⁴³⁵. Тем же Фришем ему было предложено принять участие в рассмотрении проекта основных законов Финляндии. В 1890 г. Харитонов был командирован в

---

⁴³¹ *Тризна Д.С.* Справка о Финляндии. Некоторые статистические сведения и параллели. По официальным данным составил Д.Т. Гельсингфорс. 1890. С. 1 – 2, 9. В 1911 г. он издал еще одну работу, практически полностью основывавшуюся на сочинениях М. Бородкина и материалах «Финляндской газеты: Финляндия за 100 лет в составе России (1808-1809 г.)». Сост. по офиц. данным генерал от инфантерии Д.С. Тризна. СПб, 1911. С. 1, 3, 10 и сл.

⁴³² Замечания на составленные финляндским временным комитетом в 1885 – 1887 гг. проекты кодификации основных законов и сословных привилегий Финляндии. Гельсингфорс, 1889.

⁴³³ Общее уложение и дополненные к нему узаконения Финляндии. Новое издание, на основании официальных шведско-финских источников Кронида Малышева, члена Консультации при Министерстве Юстиции, старшего чиновника Кодификационного отдела при Государственном совете. СПб, 1891. С. XX.

⁴³⁴ Юрист (Училище правоведения), в будущем – государственный контролер, член государственного совета, член совета министров, сенатор. В 1890-е гг. он принимал участие в работе совещания 1898 г. под председательством великого князя Михаила Николаевича по выработке особого порядка издания законов, общих для империи и ВКФ, в последующие годы – в работах и совещаниях под председательством Э.В. Фриша о введении русского языка в делопроизводстве финляндского Сената и местных управлений, об определении оснований введения в Финляндии российской монетной системы. См.: *Афанасьев Н.И.* Современники. Альбом биографий. Т. 1. СПб, 1909. С. 315-316.

⁴³⁵ Там же работал и Кронид Малышев, пока не удалось найти данные о точном времени его перехода на службу в княжество и последующего возвращения в Петербург.

распоряжение Ф.Л. Гейдена для участия в совещании, созванного в Гельсингфорсе, по обсуждению проекта этих законов, выработанного особым местным комитетом. В «Московских ведомостях» и в «Свете» очень активно публиковался в антифинляндском ключе **Н.А. Талин**. Это был псевдоним подполковника Генштаба **Ниве**, служившего одно время в крепости Свеаборг. О нем сохранился такой отзыв: «в штабе ничего не делал, а занимался только переводами из разных журналов; пишет все время; за три рубля он готов написать любую статью, как против, так и за Финляндию». Разумеется, отзыв исходил от политического противника Ниве и потому субъективен. Значительно важнее сам факт причастности активного публициста к кругу Гейдена и русской диаспоре в Гельсингфорсе к. 1880-х гг. Позже он работал в бюро печати МИД. Противники политики унификации Финляндии в будущем зачислят его в лагерь самых ярых «объединителей», упомянув наряду с Ординым, Бородкиным и Еленевым «пишущих мерзкие пасквили» про Финляндию «по приказу своего начальства»⁴³⁶.

Первые реальные успехи по ограничению «особых» прав княжества не снизили, а скорее подстегнули активность «экспертов». К.Ф. Ордин работал по 14 часов в день: как за месяцы до, так и в первое время после знаменательного разговора с Воронцовым-Дашковым и принятия решений по уголовному уложению, параллельно с изданием и рекламой своего главного труда «Покорение Финляндии», продвижением статей и заметок в газетах, он составлял записки по финляндским делам для Ф.Л. Гейдена, министров Н.Х. Бунге, Н.А. Манасеина, П.С. Ванновского, сохранял контакты с Выборгскими властями⁴³⁷. В 1890 г. Ордин активно выступал за единство финляндской и русской денежных систем⁴³⁸. Он составил особую записку для военного министра Ванновского (по просьбе последнего), в которой излагал историю

⁴³⁶ Несколько разоблачений о русских финнофобах и их проделках. Вып. I. Стокгольм, 1902. С. 12, 22, 55.

⁴³⁷ От издателя // *Ордин К.Ф. Собрание сочинений ...* Т. 1. С. XIV; С.К. Финляндские заметки... С. 2.

⁴³⁸ *Ордин К.Ф. О финляндской монете // Русский вестник. 1890. Май. С. 126 – 158.*

действующего в Финляндии устава о воинской повинности и обращал внимание властей на его несоответствие с общегосударственными задачами. Ванновский стал автором всеподданнейшего доклада о пересмотре правил устава о воинской повинности в Финляндии и об организации изменений финских войск 1891 г. Все выводы Ордина были впоследствии проверены комиссией Главного штаба и были признаны «безусловно правильными»⁴³⁹. Наряду с всеподданнейшей запиской 1878 г. Милютина, записка Ордина заняла первые страницы «Сборника материалов по состоянию и пересмотру устава о воинской повинности в Финляндии», отпечатанного в 1899 г. в военной типографии и положенного в основу материалов, рассматривавшихся в Госсовете при обсуждении⁴⁴⁰. Как известно, военная реформа была одним из ключевых пунктов программы русификации и унификации княжества времен генерал-губернаторства Н.И. Бобрिकова.

В тот момент Ордин уже обрел устойчивую репутацию эксперта по финляндскому вопросу. Однако, нередко его деятельность встречала и противодействие среди различных властных и общественных элит Петербурга⁴⁴¹. Достаточно влиятельных покровителей в столице у него не оказалось⁴⁴². В н. 1890-х., по его собственному признанию, ему приходилось «переживать благодаря финляндскому вопросу и «Московским ведомостям» очень трудное время». Он не раз жаловался на непонимание в «высоких чиновничьих кружках, и в иных довольно известных правительственных сферах»: «по поводу всякой мелкой статьи в высших сферах обращается недовольство против меня. За все про все я козлице отпущения... За последнюю неделю у меня были с двумя министрами очень тяжелые

⁴³⁹ Майков П.М. Финляндия. История и культура. Ее прошедшее и настоящее. СПб, 1911. С. 191 – 192, 489.

⁴⁴⁰ От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений Т. 1. С. VIII; С.К. Финляндские заметки... С. 2.

⁴⁴¹ Ордин К.Ф. Письмо Петровскому С.А. от 17 января 1891. // Ордин К.Ф. Собрание сочинений... Т. 1. С. XIV – XV; От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений ... Т. 1. С. X.

⁴⁴² Бородкин М.М. К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читаемый в «Русском собрании») // Русский вестник. 1902. Июнь. С. 627.

объяснения, грозящие еще тяжелейшими для меня последствиями»⁴⁴³. Его сын вспоминал, как переживал историк «неосведомленность и косность правительства и общества, нежелание их заинтересоваться делом, на выяснение которого К.Ф. положил столько сил и труда»⁴⁴⁴.

Жалобы Ордина очень важны для понимания специфики развития финляндского вопроса. «Неведение» правительственных и общественных сфер о происходящем в крае было ключевым тезисом, от которого отталкивались эксперты в своей деятельности⁴⁴⁵. Последователи Ордина сетовали на тот факт, что «Финляндия для России пока имеет мало значения» практически на всем протяжении развития «финляндского вопроса»⁴⁴⁶. Исключениями были периоды генерал-губернаторства Бобрикова и период активного обсуждения финляндского вопроса в III Думе. В промежутках жалобы сторонников унификации возобновлялись⁴⁴⁷. «Новое время» в 1908 г. по-прежнему обвиняло «наших слабых, безвольных и несведущих бюрократов» в «попустительстве»⁴⁴⁸. Противопоставление «патриотов» и бездействующего правительства перекочевало из 1890-х гг. в 1900-е, где очень выпукло было представлено, в частности, в публицистике М.О. Меньшикова. Но если мы вспомним статьи М. Каткова, то обнаружим там тот же самый мотив.

Шумиха в консервативной прессе объективно способствовала эскалации конфликта, а обострение отношений с краем на момент начала 1890-х гг. по-прежнему не виделось желательным для многих представителей правящих

⁴⁴³ От издателя // *Ордин К.Ф.* Собрание сочинений ...Т. 1. С. XV; С.К. Финляндские заметки... С. 2.

⁴⁴⁴ *Бородкин М.М.* К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читаемый в «Русском собрании») // *Русский вестник.* 1902. Июнь. С. 627; Июль. С. 195; *Московские ведомости.* 1889. №63; От издателя // *Ордин К.Ф.* Собрание сочинений ... Т. 1. С. XIV – XV.

⁴⁴⁵ *Еленев Ф.П.* Отчего победители обращаются иногда в побежденных. СПб, 1898. С. 19; *Он же.* Учение о финляндском государстве. СПб. 1893. С. 3.

⁴⁴⁶ *Сугоняев Тим.* Автономия. М., 1906. С. 16.

⁴⁴⁷ Обзор периодической печати по Финляндии. СПб, 1907. С. IX.

⁴⁴⁸ Цит. по: Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XVII. Запросы в Государственную Думу. Общеимперское законодательство и русско-финляндская комиссия 1909 года. СПб, Гос. Тип. 1911. С. 3.

сфер. Сетования Ордина подтверждают то, что его позицию не поняли и не приняли не только представители либеральных кругов, но и многие консерваторы, продолжавшие верить в лояльность Финляндии и осуждавшие курс на обострение отношений. Есть мнение, что на практике российская дипломатия редко руководствовалась единой идеологией, а напротив, ориентировалась на несколько интеллектуальных течений, которые могли друг друга дополнять или друг другу противоречить»⁴⁴⁹. История финляндского вопроса подтверждает этот тезис и для внутренней политики.

К.Ф. Ордин пережил два инфаркта (первый произошел на собрании у Я.К. Грота, посвященном спорам вокруг княжества) и умер от третьего в июне 1892 г.⁴⁵⁰. По свидетельствам родных Ордина, он потерял здоровье вследствие колоссальной физической и моральной усталости, полученной в попытках утвердить в обществе свой взгляд на финляндские проблемы. Кончина Ордина была серьезным ударом для группы антифинляндских экспертов. Их известность и значение росли, но в целом активных и влиятельных сторонников их идей оставалось очень немного. В полуофициальной биографии Бородкина ситуация описана следующим образом: «после смерти Ордина и Якубова, хорошо изучивших историю Финляндии, у знамени русской группы и проводником русской идеи долгое время оставался один Бородкин»⁴⁵¹.

Действительно, в 1890-е гг. Бородкин продолжал играть заметную роль в развитии финляндского вопроса. Он разбирал бумаги Ордина после его кончины и на основании его конспектов выпустил книгу «Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения», со своими дополнениями и

---

⁴⁴⁹ *Схиммельпенник ван дер Ойе*. Идеологии империи в России имперского периода. // *Ab Imperio*. 2001. №1 – 2. С. 214. Имеется в виду, в первую очередь, политика в Азии. Однако, на наш взгляд, то же самое можно сказать и по отношению к правительственной политике по отношению к национальным окраинам.

⁴⁵⁰ Там же. Т. 1. С. XV-XVI. Или Новое время. 1902. 5/18 июня. «К.Ф. Ордин».

⁴⁵¹ Разведчик. 1911. №1066. С. 1. Эта полуофициальная биография, по всей вероятности, была составлена им самим, поскольку содержит дословное повторение некоторых предложений из его собственных статей, а также развернутой биографии в альбоме «Современники».

комментариями⁴⁵². Он в полной мере разделял нежелание Ордина оставаться на уровне политической публицистики и его мнение о необходимости лоббирования позиции «русских национальных интересов» на самом высоком уровне. За 1890-е гг. публицистическая активность Бородкина, поиск оптимальных методов распространения своих взглядов, налаживание горизонтальных и вертикальных связей со значимыми во власти и общественной жизни людьми постоянно росли. Как следствие, росла и его общая влияние, в полном этапе реализовавшаяся уже на следующем этапе развития финляндского вопроса.

В 1890-е гг. он вел активную переписку с **С.А. Петровским**, предшественника Грингмута на посту редактора-издателя «Московских ведомостей», ставших флагманом первой волны антифинляндской кампании в прессе. В этой переписке обращает на себя внимание серьезное отношение ее участников к своей деятельности – Бородкин высказывал твердую уверенность, что ее результатом будут реальные политические шаги по отношению к княжеству. Он намекал на некие казенные столы власть имущих, на которые, благодаря ему, ложились идеологически «полезные» статьи по финляндской проблеме из «Московских ведомостей» и «кое-что принималось к сведению»⁴⁵³. В свою очередь, Петровский, бывший ученик и личный знакомый **К.П. Победоносцева**⁴⁵⁴, полностью разделял взгляды антифинляндских публицистов на проблемы края. Он не был идеологом и сыграл в финляндском вопросе в большей степени организаторскую роль, предоставляя страницы своей газеты для публикации соответствующих статей, а также курируя выход различных отдельных изданий по данной проблеме. Именно он издал трехтомник «Финляндская окраина России» – подборку статей «Московских ведомостей» по финляндскому вопросу, о «крайней необходимости» которого Бородкин писал ему в личной переписке.

⁴⁵² *Ордин К.Ф.* Собрание сочинений... Т. 3. С. 406.

⁴⁵³ ОР РГБ Ф. 224. Петровский С.А. Д. 15. Письма Бородкина за 1894 год. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1, 7.

⁴⁵⁴ *Полвинен Т.* «Держава и окраина» ... С. 28.

В их письмах за весеннее-летний период 1894 гг. описана борьба за влияние и за влияние самой газеты, но нет ни следа самоотождествления с властью или свидетельств о каком-то «зеленом коридоре» для «Московских ведомостей»⁴⁵⁵.

В 1893 г., с отъездом в Петербург, Бородкин был утвержден членом двух комиссий при Главном штабе: для участия в работе по финляндскому законодательству, для составления проекта нового устава о воинской повинности в Финляндии и по организации финских войск⁴⁵⁶. Его участие в последней комиссии было признано особенно полезным. За него в 1898 г. Бородкину был присвоен орден Владимира 4 степени, а его самого чуть было не произвели в генерал-майоры в обход 15 вышестоящих его лиц, пока не решили все же не нарушать субординацию⁴⁵⁷. К моменту назначения на пост финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова в 1898 г. он уже имел прочную репутацию эксперта и сам обладал определенным влиянием на выработку политики в крае. С началом личных контактов и даже дружбы с Бобриковым, это влияние усилилось многократно.

Однако, последнее десятилетие XIX в. привело в лагерь противников финляндской автономии и новых людей. Среди них стоит упомянуть **Акима Михайловича Золотарева**⁴⁵⁸. Его карьера интересна в том отношении, что он сочетал преподавательскую и научную деятельность с продвижением по

⁴⁵⁵ ОР РГБ Ф. 224. Петровский С.А. Оп. 1. Д. 15. Письма Бородкина за 1894 год. Л. 1 и сл. Бородкин представлен тут как сотрудник МВ, в письмах речь идет о гонораре.

⁴⁵⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 125; РГВИА Ф. 400. Оп. 12. Д. 20762. Л. 1 – 4; Ф. 409. Оп. 1. Д. 133428/1 – 13. Л. 37; Ф. 1. Оп. 1. Д. 72893. Л. 13; Хорсов П. Ук. соч. С. 93; Разведчик. №1066. 1911. С. 1.

⁴⁵⁷ РГВИА Ф. 400. Оп. 12. Д. 20762. Об объявлении Высочайшего благоволения Председателю, членам и делопроизводителям Комиссии по финляндским делам. Л. 2, 4; РГВИА Ф. 400. Оп. 12. Д. 20762. Л. 1, 2, 5.

⁴⁵⁸ Он родился в 1853 г., происходил из дворян войска Донского, с 1877 г. был командирован на службу в Санкт-Петербург. В 1895 г. стал ординарным (впоследствии заслуженным) профессором статистики Николаевской академии Генштаба (выпускником которой по кафедре статистики был и сам) и правителем дел академии, кавалером орденов. См. о нем: РГВИА Ф. 3611. Оп. 1. Д. 754. Л. 71; РГВИА Ф. 409. Оп. 1. Д. 133293. П/с №81 – 881. Л. 99 – 101, 104; Аким Михайлович Золотарев // Исторический вестник. 1912. Июль. Т. XXIX. С. 396.

военной службе, к примеру, звания профессора статистики и подполковника были им получены с разницей в год, в 1885 и 1886 соответственно)⁴⁵⁹. Он не участвовал непосредственно в раскручивании финляндского вопроса в печати. Однако он стал автором «Военно-статистического очерка Финляндии», который вместе с другими трудами, поднес императору, за что получил Высочайшую благодарность⁴⁶⁰. Это произошло в тот же год (1890), в котором продолжалась резкая активизация финляндского вопроса в результате действий Ордина, публикация соответствующих статей в печати. Труд Золотарева стал кусочком этой мозаики. Золотарев занял ту же позицию, что Якубов, Ордин, Бородкин и их единомышленники. Он оперировал теми же тезисами, не имевшими никакого отношения к географии и статистике, но с головой выдававшими политическую ориентацию автора: порицание «ничтожной народности, не имевшей даже своей истории», но смеющую «говорить о политическом бытии», осуждение действий русских властей, которые своей политикой создали условия для обособления края, предложение объединительной программы. Золотарев использовал те же риторические фигуры, повествуя о «ловкости финляндских деятелей», «русском добродушии», «завоеванной стране». По сути, он обрисовал проблему русско-финляндских отношений в стратегическом и внешнеполитическом контексте точно так же, как и Мелихов ранее, но с прямо противоположным выводом. Он указал на шведское влияние, на нелояльность финнов и их мечты о самостоятельности, на важность симпатий местного населения в случае войны. Однако обрести эти симпатии автор предполагал, сделав Финляндию обычной провинцией Империи. По его мнению, пример Польши доказал, что мягкое отношение к покоренным народам лишь стимулирует их стремление к обособленности⁴⁶¹. В дальнейшем Золотарев занимал совершенно ту же

---

⁴⁵⁹ РГВИА Ф. 3611. Оп. 1. Д. 754. П/с Золотарева Акима Михайловича. Л 71; РГВИА Ф. 409. Оп. 1. Д. 133293, п/с №81-881. Л. 99 – 104.

⁴⁶⁰ РГВИА Ф. 409. Оп. 1. Д. 133293, п/с №81 – 881. Л. 101 – 102.

⁴⁶¹ Золотарев А.М. Военно-статистический очерк Финляндии. Курс Николаевской академии Генерального штаба. СПб. 1890. С. III, 16 – 19, 63, 87, 114, 116.

позицию, что и рассмотренные выше авторы, распространял ее в своих лекциях в Николаевской Академии Генерального штаба. Видимо, в коридорах этого учреждения состоялось их знакомство с Бородкиным. Пометки Золотарева сохранились на конспекте доклада о стратегическом значении Финляндии для России, отложившемся в фонде **В.Г. Глазова**, начальника академии⁴⁶² (в свою очередь, Глазов интересовался Финляндией, ее экономикой, состоял в активной переписке с Бобриковым, и неформальной переписке с Бородкиным⁴⁶³; однако его роль и тесные контакты с другими представителями русского национального движения нуждаются в дальнейшем исследовании). В последующие (в особенности, 1900-е) годы Золотарев входил в различные формальные и неформальные структуры, в рамках которых вырабатывались программы и методы решения финляндского вопроса.

Также не стоит оставлять без внимания деятельность члена Совета главного управления по делам печати, известного цензора **Федора Павловича Еленева**⁴⁶⁴. Он опубликовал несколько работ по истории русско-финляндских отношений, составленных полностью в духе книги Ордина⁴⁶⁵. Рецензент его первой работы по Финляндии (1891 г.) обосновывал необходимость подобных

---

⁴⁶² РГИА Ф. 922. Оп. 1. Д. 162.

⁴⁶³ РГИА Ф. 922. Оп. 1. Д. 64. Заметки, относящиеся к 1899 – 1901 гг; РГИА Ф. 922. Оп. 1. Д. 332. Лл. 1 – 83; Оп. 1. Д. 296. Л. 1; РГИА Ф. 922. Оп. 1. Д. 786. Л. 37. (Письмо Бородкина, с просьбой прислать ему номера газеты «Кремль», издаваемой Илловайским Д.И. в Москве от 28 февраля 1910 г.).

⁴⁶⁴ Федор Еленев: 1827-1902, псевд. Скалдин. См. о нем: РГИА Ф. 777. Оп. 2. Д. 134; Ф. 776. Оп. 4, Д. 209. Помимо своих основных обязанностей по цензурному ведомству, он стал автором учебника по арифметике, писал о цензуре и вопросах развития гимназического образования в России, об освобожденных помещичьих крестьянах и о деятельности Ростовцева, о польской цивилизации и ее влиянии на Западную Русь. Ни в коей мере он не был профессиональным историком, специализирующимся на национальных вопросах.

⁴⁶⁵ *Еленев Ф.П.* Историко-критический обзор узаконений, включенных под именем Основных законов Финляндии в финляндские кодификационные проекты». СПб, 1894; *Он же.* Наше молодое поколение. В разъяснение причин студенческих волнений 1899 года. М., 1900; *Он же.* Отчего победители обращаются иногда в побежденных. СПб, 1898; *Он же.* Учение о финляндском государстве. СПб. 1893; *Он же.* Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб, 1891; *Он же.* Чего достигли и чего домогаются достигнуть финляндцы? Как проведен был финляндцами устав 1878 года о воинской повинности. М., 1898.

трудов нехваткой в российском коммуникационном пространстве простого и краткого изложения точки зрения Ордина и его сторонников, поскольку «для большинства читающей публики» их сочинения были слишком сложны. Еленев был сочтен способным восполнить этот пробел, дополнив свое знание классиков кратким визитом в край, общением с финнами и русскими военными служащими, а также знакомством с трудами финнов-сепаратистов, составленных на французском и немецком языках⁴⁶⁶. Уже из этой цитаты и из других рецензий, составленных вполне сочувствующими Еленеву авторами, заметно их строго инструментальное отношение к его работе (последующие были написаны в том же ключе). Никто не заблуждался относительно ее научного характера. Ее оценивали, как «брошюру», появившуюся «как нельзя более кстати», чтобы «резюмировать собою настоящий момент столь неожиданно возникшего в последние годы финляндского вопроса». Разумеется, это не мешало рецензентам подчеркивать «обильный, притом объективно-беспристрастный характер» материала⁴⁶⁷, а авторам статей в прессе использовать впоследствии его авторитет как «историка».

Сам Еленев, как и другие эксперты по финляндскому вопросу, придавал большое значение печатному слову и отлично понимал растущее значение пропаганды в русском обществе⁴⁶⁸. Он начал заниматься финляндским вопросом по собственному почину, как и его единомышленники. Несмотря на проблемы со здоровьем и достаточно низкую физическую активность, он настойчиво предлагал свои статьи по финляндской проблематике различным печатным изданиям (в первую очередь, в «Московские ведомости» и «Русский вестник»). Он заботился о своих гонорарах постольку, поскольку вынужден был тратить собственные средства, приобретая «заграничные материалы» при

⁴⁶⁶ Русский вестник. 1891. Сентябрь. Новости русской литературы. С. 276 – 280.

⁴⁶⁷ Исторический вестник. 1891. Август. Рецензия на труд Ф.С. Еленева «Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам». С. 477, 480; Чего достигли и чего домогаются достигнуть финляндцы Ф.П. Еленева. Русский архив. 1898. № 5. С. 147.

⁴⁶⁸ Еленев Ф.П. Наше молодое поколение. В разъяснение причин студенческих волнений 1899 года. М., 1900. С. 29, 38.

написании статей и распространяя их. К текстам он относился очень внимательно, досконально вычитывая свои публикации. После опубликования одной статьи с ошибками, меняющими смысл его взгляда на финляндские дела, он предпочел переиздать ее за свой счет отдельной брошюрой, тиражом 300 экз., хоть и сетовал, что «вероятно ее покупатели одни только финляндцы..., ибо русские большею частью не интересуются этим вопросом»⁴⁶⁹.

Помимо широкой публики, для Еленева было принципиально важно познакомить со своими текстами влиятельных людей. В 1898 г. он ставил перед собой задачу «обратить внимание» на финляндские нестроения представителей власти. Показательна его просьба к князю Н. Шаховскому о рекламной поддержке в какой-либо «уважаемой газете» для своей же статьи по финляндскому вопросу, готовящейся в «Русском архиве». Еленев справедливо опасался, что без рекламы публикация просто пройдет незамеченной: «наши государственные люди, как мне положительно известно, вовсе ничего не знают о порядках в Финляндии, а «Русский архив» если кто-нибудь из них и читает, то выбирает статьи анекдотического и биографического содержания; моя же статья слишком для них тяжеловесна и скучна»⁴⁷⁰. Е.В. Богданович несколькими годами позже характеризовал упомянутого Шаховского как «очень вредного человека» и с удовлетворением отмечал, что его влияние на Сипягина по вопросам печати весьма относительно⁴⁷¹. Эти факты свидетельствуют в пользу того, что Еленев не согласовывал свою деятельность с представителями власти, по крайней мере на регулярной основе и не имел особенной поддержки.

⁴⁶⁹ ОР РНБ Ф. 847. Шаховской Н.В. Д. 117. Письма Еленева Федора Павловича (за период с 4 июня 1896 г. по 3 марта 1898 г). Л. 2, 3, 5 – 7; ОР РНБ Ф. 847. Шаховской Н.В. Д. 118. Письма Еленева Федора Павловича (за период с 24 января по 12 августа 1898 г). Л. 1. В переписке он также жаловался на низкий тираж другой своей книги, см.: ОР РНБ Ф. 847. Шаховской Н.В. Д. 118. Письма Еленева Федора Павловича (за период с 24 января по 12 августа 1898 г). Л. 3 – 4.

⁴⁷⁰ ОР РНБ Ф. 847. Шаховской Н.В. Д. 119. Письма Еленева Федора Павловича (за период с июня по август 1898 г). Л. 1, 3, 4 – 5.

⁴⁷¹ Богданович А. Три последних ... С. 260.

Но все же он обладал некоторой информацией от властных структур. Например, ему было известно, что Куропаткин принимал опасность ситуации с финляндским войском «близко к сердцу», хоть Еленев и сетовал, что «один в поле не воин»⁴⁷². Он знал о ближайших намерениях влиятельных лиц в отношении княжества⁴⁷³. Есть данные, что К.П. Победоносцев располагал информацией об «особых обстоятельствах», имеющихсся со статьями Еленева по финляндскому вопросу в непосредственной связи с текущим решением властей по делам княжества⁴⁷⁴. Однако, политическая позиция этих статей трактовалась самим Еленевым как настолько жесткая, что он опасался того, что они не пройдут цензуру, будут напечатаны с неприемлемыми для него купюрами или просто не найдут себе издателя. Именно в таких случаях автор мог принять решение о публикации своей статьи отдельной брошюры, за свой счет⁴⁷⁵. Бородкин причислял Еленева к «борцам за русское дело на финляндской окраине», наряду с Ординым, Якубовым, В.А. Лилье, Н.М. Коркуновым⁴⁷⁶.

Нельзя не упомянуть также о такой фигуре, значимой для развития финляндского вопроса в к. 1890-х гг., как **П.И. Мессарош**. Он был корреспондентом «Московских ведомостей» в Гельсингфорсе, его статьи читал Бобриков лично перед публикацией – составлены они были также в духе Ордина, Бородкина и их единомышленников⁴⁷⁷. Отметим здесь, что издательская деятельность продолжала оставаться ключевой для

---

⁴⁷² ОР РНБ Ф. 847. Шаховской Н.В. Д. 119. Письма Еленева Федора Павловича (за период с июня по август 1898 г). Л. 2.

⁴⁷³ Там же. Л. 4, 7 – 8.

⁴⁷⁴ ОР РНБ Ф. 847. Шаховской Н.В. Д. 117. Письма Еленева Федора Павловича (за период с 4 июня 1896 г. по 3 марта 1898 г). Л. 5; ОР РНБ Ф. 847. Шаховской Н.В. Д. 118. Письма Еленева Федора Павловича (за период с 24 января по 12 августа 1898 г). Л. 2; ОР РНБ Ф. 847. Шаховской Н.В. Д. 119. Письма Еленева Федора Павловича (за период с июня по август 1898 г). Л. 7.

⁴⁷⁵ ОР РНБ Ф. 847. Шаховской Н.В. Д. 119. Письма Еленева Федора Павловича (за период с июня по август 1898 г). Л. 4, 5, 7, 8.

⁴⁷⁶ Новое время. 1908. 26 января.

⁴⁷⁷ Деятельность Мессароша достаточно подробно разобрана в: *Полвинен Т.* Держава и окраина...С. 56 и др.

последователей Ордина на всем протяжении 1890-х гг. Тем важнее были связи и контакты в кругу лиц, влиятельных в медийной сфере. К нему можно причислить **Сергея Шубинского**⁴⁷⁸ и **Алексея Суворина**. Их связывало больше 30 лет дружбы⁴⁷⁹. С 1880 г. Шубинский редактировал издаваемый Сувориным популярный историко-литературный журнал «Исторический вестник», привлекал к авторству людей разных убеждений, пользовался всеобщим уважением. В 1904 г. Суворин в знак уважения уступил ему половину права собственности на «Исторический вестник». Журнал стал одним из элементов общего коммуникационного пространства для «национально мыслящих» экспертов. Шубинский состоял в переписке с Якубовым. О влиятельности и важности фигуры Суворина в российском общественно-политическом пространстве говорить нет смысла – это общеизвестно. В к. 1890-х Бородкин переписывался с ним в непринужденном и шутовском тоне, не оставляющем сомнений в том, что они общались не «по протоколу» редактор – автор, а в гораздо менее формальном ключе⁴⁸⁰. В активной и такой же дружеской переписке с Н.М. Соколовым (будущим членом-учредителем Русского собрания, одним из активных апологетов славянофильской традиции) Бородкин обсуждал выбор типографии В. Комарова (главного редактора газеты «Свет», известного националистическими взглядами) для печати своей книги о Г. М. Армфельте⁴⁸¹.

---

⁴⁷⁸ Писатель, литератор, увлекался историей, хотя профессиональным историком не был. Писал «исторические очерки и рассказы» разного рода. Редактировал с 1875 по 1880 гг. ежемесячный исторический иллюстрированный сборник «Древняя и новая Россия». За свои исторические труды Шубинский был избран членом Императорского общества истории и древностей российских, Императорского одесского общества истории и древностей, тамбовской, нижегородской и ряда других ученых архивных комиссий, ростовского музея церковных древностей, исторического общества при СПб университете, Библиологического общества.

⁴⁷⁹ *Афанасьев Н.И.* Современники. Альбом биографий. Т. 1. СПб, 1909. С. 339 – 340; Исторический вестник. 1912. Сентябрь. С. 1 – 2.

⁴⁸⁰ РГАЛИ Ф. 459. Оп. 2. Д. 1220. Письмо Бородкина М.М. Суворину А.А. от 9 февраля 1898 г.

⁴⁸¹ РГАЛИ Ф. 1317. Оп. 1. Д. 7. Письма Бородкину М. к Соколову Н.М. Л. 1 – 9.

Для понимания механизмов развития финляндского вопроса очень показательным является выявление связей между теми лицами, которые были к нему причастны. Поскольку многие из этих людей не обладали широкой известностью, найти такие свидетельства непросто. Но именно регулярность их пересечений в органах государственной власти и правительственных комиссиях, в редакциях крупных газет и учебных заведениях, в общественных организациях и популярных политических салонах позволяет объяснить слаженность их усилий в финляндском вопросе, единство их взглядов на проблемы внутренней и внешней политики, неслучайность отдельных публикаций в прессе. Юристы, военные, чиновники, публицисты ходили по одним и тем же коридорам, встречались, знали друг друга лично. При изучении развития финляндского вопроса выясняется, что люди, занимавшие совершенно различное происхождение и положение, которые никак не должны были бы пересекаться и ведали, вроде бы, совершенно разными гранями финляндского вопроса – были связаны между собой и их имена закономерно всплывают на разных этапах его развития.

В 1890-е в это общее коммуникационное пространство попал и **Николай Дмитриевич Сергеевский**⁴⁸². Любопытно, что его крестным отцом в юриспруденции был не кто иной, как Н.С. Таганцев, видимо, принимавший участие в его судьбе со студенческой скамьи. Еще во второй половине 70-х гг., со студенчества, Сергеевский регулярно писал ему подробные письма, полные искренней благодарности и симпатии, просил его отзыв на свои научные работы, обращался с мелкими просьбами, благодарил за ответные письма и заботу⁴⁸³. Именно Таганцев сообщил ему об открытии вакансии в Военно-Юридической академии в Петербурге, куда Сергеевский смог уйти с поста преподавателя опостылевшего ему Ярославского лицея в 1881 г. В 1893 г. он числился на службе в Министерстве народного просвещения в качестве

---

⁴⁸² Юрист, доктор уголовного права, (1849 – 1908). Основная деятельность Н.Д. Сергеевского по финляндскому вопросу, обретение им настоящей влияния и репутации эксперта относится уже к 1900-м гг.

⁴⁸³ ОР РНБ Ф. 760. №450. Письма Сергеевского Н.Д. 1874 – 1891. Л. 3, 5, 7, 14, 16.

ординарного профессора Санкт-Петербургского университета, а также в Военном министерстве в качестве ординарного профессора Военно-Юридической академии (не считая работы по найму в Императорском Александровском лицее), шла речь о его назначении в Государственную канцелярию⁴⁸⁴. В рамках этих структур он мог пересекаться с ключевыми для финляндского вопроса людьми – в частности, по работе в Военно-Юридической академии он мог уже в те годы хорошо знать Бородкина, который начал обучение в этой академии двумя годами ранее⁴⁸⁵ (их дружеские отношения в 1900-х гг. фиксируются совершенно четко). По свидетельству Бородкина, он сошелся с Сергеевским «на поприще финляндских дел» в 1895 году, и с тех пор они «были духовно близки»⁴⁸⁶.

Сохранилась неформальная дружеская переписка Сергеевского с Э.Ю. Нольде за 1890-е гг., в которой упоминаются его контакты с Манасеиным и Коркуновым⁴⁸⁷. В 1894 г. Бородкин так описывал настойчивость, с которой он пытался организовать написание критической статьи про финляндского юриста Германсона: «За Германсона хотел приняться Константин Иванович (Якубов – А.П.), но он долго собирается: с прошлого лета. Просил я г-на Коркунова отделать Германсона, но Коркунов был очень занят»⁴⁸⁸. Отметим, что для постороннего читателя (как и для историков) нет никакой очевидной связи между видным юристом Коркуновым, менее известным юристом и государственным чиновником Сергеевским, служившим тогда по военному ведомству Бородкиным и совершенно не знакомым широкой публике историком Якубовым. Между тем, с 1890 г. Сергеевский был редактором

⁴⁸⁴ РГИА Ф. 727. Оп. 2. Д. 223. Письма Н.Д. Сергеевского к Э.Ю. Нольде. 7 дек. 1893 – 13 авг. 1884. Письмо от 7 дек. 1893 г. Л. 4.

⁴⁸⁵ *Кузьмин-Караваев В.В.* Военно-юридическая академия. 1866 – 1891. Краткий исторический очерк. СПб, 1891. С. 58 – 59; РГВИА Ф. 409. Оп. 1. Д. 133652/1 – 29. Л. 62 – 63; Ф. 409. Оп. 1. Д. 133428/1 – 13. Л. 31 – 35.

⁴⁸⁶ *Бородкин М.М.* Н.Д. Сергеевский и его отношения к финляндскому вопросу. Харьков, 1909. С. 3.

⁴⁸⁷ РГИА Ф. 727. Оп. 2. Д. 223. Письма Н.Д. Сергеевского к Э.Ю. Нольде. 7 дек. 1893 – 13 авг. 1884. Письмо от 13 августа 1884 г. Л. 1.

⁴⁸⁸ ОР РГБ Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4.

«Юридической летописи» и публиковал в журнале заметки по законодательным сюжетам применительно к Финляндии, в том числе статьи М.Н. Коркунова и Н.С. Таганцева. В 1895 г., редактируя «Журнал Министерства юстиции», Сергеевский опубликовал ключевую статью Г. Абова (псевдоним М.М. Бородкина) «Из истории учения финляндского государственного права». Все эти статьи были написаны вполне в духе К. Ордина и их публикация признавалась впоследствии сторонниками «русского взгляда» знаковым и полезным событием⁴⁸⁹. Именно с фигурой Сергеевского связывалось «правильное» направление, занятое указанными изданиями в финляндском вопросе.

В ходе работы в Государственной канцелярии Сергеевский стал постоянным участником финляндских комиссий, а чуть позже «правой рукой» Плеве в бытность последнего на посту министра статс-секретаря ВКФ. По свидетельству Бородкина, Сергеевский с самого начала видел важность повторения тезисов, предложенных Ординым, в общественном пространстве, в первую очередь – посредством печати. При этом он сам дополнил труд Ордина взглядом профессионального юриста, сохранив верность идеологическим положениям своего предшественника. Повторяя тезисы об отсутствии признаков государственности у Финляндии и об отсутствии у нее конституции, он считал, что диалог с финнами вряд ли имеет реальные шансы, и что наступало время перейти от объяснений Каткова и Ордина к активной практической деятельности⁴⁹⁰. Наиболее активно это намерение воплотилось в жизнь в первой половине 1900-х гг., в том числе его усилиями.

Подведем итоги. В к. 1880-х – 1890-е гг. в российском общественно-политическом пространстве появились деятели, которые начали заниматься активным освещением финляндского вопроса в «национальном ключе», с позиций «русских государственных интересов». В их действиях и взглядах прослеживается явная преемственность по отношению к М.Н. Каткову.

---

⁴⁸⁹ Бородкин М.М. Н.Д. Сергеевский... С. 9.

⁴⁹⁰ Там же. С. 9, 13-14.

Изначально их действия были продиктованы не задачами Real Politik, а идеологическими соображениями. Аналогично они оценивали и проявления враждебного им финляндского «национального проекта».

По всей видимости, в этот период времени они действовали по собственной инициативе, без каких-либо санкций со стороны официальных властей. Сочувствие Гейдена можно считать следствием скорее его личных взглядов, возможно даже находивших порой понимание «наверху», но не свидетельством проведения имперскими властями последовательного курса на унификацию края. В правящих кругах далеко не все поддерживали инициативу антифинляндских публицистов. Однако на определенном этапе один из их неформальных лидеров, К.Ф. Ордин, сумел обратить на финляндские проблемы внимание самого Александра III и тем самым спровоцировать поворот монархии к курсу на унификацию и русификацию ВКФ.

В н. 1890-х гг. в правящих кругах сохранялась значительная оппозиция к этому курсу, а в обществе в целом финляндские проблемы еще не воспринимались как насущные и острые. Поэтому представители русского национального движения продолжали свои попытки объяснить как власти, так и обществу как «на самом деле» обстоят дела на финляндской окраине. Не обладая пока реальным влиянием на принятие политических решений, они максимально использовали такой доступный им канал, как массовая печать. Именно этим объясняется беспрецедентная активность консервативных изданий в освещении финляндских проблем уже с к. 1880-х гг., а также появление в информационном пространстве империи массы отдельных сочинений (брошюр и более основательных работ) на эту тему.

Благодаря активности антифинляндских экспертов, вектор развития русско-финских отношений стали задавать не равнодушные к финляндской теме либерально или просто нейтрально настроенные общественные силы, а именно консерваторы, сторонники «русского национального взгляда» на положение ВКФ в составе Российской империи. Они сумели объединить

теорию с практикой в самом конце 1890-х гг., когда финляндским генерал-губернатором был назначен Н.И. Бобриков.

§ 2. М.М. Бородкин и другие эксперты против особых прав Финляндии в конце 1890-х – начале 1900-х гг.

Имя Н.И. Бобрикова стало символом политики унификации и русификации ВКФ. Однако пристальное знакомство с личными бумагами Бобрикова и рядом косвенных источников показывает, что он был, мягко говоря, не вполне самостоятелен в выработке этой политики (хотя и был абсолютно уверен в правильности своих действий).

Отдельные зигзаги в карьере Бобрикова выводили его на проблемы ВКФ много раньше назначения генерал-губернатором⁴⁹¹. Вероятно, это сыграло свою роль при назначении, но главным фактором были его взгляды. К.П. Победоносцев отмечал, что мало знал его, но: «когда встречался в штабе, он производил на меня впечатление серьезного человека... его направление мысли люди разумные считают безукоризненным»⁴⁹². По сохранившимся данным, Бобриков предстает скорее как добросовестный исполнитель, нежели генератор новых идей, его описывали как «превосходного штабного работника» и «консерватора»⁴⁹³. По-видимому, он признавал это и сам, поскольку неоднократно подчеркивал добросовестную подготовку, которую предпринял перед исполнением новых для него обязанностей⁴⁹⁴. Фундаментальность Бобрикова в изучении финляндского вопроса стала притчей во языцех среди консерваторов – «Московские ведомости» даже

---

⁴⁹¹ В 1886 г. он руководил полевой поездкой офицеров Генерального Штаба в Финляндию. А в 1889 г. он же написал особую Записку по организации мер защиты Финляндии от вражеского нападения. См.: *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80 – 90-е гг. XIX в. Л., 1982. С. 22; *Святая Русь Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм.* М., 2003. С. 93.

⁴⁹² ОР РГБ Ф. 230. Победоносцев К.П. Письмо к гр. Д.А. Толстому от 8 июня 1883. Картон №4392. Д. 3. Л. 7.

⁴⁹³ *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 89.

⁴⁹⁴ Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XVII. Запросы в Государственную Думу. Общеперское законодательство и русско-финляндская комиссия 1909 года. СПб, Гос. Тип. 1911. С. 41.

шутили, что воскресни он, то сначала испросил бы год или два на «предварительное изучение дела», а уже после него поехал бы вновь управлять краем⁴⁹⁵. В.Ф. Дейтрих отмечал: «он шел управлять Финляндией после всестороннего изучения ее истории и законодательства» и именно это знание определяло всю направленность его политики⁴⁹⁶.

По собственному признанию Н.И. Бобрикова, к маю 1898 г. он был знаком с финляндским вопросом по статьям из «Московских ведомостей» и некоторым изданиям, среди которых наиболее значимым был трехтомник Петровского «Финляндская окраина России»⁴⁹⁷. В книге отразились публикации «Московских ведомостей» по финляндскому вопросу, начиная со статей Каткова и заканчивая многочисленными статьями Якубова. Еще в те месяцы, когда Бобриков ожидал в Красном селе окончательного решения о своем назначении генерал-губернатором княжества и до конца не был уверен в нем, он уже работал рука об руку с Бородкиным над финляндским вопросом⁴⁹⁸. Предложения Бобрикова встретили полное понимание и поддержку у императора, между ними велась переписка⁴⁹⁹. В личных бумагах Бобрикова сохранились свидетельства его частых встреч с Николаем II и великими князьями («государь выслушал немало моих докладов»⁵⁰⁰, «государь и императрица видят меня постоянно и вероятно я успел им уже надоесть»⁵⁰¹). Император симпатизировал ему, был восприимчив к той концепции развития русско-финляндских отношений, которую он излагал, как, собственно, и в целом к концепции русского национального движения.

Получив на старте губернаторского срока заверения Николая II в поддержке его взглядов, летом 1898 г. Бобриков продолжил знакомство с

⁴⁹⁵ Московские ведомости. 1906. 19 марта (1 апреля). С. 2.

⁴⁹⁶ Федоров Евг. Подготовка финляндской революции. 1889 – 1905 гг. СПб, 1905. С. 97 – 98.

⁴⁹⁷ ОР РНБ Ф. 586. Оп. 28. Плева В.К. и Н.В. Дневниковые записи Бобрикова Н.И. Л. 1.

⁴⁹⁸ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 71. Л. 15, 26, 32.

⁴⁹⁹ Новикова И.Н. Особое государство или провинция империи... С.14.

⁵⁰⁰ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 71. Письма Н.И. Бобрикова к жене Е.И. Бобриковой 1897, 1898, 1901 гг. Л. 15, 19, 23, 37, 40, 66, 76, 82, 92, 101.

⁵⁰¹ Там же. Л. 48. (вероятно, лето 1897 года).

вопросом, по тем же «книжным материалам»⁵⁰². Многие служебные документы периода его работы в ВКФ содержали непосредственные ссылки на труды Ордина⁵⁰³. Бобриков продолжал упоминать о активной «совместной работе» с Бородкиным и о тесном контакте с Плеве, тогда же получившем свое назначение; встречах с Мессарошем и Куропаткиным (которого подозревали в личной ненависти к финнам)⁵⁰⁴.

Подготовка не прошла даром. Еще в личной аудиенции у императора перед своим назначением, Бобриков отмечал, что намерен управлять краем «следуя твердой системе», «не поступаясь русским сердцем». Кроме того, он напомнил Николаю «о нелепых притязаниях финляндцев, благодаря обману, передержкам, лести и нахальству их руководителей»⁵⁰⁵ создавших особое положение края, все больше удаляющегося от России. Бобриков говорил не о реальных проблемах, которые существовали в провинции, или реальных угрозах для России, но о статусе и формальных правах, чувствах и эмоциях. Суть финляндской проблемы для себя Бобриков формулировал следующим образом: «стремление финляндцев, от мала до велика, толковать свое политическое положение в смысле Государства на особых ими выдуманных конституционных правах, связанного с Империей лишь унией... Надо разъяснить этот корень всего зла с высоты престола. Право за нами и я в этом убежден, будучи солидарен с Ординым, Манасеином, Таганцевым, Харитоновым и многими честными людьми». Встречается в его бумагах и такая фраза, дословно повторяющая аналогичные пассажи из статей и трудов экспертов – «финляндцы извратили истину»⁵⁰⁶. Свою деятельность Бобриков

⁵⁰² ОР РНБ Ф. 586. Оп. 28. Плеве В.К. и Н.В. Дневниковые записи Бобрикова Н.И. Л. 5.

⁵⁰³ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 15. Записка о внедрении в учреждениях Финляндии делопроизводства и переписки на русском языке и проект временно исполняющего обязанности финляндского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Гончарова о необходимости требовать от сенаторов и губернаторов знания русского языка. Л. 5.

⁵⁰⁴ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 71. Письма Н.И. Бобрикова к жене Е.И. Бобриковой 1897, 1898, 1901 гг. Л. 26, 27, 41, 45, 86; Полвинен Т. «Держава и окраина»... С. 73.

⁵⁰⁵ ОР РНБ Ф. 586. Оп. 28. Плеве В.К. и Н.В. Дневниковые записи Бобрикова Н.И. Л. 2.

⁵⁰⁶ Там же. Л. 71.

понимал как «пользу русского дела в Финляндии», инструмент «водворения Финляндии на надлежащее ей место в ряду русских провинций»⁵⁰⁷.

Программа Бобрикова ретранслировала основные положения публикаций экспертов и на смысловом уровне, и риторически. Она включала господство русского языка в государственных учреждениях, уравнивание в правах русских с финнами в крае, в будущем – установление границы между предметами местного и общеимперского законодательства⁵⁰⁸. Вся аргументация сводилась к важнейшему еще со времен Каткова требованию «государственного единства Империи и необходимости внедрения в инородческие массы русской государственности»⁵⁰⁹. Этот «принцип государственного единства» объявлялся руководящим началом политики на финляндской окраине, в нем видели «своего рода «категорический императив»»⁵¹⁰. Как и Катков, Бобриков относился к бремени империи вполне однозначно: «где раз поднят русский флаг, там спускаться он уже не должен»⁵¹¹.

Тем самым, можно согласиться с выводом ведущих исследователей русско-финляндских отношений Е.Б. Ошеровым и Л.В. Суни, согласно которому программа Бобрикова сама по себе не содержала ничего оригинального и суммировала в себе то, что уже поднималось в «реакционно-монархической печати»⁵¹². Но важный акцент заключается, на наш взгляд, в отказе от традиции обвинять условное «самодержавие» и попытке найти конкретных исторических персон, разрабатывавших антифинляндскую

⁵⁰⁷ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 14. Записка финляндского генерал-губернатора Бобрикова Н.И. о противоправительственном движении в Финляндии на 1 февраля 1903 г. и о мерах к его предотвращению. Л. 3; РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 71. Письма Н.И. Бобрикова к жене Е.И. Бобриковой 1897, 1898, 1901 гг. Л. 86.

⁵⁰⁸ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 13. Замечания по поводу записки о мерах, направленных к успокоению Финляндии. Л. 4, 5, 6.

⁵⁰⁹ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 15. Записка о внедрении ... Л. 3, 4.

⁵¹⁰ *Бородкин М.М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб, 2005.

⁵¹¹ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 18. Записка «О задачах финляндской русской газеты». Л. 1.

⁵¹² *Ошеров Е.Б., Суни Л.В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX-XX вв. Петрозаводск, 1986. С. 45.

программу; провести четкую границу между ними и самодержавием, поскольку они не были идентичны друг другу.

Подчеркнем, что назначение Бобрикова резко усилило влияние на финляндские дела самого Бородкина, не только путем влияния через печатное слово, но и непосредственно. Он стал не просто подчиненным, но хорошим другом финляндского генерал-губернатора, заходил к нему запросто⁵¹³. Бобриков высоко ценил «близкое знание» им местной обстановки, его опыт в «финляндских делах», часто запрашивал у него различные справки⁵¹⁴, прочил его на место своего помощника. Однако, уже в самом начале 1899 г. для Бобрикова и для Бородкина стало очевидно, что служба последнего в Финляндии неблагоприятна. По всей видимости, это объяснялось репутацией Бородкина и конфликтным характером, который с самого начала приняло общение Бобрикова с местными учреждениями. Сам Бородкин высказался по этому поводу весьма эмоционально: «Вы изволите спрашивать: продолжаю ли я желать службы в Финляндии? Конечно, не продолжаю. После того, как я потерпел неудачу, - и притом полную и совершенно для меня неожиданную, - я оставил всякие надежды и мечты служить финляндскому делу в пределах края. От своего легкомыслия в этом направлении думаю, что излечился коренным образом. Покоряюсь судьбе и верю, что «все к лучшему». Буду работать здесь, пока можно»⁵¹⁵. Есть данные о «паническом страхе», с которым Бородкин якобы относился к финнам⁵¹⁶. Он был утвержден делопроизводителем особого совещания 1898 года под председательством Победоносцева для выработки проекта Высочайшего предложения Финляндскому чрезвычайному сейму 1899 г. по уставу о воинской повинности в Финляндии, а также делопроизводителем особого совещания по выработке

⁵¹³ ОР РНБ Ф. 1000. Оп.2. Д. 158. Л. 8; *Полвинен Т.* «Держава и окраина» ... С.3.

⁵¹⁴ ОР РНБ Ф. 1000. Оп. 2. Д. 158. Л. 8 – 9, 11, 14, 35, 243.

⁵¹⁵ Там же. Л. 12 – 13.

⁵¹⁶ РГВИА Ф. 165. Оп. 1. Д. 531. Л. 68 об.; *Полвинен Т.* «Держава и окраина» ... С. 97, 136.

проекта высочайшего обращения к земским чинам финляндского сейма (1898)⁵¹⁷.

В 1900 г. Бородкина произвели в генерал-майоры, он стал чиновником особых поручений при военном министре и по заверениям Бобрикова, тот весьма нуждался в таком сотруднике. Помимо активного сотрудничества с Бобриковым, постепенно у Бородкина завязывались связи и с другими ключевыми для решения финляндского вопроса лицами. С к. 1890-х гг. Бородкин имел доступ к Победоносцеву, Куропаткину и Фришу⁵¹⁸. Это проливает некоторый свет на личный состав группы, которая вырабатывала в реальности основные решения по финляндскому княжеству в тот период. В частности, В.К. Плеве принял решение привлечь Бородкина к консультированию по данному вопросу, как уже известного эксперта в этой теме, хотя до того момента не был знаком с ним лично⁵¹⁹. В мае 1898 г. Николаю II были направлены материалы Главного штаба по разработке нового закона о воинской повинности в крае. В материалы входила «Историческая справка об Уставе о воинской повинности в Финляндии 1878 года», которая включала в себя несколько неверных положений об обмане военного министра Милютина финской стороной, перекочевавшее из работ Еленева. Автором справки был Бородкин⁵²⁰. В тексте итогового доклада буквально на нескольких страницах приведены все ключевые идеи, которые обосновывали эксперты в своих публикациях (например, о первичности идеологии в процессе обособления финляндского княжества, традиционные исторические и юридические аргументы), в абсолютно идентичной лексике («Русское царство», «домогательства» финнов и пр.)⁵²¹. На этом поприще были замечены и другие, уже знакомые нам, эксперты. Так, Мехелин упоминает о казусе,

⁵¹⁷ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 72893. Л. 13 – 136.

⁵¹⁸ ОР РНБ Ф. 1000. Оп.2. Д. 158. Л. 9, 12.

⁵¹⁹ ОР РНБ Ф. 586. Д. 11. Плеве В.К. и Н.В. Письма Н.И. Бобрикову. 1899 – 1901. Письмо от 29 августа 1899. Л. 10.

⁵²⁰ *Полвинен Т.* «Держава и окраина» ... С. 54.

⁵²¹ Военное министерство. Доклад по Главному штабу. 22 мая 1898. История составления и утверждения финляндского устава о воинской повинности. С. 23.

когда в объяснительной записке председателя Совета Министров были дословно использованы тезисы из брошюры Н.Д. Сергеевского от 1902 г., оказавшиеся на поверку ошибочными. Здесь интересен не сам факт опровержения тезисов, которого добивался финляндский сейм в официальных текстах, а то действительное доверие, которое демонстрировали «российские канцелярии» к трудам экспертов по финляндскому вопросу⁵²². Забегая вперед, отметим, что Бородкин и в будущем, вплоть до 1910-х гг. выступал автором «объяснений», которые обсуждались в комиссиях по финляндскому вопросу и прилагались затем как сопроводительные документы к резолюциям правительства⁵²³.

Также Бородкин выступал экспертом, представляя вариант устава в Государственном совете⁵²⁴, был участником комиссии Таганцева по разграничению общегосударственного и местного законодательства 1904 г.⁵²⁵. Возможно, был задействован в статс-секретариате по делам Финляндии⁵²⁶. Иными словами, он активно лоббировал их, теперь общий с Бобриковым, взгляд в доступных ему властных структурах⁵²⁷.

В 1898 – 1904 гг. он был правой рукой Бобрикова в деле написания различных текстов, и в первую очередь – «Всепопданейших отчетов» генерал-губернатора. Первоначальный подбор материалов осуществлялся в канцелярии Бобрикова под руководством капитана Ниве (упоминавшегося ранее члена гейденовского кружка), затем они отправлялись Бородкину в

⁵²² Мехелин Л. Критический разбор закона 17 (30) июня 1910 г. Гельсингфорс, 1910. С. 92 – 93.

⁵²³ ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1511а. Л. 2; Журнал заседания Особого совещания по делам княжества Финляндского по вопросу о присоединении двух приходов Выборгской губернии к составу Петербургской губернии 13 ноября 1910 года; *Civis finnicus*. Ук. соч. С. 4.

⁵²⁴ Правительствующий сенат. СПб, 1912. С. 78.

⁵²⁵ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 72893. Л. 13 б – 14.

⁵²⁶ Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 630.

⁵²⁷ ОР РНБ Ф. 1000. Оп. 2. Д. 158. Л. 2, 11-13, 15, 30, 106; Ф. 586. Ед. хр. 11. л. 10; Россия. Государственный совет. Временные организации. (Дополнение). Материалы. Т. 79. 1910. Комиссия вторая. Продолжение. СПб, 1910. С. 39 – 42.

Петербург, и он предлагал уже окончательный вариант текста⁵²⁸. В спорных вопросах Бобриков был склонен открыто поддерживать Бородкина, считая, что положение в крае требует «крутых мер»⁵²⁹. Но радикальное толкование финляндского вопроса по-прежнему, невзирая на всю поддержку со стороны высших руководящих лиц Империи, очевидно не отвечало задачам сохранения спокойствия на окраине и вызывало много возражений. Николаю II пришлось в письме от 19 марта 1899 г. самому призывать Бобрикова не форсировать события и хотя бы по мелким вопросам не раздражать финнов⁵³⁰. В переписке В.К. Плеве неоднократно советовал Бобрикову не обострять отношения с финнами хотя бы по незначительным вопросам⁵³¹. В обсуждениях К. Победоносцева с Фришем в марте 1899 г., и соответствующей переписке с Бобриковым, упоминалось о составлении М. Бородкиным выборки статей, которая упомянутыми чиновниками была оценена негативно, как «не нормальная, а чрезвычайная», «ибо многие из составленных законоположений совершенно расходятся с ныне действующим законным строем финляндского управления»⁵³².

Сочувствующий консерваторам, Берендтс отмечал, что в н. 1900-х гг. в определенной прессе наблюдался взрывной рост националистических настроений, а отношение прессы к финляндскому вопросу – было красноречивым примером утраты способности оценивать беспристрастно современные политические события»⁵³³. В н. XX в. к «Московским ведомостям» в деле антифинляндской компании присоединился «Свет»⁵³⁴. Кампания велась в таких резких тонах, что даже сами исполнители политики

⁵²⁸ *Полвинен Т.* «Держава и окраина». ... С. 304.

⁵²⁹ ОР РНБ Ф. 586. Оп. 28. Плеве В.К. и Н.В. Дневниковые записи Бобрикова Н.И. Л. 66.

⁵³⁰ Там же. Л. 54.

⁵³¹ ОР РНБ Ф. 586. Д. 11. Плеве В.К. и Н.В. Письма Н.И. Бобрикову. 1899 – 1901. Письмо от 14 июля 1899 г. Л. 3; Письмо от 27 февраля 1900. Л. 26.

⁵³² ОР РНБ Ф. 586. Оп. 28. Плеве В.К. и Н.В. Дневниковые записи Бобрикова Н.И. Л. 66, 67.

⁵³³ *Берендтс Э.Н.* Лекции по административному праву Великого княжества Финляндского. Т. II. СПб, 1903. С. 2.

⁵³⁴ Свет. 1899. 14 октября. С. 4; 19 октября. С. 1; 4 ноября С. 1; 23 ноября. С. 1; 29 декабря. С. 1.

унификации края, как ранее правительство в отношении Каткова, порой считали необходимым сбавить градус полемического накала своих сторонников. Так, в ноябре 1898 г. Бобриков призывал Бородкина «отнестись хладнокровнее» к его письменному заключению по вопросу о воинской повинности, напоминая о необходимости терпения⁵³⁵. Как писал генерал-губернатор, «разум и русское сердце требуют терпения, осторожности и твердой системы»⁵³⁶. В некоторых вопросах Бобриков и сам настаивал на осмотрительности, указывая в марте 1899 г., что настроение в крае «крайне нервное и разогреть не хотелось бы»⁵³⁷. Самого Бородкина, опубликовавшего в печати резкую статью по вопросу о финляндских коробейниках, Бобриков в апреле 1899 г. пытался урезонить в достаточно резкой форме: «ваша публикация по данному вопросу совершенно преувеличивает и отчасти искажает истину... Я официально опроверг бы Вашу корреспонденцию эту если не знал, что она Ваша. Извращение фактов не помогает делу, а его портит. Если бы Вы меня спросили, я мог бы сообщить Вам более точные сведения. ... К чему преувеличивать факты, когда и без них никто не сомневается в подлости и низости финляндской интеллигенции? ... Здесь, повторяю, так много мерзости вообще, что и действительность говорит сама за себя»⁵³⁸. Спорная публикация, по всей видимости, была напечатана в «Свете» за подписью «русский» и впоследствии дезавуирована⁵³⁹. Еще больше разногласий было у Бобрикова с П.И. Мессарошем. Генерал-губернатор писал Бородкину, что было бы неплохо, если бы Мессарош «приостановил атаку в резкой форме» (публицисты общались и имели массу возможностей обсудить тактику и стратегию поведения в финляндском вопросе), а советы давал бы без посредства прессы напрямую самому генерал-губернатору⁵⁴⁰.

---

⁵³⁵ ОР РНБ Ф. 1000. Оп.2. Д. 158. Л. 3.

⁵³⁶ Там же. Л. 47.

⁵³⁷ Там же. Л. 14.

⁵³⁸ ОР РНБ Ф. 1000. Оп.2. Д. 158. Л. 24-26.

⁵³⁹ Там же. Л. 27-28.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 2, 30, 46. Речь идет о мае 1899 года.

В этих условиях для экспертов по финляндскому вопросу были актуальными попытки упрочения своей позиции и создание новых инструментов влияния. Одним из них стало издание «Обзоров периодической печати по Финляндии». Обзоры стали выходить еще с осени 1899 г., по инициативе В.К. Плеве, в целях обеспечения лучшей информированности властей, чтобы представлять «что действительно думает финляндский народ»⁵⁴¹. Как формулировали это деятели, причастные к выпуску издания, «осенью 1899 г., когда в Финляндии началась открытая борьба с идеей общей государственности между Россией и ВКФ, в русских правительственных сферах было признано необходимым следить с неослабным вниманием за ходом политической жизни в Финляндии и настроением ее населения»⁵⁴².

Характерно, что составители Обзора периодической печати по Финляндии называют «Новое время» и другие издания соответствующей направленности «русской национальной печатью». Они вполне осознавали суть и назначение этих органов. И сам Обзор полностью идет в фарватере «Нового времени», сочувственно цитируя его и лишь иногда несколько смягчая тон приводимых высказываний. Точно так же совершенно сознательно составители обзора говорят об «обработке общественного мнения в своем духе» - касательно финнов, однако очевидно, что вся глубина соответствующих задач на российском (и отчасти зарубежном) общественно-политическом поле была им совершенно ясна⁵⁴³.

С самого начала основным действующим лицом в издании обзора был **Владимир Александрович Гольмстрем**. Про него удалось найти лишь самые отрывочные данные. Известно, что он потерпел неудачу в каком-то суде (был

---

⁵⁴¹ РГИА Ф. 560. Д. 314. Переписка министра финансов В.Н. Коковцова с разными лицами. 12 января – 17 декабря 1907. Л. 63.

⁵⁴² РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 7. Дело о возобновлении издания «обзора периодической печати в Финляндии» в целях проведения идеи общей государственности между Россией и Финляндией.

⁵⁴³ Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XVII. Запросы в Государственную Думу. Общеимперское законодательство и русско-финляндская комиссия 1909 года. СПб, Гос. Тип. 1911. С. 10, 12.

юристом) и потом начал писать про финляндские проблемы. В 1899 г. он опубликовал статью по финляндскому вопросу в «Санкт-Петербургских ведомостях», в том же ключе, что писали Бородкин, Коркунов и другие эксперты. Статья была замечена и В.К. Плеве пригласил Гольмстрема «к неофициальному сотрудничеству по изучению финляндского вопроса»⁵⁴⁴. Он стал негласным сотрудником Финляндского статс-секретариата⁵⁴⁵. В 1901 г. был надворным советником, цензором петербургского почтамта и публицистом. В 1903 – чиновником финляндской канцелярии. В 1904 г. переписывался с Э.Э. Ухтомским по поводу публикации его статьи в «Московских ведомостях». В 1907 г. уже заведовал иностранным отделом Главного управления по делам печати. Сохранилась просьба Фредерикса поручить ему составление истории царства Александра III и историю революционного движения в России, над которыми работал историк С.С. Татищев⁵⁴⁶.

«Обзоры периодической печати» печатались в Государственной типографии, сначала ежемесячно, потом раз в несколько месяцев, далее 1-2 раза в год. За период 1899 – 1905 гг. при Финляндском статс-секретариате вышло 12 довольно внушительных сборников. Также издательство выпускало отдельные брошюры и книги по разным специальным вопросам, касающимся края⁵⁴⁷. Создавались особые «царские» экземпляры «обзоров», предоставлявшиеся Николаю, Марии Федоровне, наследнику Михаилу Александровичу. Остальные шли «высочайшим особам, членам Государственного совета и министрам, рассылались в библиотеки российских университетов». Сам подбор публикаций осуществлялся в тенденциозном

⁵⁴⁴ РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 7. Дело канцелярии Совета министров по экспедиции о возобновлении издания «Обзор периодической печати Финляндии». Л. 18.

⁵⁴⁵ РГИА Ф. 560. Д. 314. Переписка министра финансов В.Н. Коковцова с разными лицами. 12 января – 17 декабря 1907. Л. 60.

⁵⁴⁶ РГИА Ф. 472. Оп. 60. Д. 207. 1907 год; Ф. 1072. Оп. 2. Д. 539. Л. 8; Д. 314. Лл. 1 – 6; Ф. 530. Оп. 1. Д. 21. Лл. 22 – 25.

⁵⁴⁷ РГИА Ф. 560. Д. 314. Переписка министра финансов В.Н. Коковцова с разными лицами. 12 января – 17 декабря 1907. Л. 64.

ключе. Но еще более важным были комментарии к ним, составленные по традиционному для экспертов шаблону. Именно в таком формате это издание работало как инструмент влияния на представителей высшей власти.

Эксперты продолжали активно использовать и полностью оправдавшие себя методы из арсенала к. 1880-х – 1890-х гг. В первую очередь, это плотная работа с прессой, к которой подключился и генерал-губернатор. Бобриков очень внимательно относился к образу своих действий в Финляндии, который создавался в прессе – как финской, так и русской. Два из десяти пунктов своей объединительной программы он отвёл именно работе с прессой⁵⁴⁸. Причем эти положения, в отличие от всех остальных, реализовывались наиболее последовательно и плодотворно. Пресса по-прежнему понималась как мощный инструмент влияния и Бобриков добивался, чтобы в ней отражался именно «истинный» взгляд на финляндский вопрос. В частности, он инициировал просьбу об опровержении статьи в «Русском богатстве» за март 1899 г., когда его фактическим редактором были Н.К. Михайловский и В.Г. Короленко. В газете утверждалось, что форма правления 1772 г подтверждена Сеймовым уставом 1869 г. и оставалась действующей. Бобриков счел это «извращением истины» и поощрением финляндского сепаратизма – и не смог позволить себе пройти мимо. Возражения Короленко, пытавшегося доказать законный характер формы правления в Главном управлении по делам печати, ситуацию никак не исправили. Характерны возражения ему М.П. Соловьева, служащего в управлении: «Вы читали Ордина, Мессароша? Они доказали, что шведы обманом подсунули государю...»⁵⁴⁹. Поскольку «Русское богатство» никак не хотело дезавуировать свою статью, полемика с нею началась в «Свете» и продолжилась Мессарошем в «Московских ведомостях». Короленко счел это закономерным: «давно говорят, что статьи в «Свете» или прямо сочиняются или, во всяком случае вдохновляются в канцелярии

---

⁵⁴⁸ См. текст программы в: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. М., 1992. Т.2. С. 319.

⁵⁴⁹ *Короленко В.Г.* Дневник. 1898 – 1903. Полтава, 1928. С. 140, 143.

финляндского генерал-губернатора. Интересно, что именно «Свет» и «Московские ведомости» доставили русской печати сведения о депутациях финляндцев, о петиции их и т.п. сведения, которые не могли бы пройти ни в каком другом органе и которые в перепечатках из «Света» обошли всю русскую прессу»⁵⁵⁰. После этого Бобриков включился в спор с «Русским богатством» по вопросу о форме правления лично и выход журнала был приостановлен на три месяца.

Н.И. Бобриков был лично и довольно близко знаком с редактором «Правительственного вестника». О манере их общения дает представление следующая фраза редактора: «Надеюсь на скорую и могущественную твою помощь и жду ответа на телеграмму, сердечно предан»⁵⁵¹. В рамках этого же направления появилось основание собственных, «карманных» газет, в частности – «Финляндской газеты» в 1900 г. в Гельсингфорсе (печаталась в типографии штаба Финляндского военного округа)⁵⁵². В ее работе с момента основания активно участвовал Бородкин⁵⁵³. Она предназначалась для «правильного» освещения проблем княжества. С 1902 г. редакторами важного для экспертов «Русского вестника» стали В.В. Комаров и **Василий Львович Величко**. С первым они и до того имели возможность встречаться в редакции газеты «Свет», с обоими (в тот момент и позже) – в стенах Русского собрания⁵⁵⁴. Величко был известен своей армянофобией и поддержкой политики русификации на Кавказе⁵⁵⁵. Новые редакторы видели свое наследие и кредо в «глубоком патриотизме М.Н. Каткова и его доблестной верности национально-государственной идее»⁵⁵⁶.

Закономерным продолжением той же линии было внимание к «правильному» освещению финляндского вопроса и соответствующей

⁵⁵⁰ Там же. С. 147, 148, 162, 167.

⁵⁵¹ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

⁵⁵² Русская политика насилия в Финляндии. Берлин, 1902. С. 12.

⁵⁵³ Правительствующий сенат. СПб, 1912. С. 78.

⁵⁵⁴ См. о Русском собрании ниже. С. 19.

⁵⁵⁵ Общественное движение в России в н. XX в. СПб, 1914. С. 358.

⁵⁵⁶ Русский вестник. СПб, 1902. Май. Т. 279. С. III – IV.

правительственной политики в зарубежной прессе. Этим стали заниматься уже в к. 1890-х гг. Отметим здесь зарождение еще одной из форм сотрудничества между экспертами и властью в финляндском вопросе. Для представителей русского национального движения позиция по финляндскому вопросу западных стран была значима, но все же на том этапе не столь важна. А вот для официальной власти этот аспект представлял большой интерес.

Еще Мехелин отмечал, что книгу С.К. Михайлова (псевдоним Бородкина) оперативно перевели на французский, «вероятно по распоряжению заинтересованных бюрократических сфер»⁵⁵⁷. Эта деятельность включала в себя не только переводы известных историков, юристов и публицистов «бородкинского» толка на основные европейские языки, но и рассылку соответствующих брошюр по конкретным адресам. Той же цели способствовали переиздания. Уже в 1895 г. на французском языке была издана брошюра Ф. Еленева⁵⁵⁸. Другая его работа спустя всего несколько лет после выхода уже в 1898 г. была напечатана повторно. Издавалась она в типографии В. Киршбаума, департамента Министерства финансов⁵⁵⁹.

Идеологическая борьба представителей русского и финского национального движения за условную «западную» аудиторию разворачивалась с достаточно активным участием обеих сторон. Вопрос, насколько внимание ведущих европейских и американских изданий было привлечено к финляндской проблеме самими финнами, сознательно формирующими общественное мнение в свою пользу, требует отдельного изучения. В Италии и Испании, в Париже и Франкфурте на Майне, в Берлине, Копенгагене и Брюсселе были свои эксперты, систематически освещавшие в прессе этот вопрос⁵⁶⁰. В 1900-е гг. идеологам «антифинляндской программы»

---

⁵⁵⁷ *Civis Fennicus* (Лео Мехелин). Опровержение ... С. 4.

⁵⁵⁸ Les pretentions des separatists finlandais. Apercu critique de la doctrine separatist en Finlande. Paris, 1895.

⁵⁵⁹ Еленев Ф. Отчего победители обращаются иногда в побежденных. СПб, 1898.

⁵⁶⁰ Семенов Е.В. В стране изгнания (из записных книжек карьериста). СПб., 1911. С. 186 – 187.

и российским чиновникам пришлось потратить немало сил и средств, чтобы хотя бы постараться переломить негативный имидж, сложившийся на Западе у русской политики в княжестве. В н. 1900-х гг. в Англии возник специальный журнал, посвященный Финляндии. Там и во Франции печатались памфлеты и брошюры, в том числе, с предисловием Анатоля Франса. В Америке вышла брошюра с характерным названием «Русское вероломство в Финляндии». Был составлен международный адрес в защиту края, включавший среди 1050 подписей автографы Эмиля Золя, Леруа-Болье, Спенсера, Ф. Найтингел, Моммзена, Ибсена, Нансена, Ломброзо и ряда других известных лиц⁵⁶¹. Во Франции тема защиты финляндских интересов (в общем контексте национального вопроса и защиты преследуемых народностей) связана с историей журнала «Europeen». Он выходил еженедельно, обладал весьма серьезной репутацией, цитировался ведущими европейскими и американскими изданиями и занимал абсолютно профинляндские позиции⁵⁶².

В конце XIX – начале XX в. сотрудник петербургских «Новостей» Евгений Семенов стал одновременно выполнять обязанности заведующего русским отделом уже упоминавшегося парижского «Europeen». Поскольку издание занимало очевидно не угодную правительству позицию, он писал в журнале под псевдонимом Nesvoy. В воспоминаниях он последовательно описал внимание МВД и лично Плеве к «Europeen», попытку полемизировать с зарубежными изданиями в подконтрольной министерству печати с помощью своих агентов, историю публикации в «Figaro», «Temps» и ряде других крупнейших изданий статей самого Плеве за подписью «Un Russe», публикацию открытой статьи за своей подписью в известном журнале Стэда. Семенов также упоминал о попытке Плеве договориться с финнами по отдельным частным вопросам через своих агентов. Стараясь повлиять на

---

⁵⁶¹ Финляндский разгром. Purleigh, Maldon, Essex, England. 1900. С. 45 – 46; Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший манифест от 3/15 февраля 1899 г. Официальные документы, реляции, газетные и журнальные статьи и прочее. Берлин, 1901. С. 83.

⁵⁶² Семенов Е.В. В стране изгнания (из записных книжек карьериста). СПб., 1911. С. 187 – 190, 192.

исход переговоров, правительственные агенты в самой Финляндии активно использовали старофинскую печать (распространяя через нее слухи о связи финляндских конституционалистов с русскими революционерами)⁵⁶³.

На этом же примере укажем на такой важный инструмент влияния, как **адресная рассылка**. Она могла использоваться для распространения солидных трудов – и для более или менее массового распространения брошюр или отдельных выпусков газеты. Уже с н. 1890-х гг. эксперты по финляндскому вопросу практиковали принцип рассылки «правильных» материалов более-менее влиятельным лицам в обществе и власти. Они уже имели определенные связи и представления о том, кому именно имеет смысл посылать их в первую очередь. К примеру, именно так Бобриков получил от Петровского свой экземпляр «Финляндской окраины России» (1 том – в августе 1891 г.). Он был тогда начальником штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, получил книгу в подарок и благодарил Петровского в письме, обещая прочитать ее «с особым вниманием»⁵⁶⁴.

Помимо рассылки, организованной частным образом, использовался и государственный ресурс. В ходе многолетней переписки с Петровским Борис Ордин сетовал, что несмотря на рекомендацию Ученого комитета Министерства народного просвещения от 1890 г. о распространении «Покорения Финляндии» во все библиотеки учебных заведений, на момент 13 апреля 1893 г. «ни одной книги» туда не поступило. Впрочем, он констатировал, что весьма энергично взялось за приобретение книги военное министерство, снабдившее ими все свои корпуса еще в 1892 г.⁵⁶⁵.

Отметим, что до 1890-х годов государственная регламентация чтения не была отдельным направлением внутренней политики государства. Положение изменилось с принятием «Правил о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними», утверждённых МВД 15 мая 1890 г. Отныне и вплоть

⁵⁶³ Там же. С. 187, 192 – 195, 199 – 200.

⁵⁶⁴ ОР РГБ Ф. 224. Петровский С.А. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1.

⁵⁶⁵ ОР РГБ Ф. 224. Петровский С.А. К. 2. Д. 15. Письма Петровскому С.А. от Ордина Б.К. Л. 3 – 4, 15.

до 1917 г. государство пыталось активно влиять на процесс чтения (с помощью таких каналов, как массовые библиотеки, земские книжные склады, народные школы и др.)⁵⁶⁶. В рассматриваемый период времени эксперты активно прибегали к этим ресурсам (государственные и аффилированные с ними издательства, дотации, официальные каналы распространения печатной литературы).

Помимо работы с прессой (зарубежной и отечественной) и организации регулярных обзоров, трактующих информацию по финляндским проблемам в «нужном ключе», на новом уровне была возобновлена также работа по созданию отдельных печатных трудов по финляндскому вопросу. Первенствующее значение здесь сохранилось у исторических работ – но их написание было поднято на новую высоту.

Самый яркий эпизод из этой области связан с поручением Николая II создать официальную «Историю Финляндии». В своем отчете за 4 года генерал-губернаторской деятельности Н.И. Бобриков ознакомил императора с основными вехами истории развития «финляндской обособленности», считая, что иначе не будет понятна специфика существовавшей в тот момент ситуации в крае. Бобриков указывал, что именно к истории обращается местная оппозиция в поисках аргументов в споре с центральной властью, и **именно из нее**⁵⁶⁷ имперское правительство «извлекло ... основу своей программы объединительных мероприятий»⁵⁶⁸.

В свою очередь, Николай выражал уверенность, что именно знание истории русско-финских отношений способствовало пониманию логичности принятия февральского манифеста⁵⁶⁹. Почти сразу после принятия манифеста

---

⁵⁶⁶ Павлов М.А. Государственная регламентация чтения в России. 1890 – 1917 гг. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. СПб, 2000. С. 4.

⁵⁶⁷ Выделено мной – А.П.

⁵⁶⁸ Всеподданнейшая записка финляндского генерал-губернатора. 1898 – 1902. СПб, 1902. С. 1.

⁵⁶⁹ ОР РНБ Ф. 586. Оп. 28. Плева В.К. и Н.В. Дневниковые записи Бобрикова Н.И. Л. 57.

от 3 февраля 1899 г.⁵⁷⁰ Николай II поручил В.К. Плеве вместе с рядом других чиновников подготовить сообщение для русской и заграничной печати. Оно должно было содержать краткое изложение исторических событий, начиная с завоевания Финляндии. Император надеялся, что история вопроса окажется тем неотразимым аргументом, который вразумит оппонентов правительственной политики и «положит конец продолжающейся агитации!»⁵⁷¹. Надежды монарха, разумеется, не оправдались. Однако, спустя два года, именно Николай II попросил Н.И. Бобрикова приступить к сбору материалов «для составления правдивой истории Финляндии». Бобриков указал на Бородкина, как на наиболее подходящую кандидатуру и император утвердил ее⁵⁷². Итогом стало написание многотомной «Истории Финляндии», напечатанной в Государственной типографии и отмеченной наградами. Издание одного из томов было осуществлено при непосредственном содействии военного министра. Бородкину пошли навстречу, разрешив находиться на внештатном положении при сохранении прежнего жалованья и выделив из финляндской казны средства для разъездов в поисках необходимых материалов⁵⁷³.

Подчеркнем, что хотя основной костяк экспертов по финляндской проблеме был довольно сплоченным, нельзя ставить знак равенства между ними и всем русским национальным движением, которое было достаточно мозаичным. Еще меньше их можно отождествлять с русским консерватизмом. И совсем нельзя – с русской официальной властью (самодержавием). Разберем это утверждение на примере отношений экспертов с человеком, который в целом сочувственно относился к идеям унификации ВКФ, участвовал в комиссиях по финляндским делам н. XX в., но при этом отстаивал право иметь

---

⁵⁷⁰ Русская политика насилия в Финляндии. Берлин, 1902. С. 1. (coup d'etat в финляндской традиции)

⁵⁷¹ ОР РНБ Ф. 586. Д. 28. Л. 57.

⁵⁷² ОР РНБ Ф. 1000. Оп. 2. Д. 158. Проект письма Бобрикова военному министру Сахарову, написанный Бородкиным. Л. 288.

⁵⁷³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 158. Л. 210, 288.

особый взгляд на действия правительства, статьи экспертов и в целом всю эту тему. Речь идет о **Э.Н. Берендтсе**. Он негативно оценивал «политику националистического шовинизма» Бобрикова, которая действительно нарушала права финнов, привела к резкому обострению русско-финских отношений и отдалила, а не приблизила желаемую интеграцию. Неудивительно, что с такой позицией Берендтс «не угодил никому»⁵⁷⁴ - ни финляндским публицистам, ни русским. В 1904 г. Бобриков писал Бородкину: «Измену русскому делу со стороны Берендтса я предвидел, основываясь на участии этого мнимо ученого в труде Шиловского. Издания лекций Берендтса ожидал Сергеевский для напечатания своей новой брошюры, поэтому теперь он может его ругнуть. Я готов ввести укор и в свой верноподданнический отчет, так как действительно безобразно теперь стоять за форму правления и тем подливать масла в мехелиновский огонь»⁵⁷⁵. Из этой цитаты становится очевидно то значение, которое придавали печатному слову члены бобриковского кружка. Публикация профессора и нюансы его суждений по юридическим аспектам русско-финских отношений, с их точки зрения, требовали внимания и опровержения как в глазах широкой публики, так и самого императора. Впрочем, взвешенный тон Берендтса и подчеркнутое положение «над схваткой», высказываемое им в опубликованных по собственной инициативе трудах, все же уступали место в тех работах, которые печатались в Государственной типографии и распространялись под эгидой газеты «Окраины России», более похожим на традиционные для «экспертов» тезисам.

В н. 1900-х гг. в российской общественно-политической жизни уже отчетливо проступали черты принципиально нового строя. Создавались, пусть пока нелегально, политические партии, градус общественных дискуссий и напряженности в обществе постоянно рос. Представители русского национального движения не могли позволить себе оставаться в стороне от

⁵⁷⁴ Берендтс Э.Н. Кое-что о современных вопросах. М., 1907. С. 75, 105 – 107.

⁵⁷⁵ ОР РНБ Ф. 1000. Оп.2. Д. 158. Л. 220.

этих изменений. В 1900 г. в Петербурге начала свою работу крупнейшая организация правых сил – Русское собрание. Михаил Бородин входил в состав его учредителей. Первоначально не являясь политическим объединением, Русское собрание замкнуло на себе дворянские и бюрократические элементы и стало «мозговым центром» всех формирующихся черносотенных организаций. До 1905 г. основной акцент в его работе делался на культурно-просветительской деятельности, организации докладов и публичных лекций. Собрание распространяло среди населения пропагандистские листовки и брошюры, популяризировало монархическую идею, призывало к изучению русского национального движения, русской литературы⁵⁷⁶. Национальные вопросы, и в первую очередь финляндский, были предметом постоянного обсуждения в его стенах. Эта направленность собрания полностью соответствовала взглядам Бородина и других экспертов, как и пониманию ими собственной миссии: воспитание власти и общества в духе той идеологии, которая казалась правильной, прививание национального образа мышления. Помимо обсуждения основных принципов политики на национальных окраинах, участники собрания пытались предпринимать и некоторые практические шаги на этой почве. Русское собрание инициировало основание на различных окраинах своих отделов, которые должны были, с ведома МВД, осуществлять некие практические шаги в духе идеологических концепций, одобренных Собранием, проще говоря – быть его опорой на местах⁵⁷⁷. Собрание оказывало помощь пострадавшим на окраинах (в данном случае – в Финляндии) русским чиновникам, занималось поиском и координацией деятельности тех лиц, которые могли бы постоянно заниматься этими вопросами⁵⁷⁸.

---

⁵⁷⁶ *Залежский В.* Монархисты. Харьков, 1929. С. 11 – 12; *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание. 1900 – 1917. М., 2003. С. 139 – 141; *Союз русского народа.* М.-Л., 1927. С. 4.

⁵⁷⁷ ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 1243. Протоколы заседаний Русского собрания 1902 – 1907 гг. Л. 1 – 3, 8. Харьковский отдел открывал М.М. Бородин (см. Л. 2).

⁵⁷⁸ ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 1499. Повестки «Русского собрания» Никольскому Б.В. Л. 61 – 70, 90, 91.

В ходе обсуждений финляндского вопроса в собрании закономерно большую роль играл М.М. Бородкин. Он неоднократно делал доклады, как по истории взаимоотношений с краем, так и по текущей ситуации (например, в 1905 г. он делал специальный доклад, посвященный новейшей истории Финляндии). На основании представленных им изданий и сведений вырабатывались основные резолюции по данному вопросу. Бородкин заседал в совете собрания, делал доклады, открывал местные отделы (в частности, в Харькове), печатался в периодических изданиях⁵⁷⁹. Официально в тот период он был чиновником особых поручений при военном министре, затем помощником начальника главного военно-судного управления и главного военного прокурора и начальником Александровской военно-юридической академии по совместительству⁵⁸⁰. Производил расследования в Киевском арсенале в 1905 – 1906 гг., Императорской военно-медицинской академии в 1907 г., Туркестанском военном округе в 1909 г. С 6 декабря 1907 г. служил в чине генерал-лейтенанта.

Активную роль в Русском собрании играл и Николай Сергеевский. В начале 1900-х гг. его активность в финляндском вопросе развивалась по нарастающей. В 1902 г. он издал труд «К вопросу о финляндской автономии и основных законах». Сергеевский стал членом Государственного совета. Он являлся главой подкомиссии, которая выпустила несколько трудов, спровоцировавших пересмотр некоторых законоположений, касавшихся различных вопросов управления княжеством. Он также состоял председателем комиссии для составления сведений по финляндским законам и их систематизации. В рамках практически всех комиссий Сергеевский активно занимался изданием и рассылкой соответствующих материалов по финляндскому вопросу (в своей области – юридической). По словам Бородкина, Сергеевский не верил в способность власти быть последовательной в правильном решении финляндской проблемы и считал

---

⁵⁷⁹ ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 1499. Л. 47, 69, 80, 88, 93, 110.

⁵⁸⁰ ОР РГБ Ф. 169. Оп. 51. Д. 20; РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 72893. Л. 1 – 8, 136, 14.

критически необходимым общественное давление в этом вопросе. Поэтому он активно произносил речи, делал доклады в разных учреждениях, публиковал брошюры и статьи⁵⁸¹.

Русское собрание играло роль площадки для более или менее неформального общения. Среди его членов встречались люди, занимавшие заметное место в политической элите и обладавшие определенным влиянием на принятие конкретных политических решений. К ним относились, например, Н.А. Мясоедов, С.В. Штюрмер, князь А.Н. Лобанов-Ростовский, кн. А.А. Ширинский-Шихматов, С. Воейков и ряд других⁵⁸². Граф Н.Ф. Гейден (сын бывшего генерал-губернатора) был одним из активных участников Собрания (учредителем, одно время – председателем)⁵⁸³. Членом совета Русского собрания был сын Федора Еленева – Р.Ф. Еленев⁵⁸⁴. Возможность возобновить старые полезные знакомства и завязать новые была бесценной для всех участников, ведущих активную общественно-политическую жизнь. Одним из таких полезных новых знакомых и наиболее влиятельным участником Собрания был Борис Никольский. Одновременно он играл роль личного секретаря **Е.В. Богдановича**, влиятельнейшего консерватора, имевшего огромный опыт по взаимодействию с властными структурами по вопросам агитации и пропаганды консервативных ценностей в народе, державшего собственный политический салон. Он традиционно проявлял заинтересованность в финляндских делах. В ходе обсуждения с ним проблем края, состоявшегося в н. 1902 г., Никольский обмолвился, что генерал имеет возможность говорить о них «с людьми, в руках которых ключ к решению финляндского вопроса»⁵⁸⁵.

⁵⁸¹ *Бородкин М.М.* Н.Д. Сергеевский ... С. 8 – 10, 14 – 15.

⁵⁸² Данные за 1911 год. ГА РФ Ф. 116. Союз русского народа. Оп. 2. Д. 22. Извещения о занятиях и списки членов «Русского собрания». Л. 69, 100.

⁵⁸³ ГА РФ Ф. 588. Б.Н. Никольский. Оп. 1. Д. 1243. Протоколы заседаний Русского собрания. 1902 – 1907. Л. 17.

⁵⁸⁴ ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 1499. Повестки «Русского собрания» Никольскому Б.В. Л. 177, 222.

⁵⁸⁵ РГИА Ф. 1620. Оп. 1. Д. 93. Л. 2.

Подведем итоги. В конце XIX – начале XX в. финляндский вопрос стал частью повседневности для российского общества. Как писал в письме к жене от 14 мая 1899 г. известный историк А.Е. Пресняков, в гостях длились «бесконечные расспросы и разговоры, о студентах, о Финляндии, о министрах и т.п.»⁵⁸⁶. Жаловаться на «незнание финляндских проблем» во власти и обществе у экспертов было все меньше оснований. К к. 1890-х они добились значительного влияния на финляндские дела посредством тесной связи с Н. И. Бобриковым, который искренне воспринял их программу как руководство к действию. При этом правительство по-прежнему шло по пути ограничения финляндской автономии медленнее, чем хотелось бы представителям русского национального движения. Приходилось вводить новые и использовать уже проверенные методы увеличения своего влияния, совершенствовать их. Работа с прессой, создание своих печатных органов, адресная рассылка, развитие «Обзоров» – издания, систематически формирующего взгляды высшей элиты империи на финляндский вопрос («Обзоры»), – осуществлялись последовательно и систематично. Эксперты понимали важность непосредственного участия в работе государственных структур и постепенно становились частью бюрократии (что хорошо видно на примере карьеры Бородкина). При этом особенно важным было обретение большого числа неформальных связей с влиятельными людьми, чего помогало добиться участие в таких проектах, как работа Русского собрания.

В рассматриваемый период усилилось взаимодействие и взаимовлияние двух акторов в процессе развития финляндского вопроса: представителей русского национального движения (как его основного локомотива) и государственной власти, которая восприняла пропагандируемый в 1890-е гг. в консервативной печати взгляд на финляндские проблемы. К ярким примерам их сотрудничества относятся создание «заказных» трудов по истории края,

---

⁵⁸⁶ Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889 – 1927. СПб, 2004. С. 422.

использование государственных ресурсов по распространению нужных изданий, активная работа с заграничной печатью.

§ 3. Формы и методы взаимодействия русских националистов с обществом и властью по вопросу о статусе княжества в 1906–1917 гг.

Период первой русской революции был провальным для приверженцев «русской национальной политики» в Финляндии. Даже на уровне верховной власти их партия терпела поражение. В апреле 1905 г. Н.Д. Сергеевский написал прошение об увольнении из подготовительной комиссии по разграничению общественного и местного финляндского законодательства, поскольку итоги работы этой комиссии полностью противоречили его пониманию сущности государственного единства Империи и верховных прав российского императора (из состава комиссии вышел также Бородкин)⁵⁸⁷. По признанию самих публицистов, сделанному в 1906 г., «вся наша окраинная политика остается до сих пор не установленной. Нигде не видно планомерности. Все зависело от случая и от лиц, становившихся во главе окраинного дела»⁵⁸⁸. Краткий период успеха при Бобрикове перечеркнула революция. Тем сильнее стала ощущаться потребность закрепиться во властных структурах и усилить свое влияние. К уже имевшимся инструментам воздействия эпоха добавила новые: возможность объединяться в политические партии, пропагандировать свои взгляды с думской трибуны, развивать партийную периодику и пользоваться плодами появления по-настоящему массовой печати.

Сторонники русского национального взгляда на положение Финляндии представляли собой достаточно сплоченную группу лиц. Бородкин однозначно и неоднократно повествовал о «лагере» - сторонников и

---

⁵⁸⁷ ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д 1481. Письма Плеве В.К. и Сергеевского Н.Д. Письмо Э.А. Эрштрему от Сергеевского Н.Д. 16 апреля 1905 г. Л.1. См. также: Россия. Государственный совет. Временные организации. (Дополнение). Материалы. Т. 79. 1910. Комиссия вторая. Продолжение. СПб, 1910. Л. 2.

⁵⁸⁸ Окраины России. 1906. 5 марта. № 1. С. 7.

последователей К.Ф. Ордина, К.Н. Якубова, Н.И. Бобрикова и других, о своей принадлежности к нему⁵⁸⁹. Обсуждая ежегодные неформальные собрания этой группы в Петербурге, финляндские газеты писали, что ее члены продолжали настаивать на дальнейшем проведении курса Н.И. Бобрикова даже в обстановке 1905-1906 гг., когда большинство представителей власти считали за благо временно оставить край в покое⁵⁹⁰. Есть данные о регулярных встречах «бобриковцев» в Петербурге на «ежегодных торжествах»⁵⁹¹. В переписке с С. Петровским за 1908 г. сын К.Ф. Ордина Борис писал: «А нас и теперь уже не мало. По финляндскому вопросу сложилась целая школа, насчитывающая десяток-другой отлично образованных, энергичных, непродажных людей. Им принадлежит честь подготовки членов Государственной Думы к выступлению с запросами, которые открывают новую эру в финляндском вопросе»⁵⁹². В 1909 г. Борис засвидетельствовал рост влияния работ К.Ф. Ордина, «живое сочувствие» даже среди умеренно-правых и октябристов. В том же году он был на приеме у императора, который выразил ему самое глубокое восхищение трудами его отца⁵⁹³.

Возросшие активность и влияние экспертов приносили свои плоды. Практически сразу после окончания революции в 1906 г. «в русских правительственных сферах» возобновилась работа комиссий и особых совещаний по финляндским делам. Ходили слухи, что в российских верхах рассматривался вариант назначения Бородкина в постреволюционную Финляндию⁵⁹⁴. Проводились регулярные «пятничные» совещания по финляндской проблеме, под председательством Николая II. Он же лично

⁵⁸⁹ Бородкин М.М. Н.Д. Сергеевский и его ... С. 21.

⁵⁹⁰ РГВИА Ф. 400. Оп. 3. Д. 3152. Л. 66, 94.

⁵⁹¹ РГВИА Ф.400. Оп. 3. Д. 5264. По вопросу о правах Финляндского генерал-губернатора (18 октября 1904 – 9 января 1905 гг.). Л. 94.

⁵⁹² ОР РГБ Ф. 224. Петровский С.А. К. 2. Д. 15. Письма Петровскому С.А. от Ордина Б.К. февраль 1908 г. Л. 9.

⁵⁹³ ОР РГБ Ф. 224. Петровский С.А. К. 2. Д. 15. Письма .... Л. 12.

⁵⁹⁴ Московские ведомости. 1908. №21. С. 1 – 2.

подбирал состав участников заседаний – как правило, из политиков «бобриковской» направленности⁵⁹⁵.

Важнейшей задачей для представителей русского национального движения на этом этапе было обретение устойчивой поддержки бюрократии. По возможности, они и сами входили в бюрократические структуры. Характерным примером может послужить карьера **В.Ф. Дейтриха**⁵⁹⁶. Во второй половине 1900-х он продолжал активную деятельность вокруг финляндского вопроса. С 1905 г. он был назначен Председателем специального комитета по делам русских училищ в Финляндии, с 1909 г. вошел в состав комиссии для выработки проекта правил о порядке издания законов, касающихся империи со включением Великого княжества Финляндского⁵⁹⁷. Продолжал работу и **Николай Павлович Гарин**⁵⁹⁸. В 1906 г. он стал членом особого совещания под председательством вице-председателя Государственного совета статс-секретаря Фриша по пересмотру проекта нового сеймового устава ВКФ. По восходящей шла карьера такого представителя царской бюрократии и одновременно одного из самых

⁵⁹⁵ Богданович А.В. Ук. соч. С. 439 – 440.

⁵⁹⁶ Юрист по специальности, прокурор Петербургской судебной палаты в 1894 г., он хорошо знал Н.С. Таганцева, работал с ним с 1895 г. в рамках рабочей комиссии Министерства юстиции, с 1902 г. был назначен помощником финляндского генерал-губернатора, с июля того же года – председателем Комиссии для всесторонней разработки вопроса об улучшении положения безземельных в Финляндии и председателем Особого совещания по делам печати в Финляндии, с сентября – членом комиссии для пересмотра некоторых законоположений, касающихся финляндского управления (за деятельность в рамках которой впоследствии был награжден орденом. См.: ГА РФ Ф. 1467. Оп. 1. Д. 642. ЧСК. Следственная часть. Приложение к делу о Дейтрихе. Формулярный список о службе бывшего вице-председателя Гос. совета В.Ф. Дейтриха. Л. 3, 5-8.

⁵⁹⁷ ГА РФ Ф. 1467. Оп. 1. Д. 642. ЧСК. Следственная часть. Приложение к делу о Дейтрихе. Формулярный список о службе бывшего вице-председателя Гос. совета В.Ф. Дейтриха. Л. 9.

⁵⁹⁸ Юрист, бюрократ, делал карьеру на государственной службе с 1880-х гг., в к. 1890-х участвовал в комиссии для составления сведений по финляндским законам, необходимых при производстве дел в Государственном совете и для систематизации законов вообще. В 1899 г. участвовал в комиссии сенатора Таганцева по составлению дополнительных постановлений к проекту уголовного уложения. В 1901 г. поступил вольнослушателем на учрежденную при Санкт-Петербургском университете кафедру финляндского права. В 1901 г. состоял членом образованной при Главном штабе особой комиссии по пересмотру хозяйственного управления финских частей войск. См.: *Афанасьев Н.И.* Современники. Альбом биографий. Т. 1. СПб, 1909. С. 54 – 55.

активных экспертов, как **Николай Николаевич Корево**. В 1899 г. он был назначен заведующим делопроизводством комиссии для составления сведений по финляндским законам, необходимым для производства дел в Государственном совете. С 1906 г. он участвовал в работе совещаний и комиссий по финляндскому вопросу⁵⁹⁹. Председатель столыпинской комиссии по систематизации финляндских законов, курировал проблемы княжества в канцелярии Совета министров по личному поручению Столыпина. С 1911 г. – член Особого совещания по делам ВКФ, с января 1912 г. – председатель Подготовительной комиссии при том же совещании. Издал с подробными комментариями законодательные памятники Финляндии. Инициативный участник антифинляндской группы, публицист, активно сотрудничал с Бородкиным, стал автором продолжения его труда по библиографии всех печатных материалов по истории Финляндии и современной ситуации в крае. Националист, наряду с также причастными к финляндскому вопросу профессорами П.А. Кулаковскому и Н.О. Куплеваскому, был связан с работой Всероссийского национального союза (был одним из учредителей его дочерней организации – Всероссийского национального клуба).

В 1907 г. к решению финляндского вопроса подключился Совет министров и было учреждено «Особое совещание для рассмотрения некоторых вопросов, касающихся Великого княжества Финляндского» под председательством П.А. Столыпина. Кабинет Столыпина потратил немало времени, пытаясь четко определить законодательные основы и на практике обеспечить «единство» в управлении Финляндией как частью империи, решая вопросы о законодательных инициативах Сената, легитимности актов распущенного Сейма и праве императора выносить окончательный вердикт по всем актам и петициям⁶⁰⁰. Ключевым в этот период был проект по

---

⁵⁹⁹ Корево Николай Николаевич // Список гражданским чинам IV класса. Исправлен по 1 сентября 1914 года. Пг., 1914. С. 861.

⁶⁰⁰ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Т.39. Д. 70971. Особый журнал Совета министров по вопросам о различных распоряжениях, касающихся Великого княжества Финляндского. Л. 1, 7, 12 – 13, 17, 19, 22, 24, 29, 34.

«общегосударственному законодательству» (законы, которые затрагивали интересы не только ВКФ, но и империи, выводились из-под юрисдикции княжества). Практически сразу выяснилось, что вопрос о том, что входит в «общие» интересы Империи, понимается всеми участниками процесса по-разному.

Столыпин в 1907 г. занимал достаточно простую позицию по финляндскому вопросу: беспорядки, которые творились там в годы первой русской революции, должны были прекратиться. В этом сказался прагматизм премьера, его склонность к принципам *Real Politik*. Невзирая на решительные заявления о необходимости «сломить наглость» сената, еще в мае 1909 г. он отмечал, что «права Империи в этом принципиальном вопросе не затронуты, а у нас достаточно вопросов, в которых придется отвоевывать жизненные интересы России»⁶⁰¹. Столыпин подчеркивал в переписке, что русское правительство никогда не стремилось к «денационализации народностей», оговариваясь, что ограничительные меры все же принимались в тех случаях, когда сепаратизм той или иной народности оказывался опасным для целостности государства⁶⁰². Вместе с тем, именно при Столыпине был принят ряд мер, которые были обозначены в финляндской историографической традиции как «второй период угнетения». Особой симпатии к финляндцам и уверенности в их благонадежности и добрых чувствах к России премьер-министр действительно не испытывал и даже по мелким точкам преткновения между ними и русскими не всегда пытался избежать конфликта. В сентябре 1910 г. он уверенно заявлял царю, что «внушить финляндцам, что поворота в русской политике не будет, – это значит разрешить финляндский вопрос»⁶⁰³. Он активно занимался продвижением вопроса о необходимости объединения усилий финляндских и имперских чиновников по вопросам, «касающимся

---

⁶⁰¹ Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 42, 50.

⁶⁰² Там же. С. 212 – 213.

⁶⁰³ Там же. С. 51, 61, его «твердая позиция... в отношении Финляндии» вполне одобрялась царем, см.: С. 345.

интересов Империи» «в интересах единства управления»⁶⁰⁴. В частности, обсуждалась необходимость ставить в известность Совет Министров о тех или иных финляндских делах, которые ранее обсуждались лишь с министром статс-секретарем напрямую⁶⁰⁵.

Настойчивость Столыпина может отчасти объясняться инструментальностью использования финляндского вопроса в общем контексте внутренней и внешней политики. Есть данные о возрастании в российской внешней политике после 1907 г. националистического компонента, преследующего цель отвлечь внимание общественности от внутриполитической ситуации в империи⁶⁰⁶. Работали и идеологические причины: сохраняла свое влияние склонность высокопоставленных лиц проводить прямые параллели между особыми правами ВКФ и ущемлением прав неограниченной власти российского монарха. Так, в 1909 г. был поднят вопрос о предоставлении финляндскому сенату права законодательного почина, который практически сразу был признан «имеющим непосредственное отношение к объему законодательной власти Его Императорского Величества». По этому вопросу власти консультировали Берендтс и Коркунов, он активно обсуждался в Совете министров и в результате был вынесен отрицательный ответ⁶⁰⁷.

Подробный разбор процесса принятия основных законов, касающихся ВКФ, в эпоху «второго периода угнетения» не входит в нашу задачу. В рамках настоящей работы важно подчеркнуть активное участие экспертов во всех антифинляндских инициативах столыпинского кабинета. В послереволюционное десятилетие «причиной всех бед считался не сам

---

⁶⁰⁴ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Т. 39. Д. 7097. Л. 1.

⁶⁰⁵ Там же. Л. 7, 9.

⁶⁰⁶ Хэфнер Л. «Конституционно-демократическая партия не менее твердо держится принципа единства и нераздельности России»: либерализм и национализм в российской провинции // *Ab Imperio*. 2000. №3 – 4. С. 115.

⁶⁰⁷ РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Т. 39. Д. 7097. Л. 17.

Столыпин, а все те же бобриковские чиновники, которые его окружали»⁶⁰⁸. Характерна фраза Сергея Крыжановского, хорошо знавшего всю внутреннюю кухню решения национального вопроса в этот и последующий периоды: «финляндские законопроекты были выдвинуты группой влиятельных финноведов, образовавшейся в сферах задолго до появления Столыпина у власти»⁶⁰⁹. Достаточно посмотреть на состав участников Особого совещания для обсуждения некоторых вопросов, касающихся Великого княжества Финляндского 1908 г. В него входили, помимо Столыпина, члены Государственного совета Дейтрих, Харитонов (уже, на тот момент, государственный контролер, тайный советник), Сергеевский (также сенатор, заслуженный ординарный профессор императорского СПбГУ, т.с.), Гарин (сенатор, т.с.), Бородкин (генерал-лейтенант, по-прежнему состоявший при военном министре) в качестве постоянных членов и Коковцов, Редигер, Бекман, Щегловитов и Берендтс – в качестве временных⁶¹⁰. В Особом совещании по делам Великого княжества Финляндского в 1910 гг. совместно работали, помимо Столыпина, Щегловитова и Зейна, все те же Харитонов (Коковцов обвинял его в вольном обращении с законами края)⁶¹¹, Бородкин, Дейтрих, Гарин, отдельно были приглашены Н.Н. Корево, Крыжановский и Поливанов⁶¹².

С н. 1890-х гг. в прессе (причем как финской, так и русской) рассказывали о наличии группы экспертов по финляндскому вопросу,

⁶⁰⁸ Нумминен Р. П.А. Столыпин в истории Финляндии // На пути к революционным потрясениям. СПб-Кишинев, 2001. С. 233, 235.

⁶⁰⁹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Кр-кого, последнего государственного секретаря Российской империи. Б.г. Б.д. С. 218.

⁶¹⁰ РГВИА Ф. 400. Оп. 3. Д. 3214. Журналы и материалы Особого Совещания для обсуждения некоторых вопросов, касающихся ВКФ. 8 июля 1908 – 9 окт. 1908. Л. 4; ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1496. Особый журнал заседания Совета министров по вопросу о военных платежах Финляндии Государственному казначейству и справки Н.В. Плеве по тому же вопросу. Л. 3.

⁶¹¹ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907 – 1916. Т. I. М., 1924. С. 95.

⁶¹² ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1511 а. Плеве В.К. Журнал заседания Особого совещания по делам княжества Финляндского по вопросу о присоединении двух приходов Выборгской губернии к составу Петербургской губернии. 13 ноября 1910. Л. 1.

задающих тон в его решении правительством и особенно активно использовавших прессу. И перед самой революцией 1917 г. положение не изменилось. По показаниям вице-губернатора края М.М. Боровитинова, данных им ЧСК в 1917 г. после ареста, его деятельностью были недовольны «лица, считавшиеся в Петрограде знатоками финляндского вопроса», «петроградские круги, желавшие руководить финляндской политикой»⁶¹³. Он объяснял это тем, что летом 1915 г. «провалил в Совещании статс-секретаря Харитонова вопрос о введении в Финляндии принудительного курса рубля», после чего «началась непрерывная травля ... в «Новом времени»»⁶¹⁴. Боровитинова обвиняли в следовании теориям Лео Мехелина и провоцировали читателей сообщениями, что этот чиновник виновен в нехватке в Петрограде молока и масла. Насколько эта травля была значима для обывателей, судить трудно, однако она непосредственно воздействовала на «военные власти», которые по этой причине существенно осложнили работу генерал-губернатора и сената, добившись в итоге отмены распоряжений последнего.

Помимо работы в государственных структурах, оставалась актуальной задача поддержания важных социальных контактов, неформальных связей с влиятельными людьми. После революции 1905 г., с появлением в России политических партий, часть участников русского национального движения оказалась в рядах националистических и/или консервативных партий или находилась в общем с ними интеллектуальном пространстве. Так, на годовом собрании Русского народного союза им. Михаила Архангела⁶¹⁵ председательствовал Н.Ф. Гейден, по совместительству – и.д. председателя Русского собрания. Бородкин входил в комиссию из 29 человек, которая

---

⁶¹³ ГА РФ Ф. 1467. Оп. 1. Д. 31 (2). ЧСК для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Канцелярия (Следственная часть). Переписка с Министерством юстиции и другими учреждениями о деятельности и привлечении к уголовной ответственности бывшего генерал-губернатора Финляндии Ф.А. Зейна и вице-губернатора М.М. Боровитинова. Л.8.

⁶¹⁴ ГА РФ Ф. 1467. Оп. 1. Д. 31 (2). ЧСК для расследования ... Л. 6.

⁶¹⁵ Далее РНС.

составляла «Книгу русской скорби» (дочерний проект РНС и МВД, 1908-1914 гг.)⁶¹⁶. Заседания Русского собрания еще продолжались достаточно продолжительный период и финляндский вопрос не покидал его повестку. Вот, например, повестка собрания в сентябре 1912 г.: «Последние события на нашей финляндской окраине. ... Союз финляндцев с сепаратистами и русскими революционерами. ... Бесправие Русских на завоеванной ими окраине. «Новая форма правления», как проект окончательного отделения Финляндии от России... Общие выводы»⁶¹⁷ были неутешительны для финнов, а предлагаемая программа никак не поменялась с 1890-х гг. Контакты с представителями правого лагеря имели критическую важность. С 1906 г. наибольшим влиянием в Госсовете пользовалась именно группа правых. Она была непосредственно связана с советом объединенных дворянских обществ⁶¹⁸. Правыми были инициированы основные антифинляндские постановления этого периода, в том числе привлечение жителей края к исполнению воинской повинности⁶¹⁹. Именно здесь, по выражению А. Коллонтай, «хоронились» регулярно поступающие законопроекты и петиции финнов⁶²⁰. А вот в Думе удавалось провести лишь те крупные законопроекты, которые непосредственно лоббировало правительство. К таковым относились и вопросы об общеимперском законодательстве в Финляндии⁶²¹.

Важным для экспертов шагом было основание под эгидой Русского собрания в 1908 г. «Русского окраинного общества»⁶²². Одним из непосредственных организаторов и председателем РОО (позже – товарищем

⁶¹⁶ Шестая годовщина РСН им. Мих. Архангела. Отчет за 1912 – 1913 гг. СПб, 1914. С. 356.

⁶¹⁷ ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 1499 (д). Л. 87.

⁶¹⁸ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 227.

⁶¹⁹ Поливанов А.А. Ук. соч. С. 70.

⁶²⁰ Коллонтай А. Ук. соч. С. 298.

⁶²¹ Юртаева Е.А. Государственный совет в России (1906 – 1917 гг.). М., 2001. С. 63 – 64, 116 – 117.

⁶²² ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 1243. Л. 2, 8; Д. 1499. Л. 61, 182; Д. 1244. Л. 12, 22, 25, 30, 35, 45, 69, 93; Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1913. Апрель. С. 167.

председателя, вплоть до своей кончины в 1912 г.⁶²³) был уже упоминавшийся Аким Золотарев («как националист, ... особенно интересовался окраинной политикой»)⁶²⁴. В его Совет входили, помимо прочих, Н.Д. Сергеевский (также один из основателей и председатель⁶²⁵), П.А. Кулаковский и В.Ф. Дейтрих⁶²⁶, активно участвовал в его работе Бородин, А.С. Будилович (на его кандидатуре настаивал П.А. Столыпин, при обсуждении вопроса о замещении Извольского⁶²⁷), Ф.Д. Самарин. Выходившие издания печатались в типографии А.С. Суворина. На первом заседании РОО Сергеевский прямо ставил задачу «защиты русской национальности»⁶²⁸. Кулаковский обосновывал необходимость приведения инородцев в положение, в котором они не смогли бы вредить русской государственности⁶²⁹. Вспоминая учреждение «Русского окраинного общества», Б. Ордин отмечал, что труды его отца не пропали даром, поскольку в рамках этого общества собрались вместе несколько десятков лиц, ставящих своей целью «культурную работу и борьбу за целостность Империи» и среди них – члены Государственной Думы и Государственного Совета⁶³⁰. Проблемам русско-финских отношений в РОО был посвящен специальный отдел. Финляндские и польские «нестроения» были ключевыми темами как собраний, так и дочерних изданий РОО.

Оба процесса – и карьерный рост, и активное завязывание «правильных» социальных связей – хорошо видны на примере биографии Бородина в рассматриваемый период. С 1909 г. он занял пост помощника главного

⁶²³ Исторический вестник. 1912. Июль. С. 394.

⁶²⁴ Аким Михайлович Золотарев // Исторический вестник. 1912. Июль. Т. XXIX. С. 396. В 1911 г. он стал сенатором.

⁶²⁵ ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 1499. Повестки «Русского собрания» Никольскому Б.В. Л. 61, 182, 216.

⁶²⁶ Русское окраинное общество. Речь Н.Д. Сергеевского на первом собрании 27 апреля 1908 г. СПб, 1908. С. 1.

⁶²⁷ Из дневника Льва Тихомирова (период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5 (72) – Т. 6 (73). С. 127, 128, 145; 189.

⁶²⁸ Русское окраинное общество. Речь Н.Д. Сергеевского на первом собрании... С. 6.

⁶²⁹ Окраины России. 1910. 18 – 25 декабря.

⁶³⁰ ОР РГБ Ф. 224. Петровский С.А. К. 2. Д. 15. Письма Петровскому С.А. от Ордина Б.К. Л. 9.

военного прокурора, стал неперенным участником всех комиссий по финляндским делам⁶³¹. В 1910 г., в период борьбы в верхних эшелонах власти по поводу распространения на ВКФ общегосударственного законодательства, он принимал участие в работе соответствующей думской комиссии, не будучи при этом депутатом Думы. Включение его в состав комиссии наряду с двумя другими деятелями, известными своими «объединительными» взглядами, служило для корреспондентов финляндских газет явным маркером победы антифинляндского лобби⁶³². В марте 1911 г. Бородкин (на тот момент – начальник Военно-юридической академии) был назначен сенатором⁶³³ – в связи с возложением на Сенат обязанности по обнародованию узаконений по Финляндии⁶³⁴.

Бородкин продолжал поддерживать отношения с Б. Никольским (вплоть до 1918 г., когда он просил его найти покупателя на свою обширную библиотеку, высказывая пожелание, чтобы она осталась в Петербурге)⁶³⁵. И через него, и напрямую он общался с генералом Богдановичем, был вхож в его салон. Генерал оставался весьма влиятельным в придворных интригах – так, его информатором выступал Белецкий – провокатор, действовавший в интересах придворной партии против Распутина⁶³⁶. Позже Бородкин имел доступ в салоны будущего председателя Совета министров Штюрмера и А.А. Римского-Корсакова, имевших значительный политический вес. Римский-Корсаков был не только одним из самых махровых консерваторов, но и лидером той самой влиятельной правой группировки Государственного совета⁶³⁷. Участие в этой среде обещало огромные возможности в плане

⁶³¹ ГА РФ Ф. 586. Оп.1. Ед. хр. 1496. Л. 3; Д. 1511а. Л. 1 – 2; РГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 72893. Л. 136; Ф. 400. Оп. 3. Д. 3214. Л. 4, 19.

⁶³² ГА РФ Ф. 555. Оп. 1. Д. 485. Л. 40.

⁶³³ Разведчик. 1911. №1066. 5 апреля. С. 1.

⁶³⁴ РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 329.

⁶³⁵ ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 91. Письма Бородкина М.М. Никольскому Б.В. 1911 – 2 марта 1918 гг. Л. 4.

⁶³⁶ Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1935. Т. 1 (68). М., 1935. С. 158.

⁶³⁷ 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 224; Черменский Е.Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 259.

завязывания правильных социальных контактов и последующего лоббирования. Позиция участников салона Штюрмера передавалась непосредственно председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, соответствующим министрам, учитывалась ими. По вопросу о Финляндии в салоне придерживались линии на «объединительную» политику. В 1916-м Бородкин был в числе лоббистов кадровых перестановок в ВКФ, пытаясь повлиять на Николая II через Распутина и Вырубову. Во время войны он стал товарищем председателя Всероссийского общества попечения о беженцах православного вероисповедания – организации, созданной при поддержке МВД и на его субсидии, с прицелом на возможную политическую деятельность в будущем. Помимо него туда входили весьма влиятельные представители правого лагеря, в том числе С.П. Белецкий, Н.Е. Марков 2-й, а председателем был уже упоминавшийся А.А. Римский-Корсаков⁶³⁸. С 24 апреля 1916 г. и до мая 1917-го Бородкин сам был членом Госсовета, что давало ему не только солидные по тем временам 14 000 рублей жалованья, но также возможность непосредственно участвовать в работе важнейшей государственной структуры⁶³⁹. Вплоть до 1917 г. он продолжал вести переписку по поводу книг и материалов, посвященных Финляндии⁶⁴⁰.

Проникновение экспертов во власть и попытка систематического влияния на общественное мнение по-прежнему требовали активности в медийном поле. В целом внимание экспертов к систематическому отражению своей позиции в прессе и завязыванию полезных связей в издательском мире только усилилось с 1890-х. Продолжалась работа с уже известными

---

⁶³⁸ ГА РФ Ф.1467. Оп. 1. Д. 31. Переписка с Министерством юстиции и др. учреждениями о деятельности и привлечении к уголовной ответственности бывшего ген.-губ. Финляндии Ф.А. Зейна и вице-губ. М.М. Боровитинова. Л. 6-8; Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Л., 1926. Т. IV. С. 122, 382 – 383, 473 – 474.

⁶³⁹ *Демин В.А.* Верховная палата российской империи. 1906 – 1917. М., 2006. С. 256; Список гг. членам Гос.совета по Высочайшему назначению, по старшинству в чинах, с краткими о службе их сведениями. Сост. По 15 фев. 1917. С. 72.

⁶⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 124 (Собрание П.Л. Вакселя). Д. 594. Записка Бородкина М.М. к неустановленному лицу от 3 мая 1917 г.

печатными органами⁶⁴¹. «Московские ведомости», «Окраины России» и «Финляндская газета» постоянно ссылались друг на друга, занимались взаимной рекламой, печатали один и тот же круг авторов.

Необходимость издания такой газеты, как «Окраины России» обсуждалась еще в стенах Русского собрания⁶⁴². Газета стала рупором РОО и еще одним инструментом решения национального вообще и финляндского вопросов в частности, в руках у представителей русского национального движения. Примечательно описание, которое было дано в консервативном издании ее основанию: «в Петербурге образовался кружок русских людей, решивших издавать газету ..., которая, исповедуя единство и нераздельность России, поставила своею задачею бороться с сепаратизмом окраин и защищать интересы русского государства и русских людей на окраинах»⁶⁴³. В числе активных организаторов и авторов издания выступали представители интеллектуальной элиты, многие известные нам «эксперты» по финляндским проблемам М.М. Бородкин, академик А.И. Соболевский, проф. П.А. Кулаковский, заслуженные профессора Н.Д. Сергеевский, А.С. Будилович, А.М. Золотарев, а также А.Ф. Риттих и Ф.Д. Самарин, писавшие на актуальные в рамках данного дискурса сюжеты, и другие. В связи с этими начинаниями, в область, связанную с «финляндским вопросом», попал **Поликарп Григорьевич Бывалькевич**⁶⁴⁴. Он был избран редактором, стал одним из организаторов и учредителей «Русского Окраинного Общества»⁶⁴⁵. По поводу издания «Окраины России» Бывалькевич состоял в переписке с уже упоминавшимся выше В. Глазовым⁶⁴⁶.

⁶⁴¹ Московские ведомости. 1907. № 8. С. 2.

⁶⁴² ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 1499. Повестки «Русского собрания» Никольскому Б.В. Л. 62, 63, 64. Ноябрь 1905 года.

⁶⁴³ *Афанасьев Н.И.* Современники. Альбом биографий. Т. 2. СПб, 1910. С. 58.

⁶⁴⁴ 1855-1932, педагог, богослов, журналист, редактор газет "Виленский Вестник", «Западный вестник», с 1890-х гг. занимался окраинными вопросами.

⁶⁴⁵ *Афанасьев Н.И.* Современники. Альбом биографий. Т. 2. СПб, 1910. С. 58.

⁶⁴⁶ РГИА Ф. 922. Оп. 1. Д. 356.

Издатели «Окраин России» совершенно осознанно постулировали роль печати для своей миссии. В 1906 г., на фоне явного отката назад в «объединительной политике», они писали: «Сознаемся, – наши силы в данный момент слабы, – враги⁶⁴⁷ богаче, сильнее, влиятельнее нас... У нас одно средство борьбы – печать. Может быть печатным словом удастся раскрыть глаза недоразумевающим и объединить патриотов под знаменем единой России»⁶⁴⁸.

Под эгидой данного издания был задуман и воплощен проект распространения «идеологически правильных» сочинений по национальным вопросам – «библиотечка «Окраин России»». Задумана она была Сергеевским. Его поддержала, в том числе материально, некоторая группа лиц⁶⁴⁹. На обложке каждого сочинения был помещен список других рекомендуемых к прочтению книг и брошюр, порой и по смежным вопросам (например, специальной литературы по финляндской и польской проблематике)⁶⁵⁰. Одной из основных своих задач издатели видели ознакомление русского общества с проблемами окраин, на которых существуют постоянные угрозы «единому и нераздельному» российского государства⁶⁵¹. Книги и брошюры распространялись бесплатно, как приложение к «Окраинам России», печатались в Государственной типографии⁶⁵².

Другой частью системной работы «экспертов» по воздействию на правительство и общественное мнение были **организация лекций, издание брошюр и листовок**. Масштаб этой деятельности возрос, но они издавались и ранее. Например, в 1890-е гг. подобной деятельностью занимался Ф. Еленев,

⁶⁴⁷ Имелись в виду все противники государственного единства, в том числе бюрократы, «облеченные доверием Государя сановники».

⁶⁴⁸ Окраины России. 1906. 5 марта. №1. С. 2.

⁶⁴⁹ *Бородкин М.М.* Н.Д. Сергеевский ... С. 10-11.

⁶⁵⁰ См. напр.: *Хедегренн Иоанн.* Лео Мехелин. Биографический очерк. СПб, 1908.

⁶⁵¹ Сеймовый устав Великого княжества Финляндского 7/20 июля 1906 года. (Библиотека Окраин России, №1. Издание Н.Д. Сергеевского). СПб, 1907. Предисловие. С. 6.

⁶⁵² В том числе, например: Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб, 1906.

а в начале 1900-х – Сергеевский. Русское собрание с момента основания было сконцентрировано на просветительской и агитационной работе, – и также нередко использовало брошюры в качестве инструмента распространения «национальной культуры против космополитических идей»⁶⁵³. В связи с активизацией разных форм политической жизни империи после манифеста 17 октября, возможность осуществлять такого рода проекты и спрос на них возросли. Эту деятельность подхватили первые партийные организации. Всего по финляндскому вопросу было опубликовано около 90 различных книг и брошюр на русском и шести иностранных языках⁶⁵⁴.

Русские националисты не были в этом вопросе оригинальны. Например, в то же самое время в поздневикторианскую и эдвардианскую эпохи в английской политической жизни действовало несколько националистических внепарламентских организаций, которые пытались организовать известное давление на правительство путем издания брошюр и листовок, организации лекций⁶⁵⁵. Одно из отличий заключалось в том, что они были все же тесно связаны с ведущими политическими партиями, имели большую структурную и организационную четкость, по сравнению с представителями русского национального движения.

Продолжалось активное применение **метода адресной рассылки (как в России, так и за рубежом)**. В 1908 г. Б. Ордин издал собрание сочинений отца – и привычно разослал его заинтересованным лицам⁶⁵⁶. Плодами трудов Сергеевского и возглавляемых им комиссий «снабжались все, кто только желал серьезно ознакомиться с делом»⁶⁵⁷. Десятки брошюр рассылались по

⁶⁵³ *Залежский В.* Монархисты. Харьков, 1929. С. 12.

⁶⁵⁴ *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 1992. С.6.

⁶⁵⁵ *Томпсон Эндрю С.* Язык империализма и разный смысл понятия «империя»: имперский дискурс в политической жизни Великобритании. 1895 – 1914 гг. // *Ab imperio*. 2005. № 2. С. 22 – 23.

⁶⁵⁶ ОР РГБ Ф. 224. Петровский С.А. К. 2. Д. 15. Письма Петровскому С.А. от Ордина Б.К. Л. 6.

⁶⁵⁷ *Бородкин М.М.* Н.Д. Сергеевский и его... С. 10.

редакциям газет⁶⁵⁸, частным лицам, так и учреждениям⁶⁵⁹. Рассылка изданий стала теперь неотъемлемым элементом деятельности различных комиссий по финляндским делам⁶⁶⁰. Н.Н. Корево отправлял их и просто частным лицам⁶⁶¹. Их приобретали чиновники специально для рассылки, в том числе, за рубежом, в миссии и консульства, а также по конкретным адресам, стремясь, чтобы материал был изложен «с надлежащей полнотой и вполне правильно»⁶⁶².

При рассылке за рубежом старались избегать отечественных дипломатических каналов, чтобы не открывать источник происхождения брошюр⁶⁶³. Переводились брошюры Корево, Суворова, Евреинова, Куплеваского, Берендтса, Бородкина, Таганцева, Коркунова и др. Собственно, их перечень по большей части повторял списки, публикуемые библиотечкой «Окраин России» на форзацах или обложках своих брошюр, а также рекомендованные издания⁶⁶⁴.

На это выделялись соответствующие средства⁶⁶⁵. Министр финансов В.Н. Коковцов специально отчитывался о финансировании «работы по ознакомлению общественного мнения в России и за границей с финляндским вопросом», которое проходило под грифом «секретные расходы»⁶⁶⁶. Министр

---

⁶⁵⁸ РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 228. Л. 145; Финляндия в столетнюю годовину завоевания. СПб, 1910. С. 15.

⁶⁵⁹ РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 228. Л. 1 и сл.

⁶⁶⁰ См. напр.: РГИА Ф. 1162. Оп. 5. Д. 12. Переписка председателей учрежденной при Государственной канцелярии временной комиссии по финляндским делам Н.Д. Сергеевского и Н.Н. Корево о рассылке изданий и по другим вопросам деятельности комиссии.

⁶⁶¹ РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 228. Л. 1 – 2, 109, 116, 123, 124, 127 и др. Речь в документах идет о периоде с 1911 по 1915 гг.

⁶⁶² РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 228. Л. 22. Данные за 31 мая 1910 г.

⁶⁶³ Там же. Л. 73.

⁶⁶⁴ Там же. Л. 26, 34, 63, 72. Данные за 31 мая 1910 г.

⁶⁶⁵ РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 228. Л. 3-5, 22, 25, 63, 109. См. также примерный список адресов: Лл. 6 – 21, 33 – 63. В качестве примера см.: *Владимиров В.* Революция в Финляндии при князе Иване Оболенском. СПб. 1911. См перевод на англ. языке.

⁶⁶⁶ РГИА Ф. 565. Оп. 14. Д. 123. Лл. 108 – 108 об. Всеподданнейший доклад министра финансов В.Н. Коковцова об отпуске средств на продолжение работы по ознакомлению общественного мнения в России и за границей с финляндским вопросом и об отнесении

финансов мог лично курировать издание сборника по финляндскому вопросу, имена действующих министров вообще нередко встречаются в ходе обсуждения подобных дел⁶⁶⁷. Санкционировалась рассылка, в частности, Столыпным в переписке с Извольским⁶⁶⁸. Речь шла о сотнях брошюр, высылаемых за один раз. Известен случай распространения брошюр по текущей позиции правительства в финляндском вопросе в Норвегии в 1916-м⁶⁶⁹. Таким образом, задача диалога с западными общественными и политическими силами по поводу финляндского вопроса продолжала оставаться на повестке дня и в 1900-1910-е гг.⁶⁷⁰.

Именно в этом вопросе особенно наглядно видно взаимодействие экспертов с представителями власти в финляндском вопросе и попытка решения посредством него своих задач не только первыми, но и вторыми. Противники экспертов – ученые и публицисты в самом княжестве – также активно пользовались этим методом, рассылая, в свою очередь, свои брошюры в Петербурге «всем значительным людям под бандеролью и бесплатно»⁶⁷¹. В этом был замечен и министр Лангоф⁶⁷².

Сохранялась задача влияния на представителей власти посредством «Обзора периодической печати». В 1905 г. издание было прекращено. Однако, учитывая отступление правительства в вопросах унификации ВКФ в ходе русской революции, необходимость влиять на правительство в правильном ключе стала осознаваться экспертами еще более остро, чем раньше. Гольмстрем ходатайствовал о возобновлении издания и проявил в

этих средств на секретные расходы. 13 июня 1911; РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 228. Л. 147, 150.

⁶⁶⁷ РГИА Ф. 560. Оп. 22. Д. 314. Переписка министра финансов В.Н. Коковцова с разными лицами об издании сборника материалов по «финляндскому вопросу». 1907 г.

⁶⁶⁸ РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 228. Л. 22, 25. Данные за 31 мая 1910 г.

⁶⁶⁹ Там же. 71, 151-152.

⁶⁷⁰ К финляндскому вопросу. Письмо председателя высочайше утвержденной комиссии по систематизации финляндских законов Н. Корево, к издателю газеты «Times». СПб, 1911. С. 4 – 13.

⁶⁷¹ Еленев Ф.П. Учение о финляндском государстве. СПб. 1893. С 15.

⁶⁷² Охрана русских интересов в Финляндии. СПб, 1907. С. 12 – 13.

этом вопросе показательную настойчивость⁶⁷³. Его упорство было вознаграждено и сборники выходили еще десять лет, с 1906 по 1916 гг.⁶⁷⁴. Средства на издание, разумеется, выделялись из государственной казны (с 1906 г. финансирование шло по специальной смете МВД)⁶⁷⁵. Отмечалось, что издание осуществлялось «с русской государственной точки зрения», а основными его читателями, для которых издание стало настольной книгой, были «русские люди»⁶⁷⁶. Однако очевидно, что целевой аудиторией издания были не широкие народные массы, а представители бюрократии и знать – то есть те, от которых зависели реальные политические решения. Неоднократно подчеркивалось, что издание «Обзора периодической печати» нужно, в первую очередь, правительственным сферам – для их информирования о происходящем в крае⁶⁷⁷. По свидетельству Гольмстрема, обзор стал «настольной книгой» для русских государственных деятелей соответствующего профиля. «Обзор» в первую очередь высылался людям, которые имели непосредственное отношение к финляндскому вопросу – но и государственному управлению в целом⁶⁷⁸.

Предполагалось, что издание не будет «боевым», но будет давать материал «для соображений и боев»⁶⁷⁹. В обзорах периодической печати по Финляндии значительное место по-прежнему занимал пересказ

⁶⁷³ РГИА Ф. 560. Д. 314. Переписка министра финансов В.Н. Коковцова с разными лицами. 12 января – 17 декабря 1907. Л. 61 об., 62, 64 – 65. Деятельность Гольмстрема вокруг восстановления этого издания началась почти сразу после революции, в 1906 г.

⁶⁷⁴ РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 7. Дело канцелярии Совета министров по экспедиции о возобновлении издания «Обзор периодической печати Финляндии». Л. 1-2.

⁶⁷⁵ РГИА Ф. 565. Оп. 6. Д. 21438. Дело о расходах на издание «Обзора периодической печати в Финляндии». 1912-1913 гг.; РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 7. Дело канцелярии Совета министров по экспедиции о возобновлении издания «Обзор периодической печати Финляндии». Л. 2.

⁶⁷⁶ Охрана русских интересов в Финляндии. СПб, 1907. С. 15; РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 7. Дело канцелярии Совета министров по экспедиции о возобновлении издания «Обзор периодической печати Финляндии». Л. 2, 18.

⁶⁷⁷ РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 7. Л. 20. Данные за 1 февраля 1907 года; Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. 13. СПб, 1907. С. X.

⁶⁷⁸ РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 228. Л. 142. 1915 год.

⁶⁷⁹ РГИА Ф. 560. Оп. 22. Д. 314. Переписка министра финансов В.Н. Коковцова с разными лицами. 12 января – 17 декабря 1907. Л. 69.

публицистических работ известных экспертов по финляндскому вопросу, в частности М. Бородкина. Значительное место занимал обзор публикаций в финляндских газетах. Сам Гольмстрем позиционировал себя как срединный элемент между русской и финляндской партиями, «чуждый нетерпимости» и пытающийся «государственным строительством» сохранить государственное единство⁶⁸⁰. Но все же цитируемые статьи комментировались, как правило, в духе сторонников политики унификации.

Принципиально новое направление «идеологической работы» вокруг финляндского вопроса развивалось с 1907 г. и представляло собой попытки осторожной агитации среди крестьянских депутатов Государственной Думы. Цель – привить правильные воззрения на национальный вопрос. Использовались уже опробованные методы: издание и распространение «народных брошюр», в которых «общепонятным слогом» излагались и популяризировались бы ценности государственного единства⁶⁸¹.

Как и перевод брошюр экспертов для западного читателя, сюжет с агитацией в Думе поднимает тему властных инициатив в решении финляндского вопроса и использования его в своих целях. «Вопросы», связанные с положением финнов, поляков, евреев и других «неудобных» национальностей в империи представляли собой удачный повод для широкого освещения целого спектра насущных внешне- и внутривластных проблем в идеологически верном ключе. Создание образа врага в лице финнов, отождествление их борьбы за гарантированные им «особые права» с революционным движением могли стать важным элементом идеологической политики и легитимации власти, интегрируя в одну общность всех адептов «истинно-русской» политики, создавая идентичность «истинно-русских людей» – верноподданных, разделяющих положения официальной идеологии в духе триады «православие, самодержавие и народность».

---

⁶⁸⁰ РГИА Ф. 560. Д. 314. Л. 61.

⁶⁸¹ Там же. Л. 62, 62 об.

Можно утверждать со всей определенностью, что на этапе премьерства Столыпина и вплоть до революции власть сотрудничала с «экспертами», решая свои определенные задачи, участвовала в этом процессе и материально, и организационно. Выступая на заседании Совета министров 16 июня 1915 г., министр иностранных дел С.Д. Сазонов признал, что сил и средств на антифинляндскую кампанию в средствах массовой информации (в частности, в издании брошюр) было затрачено много. Тогда же он вынужден был констатировать, что результат этого мероприятия получился в лучшем случае нейтральный, а на самом деле – отрицательный⁶⁸².

Подведем итоги. В 1880-е гг. в Российской империи зарождается группа интеллектуалов, которые мечтали положить конец особому статусу Финляндии, воспитать «национальный образ мышления» в обществе и власти. Для большинства в правительстве и в обществе необходимость трогать спокойную и не доставляющую никаких проблем Финляндию была в высшей степени сомнительной. Можно сказать, что участники группы добились успеха. В н. 1890-х они смогли перевести финляндский вопрос из медийной плоскости в сферу практической политики. Со временем они пробились во властные структуры, участвовали в работе правительственных комиссий, действительно многое сумели сделать в борьбе за ограничение «особых» финляндских прав. В ходе генерал-губернаторства Бобрикова масштаб их влияния на практическую политику в крае был действительно большим.

В н. XX в. они поставили свою деятельность по просвещению власти и общества в национальном ключе в некие институциональные рамки, приняв активное участие в деятельности Русского собрания, а чуть позже – Русского окраинного общества, организовав собственные печатные органы. Они успешно строили карьеру в бюрократических структурах и боролись за содействие влиятельных лиц. Пережив краткое поражение в ходе первой

---

⁶⁸² Записи А.Н. Яхонтова, сделанные во время заседаний Совета министров ... С. 182.

русской революции, они взяли реванш в период работы Столыпина на посту премьер-министра.

Одни и те же фамилии, одни и те же люди – в комиссиях по финляндскому вопросу, во властных коридорах и в редакциях, сочувствующие друг другу или полные единомышленники – вместе они создавали некую общую интеллектуальную среду, в которой обкатывались идеи русского национального движения, рождалось понимание плана действий в сфере внутренней и национальной политики. Не всегда удается найти прямые свидетельства тесного, даже дружеского общения между людьми, причастными к выработке финляндской политики, подобные тем, что найдены для случаев Бобрикова и Бородкина или Бородкина и Сергеевского; или свидетельства отношений «учитель-ученик», какие были у Сергеевского и Таганцева. Однако, сопоставление источников позволяет уверенно говорить о группе единомышленников и некоем едином идейном поле, в котором на протяжении 1890-1910-х гг. развивался финляндский вопрос. Теоретический посыл, заданный еще Катковым и воспринятый с к. 1880-х – н. 1890-х гг. Ординым, Якубовым, Еленевым, Бородкиным и другими остался основой мотивации творцов финляндского вопроса вплоть до конца существования Российской империи.

Основные методы распространения своих взглядов, принципы взаимодействия и взаимовлияния между обществом и властью сложились в тот же период времени, – и также продолжали применяться «экспертами» в области финляндского вопроса вплоть до Февральской революции.

В 1900-е – 1910-е гг. публицисты условной «группы Бородкина» сумели не только получить доступ в сферы, в которых принимались реальные политические решения, касавшиеся Финляндии, но и принесли с собой понимание важности информационной поддержки этим решениям. Сформировалось несколько направлений идеологической работы. Интуитивные усилия группы Бородкина по распространению своих взглядов замечательно вписываются в зарождающийся процесс формирования

государственной пропаганды в империи. Власть продолжала оставаться не тождественной представителям русского национального движения. Их цели все больше и больше пересекались, но степень пересечения была не абсолютна. И те, и другие продолжали решать свои задачи. Опыт экспертов по выстраиванию системы идеологического влияния с определенного момента начал отвечать и потребностям властей.

III Структура и особенности антифинляндского дискурса

§ 1. Концептуальные основания и ключевые общественно-политические понятия

Системное изучение публикаций на финляндскую тематику к. 1880-х – 1910-х гг. приводит к выводу, что совпадение формальных и содержательных сторон материалов по финляндскому вопросу в изданиях определенного круга сложно назвать случайным. Идентичный характер происхождения, стилистики и содержания этих публикаций позволяет говорить о складывании в информационном пространстве империи единого антифинляндского дискурса. Дискурс в данном случае понимается в традициях общественных наук, а именно – как широкая совокупность текстов, существующих и рассматриваемых в неразрывном единстве⁶⁸³, сознательное социальное действие определенных социальных групп или группы. Корректный анализ данного корпуса текстов подразумевает определение времени, места и обстоятельств возникновения антифинляндского дискурса. Принципиальным является его помещение в определенный конкретно-исторический контекст, поскольку дискурс всегда историчен⁶⁸⁴. Неизбежными являются вопросы об авторстве дискурса, целях его создания и адресате. Анализ имплицитного содержания дискурса, выявляющегося в том числе через формальную сторону,

⁶⁸³ Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989, С. 113; Фуко М. Археология знания. СПб, 2004. С. 68.

⁶⁸⁴ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 447; Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998. С. 364; Водак Р.; Пешё М., Фукс К. Итоги и перспективы по поводу автоматического анализа дискурса. В кн.: Квадратура смысла. М., 1999. С. 118; Серю П. Как читают тексты во Франции. В кн.: Квадратура смысла. М., 1999. С. 45; Фуко М. Ук. соч. С. 68, 106, 153 – 154.

языковые средства, стилистику, не менее важен, чем описание его основных, обычно четко сформулированных положений.

В прошлых главах было показано, что финляндский вопрос представлял собой феномен общественно-политической коммуникации. Родившись под пером М.Н. Каткова, он был воскрешен в публичной полемике вокруг трудов Ордина и получил дальнейшее развитие в тысячах текстов, вброшенных в российское общественно-политическое пространство экспертами – представителями молодого русского национального движения. По их мнению, все проблемы возникли именно в идеологической плоскости и оттуда уже переместились в пространство реальной политики. В Финляндии «завоеванное мечом, отдали пером», любил повторять Бородкин, и пером же он и его единомышленники намеревались вернуть утраченное⁶⁸⁵.

Уже то, что финляндский вопрос постоянно присутствовал в сфере общественно-политической коммуникации, имел мощнейшее идеологическое обоснование, а составлявшие его тексты изначально задумывались как инструмент влияния – выводит на первый план проблему комплексного анализа смыслов, заключенных в этих текстах. Приняв за основную гипотезу факт сильного влияния указанной группы лиц на практическую политику, логично задаться вопросом о том, как работало их мышление, из чего они исходили в своих взглядах на Финляндию, что конкретно, как и почему они пропагандировали.

Стоит подчеркнуть важную терминологическую разницу: финляндский вопрос не был равен антифинляндскому дискурсу. Последний сам по себе не включал конкретные политические шаги в княжестве. Также он не имел отношения к позиции либеральных изданий, которые были весьма активны при определении своей позиции в этом вопросе. Размышляя о проблемах окраины, либералы ставили другие задачи, ориентировались на иную целевую аудиторию, опирались на принципиально отличные базовые установки и в

---

⁶⁸⁵ Бородкин М.М. Итоги столетия. Харьков, 1909. С. 4.

целом сыграли совершенно иную (на наш взгляд, значительно менее важную) роль в финляндском вопросе, нежели их национально-ориентированные «коллеги». Поэтому подробно останавливаться на их позиции здесь не имеет смысла.

Содержательный уровень антифинляндского дискурса был предельно прост и включал следующие ключевые моменты. Финляндия, с точки зрения экспертов, была рядовой шведской провинцией, пока не была завоевана русским оружием. Особые права были дарованы ей Александром I и ни в коем случае не были результатом каких-либо «договоренностей» с императором. На Боргоском сейме 1809 г. Финляндия не была признана особым государством, состоящим с Российской империей в реальной унии, а шведские конституционные законы (форма правления 1772 г. и акт соединения и охранения 1789 г.) не были признаны основными⁶⁸⁶. Российские монархи были вольны продлевать или прекращать действие финляндских привилегий. Об особом статусе Финляндии по типу реальной унии не могло идти и речи. Это была вполне обычная, хотя и осыпанная милостями, провинция Российской империи. Своим благополучием она была обязана исключительно милости российских монархов, а также «поту и крови» русского народа.

При этом, по мнению публицистов, финны никогда не проявляли особенной благодарности, равно как и не забывали о своей тесной связи со Швецией. Характерно название, которое дал Бобриков членам «высших правительственных сфер», противящихся его объединительной политике – «петербургские шведы»⁶⁸⁷. Подозрительность к шведам и привлекательности их страны для финнов не покидало страниц русской публицистики⁶⁸⁸ и

---

⁶⁸⁶ *Ордин Б.К.* О правах России на Финляндию. СПб, 1906. С. 14.

⁶⁸⁷ *Майков П.М.* Финляндия. История и культура. Ее прошедшее и настоящее. СПб, 1911. С. 512.

⁶⁸⁸ Новое время. 1900. 7 (20 сентября). С. 2; 1901. 19 июля. С. 1; *Сугоняев Тим.* Автономия. М., 1906. С. 15. См. также опубликованную как бесплатное приложение к «Окраинам России» брошюру: *Луото К.* Правда. СПб. 1910. С. 5.

сохранялось вплоть до времен Столыпина и даже позже⁶⁸⁹. Классическим было обвинение «шведо-финской партии» в раздувании «финляндского вопроса»⁶⁹⁰. Сын Н.Д. Сергеевского писал в кратком очерке, изданном в эмиграции спустя много лет после описываемых событий, что финляндский сепаратизм был, по преимуществу, шведским. Финляндский сегмент (за исключением социалистов) был, по его мнению, вполне лоялен и «по духу этого прекрасного народа, безупречен»⁶⁹¹. При этом публицисты признавали, что в текущий период отношения России и Швеции были «вполне дружественные» и не было никаких оснований подозревать шведов в стремлении нарушить мир – что перекрывалось доводом: «но вдруг» им этого все же захочется⁶⁹². Публицисты понимали, что высадка противника на территорию края возможна лишь при сочувственном отношении населения. Однако, если при Александре I и Александре II из этого делался вывод о необходимости любыми средствами обеспечить лояльность финнов, то в н. XX в. победила противоположная точка зрения: необходимо «*принципиально* решить финляндский вопрос»⁶⁹³.

На страницах рассматриваемых текстов финны не просто представляли собой потенциальную опасность для России с военной точки зрения, но и наносили ей существенный вред с социально-экономической, политической, культурной сторон. Им вменялось в вину отсутствие патриотизма, использование своего особого положения в экономической сфере⁶⁹⁴,

---

⁶⁸⁹ РГВИА Ф. 970. Оп. 3. Д. 1569. Отношение финляндского генерал-губернатора о борьбе со шведским влиянием в Финляндии. Л. 33 – 35; *Евреинов Г.А.* Финляндский вопрос после манифеста 14 марта 1910 г. СПб. 1910. С. 5; *Федоров Е.* Подготовка финляндской революции 1899 – 1905 гг. С. 90; Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XVII. Запросы в Государственную Думу. Общеимперское законодательство и русско-финляндская комиссия 1909 года. СПб, Гос. Тип. 1911. С. 26 – 27.

⁶⁹⁰ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 4; *Еленев Ф.П.* Отчего победители обращаются иногда в побежденных. СПб, 1898. С. 6 – 10; Он же. Учение о финляндском государстве. СПб. 1893. С. 9, 102; *Майков П.М.* Финляндия. История и культура. Ее прошедшее ... С. 496.

⁶⁹¹ *Сергеевский Б.Н.* Прошлое земли русской. Нью-Йорк, 1954. С. 133.

⁶⁹² *Каменский К.* Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства. СПб, 1908. С. 22.

⁶⁹³ Курсив автора. Каменский К. Современное положение ... С. 24, 60-61.

⁶⁹⁴ См. напр.: *Еленев Ф.П.* Учение о финляндском государстве. СПб. 1893. С. 88-89; Московские ведомости. 1889. 5 марта. С. 3.

плачевное состояние православия в крае (в том числе «преследования» русских священников и «издевательства над обрядами православной церкви» (уже в 1860-е гг. и вплоть до 1890-х гг.)⁶⁹⁵; попытки включить в орбиту своего влияния территории русской Карелии, значительное ущемление прав русских⁶⁹⁶ и все формы культивирования своей национальности (нередко в оскорбительной для русских форме)⁶⁹⁷. В более поздний период писали, что финны активно помогали русским революционерам в 1905 г. и не собирались прекращать этой деятельности⁶⁹⁸. Постоянно обсуждалась угроза безопасности Петербургу со стороны Финляндии, необходимость полностью контролировать финляндские войска и добиваться финансового участия финнов в обороне империи⁶⁹⁹.

Финны были нарисованы в российской консервативной прессе бесцеремонными, нахальными, упрямыми, мрачными, ленивыми, порой жестокими, склонными к асоциальному поведению и алкоголизму, дерзкими, демонстрирующими «высокомерие и пренебрежение» к русским, распространяющими ненависть и клевету по отношению к ним⁷⁰⁰. В вину им

⁶⁹⁵ *Вальтер Н.* Изнанка финляндской культуры. Финляндская печать о финляндцах. Материалы для очерка финляндских нравов. СПб, 1913. С. 217 – 231; *Еленев Ф.П.* Учение о финляндском .... С. 83.

⁶⁹⁶ ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 1499 Д. Повестки «Русского собрания» Никольскому Б.В. Л. 87; *Добромыслов В.* Иностранцы в России. М., 1907. С. 2-3; *Еленев Ф.П.* Учение о финляндском ... С. 81; *Корево Н.Н.* Финляндия и общественное законодательство. Доклад X съезду уполномоченных дворянских обществ 39 губерний, прочитанный 4 марта 1914 г. председателем Комиссии по систематизации финляндских законов Н.Н. Корево. СПб, 1914. С. 20 – 23; *Суворов П.* К вопросу о равноправии положения русских в Финляндии и финляндцев в Империи. СПб, 1907. С. 7, 30.

⁶⁹⁷ *Еленев Ф.П.* Учение о финляндском ... С. 85.

⁶⁹⁸ ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д. 1499. Д. Повестки «Русского собрания» Никольскому Б.В. Л. 87; *Луото К.* Правда. СПб. 1910. С. 16 – 26; Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XVII. Запросы в Государственную Думу. Общеимперское законодательство и русско-финляндская комиссия 1909 года. СПб, Гос. Тип. 1911. С. 3, 11.

⁶⁹⁹ *Каменский К.* Современное положение Финляндии ... С. 14, 20; Новое время. 1907. 2 сентября. С. 3; *Сугонаев Тим.* Автономия. М., 1906. С. 16; Финляндцы как контингент для комплектации нашего флота. Гельсингфорс, 1901. С. 1 – 10.

⁷⁰⁰ *Берендтс Э.* Почему пустыют университетские кафедры? // Россия. 1908. № 860. С. 1; *Бодиско Дм.* О любви к самому себе // Гражданин. 1907. № 89. С. 4; *Бородкин М.М.* Итоги столетия. Харьков, 1909. С. 6, 15; *Он же.* К военному вопросу Финляндии. С. 9; *Он же.* О рассказах прапорщика Столя. С. 10 – 19, 22; *Он же.* Памятка о М.В. Ломоносове. Харьков, 1913. С. 4 – 5; *Он же.* Финляндский вопрос. С. 10, 14 – 16, 21 – 23; *Он же.* Финляндское

ставилась лезть, склонность к запутыванию дела, доносам и клевете на противников теории о финляндском государстве, ненависть к «коренным русским людям» в финской душе⁷⁰¹. Уже в 1890-е гг. Еленев, не отличавшийся дипломатичностью формулировок, прямо говорил о финнах, как о «враждебно настроенном народе», «ждушем только благоприятной минуты, чтобы из тайного врага России сделаться явным»⁷⁰². На страницах публицистики был создан классический «образ врага».

Вплоть до самого последнего момента, публицисты обличали «нелояльность» финнов, но выражали надежду, что они «одумаются». «откажутся от своей обособленности» и «вольются в русскую жизнь»⁷⁰³. И уже с 1890-х гг. средством к этому виделась «твердая рука» центральной власти. Образ наиболее последовательного в проведении жесткой политики в крае Н.И. Бобрикова героизировался и подавался как пример для подражания. Попустительство финнам считалось гибельным не только для взаимоотношений с окраиной, но в далекой перспективе и для империи в целом. При этом формально авторы по-прежнему объявляли себя сторонниками гибкой имперской политики, на словах выступали за совместное проживание многочисленных народов под сенью престола и ратовали за их национальное своеобразие⁷⁰⁴.

ученое высокомерие. В кн.: *Пальмен Э.Г.* Кодификационные замыслы в 1830 и 1840 гг. Пг, 1914; *Гражданин*. 1909. № 69-70. С. 5, 14; «Злость» // *Гражданин*. 1907. №1; С. 3; «Как веселятся в Финляндии» // *Россия*. 1910. № 1423; «Люди товар» // *Россия*. 1910. № 1383; Мещерский В.П. Дневники // *Гражданин*. 1909. № 77-78. С. 13; «Нравственность населения Финляндии» // *Россия*. 1910. № 1436; «Окраинная кичливость и петербургское смирение» // *Новое время*. 1909. 14 сентября. С.1; «Ошибочная идеализация» // *Россия*. 1910. № 1502; «Потребление алкоголя в Финляндии» // *Россия*. 1910. № 1366; *Россия*. 1908. № 891. С.4; *Финляндская окраина*... С.26; «Финляндские студенты» // *Россия*. 1910. № 1395; «Финляндская честность» // *Россия*. 1910. № 1549; «Финляндский чиновник» // *Россия*. 1910. № 1297. С.3. «Школьные порядки» // *Россия*. 1910. № 1314.

⁷⁰¹ *Еленев Ф.П.* Отчего победители ... С. 19, 21.

⁷⁰² Там же. С. 4.

⁷⁰³ См. вступление Н.А. Кочкарева к книге: *Боот-Хольмберг Цецилия*. Роль предательства в борьбе за Финляндию. Пб, Гос. Тип., 1917. С. XXIV.

⁷⁰⁴ *Бородкин М.М.* Финляндский ... С. 9, 50; *Он же*. Современное положение русского ... С. 47; «Немецкие профессора и Финляндия» // *Россия*. 1910. № 1279 – 1280; *Финляндия*. Обзор периодической печати. СПб, 1899. I. С.28;

Разумеется, финские публицисты приводили обратные факты или их интерпретации по данным сюжетам⁷⁰⁵. Более того, опровержение легко можно найти у тех экспертов по финляндскому вопросу в России, которые старались занять более взвешенную позицию. Так, анализируя экономические вливания России в финляндский край и признавая их высокими, Э.Н. Берендтс отмечал: «из сказанного выше не следует, ... что Финляндия жила за счет русского народа, как у нас нередко приходится слышать. Все ссуды Имперского казначейства погашены правильно и товарообмен России с Финляндией выгоден не столько для Финляндии, сколько для России»⁷⁰⁶. Однако, флагманской в антифинляндском дискурсе была иная позиция.

Кроме ясно сформулированных тезисов касательно положения Финляндии в составе империи, антифинляндский дискурс включал в себя значительно более глубокое идейное содержание. Прямо оно не декларировалось. Сообщения о финнах и их окраине были включены в определенный коммуникативный код – систему значений, контекста и подтекста, логических ходов, устоявшихся ассоциаций, особенно хорошо считающихся при анализе множества антифинляндских текстов. В данном дискурсе существовало несколько ключевых идей, категорий или концептов, структурировавших основной поток информации, предопределявших во всем потоке текстов общие трактовки сюжетов и фактов, общую направленность материалов. В мышлении публицистов они носили системообразующий характер и присутствовали практически в каждом тексте, посвященном русско-финским отношениям. Можно говорить о некоторых **принципах работы мышления экспертов**, которые получили отражение в совокупности антифинляндских текстов.

---

⁷⁰⁵ См. напр. развернутые аргументы Мехелина по вопросу о добровольном и активном участии финнов в обороне империи: *Мехелин Л.* К вопросу о финляндской автономии и основных законах. Критика брошюры Н.Д. Сергеевского. Берлин, 1903. С. 4 – 6; *Он же.* Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор. СПб, 1908.

⁷⁰⁶ *Берендтс Э.Н.* Краткий очерк бюджетного права Финляндии. СПб, 1909. С. 55.

К базовым принципам мышления экспертов, на наш взгляд, принадлежит **идеализм**. Это установка, согласно которой важность идей и ряда идеальных ценностей признавалась первичной по отношению к «материальным» соображениям. На практике из этого представления вытекало, что все конкретные действия должны быть мотивированы в первую очередь идеальными, и только во вторую – практическими соображениями (в том числе и Real Politik). Так, Н.Д. Сергеевский указывал, что «сила Духа заключается не в большом кулаке, а в преданности идеалу, во внутренней дисциплине и в знании»⁷⁰⁷. Бородкин открыто говорил о необходимости идеализма⁷⁰⁸ и отходил от своего обыкновенно насмешливого или обличающего тона в описании одного из родоначальников теории особой финляндской государственности, проявляя к своему герою искренний интерес, когда обнаруживал в нем склонность «к идеальным началам»⁷⁰⁹.

Как и в ряде других случаев, эксперты не обладали монополией на данные «привычки мышления». Значимые черты любого дискурса резонируют с тем пространством, в котором он развивался. Ленин в работе 1908 г. «Материализм и эмпириокритицизм» анализировал мировоззренческий и методологический кризис в физике, причины коего он видел в метафизическом способе мышления. Не вдаваясь в область философии, отметим, что в основе метафизики (в отличие от диалектики) лежат «надматериальные», идеальные факторы. Кроме того, обычно метафизическому способу мышления приписывают видение мира по принципу «черное или белое», негибкость, опору на формулу «или-или» (вместо знаменитого «тезис – антитезис – синтез»); в научном познании – признание возможности обретения истины с помощью надчувственных и сверхопытных приемов, носящих "умозрительный" характер. Современник Ленина, Н.А. Бердяев отмечал в качестве базовых особенностей русского

⁷⁰⁷ Сергеевский Н.Д. «Русский дух». Харьков, 1907. С. 22 – 23.

⁷⁰⁸ Бородкин М.М. Современные беседы. Т. II. О социализме. С. 182, 196 – 197; Т. IV. Военный вопрос. С. 10.

⁷⁰⁹ Он же. Вассер и .... С. 22.

общественного сознания исключительную идеологизированность, догматизм, максимализм, отсутствие развитых традиций западного рационализма, стремление предпочесть абстрактной истине и ее поискам идею, позволяющую справедливо решить некие насущные проблемы⁷¹⁰.

Из этих особенностей вытекало понимание сути финляндского вопроса. Как было показано выше, эксперты считали основной причиной возникших проблем появление среди финляндцев «теории об особом государстве»⁷¹¹. С тем же акцентом трактовали эксперты вехи самого финляндского вопроса: появление «финляндского учения», ряд статей «компетентного автора» в «Московских ведомостях» в 1880-е гг., разоблачавшего его «неосновательность и произвольность», появление книги Ордина, публикация в ответ ряда статей и брошюр финляндских ученых, публикации Еленева и т.д.⁷¹². Схожие оценки можно встретить в публицистике Берендтса, при всей неоднозначности его позиции⁷¹³. Финляндский вопрос понимался самими его творцами как предмет идеологической борьбы.

С пониманием этой особенности становится понятна та легкость, с которой эксперты и работавшие с ними политики пренебрегали соображениями *Real Politik* во имя непрактичных, но важных с идеологической точки зрения постулатов. В этой связи интересна логика одного из участников обсуждения в 1902 г. в высших сферах политики правительства в крае. Он признавал, что существовавшее на тот момент брожение началось после Февральского манифеста 1899 г. и заявлений Петербурга о необходимости теснейшего единения края с империей. Но при этом был уверен, что даже если отдельные меры, направленные на компромисс

⁷¹⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 17 – 19, 31 – 32, 39.

⁷¹¹ Бородкин М.М. Вассер ... С. 22; Еленев Ф.П. Отчего победители... С. 11; Учение о финляндском государстве Ф. Еленева // Русская старина. 1893. Май. С. 256;

⁷¹² Учение о финляндском государстве Ф. Еленева // Русская старина. 1893. Май. С. 255 – 256.

⁷¹³ Берендтс Э.Н. Императорский Александровский университет Финляндии. Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб, 1902. С. 201; *Он же*. Кое-что о современных вопросах. СПб, 1907. С. 91, 95 – 97.

с финнами, принесли бы «некоторую пользу для умиротворения края», но пошли бы «в прямой ущерб русской государственной программе», их следовало бы считать неприемлемыми. Сами проводники государственной программы подчеркивали, что в основе всей политики 1890-х гг. лежало именно стремление к «теснейшему единению» с краем, идея, которая была положена в основу политики, а не конкретные нужды правительства или каких-либо социальных сил⁷¹⁴.

Важность идеологии закономерным образом тянула за собой особое отношение к **идеологическому воздействию на других**. В 1889 г. Лев Тихомиров писал: «общая задача умиротворения умов ... вся, по мне, сводится к росту и развитию идей»⁷¹⁵. Бородкин часто и откровенно говорил о задаче воспитания общества, прививания ему национального образа мышления. Характерно, что при этом он подчеркивал необходимость влияния и на определенные властные элиты, еще не проникнутые национальной идеологией. Именно эта особенность объясняет то колоссальное присутствие финляндского вопроса в области общественно-политической коммуникации, несоразмерное с реальными проблемами этой окраины.

Закономерным следствием идеократичности было осознание важности разного рода символических мероприятий в национальной сфере. Его начинали демонстрировать и власти⁷¹⁶, и связанные с экспертами органы печати. Знаменитый Бьернеборгский марш был запрещен по всей Финляндии, за его исполнение преследовали и карали⁷¹⁷. В 1911 г. было официально запрещено праздновать столетие присоединения Выборгской губернии к Финляндии⁷¹⁸. Любое проявление местного «патриотизма» (особенно в

⁷¹⁴ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 3.

⁷¹⁵ Тихомиров Лев. Воспоминания. М., 2003. С. 285, 322.

⁷¹⁶ Берендтс Э.Н. Императорский Александровский университет Финляндии. Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб, 1902. С. 216; *Он же*. Кое-что о современных вопросах. СПб, 1907. С. 97.

⁷¹⁷ Липаев В. По Финляндии. Путевые очерки. М., 1914. С. 57; *Русский вестник*. СПб, 1902. Май. Т. 279. С. 288-290.

⁷¹⁸ РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 395. Л. 1 – 6.

вопросах памятников, гимнов и прочей символики) отслеживалось и соответствующим образом комментировалось⁷¹⁹.

Важной «привычкой мышления» экспертов был **приоритет морально-этических категорий**, как в политике, так и в науке. Для сына Ордина, Бориса, «благородство» его отца, в сравнении с «грубостью, дерзостью и наглостью», его критиков – уже свидетельство его правоты⁷²⁰. Генерал Богданович оценивал свою деятельность по распространению «правильной» идеологии как «борьбу со злом»⁷²¹. Попробуем вскрыть интеллектуальные корни указанной особенности. Во второй половине XIX в. на примере многих философских построений можно было наблюдать как «независимость и самобытность морального вдохновения полагают границы позитивистской установке ума»⁷²². Даже у Герцена и Чернышевского, у П.Л. Лаврова, и тем более в славянофильской традиции на первое место выступал примат этики. По мнению Бородкина, «нравственность не только созидает государства, но и целиком определяет их судьбу... Каковы принципы морали или этики народа, такова его цивилизация; чем совершеннее и выше нравственный идеал народа, тем прочнее и обеспеченнее успех его прогресса... основа цивилизации – в нравственных началах»⁷²³. Отсюда исключительная важность для экспертов понятия **справедливости** при разборе конфликта финнов и русских. Многие в положении финляндского края представлялось экспертам попросту несправедливым (с позиций интересов русских)⁷²⁴, безотносительно того, законно это было или нет. Это обстоятельство в большой степени

⁷¹⁹ Московские ведомости. 1899. 5 (17) июня. С. 3; Московские ведомости 1908. Июнь. № 136. С. 4.

⁷²⁰ ОР РГБ Ф. 224. Петровский С.А. К. 2. Д. 15. Письма Петровскому С.А. от Ордина Б.К. Л. 1.

⁷²¹ Богданович Е.В. Записки. Апрель 1881 г. СПб, 1881 // ОР РНБ Рукопись. Л. 6.

⁷²² Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Ч. I-II. Ростов н/Дону, 1991. С. 87.

⁷²³ Бородкин М.М. Современные беседы. Т. 2. О социализме. СПб, 1907. С. 170, 177.

⁷²⁴ Корево Н.Н. Финляндия и общеимперское законодательство. Доклад X съезду уполномоченных дворянских обществ 39 губерний, прочитанный 4 марта 1914 г. председателем комиссии по кодификации финляндских законов Н.Н. Корево. СПб, 1914. С. 23, 38.

предопределяло взгляд экспертов и их единомышленников в правительстве на правовую сторону конфликта.

Важность идеализма и примата морали как «привычек мышления» сказалось в неоднозначном **отношении к просвещению и науке**. С одной стороны, эксперты продемонстрировали исключительную лояльность к важности научного знания. Обскурантизм – последнее, что можно найти в их публицистике. Причастность к научному типу мышления даже использовалась ими как дополнительный инструмент в убеждении читателей. Гольмстрем, обосновывая необходимость возобновления «Обзоров периодической печати Финляндии» – прикладного сборника с сугубо практическими целями – не забывал упомянуть, что это издание представляется ему «научным трудом», а полезность его в прошлом признавалась даже «людьми науки»⁷²⁵. Бородкин обладал четкой системой ценностей, в которой не было места материализму, но обосновывать ее он всегда стремился научными методами – в меру своего понимания их сути. В частности, дарвиновское учение он пытался опровергнуть ссылками на труды ученых-естественников, а не на богословские труды⁷²⁶. Он исключительно уважительно отзывался о науке. Полемизируя с социалистами, ссылался на Зомбарта, Жореса и Маркса, и всячески подчеркивал необходимость образования (в том числе и для революционеров)⁷²⁷. При этом он был совершенно уверен, что наука занимает вторичное положение по сравнению с нравственностью в общественно-политической жизни, государственном бытии, жизни семьи и каждого человека⁷²⁸. Бородкин постулировал необходимость оценивать все мерою нравственности, а не человеческого разума, противопоставлял одно другому⁷²⁹. Будучи широко эрудированным,

⁷²⁵ РГИА Ф. 560. Д. 314. Переписка министра финансов В.Н. Коковцова с разными лицами. 12 января – 17 декабря 1907. Л. 61 об., Л. 68 об.

⁷²⁶ *Б-нь М.М.* Человек и животное // Православное обозрение за 1890 г. Май – июнь. С. 463, 473, 499 и др.

⁷²⁷ *Бородкин М.М.* Современные беседы. С. 44, 46 – 47, 52.

⁷²⁸ *Он же.* Современные беседы. Т. 2. О социализме. СПб, 1907. С. 161, 167-168, 171.

⁷²⁹ *Он же.* Современные беседы. Т. 2. О нравственности. С. 155.

легко цитируя Мольера, Вольтера, Гюго, он всегда оставался на христианской почве⁷³⁰. Наука уступила морали.

Важный нюанс заключался в том, что общечеловеческая трактовка экспертами морали и справедливости все чаще уступала место национальной. Идея **национальности** – следующая, важнейшая в их мышлении. Бородкин сформулировал это просто: «наука должна быть национальной»⁷³¹. Для него «горячий патриотизм» Ордина, Якубова, Еленева, Коркунова, Таганцева был не помехой, а подспорьем, основой их деятельности «в области науки и публицистики»⁷³². Круг замкнулся: идеалистическое мировосприятие в сочетании с принятой идеей национальности блокировали саму возможность решения финляндского вопроса с позиций Real Politik.

Другим важнейшим концептом в мышлении экспертов было понятие **единства, целостности**. С помощью этой категории постулировалась необходимость целостности империи, за счет унификации и слаженной работы всех частей имперского механизма⁷³³. В статьях, посвященных национальному вопросу, категория «единство» применялась для обозначения универсального характера русской нации, способной поглотить все остальные; при описании понятия «соборность», как ключевой в ее характеристике; при описании будущей унификации всех народов, населяющих империю; ее политических и социально-экономических основ; общего «национального чувства», «исторического, культурного, языкового» единства; для критики идеи федерализма⁷³⁴. Если бы данный термин употреблялся исключительно в этих целях, его можно было бы считать значимым, но вполне рядовым конструктом консервативной идеологии. Однако его роль была существенно важнее. Он был напрямую связан с таким принципом работы мышления, как

⁷³⁰ Там же. С. 105, 128, 146.

⁷³¹ Бородкин М.М. О научном беспристрастии. Гельсингфорс, 1915.

⁷³² Он же. Краткая история Финляндии. СПб, 1911. С. 175.

⁷³³ Будилович А.С. О единстве русского народа. СПб, 1907; ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 15. Л. 3; РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; Ф. 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

⁷³⁴ См. напр.: Гражданин. 1907. №25. С. 4; Московские ведомости. 1908. № 105. С. 1; Россия. 1907. № 504. С. 2; Санкт-Петербургские ведомости. 1912. № 53. С. 2; и др.

симфоничность, склонность воспринимать и анализировать все явления окружающей действительности в связи друг с другом (но с акцентом на одну или несколько ведущих идей). Именно он задавал такие рамки обсуждения «финляндских нестроений», в которых соединялись и препарировались в одном ключе все «национальные вопросы» империи (включая и «русский»), внутри- и внешнеполитические проблемы, экономические, политические, социальные явления. Если мы вспомним отправную точку в рассуждениях Каткова, то увидим прямую генетическую преемственность между этими особенностями. В формулировке Бородкина это звучало так: «Трения в финляндском вопросе будят русское общество ... Финляндия... служит шпорами для государственного тела России и содействует поднятию патриотического начала. ... А когда проснется национальное чувство, наши соотечественники поймут, что **вопрос о Финляндии – вопрос русский**»⁷³⁵. Иными словами, даже если ситуация на той или иной окраине сама по себе не являет ничего экстренного или чрезвычайного, ее тесная взаимосвязь и внутреннее единство с глубинными российскими проблемами не позволяет оставить ее в покое.

Категория «единства» – в соответствии с принципом симфоничности – определяла все важнейшие составляющие общественной жизни: **политическую, социальную, экономическую и культурную**. Основополагающий характер начал «единства» и «неделимости» державы был зафиксирован в законодательстве. «Единство и нераздельность» России Бородкин называл своей «первой политической заповедью»⁷³⁶. Корево отмечал, что «во главу здания нашей русской государственности положены единство и нераздельность»⁷³⁷. Данная категория встречается в записках для служебного пользования, в межведомственной переписке, в дневниках и

⁷³⁵ Выделено мной – А.П.; *Бородкин М.М.* Н.Д. Сергеевский и ... С. 28, 30.

⁷³⁶ *Бородкин М.М.* По шаблонам и трафаретам. О критике барона С. Корфа. Гельсингфорс, 1915. С. 7.

⁷³⁷ *Корево Н.Н.* Доклад Н.Н. Корево по финляндскому вопросу. Справка. СПб, 1910. С. 19.

письмах официальных лиц⁷³⁸. Любая форма обособленности тот или иной окраины трактовалась как посягательство на основы существования государства. Сама возможность существования «особых» финляндских прав противоречила этому базовому концепту. В «Гражданине» это обыгрывалось следующим образом: «Суворин про финляндский вопрос: «Не слыхал про такой вопрос. Есть Россия, а Финляндии нет, как нет Тулии, нет Ярославии, и нет ни тульского, ни ярославского вопросов». Ему вторил М. Меньшиков: «Финляндский вопрос бесконечно прост: Финляндия отрицает Россию, Россия отрицает это отрицание»⁷³⁹.

При этом общие слова о единстве империи имели прямое отношение к вопросу о характере и полноте власти монарха. Она признавалась по сути своей нераздельной, единой и цельной. Государственность выступала субстанцией, объединяющей в себе все народности, все политические образования, все ветви власти. Она была персонифицирована в лице монарха, преданность которому считалась главной гражданской добродетелью. Его власть продолжала считаться сакральной по характеру. В институте самодержавия фокусировались «душа, воля, разум» России, ее фундаментальные основания⁷⁴⁰. Лев Тихомиров, числивший Каткова среди своих учителей, не раз говорил о важности единства и неограниченности царской власти⁷⁴¹. Только «единение Монарха с народом» официально признавалось «источником законодательной власти. Поэтому все средостения между Верховной властью и народом должны быть устранены»⁷⁴².

---

⁷³⁸ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; Ф. 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 3; ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1481. Л. 1.

⁷³⁹ Гражданин. 1910. № 21. С. 2; Меньшиков М.О. Новый и старый национализм // Новое время. 1910. 12 июня.

⁷⁴⁰ Гражданин. 1911. № 2. С. 3, 5; Московские ведомости. 1908. № 53. С. 1; Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 176 и др.

⁷⁴¹ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003. С. 95, 143.

⁷⁴² Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906. СПб, 1906. Сессия 1. Том 1. Заседание 5, 5 мая.

В рамках данной системы ценностей диким выглядело предположение о том, что русский монарх может быть как-то ограничен финляндским сеймом, или вообще любым внешним обстоятельством, включая собственное слово. В этом контексте становятся понятными упреки экспертов в адрес финнов, которые якобы стремятся ограничить права русского монарха⁷⁴³. Как формулировал Бобриков: «все права подданных Русского царства исходят от Монарха, который ни в какие договоры с ними не вступает, а лишь дарует и утверждает...»⁷⁴⁴. Царь – «самодержец Божьей милостью, а не соизволением народа и менее всего народа финляндского», – писала официозная пресса⁷⁴⁵.

Вновь принципы мышления и базовые категории в мировоззрении публицистов делают понятными резоны экспертов и практические действия монархии в княжестве как в первый, так и во второй «периоды угнетения». Представления о характере власти монарха давали ему возможность свободно принимать любые законы относительно княжества и отменять уже существующие⁷⁴⁶. Протесты финнов, попытка «не согласиться» с высочайшими постановлениями трактовались как прямое нарушение прав монарха, покушение на целостность и полноту его власти⁷⁴⁷. В бюрократической переписке 1902 г. встречается мысль о пагубности самой попытки «перечислить все предметы общегосударственного законодательства» – поскольку по своей сути она ограничивала бы полноту самодержавной власти в крае⁷⁴⁸. В мышлении антифинляндских авторов это,

⁷⁴³ Россия. 1907. № 603. С. 1; № 632. С. 1; № 640. С. 1 (редакторская статья); Россия. 1908. № 669. С. 1; Россия. 1908. № 711. С. 1.

⁷⁴⁴ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 18. Записка «О задачах финляндской русской газеты». Л. 1.

⁷⁴⁵ Россия. 1910. 23 апреля (8 мая) С. 1.

⁷⁴⁶ Гражданин. 1910. № 19. С. 15, 17; № 21. С. 33; № 22. С. 15; Мирный труд. 1904. № 3. С. 91-92; Россия. 1910. 23 апреля (8 мая); *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 214.

⁷⁴⁷ *Алекторов А.Е.* Иностранцы в России. СПб, 1906; *Еленев Ф.* Историко-критический обзор узаконений, включенных под именем Основных законов Финляндии в финляндские кодификационные проекты». СПб, 1894. С. 28 – 29; Московские ведомости. 1908. № 53. С. 1; Памяти К.Н. Якубова // Наблюдатель. 1900. Ноябрь. С. 43; *Сугоняев Т.* Автономия. М., 1906. С.18 – 19, 21. Ср. также высказывание на этот счет обычно осторожного в формулировках Берендтса: *Берендтс Э.Н.* Краткий очерк бюджетного права Финляндии. СПб, 1909. С. 46.

⁷⁴⁸ РГВИА Ф. 59. Оп 1. Д. 13. Л. 2.

без преувеличения, означало угрозу национальной безопасности, поскольку затрагивало самые основы существования российского государства. Именно этот пункт часто использовался как оправдывающий любые жесткие действия правительства в княжестве. Это пример столкновения базовых ценностей: правовой культуры финнов современного типа и традиционной политической культуры имперских идеологов и чиновников.

Действие категория «единство» распространялось и на **сферу религии**. Единство в абсолютном понимании символизировало православие. Именно его ценности оставались мерилем трактовки политических и социально-экономических реалий, что также характерно для традиционного типа политической культуры. «Единство веры... имеет такое же значение в государственной организации, ... как единство власти и единство жизни»⁷⁴⁹, отмечали публицисты. Понятия «русский» и «православный» оказывались тождественны. Нарушение прав православной церкви в Финляндии оценивалось как вопиющее явление, требующее незамедлительного вмешательства имперских властей. Как и в случае с финнами, в политике на других инородческих окраинах проходила вынужденную обкатку религиозная концепция «русскости»⁷⁵⁰, согласно которой принадлежность к православию была центральным маркирующим компонентом при определении этничности.

Этот аспект имел тесные смысловые коллизии с национальной проблематикой. «Соборность» русской нации, способной поглотить все остальные, представлялась залогом последующего включения в нее других народностей. Речь шла об особых духовных качествах, «народном духе», ощущении «исторического, культурного, языкового» единства⁷⁵¹. По этой

⁷⁴⁹ Бородин М.М. Памятка о М.В. Ломоносове. Харьков, 1913. С. 3; Гражданин. 1908. № 1. С. 3; «Пора прозреть» // Московские ведомости. 1907. № 1. С. 8; Финляндия. Обзор периодической печати. Ноябрь 1899. Вып. I. СПб, 1899. С. 1. Вып. X. СПб, 1903. С. 155.

⁷⁵⁰ Долбилов М.Д., Сталюнас Д. «Обратная уния»: проект присоединения католиков к православной церкви в Российской империи (1865-1866 годы) // Славяноведение. 2005. № 5. С. 3, 32.

⁷⁵¹ Гражданин. 1907. № 25. С. 4; Московские ведомости. 1907. 1 (14) января. С. 8; 1908. 7 (20) мая. С. 1; Россия. 1907. 18 (31) июля. С. 2.

логике, представитель любой национальности мог стать «истинно русским», что и представлялось публицистам наиболее желательным направлением развития Российской империи (концепт «русской империи» Каткова). Это заставляет усомниться в искренности публицистов, заверяющих в стремлении сохранить бытовое, культурное и духовное своеобразие финнов, «их веру, язык и обычаи»⁷⁵². Публицисты порой проговаривались и ассоциировали Россию со страной «чисто русской», «чисто славянской», «чисто христианской»⁷⁵³. Употребление фраз типа: «если захватили маленький народец, то или выпустите его на волю, или ассимилируйте, что вовсе не так трудно при твердой государственной политике»⁷⁵⁴ было весьма показательным. С другой стороны, наиболее последовательное в рамках всей «антифинляндской» политики проведение в княжестве унификаторских мер в области языка, образования и религии, – четко соответствовало приоритетам мышления в националистическом духе. Имперская гибкость и многообразие уступило место требованиям унификации и настоящего единства, реализованного, наконец, на практике.

Неограниченность монархической власти и единообразие империи в административном и религиозном смыслах дополнялись соответствующей трактовкой сюжетов, связанных с **политическими партиями** – как финскими, так и русскими. Сама идея партий, как некоего дробления, считалась порочной, приносящей в единое тело империи болезнь и угрозу самой жизни. «Политиканам» приписывалась роль губителей империи – и национальная проблематика вновь находила сцепление с политической⁷⁵⁵. Публицисты

---

⁷⁵² *Бородкин М.М.* Финляндский вопрос. СПб, 1905. С. 9, 50; Он же. Современное положение русского дела ... С. 47; «Немецкие профессора и Финляндия» // Россия. 1910. 22 января (4 февраля), 23 января (5 февраля); Финляндия. Обзор периодической печати. СПб, 1899. I. С.28;

⁷⁵³ Московские ведомости. 1908. № 2. С. 1. Передовая статья.

⁷⁵⁴ *Меньшиков М.* Великорусская партия // Новое время. 1907. 21 июня.

⁷⁵⁵ *Витушкин Ф.* Военный бунт в Финском заливе. СПб, 1906. С. 10; *Меньшиков М.О.* Сроки близятся // Новое время. 1907. 22 мая (4 июня). С. 1; Финляндия в столетнюю годовину завоевания. СПб, 1910. С. 12 – 13, 18; Финляндская окраина в составе русского государства. СПб, 1906. С. 44.

нередко подчеркивали прямую взаимосвязь между нерусским этническим происхождением и участием в политической борьбе. Чаще всего, естественно, критике подвергались социалисты (причем между финскими и русскими социалистами в текстах по факту не видели никакой разницы, о недостатках одних говорили в связи с деятельностью других, и наоборот). Их обвиняли в прямой угрозе государственности, а равно и монарху, поскольку их деятельность вела к нивелированию цельности, единства и нераздельности. Доставалось и либералам – как «местного» происхождения, так и их российским коллегам. Их, как правило, также называли революционерами, сторонниками финляндского сепаратизма, противниками русских интересов. Соответственно обвинения в разрушении государственного единства распространялись и на них⁷⁵⁶. «Финляндская крамола», в указанном контексте, означала для публицистов то же самое, что и «русская революция», и в этом качестве вновь становилась угрожающей самому существованию русского народа.

Симфоничность как «привычка мышления» сказалась в том, что категория единства была распространена и на **социально-экономические проблемы**. Дискурс всегда существует в конкретной социальной ситуации. Зачастую он появляется в коммуникативной сфере как некий потенциальный конфликтоген, конституирующий и/или легитимирующий определенную модель мира. Он не только интегрирует, но и разъединяет, препарирует общество на предмет соответствия или несоответствия модели, и всегда

---

⁷⁵⁶ «Архиепископ Макарий о современном положении» // Московские ведомости. 1907. № 1. С.8; *Бородкин М.М.* Современные беседы. Т. 2. О социализме. СПб, 1907. С. 97; *Витушкин Ф.* Военный бунт в финском заливе. СПб, 1906. С. 10; «Выборный маскарад» // Гражданин. 1907. № 12. С. 5; «Кадеты и финляндский протест» // Россия. 1910. 18 (31) марта; *Меньшиков М.О.* Сроки близятся // Новое время. 1907. 22 мая (4июня). С. 1; Московские ведомости. 1907. № 8. С. 2; 12 (25) января. С. 3, 13 (26) января. С. 2; 1908. 21 марта (3 апреля). С. 4; 29 марта (11 апреля). С.1; «По финляндскому вопросу» // Гражданин. 1908. № 35 – 36. С. 3; «Русский социализм» // Гражданин. 1907. № 11. С. 1; Там же. № 7. С. 2; Там же. № 35 – 36. С. 7; *Талин Н.А.* Финляндия к столетию покорения. Ч.2 // Московские ведомости 1908. 6 (19) января. С. 2; *Томилин М.* Около сейма // Санкт-Петербургские ведомости. 26 апреля (9 мая). С. 2; «Финляндия и господин Милюков» // Россия. 1908. №№ 18 (31) мая, 21 мая (3 июня), 22 мая (4 июня), 24 мая (6 июня), 28 мая (10 июня).

выстраивает некую социальную иерархию, в которой неизбежно кто-то оказывается менее равным, чем все остальные. В данном случае «менее равными» оказывались не просто финны: описание финского общества наголову выдает взгляды публицистов на «своих» и «чужих» в собственно российском социуме.

Значительное место в «антифинляндском дискурсе» занимает выражение неприязни к интеллигенции. Для этой темы характерна некая амбивалентность – поскольку большинство экспертов ратовали за просвещение и сами являлись представителями интеллектуальной элиты. Однако, обвинения в адрес финляндской интеллигенции регулярно появлялись под их пером. Проводились четкие параллели между финляндской и российской интеллигенцией, их симпатиями к Западу, космополитизмом, активным участием в политике и отношением к революции⁷⁵⁷. Термины «интеллигент» и «политикан» нередко шли рука об руку: как заметил один из комментаторов сборника «Вехи», главный грех русского интеллигента видят в том, что он продал душу свою политике⁷⁵⁸. Финляндской интеллигенции вменялось в вину нежелание учить русский язык и несоблюдение интересов «простого народа»⁷⁵⁹. Со времен Ордина ее обвиняли в придумывании теории об особом государстве и стремлении к отделению⁷⁶⁰, эмоционально обсуждая это в официальной и личной переписке⁷⁶¹.

⁷⁵⁷ Бодиско Дм. О любви к самому себе // Гражданин. 1907. № 89. С. 4; Гражданин. 1910. № 2. С.5; Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб, 1906. С.26.

⁷⁵⁸ 100-летие «ВЕХ». Интеллигенция и власть в России. 1909 – 2009. Круглый стол // Российская история, 2009. № 6. С. 120.

⁷⁵⁹ Новое время. 1900. 7 (20 сентября). С. 2; 1901. 28 января (10 февраля). С. 3.

⁷⁶⁰ От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений... Т. 1. С. III; Гражданин. 1907. №16. С. 1-2; Мещерский В.П. Дневники // 1907. №.67-68. С. 11; №74. С. 9. См. аналогичную позицию Бобрикова: РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 19. Замечания, сделанные при рассмотрении проекта нового устава о воинской повинности в Финляндии с указанием вызываемых ими возражений. Л. 1. Ср. с методами создания враждебного образа поляка: Долбилов М.М. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863 – 1865 гг. // Ab Imperio. 2001. №№ 1 – 2. С. 238 – 239.

⁷⁶¹ РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 14. Записка финляндского генерал-губернатора Бобрикова Н.И. о противоправительственном движении в Финляндии на 1 февраля 1903 г. и о мерах к его предотвращению. Л. 3; РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Т. 5. Д. 6891. Сводки сведений штаба Петроградского военного округа. Л. 119; РГИА Ф. 1620. Богданович Е.В. Оп. 1. Д. 93.

Очевидно отрицательное амплуа в антифинляндских текстах отведено «буржуазии». Авторы, связанные с «Окраинами России», подчеркивали, что революционное движение в Финляндии было первоначально организовано именно активистами-буржуа, которые обучали и вооружали финляндских рабочих. Подчеркивалась связь между финскими буржуа и русскими социал-демократами⁷⁶². Финляндские рабочие и «учащаяся молодежь» вызывали у экспертов столь же мало симпатий, сколь и русские их аналоги⁷⁶³. Именно эти группы часто фигурируют в одном контексте с интеллигентами и с описанием угрозы «бунта» в империи⁷⁶⁴. Это не удивительно – эти социальные категории относились к тому же модерному типу общества, что и буржуазия.

Напротив, финляндские крестьяне виделись естественными союзниками и противопоставлялись чиновничеству, интеллигенции и рабочим⁷⁶⁵. Даже самые непримиримые публицисты противопоставляли финляндских «политиканов» «простому народу», который «все еще благожелателен к России и русским и недоверчив к подвохам своих интеллигентов»⁷⁶⁶. По

Письмо Никольского Евг. Вас. Богдановичу о финляндских делах. Л. 1, 1 об., 2; *Золотарев А.М.* Военно-статистический очерк Финляндии. Курс Николаевской академии Генерального штаба. СПб. 1890. С. 18;

⁷⁶² *Мустонен З.А.* Разоблачение тайн. Взаимные отношения революционеров и социалистов в Финляндии. Бесплатное приложение к газете «Окраины России». СПб, Государственная типография. 1909. С. 3 (вступление издателей).

⁷⁶³ *Бородкин М.М.* Война 1854-1855 гг. на Финском побережье. СПб, 1904. С. 335; Финляндия в столетнюю годовину завоевания. СПб, 1910. С.17; *Бородкин М.М.* Война 1854-1855 гг. на Финском побережье. СПб, 1904. С. 335.

⁷⁶⁴ *Алекторов А.Е.* Иностранцы в России. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Латыши. Евреи. Намцы. Армяне. Татары. СПб, 1906. С.17; *Бодиско Дм.* Ешь меня собака // Гражданин. 1907. № 82. С. 4; *Бородкин М.М.* Война 1854 – 1855 гг. ... С. 348, 352 – 353; *Будилович А.С.* Может ли Россия отдать иностранцам свои окраины? СПб, 1907. С. 6; «Злость» // Гражданин. 1907. № 1. С. 3; Там же. № 7. С. 2; *Меньшиков М.* Вешние воды // Новое время. 1907. 18 марта; *Он же.* Естественная власть // Новое время. 1908. 13 января; *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1907. №16. С. 16; «Русские студенты за границей» // Гражданин. 1909. № 69 – 70. С. 3; Финляндская окраина в составе русского государства. СПб, 1906. С.37 – 38.

⁷⁶⁵ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Т. 5. Д. 6891. Ч. II. Сводки сведений штаба Петроградского военного округа. Л. 116; От издателя // *Ордин К.Ф.* Собрание сочинений... Т. 1. С. XIV.

⁷⁶⁶ «Возбуждение населения в Финляндии» // Россия. 1910. № 1347. С. 1; «Из бесед» // Россия. 1910. № 1362; «Крестьяне в Финляндии»// Россия. 1909. № 1238; *Меньшиков М.О.* «Великорусская партия» // Новое время. 1907. 8 (21) мая; *Он же.* Они и мы // Новое время. 1910. 16 мая. С.1; *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1909. №81 – 82. С. 10; Гражданин. 1910. № 10. С. 16; Гражданин. 1910. № 12. С. 16; Московские ведомости. 1901.

мнению П.А. Столыпина, «народ в огромном большинстве царелюбив и самоотверженно предан»⁷⁶⁷. Как отмечалось в социалистических изданиях, «была создана официальная легенда, что протестует только интеллигенция, а народ спокоен», причем эта легенда проникла не только в «Московские ведомости» и «Новое время», но и в официальные отчеты и донесения, где повторялась «с настойчивостью, дающей право полагать, что лжецы поверили собственной лжи»⁷⁶⁸. «Эксперты» последовательно рисовали себя защитниками интересов «финских низов»⁷⁶⁹.

Эта особенность прекрасно укладывается в проанализированный Р. Уортманом монархический миф николаевского времени, идентифицировавший самодержавие с «простым народом»⁷⁷⁰. Консервативные круги империи, главные защитники монархии продолжали считать основным стратегическим союзником власти крестьянство. Вместе с тем, именно такой взгляд на финляндское крестьянство объясняет в какой-то мере тот факт, что публицисты и практические проводники «антифинляндской» политики позитивно смотрели на будущие отношения державы и окраины. В этой логике, достаточно было устранить «врагов» – и гармония была бы восстановлена. Николай II много и охотно путешествовал с женой по Финляндии. В РГИА отложился обширный комплекс документов, освещающих различные детали этих путешествий, которые начались с 1891 г. и не прекращались вплоть до I Мировой войны⁷⁷¹. «Эксперты» подчеркивали

---

20 января (2 февраля). С. 1; «По адресу Финляндии» // Гражданин. 1909. № 69 – 70. С. 4; Финляндия в столетнюю годовщину завоевания. СПб, 1910. С. 17.

⁷⁶⁷ Проект П.А. Столыпина о преобразовании государственного устройства России. (Согласно записям проф. А.В. Зеньковского, под дикт. П.А. Столыпина в мае 1911 г.) // *Палеолог С.К. Около власти. Очерки пережитого.* М., 2004. С. 215; *Столыпин П.А. Переписка.* М., 2004. С. 530.

⁷⁶⁸ Имеются в виду финляндские интеллигенция и народ: *Кок И.* Всеобщая забастовка в Финляндии. Пер. с финс. под ред. и с предисл. А. Ингельстрома. СПб, 1907. С. 4 – 5.

⁷⁶⁹ *Московские ведомости.* 1899. 26 июня (8 июля). С. 3; *Новое время.* 1900. 7 (20 сентября). С. 2; 1901. 28 января (10 февраля). С. 3; 1901. 7 (20) марта. № 8988. С. 3; 14 июля. № 9108. С. 3.

⁷⁷⁰ *Уортман Р.* Демонстрации набожности // *Ab Imperio.* 2000. №2. С. 25 – 58; *Он же.* Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии. Т. II. М., 2006. С. 648, 670, 673.

⁷⁷¹ РГИА Ф. 476. Оп. 1. Дд. 3, 4, 21, 38, 51, 88, 303, 324, 338, 382, 430, 557, 889, 1770 и др.

в авторских статьях и личной переписке свою симпатию к финнам как народу, лояльность к культурному своеобразию⁷⁷². В письме к начинающему автору (опубликовавшему несколько статей в «Финляндской газете»), Бородкин просил прислать ему названия тех повестей и рассказов, в которых финские писатели выводили бы «русских людей в приятном, симпатичном виде», уверяя, что хотел бы принимать во внимание наличие таковых и не хотел бы, чтобы его упрекали в односторонности: «я не крайний, я не враг финляндцев, я всегда и во всем старался быть правдивым, писать то, что знал и что видел»⁷⁷³. Он же писал о Якубове: «он родился в Финляндии, там протекли его лучшие годы, там находились дорогие для него могилы. Он жил среди финнов, учился в их школе, и это постоянное общение с ними убедило его, что это прекрасный народ со многими привлекательными и симпатичными чертами. ... Мы... никогда не слышали от него ни одного дурного слова о финнах; никогда он не называл их даже «чухонцами», как этим обыкновенно выражается некоторое пренебрежительное отношение к этому народу... Он любил Финляндию, желал ей добра, но осуждал искусственное обособление края от России»⁷⁷⁴. Но симпатии имели свой предел.

Вообще, категория единства появилась в коммуникационном пространстве империи много раньше и как правило была включена в область рефлексии над национальными особенностями, особенно в таких вопросах как форма правления и государственное устройство. Например, ее легко можно обнаружить в «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзина. Уже тогда она обнаруживала тесную корреляцию с трактовкой прав и характера власти российских монархов. Любопытна оговорка в либеральном печатном органе: даже «европейски настроенный Карамзин желал видеть в Государе *единого*

⁷⁷² Бородкин М.М. К.Ф. Ордин и финляндские дела ... С. 194; *Окраины России*. 1906. 5 марта. № 1. С. 9; *Россия*. 1910. 23 января. («Немецкие профессора и Финляндия»); 27 января.

⁷⁷³ ОР РНБ Ф. 273. И.В. Егоров. Д. 40. Письмо И.В. Егорову от М.М. Бородкина. Л. 1.

⁷⁷⁴ *Абов Г.* Памяти К.И. Якубова // *Новое время*. 1900. 12 октября. С. 3.

законодателя, единственный источник всякой власти»⁷⁷⁵. Единство власти и российское самодержавие воспринималась либеральным публицистом как некое противопоставление европейской традиции. Позже А.М. Золотарев объяснял либеральные намерения по созданию «палат» (а значит – разрушения государственного единства и единства власти) желанием обрести репутацию «просвещенного европейца»⁷⁷⁶.

Склонность рассматривать все явления общественно-политической жизни через призму противопоставления цивилизаций была тесно связана с процессами самоидентификации и перекочевала, многократно усилившись, через полемику славянофилов и западников, к представителям русского национального движения к. XIX – н. XX вв. По признанию С.Л. Франка, все ключевые идеи Шпенглера о развитии мировых цивилизаций были задолго до него осознаны и сформулированы русскими мыслителями⁷⁷⁷. Очень популярное и в Европе⁷⁷⁸, стремление воспринимать особенности национального развития, как своего, так и чужого, в категориях «цивилизации» или «варварства» было дополнено идеей особого «русского пути», постоянного выбора между Востоком и Западом. Сам принцип анализа действительности в таком ключе напрямую влиял на восприятие «своих» и «чужих» и на оценку «национальных вопросов». В этом контексте проявилась следующая базовая для публицистов категория – **национальная угроза**. Она была производной от такого принципа мышления, как **алармизм**. Окружающая действительность не казалась «экспертам» дружелюбной. Напротив, они склонны были видеть вокруг множество врагов – внешних и

---

⁷⁷⁵ Герье В. Первая русская Государственная Дума. Политические воззрения и тактика ее членов. Второе издание. М., 1906. С. 5.

⁷⁷⁶ Золотарев А.М. Военно-статистический очерк Финляндии. ... С. III.

⁷⁷⁷ Франк С.Л. Кризис западной культуры. В кн.: Освальд Шпенглер и «Закат Европы». Сб. ст. М., 2000. С. 48.

⁷⁷⁸ Медяков А.С. Немецкая открытка Первой мировой войны как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020.

внутренних⁷⁷⁹. Упоминание об инородцах вообще и финнах в частности активировало смысловой пласт, связанный с архетипическим противопоставлением «своих» и «чужих»⁷⁸⁰. Так же, как и «единство», оно представляло собой основу для развития множества логических построений и сюжетных коллизий, из которых военная угроза была самой банальной. Появление «врага» необходимо для обретения устойчивости социальной системы, которая постулируется в дискурсе и очень удобно с пропагандистской точки зрения. Зачастую оно является неотъемлемой частью развития собственно националистической идеологии. Принцип восприятия сквозь призму цивилизаций однозначно делал из финна врага, поскольку его близость к западному типу была очевидна.

Характерно высказывание А.И. Куприна, эмигрировавшего за границу после революции именно через Финляндию: «Да и финны...Я их уважаю по-прежнему. Но это люди с другой планеты»⁷⁸¹. Николай II проговаривался, противопоставляя Россию – «загранице или Финляндии»⁷⁸². Тот факт, что финляндская окраина – чужеродный и однозначно «западный» элемент в теле империи, не вызывал никаких сомнений. Организация быта, традиции, социокультурные характеристики финляндского населения несли на себе отчетливый «западный» отпечаток. Само положение края диктовало его

---

⁷⁷⁹ Проект П.А. Столыпина о преобразовании государственного управления в России (согласно записям профессора А.В. Зеньковского, под диктовку П.А. Столыпина в мае 1911 г.). В кн.: *Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого*. М., 2004. С. 215.

⁷⁸⁰ Интересно сопоставить данные с: *Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо». Запад и военная элита России. 1900-1914*. М., 2001. С. 107; *Он же. Представленческие модели военных элит России и Запада накануне Первой мировой войны (сравнительный аспект)*. В кн.: *Европейские сравнительно-исторические исследования*. Вып. 1. М., 2002. С. 87; *Он же. «Угроза с Запада» в оценках военно-политической элиты Российской империи (начало XX века)*. В кн.: *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. М., 2002. Об образе врага в лице финнов см.: *Цамутали А.Н., Илюха О.П. Предисловие. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России*. Великий Новгород, 2004. С. 7.

⁷⁸¹ Цит. по: *Куприна К.А. Куприн – мой отец*. М., 1979. С. 114. См. также: *Бенуа А. Мои воспоминания*. Кн. 4 – 5. М., 1980. С. 187; *Лемке М. 250 дней в Царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916)*. СПб., 1920. С. 271; *Мицлов С. Трапезондская эпопея*. В кн.: *Литература русского зарубежья. Антология*. Т.2. М., 1991. С. 317 – 321; *Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра*. Т. 1. М., 1999. С. 25.

⁷⁸² *Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II*. Т. II. М., 1992. С. 48.

«западное» маркирование и реальный уровень развития символического объекта не играл определяющей роли. В 1809 г. завоеванная финская провинция еще мало напоминала образчик динамичного капиталистического развития, каким стала столетие спустя. В области политического и правового развития она также преуспела явно недостаточно. Это не помешало М.М. Сперанскому считать возможным реформировать общественную систему России по финляндскому образцу⁷⁸³. Вспомним аргументацию адмирала В. Мелихова: добиться подлинного расположения финнов, ибо «без Финляндии Россия делается азиатской державой». Именно это, по его мнению, делало недопустимым потерю этих территорий⁷⁸⁴. В XIX в. Финляндия продемонстрировала значительные успехи процесса модернизации, пример «скандинавского пути развития» - наиболее успешного варианта среди догоняющих стран Европы. Это выгодно отличало ее от России и наиболее очевидным становилось при взгляде на Карелию – территории, на которые претендовали идеологи «Великой Финляндии»⁷⁸⁵. Финляндская Карелия процветала и начинала пожинать плоды «финляндского экономического чуда», в то время как российская Карелия приходила в упадок⁷⁸⁶. В Финляндии оказалось сфокусировано материальное воплощение западной экономической модели, технического прогресса, перемен: «удобств много, это что говорить, - соглашался офицер. – Возьмите Гельсингфорс – по всему городу жужжат электрические конки, а в Петербурге об электрической конке жужжат, жужжат гласные, а толку нет, как нет...»⁷⁸⁷.

⁷⁸³ Юссила О. Великое княжество Финляндское... С. 32.

⁷⁸⁴ РГИА Ф. 1250. Оп. XVI. Д. 4. Ч. 4. ЛЛ. 152 – 168. Ср. с трактовкой официальной прессы начала XX в.: Финляндия. Обзор периодической печати. Ноябрь 1899. СПб, 1899. С. 2. (Финляндия как инструмент обретения Россией особого статуса в соединении в себе восточных и западных черт).

⁷⁸⁵ Витухновская М. Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социально-экономические различия российской и финляндской Карелий как фактор национальной политики. // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 123; Клинг М. Очерк истории Финляндии. Хельсинки, 1990. С. 73, 76 – 77.

⁷⁸⁶ Витухновская М. Карелы на границе конкурирующих ... С. 133 – 135.

⁷⁸⁷ Поссе В.А. По Европе и России. 1899 – 1909. СПб, 1909. С. 299.

Успешное экономическое развитие княжества контрастировало с явно отстающей в этой области метрополией. Но в русском национальном движении капитализм воспринимался скорее, как «недостаток» западной цивилизации, путь к утрате «почвы», единства во всех ключевых сферах общественной жизни, ограничению автократии⁷⁸⁸. Успехи финнов оценивались не как пример для подражания, а как лишнее свидетельство чуждости, их близости к враждебному Западу. При наличии такой черты мышления, как «цивилизационность» этностереотипа, финны были обречены играть роль означаемого в процессе цивилизационного выбора русских. Среди негативных (и не желанных для России) черт выделяли:

- ✓ Неконтролируемую страсть к обогащению, социальное расслоение, нищету и эксплуатацию масс при процветании элит⁷⁸⁹;
- ✓ стремление к экспансии вплоть до достижения мирового господства, отсутствие нравственных принципов в осуществлении внешней политики⁷⁹⁰;
- ✓ полный перевод экономики с аграрных на промышленные рельсы, переход из деревни в город;
- ✓ «падение нравов», нравственную деградацию, сокращение религиозности⁷⁹¹;
- ✓ неоправданно высокую роль науки в жизни общества⁷⁹².

Поскольку для анализа дискурса очень важен контекст, отметим, что указанные особенности были заметной частью русского общественно-политического пространства начала века. Б.Н. Миронов отмечает среди важнейших черт русского общественного сознания «антибуржуазность ...

⁷⁸⁸ Гражданин. 1908. №1. С. 3; М Меньшиков. Национальная империя. М., 2004. С. 21; Новое время. 1899. №8477. С.2.

⁷⁸⁹ Новое время. 1900. 16 (29) марта. С.2; 14 (27) апреля. С. 2;

⁷⁹⁰ Новое время. 1900. 28 апреля (11 мая). С. 2; 5 (18) мая. С. 2; 7 (20) ноября. С. 1.

⁷⁹¹ Новое время. 1899. 12 (24) ноября. С. 1; 1900. 7 (20) июня. С. 2; 1901. 3 (16) января. С. 3

⁷⁹² Новое время. 1901. 1 (14) января. С. 6; 4 (17) марта. С. 2; 18 (31) марта. С. 3; 31 мая (13 июня). С. 1. См. также: *Елисеев А.В.* Социально-экономические воззрения русских националистов н. XX в. Автореферат канд.дис. М., 1997. С. 9-12, 15-16, 54, 298.

самой продвинутой в социальном и культурном отношении интеллигенции» (в том числе «непопулярность ... буржуазного типа личности и неприятие таких базисных буржуазных ценностей как богатство, слава, власть, влияние, личный успех, индивидуализм») и «слабую секуляризацию массового сознания»⁷⁹³. Аналогичные наблюдения можно встретить и у других историков⁷⁹⁴. Встречаются попытки объяснить переход значительной части интеллигенции, офицерства, чиновников и даже буржуазии на сторону большевиков после октября 1917 г. «закономерным следствием антибуржуазного менталитета»⁷⁹⁵. В рамках третьеиюньской монархии власть регулярно транслировала положение о том, что буржуазии не гарантировано соблюдение не только политических, но и экономических интересов⁷⁹⁶.

Бердяев отмечал такие клише, свойственные русскому общественному сознанию, как «небуржуазность»⁷⁹⁷, обличение мещанства, неприязнь к капиталистическому пути и надежда на русский «простой народ», который может послужить основой иной, небуржуазной организации общества⁷⁹⁸. При этом в творчестве самого Бердяева хорошо прослеживается его личная оценка западного буржуазного общества как «мещанского», стремление давать понятиям «буржуазный» и «мещанский» негативные оценки и противопоставлять их подлинной свободе личности⁷⁹⁹. Сопоставим этот тезис с отрывком из частного письма Бородинкина: «Мое мнение таково, что культура Финляндии мещанская (вспомните Герцена о Западе), а посему интересно

⁷⁹³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб, 1999. Т. 2. С. 305, 319.

⁷⁹⁴ Соловьев Ю.Б. Идеология контрреформ как показатель чрезвычайных трудностей обуржуазивания России // Старцев В.И., Фруменкова Т.Г. (ред.). Россия в XIX в.: Политика. Экономика. Культура. СПб, 1994. С. 235.

⁷⁹⁵ Островский А.В. Октябрьская революция: случайность? Исторический зигзаг? Или закономерность? // Островский А.В. (ред.) Из глубины времен. 1993. № 2. С. 155 – 156.

⁷⁹⁶ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб, 1996. С. 562.

⁷⁹⁷ Бердяев Н.А. Интернационализм, национализм и империализм. М., 1917. С. 27 – 28.

⁷⁹⁸ Он же. Истоки и смысл... С. 25, 28 – 29, 49, 73.

⁷⁹⁹ Он же. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907 – 1909 гг.). СПб, 1910. С. 125; Он же. Новое религиозное сознание и общественность. СПб, 1907. С. V, 89

было бы прочесть, как финляндцы понимают Бога, красоту, истину; как относятся к общечеловеческому? к философии? к поэзии? к религии вообще? Что они более всего читают?»⁸⁰⁰. Он неоднократно упоминал о мелочности «материального», его недостаточности⁸⁰¹. Появление термина **культура** неслучайно. Он мог использоваться в смысле принадлежности Западу («материальная культура», в которой русский интеллигент «не в силах нащупать симпатичной и родственной ему «души». То, что ему, прирожденному идеалисту, рисовалось в радужных красках общественного идеализма, предстает перед ним, как что-то серое, лишенное подъема, «буржуазное»»⁸⁰²). Но чаще все же термин употреблялся с позитивной коннотацией.

Антимодернизм экспертов в сочетании с важностью цивилизационных категорий объясняет колоссальное присутствие «культурной» тематики в антифинляндских текстах, стремление оценить финнов и русских с помощью «культурных» терминов. Публицисты размышляли о том, отстает ли Россия и является ли она «хуже» из-за этого отставания, в чем суть подлинной цивилизованности и современного варварства – и пытались найти выход в культуре. Здесь была своя сложность: эксперты с горечью вынуждены были констатировать, что культура финнов в общественном сознании оценивается выше. Либералы (как и сами финны) ставили акцент на политико-правовой культуре и уважении к законности, сравнивая их с «русским произволом»⁸⁰³. Но аналогичные мнения высказывали даже консерваторы⁸⁰⁴. П. Курлов писал:

⁸⁰⁰ ОР РНБ Ф. 273. Ед.хр. 40. Л. 1-2.

⁸⁰¹ *Бородкин М.М.* Современные беседы. С. 49, 52.

⁸⁰² Мир Божий. 1901. №1. Январь. С. 13.

⁸⁰³ *Василевский Л.М.* Россия и Финляндия. Политическая библиотека «Биржевых ведомостей». СПб. 1906. С. 15; Вестник Европы. 1910. Кн. VII. Июль. С. 426 – 427; Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший манифест от 3/15 февраля 1899 г. Официальные документы, реляции, газетные и журнальные статьи и прочее. Берлин, 1901. С. 3; Мысли о современном положении Финляндии. Лондон, 1900. С. 16; Русская политика насилия в Финляндии. Берлин, 1902. С. 3, 9 – 10.

⁸⁰⁴ «В стране, где тысячи озер» // Русская мысль. 1887. Февраль. №2. С. 56; Россия и окраины. Очерк Е. Игнатъева. СПб, 1906. Политическая библиотека «Биржевых

«нельзя подчинять себе народности с высшею культурой при условии, что государство, желающее этого подчинения, стоит на низшей. Этим ... объясняется тщетность всех попыток ассимилировать России Финляндию и Польшу, не говоря уже о том, что такие попытки вызывали со стороны России громадные денежные затраты, ложившиеся бременем на государственную казну»⁸⁰⁵. Крыжановский отмечал, что многие окраины «в культурном отношении стояли гораздо выше коренной России»⁸⁰⁶. Это было расхожим штампом. В провинциальной «Вятской газете» писали о том, какие финны хорошие хозяева и как давно этот народ «осознал необходимость просвещения»⁸⁰⁷.

Эксперты пробовали пошатнуть эти стереотипы. Они наделяли собственно русских цивилизаторской миссией, называли войны России событиями «на благо человечеству, культуре и цивилизации в самом широком и глубоком смысле слова»⁸⁰⁸. Процветание «культурных» финнов за счет «некультурных» «многострадальных» русских объясняли их паразитическим существованием⁸⁰⁹. Было очень важно подчеркнуть молодость финляндской культуры – «не старше одного столетия»⁸¹⁰, либо обесценить саму «культурность», называя ее уровень далеким от «самообольщения финской интеллигенции»⁸¹¹. Бородкин иронизировал над слабостью финнов в их

ведомостей». С. 17; Россия. 1908. № 671. С. 1; *Ш-вль В.В.* Финляндские впечатления (записки туриста). СПб, 1901. С. 7.

⁸⁰⁵ *Курлов П.* Гибель Императорской России. Берлин, 1923. С. 101-102.

⁸⁰⁶ *Крыжановский С.Е.* Ук. соч. С. 128.

⁸⁰⁷ Вятская газета. 1899. 11 ноября. Хлебопашество и скотоводство в Финляндии В. Фирсова. С. 7-8.

⁸⁰⁸ ГА РФ Ф. 588. Оп. 1. Д 1244. Дело о постановлениях в заседании Совета Русского собрания. Л. 12; Биржевые ведомости. 1899. 7 (19) декабря. С. 1; 1900. 11 (23) февраля. С. 1; Московские ведомости. 1908. Июнь. № 147. С. 2; Окраины России. 1906. 5 марта. № 1. С. 5; *Риттих А.Ф., Бубнов А.Л.* Россия и ее моря. Краткая история России с морской точки зрения. СПб, 1907. С. 137.

⁸⁰⁹ *Вальтер Н.* Изнанка финляндской культуры. Финляндская печать о финляндцах. Материалы для очерка финляндских нравов. СПб, 1913. С. IX, 256; Записка канцелярии финляндского генерал-губернатора о положении местных школ в Финляндии. СПб, Гос. типография, 1910. С. 5; «Прорехи хваленой культуры» // Новое время. 1900. 14 марта.

⁸¹⁰ *Бородкин М.М.* Краткая история Финляндии. СПб, 1911. С. 187.

⁸¹¹ Сборник избранных статей из «Финляндской газеты» за 1916. Гельсингфорс, 1916. С. 32. См. также: *Еленев Ф.П.* Отчего победители ... С. 7; Финляндия. Обзор периодической

«желании казаться европейцами»⁸¹². П.И. Мессарош приводил рассказ об убийстве юноши «только за то, что он русский», совершенное детьми, «получившими образование в школах этой «культурной» страны»⁸¹³. Была издана отдельная брошюра с говорящим названием «Изнанка финляндской культуры». В ней подробно описывались финляндские преступность, пьянство, «буйство, драки, ножовщина», проявления жестокости к членам семьи, «проявление дикости», безнравственность и т.п. Итоговый вопрос автора после данного изложения выглядел риторическим и совершенно закономерным: «в праве ли финляндцы гордиться своей культурой перед русским народом?»⁸¹⁴. Обесценивание успехов финнов логически объяснимо, но по-настоящему убедить в этом экспертам не удавалось даже самих себя. Публицистам и политикам редко удавалось скрыть свои комплексы на тему отставания русских в области культуры⁸¹⁵. Горечь при рассуждении на эти темы сложно было скрыть, к тому же она дополнялась сожалениями о «непросвещенности» русских⁸¹⁶. Амбивалентность мышления публицистов проявилась в том, что Европа ассоциировалась, помимо капитализма, еще с

печати. Вып. XVII. Запросы в Государственную Думу. Общеимперское законодательство и русско-финляндская комиссия 1909 года. СПб, Гос. тип. 1911. С. 69.

⁸¹² *Абов Г.* Топелиус, как поэт и публицист // Русская беседа. 1895. Апрель. № 4. С. 95; см. также: Московские ведомости. 1899. 26 июня (8 июля). С. 4; Россия. 1908. № 755. С. 1.

⁸¹³ *Мессарош П.И.* Финляндия – государство или русская окраина? Значение особых учреждений финляндской окраины Российской империи. СПб, 1897. С. 327.

⁸¹⁴ *Вальтер Н.* Изнанка ... С. 1-246, 253.

⁸¹⁵ *Бородкин М.М.* Современное положение русского ... С. 29, 45; Он же. Современные беседы. Т. 3. Национальный вопрос. СПб, 1907. С. 22; Он же. Финляндский вопрос. СПб, 1905. С.54-55; *Вальтер Н.Н.* Изнанка финляндской культуры. СПб, 1913; *Меньшиков М.О.* Чернильная бомба // Новое время. 1906. 30 марта; «Образец культурности финляндцев» // Московские ведомости. 1899. № 69; «Окраинная кичливость и петербургское смирение» // Новое время. 1909. 14 сентября; Речь П.А. Столыпина в Государственном Совете 1 апреля 1911 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 2 (15) апреля. № 74. С. 5; Речь П.А. Столыпина в Гос. Думе (27 апреля) // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 93. 28 апреля (11 мая). С. 4-5; *Талин Н.А.* «Культурные» подвиги Финляндцев // Московские ведомости. 1900. №№ 149, 150; Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. VII. СПб, 1901. С. 2; «Швейцария и Финляндия» // Россия. 1910. № 1355.

⁸¹⁶ *Абов Г.А.* Густав-Мориц Армфельт... С. 107, 152; *Бородкин М.М.* Вассер и Арвидсон. Гельсингфорс, 1914. С. 4, 27; Он же. Современные беседы. Т. IV. Военный вопрос. С.147.

просвещением и прогрессом – и в этом качестве оценивалась позитивно⁸¹⁷. Бородкин определял Сергеевского как «европейца по образованию, но русского по духу»⁸¹⁸. За описанием финляндских реалий просвечивал застарелый комплекс «некультурных пасынков» Европы и сложное отношение к западной цивилизации.

Тесная связь образа финнов с компонентами собственной национальной идентичности и национальными комплексами объясняет ту эмоциональность, которая была присуща «экспертам» в решении «финляндского вопроса». Для них действительно это был «вопрос русский».

Отметим, что сравнительный анализ различных национальных «дискурсов» в рамках общественно-политического пространства позволяет найти значимое сходство в мышлении представителей русского национального движения. Наиболее ярким примером здесь является отношение к Польше и полякам. Крыжановский писал о том, что «внутренняя политика последнего столетия» в отношении национальных окраин стартовала с задачи очистить русскую национальную почву «от налета польской цивилизации»⁸¹⁹. Еще в 1860-е гг. в журнале «Время», издаваемом Ф.М. Достоевским, была напечатана статья «Роковой вопрос» за подписью «Русский». Статья наделала много шума, а обсуждение сводилось к знакомым постулатам: Польша претендует на роль цивилизации «заемной и внешней», европейской и пытается распространить ее в России – но русский народ не нуждается в этом⁸²⁰. «Польский вопрос» имел критическую важность для формирования русского национализма. По мнению некоторых исследователей, именно Польша сыграла роль ключевого элемента в создании русской идентичности, поскольку русское общество воспринимало поляков

⁸¹⁷ Берендтс Э.Н. По поводу воззваний иностранных ученых относительно прав Финляндии. СПб, 1910. С. 3.

⁸¹⁸ Бородкин М.М. Н.Д. Сергеевский... С. 7-8.

⁸¹⁹ Крыжановский С.Е. Ук. соч. С. 128.

⁸²⁰ Рудаков В.Е. Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения. СПб, 1911. С. 55 – 57.

как наиболее близких себе по уровню развития из всех народов империи и ее соседей, но одновременно бесконечно далеких по целому ряду ключевых политико-культурных характеристик⁸²¹.

Как и в случае с финнами, взаимоотношения поляков и русских формировались в рамках дихотомии Восток – Запад. Польша играла роль контрагента Запада, воплощавшую собой для российских соседей его основополагающие цивилизационные характеристики – политические, культурные, социально-экономические и религиозные. «Цивилизованность» поляков, как и финнов, отмечавшаяся многими наблюдателями, подавалась в либеральной прессе именно в противовес «варварству» титульного народа империи⁸²². Существовала теснейшая взаимосвязь между способом разрешения польских проблем и этническими, конфессиональными, социальными и политическими проблемными узлами внутри самой метрополии⁸²³. Так, в публицистике шло постоянное противопоставление поляков и угнетаемых ими крестьян (в основном русских и белорусов, как всегда социальная тематика тесно переплеталась с этнической), враждебной верхушки (шляхтичи-европейцы) – некоему обобщенному, прекрасному в своей условности «народу».

Проанализировав основные явные положения антифинляндского дискурса и его имплицитные особенности, зададимся вопросом о месте, которое занимали его авторы в общественно-политическом и идейном спектре. Ордина, Бородкина и их единомышленников привыкли четко относить к крайне правой части российского политического спектра, к консерваторам. При этом, многие авторы, освещавшие финляндский вопрос в

---

⁸²¹ Polish Encounters. Russian Identity. Bloomington and Indianapolis, 2005.

⁸²² Излишне говорить, что эта ситуация вызывала у консерваторов принципиально иные эмоции и оценки, нежели у либералов. См. напр.: *Andrzej Walicki. The Slavophile Thinkers and the Polish Question in 1863 // Polish Encounters. Russian Identity. Bloomington and Indianapolis, 2005. P. 90 – 91.*

⁸²³ *Горизонтов Л.Е. «Польский вопрос» в кругу «роковых вопросов» Российской империи (1831 год – начала XX в.) // Государственное и муниципальное управление в России: история и современность. Самара, 2004. С. 76.*

русификаторском ключе, имели «славянофильскую» репутацию⁸²⁴. Оба утверждения требуют уточнения.

Первое решается – по крайней мере на поверхностном уровне – достаточно просто. Русское национальное движение находилось в стадии становления, не было гомогенным⁸²⁵ и порой демонстрировало амбивалентность к некоторым ключевым идеям и понятиям. Сложно отрицать принадлежность «экспертов» к консерватизму. В сочинениях Бородкина слово «либерализм», безусловно, гораздо чаще можно встретить в негативном либо нейтральном контексте⁸²⁶. Однако, Николай Энгельгардт оговаривался, что Бородкин был «по существу очень либеральным человеком»⁸²⁷. В публицистике и лекциях Бородкина, Сергеевского и их коллег-экспертов сложно найти призывы вернуть доконституционный период. По мнению Бородкина, манифест 17 октября открыл перед русским обществом колоссальные возможности для саморазвития, «мирного труда», который он пропагандировал всю свою жизнь. Он нередко упоминал о пагубности революций и важности реформ, необходимости просвещения русского народа, о значении науки. В отличие от многих своих соратников по правому лагерю, он не отрицал огульно всех достоинств западной цивилизации, расписывался в восхищении перед ее достижениями в области науки и культуры, порицал «квасной патриотизм». Но следуя логике националистического мышления, он считал, что задачей каждого народа является создание собственного вклада в процесс постижения истины: у каждой страны и культуры он свой, они дополняют, а не отменяют друг друга. Разногласия с Берендтсом не помешали Бородкину и дальше пересекаться с ним на ниве финляндского вопроса.

⁸²⁴ См. напр.: *Алекторов А.Е.* Иногородцы в России. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Латыши. Евреи. Немцы. Армяне. Татары. СПб, 1906. (См. предисловие А.С. Будиловича); *Будилович А.С.* Новейший фазис самоопределения народностей. СПб, 1906.

⁸²⁵ *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание. 1900 – 1917. М., 2003. С. 201. О разных группировках в Русском собрании: *Соловьев К.А.* Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899 – 1905. М., 2009. С. 26, 239.

⁸²⁶ *Абов Г.А.* Густав-Мориц Армфельт... С. 3, 8, 51, 70, 73

⁸²⁷ *Энгельгардт Н.* Эпизоды моей жизни. (Воспоминания) // Минувшее. Исторический альманах. Т. 24. СПб, 1998. С. 39.

Спустя много лет, Бородкин подпишет свою очередную книгу по истории Финляндии для «многоуважаемого Эдуарда Николаевича»⁸²⁸. Даже среди «экспертов» и сочувствующих им общественных деятелей порой могло встретиться неожиданно мягкое отношение к ВКФ⁸²⁹.

Более сложным является вопрос об отношении «экспертов» к славянофильству. Нельзя ставить знак равенства между разного рода общественно-политическими движениями к. XIX – н. XX вв. и классическими славянофилами 1840-1860-х⁸³⁰. Настойчивость, с которой термин «славянофильский» всплывает применительно к представителям русского национального движения – результат ошибочных представлений отдельных публицистов и общественных деятелей. Но сама по себе эта настойчивость любопытна. Приходится констатировать широкую распространенность термина «славянофильский» в общественно-политическом пространстве этого периода, в частности в той среде, в которой вращались представители русского национального движения. Это явление должно получить свое объяснение. Несмотря на всю противоречивость эпигонов славянофильской доктрины, термин и определенный комплекс идей, закрепленных за ней, по-прежнему использовались и маркировали определенную часть общественно-политического спектра. Появление ведущих категорий и их определенной семантической нагруженности в коммуникативном пространстве не случайно – и многое может рассказать об обществе.

Есть данные о популярности «славянофильских идей» среди высшей бюрократии в рассматриваемый период. Исследователи объясняют это возможностью сочетать известный либерализм и реформы с приверженностью к самодержавной форме правления, прочитывавшейся в наследии

---

⁸²⁸ Бородкин М.М. Вассер и Арвидсон. Гельсингфорс. 1914.

⁸²⁹ Евреинов Г.А. Пределы здравого русского национализма. СПб, 1912. С. 29 – 30; *Он же*. Финляндский вопрос после манифеста 14 марта 1910 г. СПб. 1910. С. 7; Московские ведомости. 1906. 15 (28) марта. № 70. С. 2; Шарапов С.Ф. Об автономиях и самоуправлении //Бакунин и Шарапов об автономиях. М. 1908. С. 14, 16.

⁸³⁰ Цимбаев Н.И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 42, 46 – 51.

славянофилов⁸³¹. Тихомиров прослеживал развитие русского национализма от славянофилов, через фигуры Каткова и Достоевского к современным ему различным представителям русского национального движения (среди которых указывал и так называемых «новых славянофилов»)⁸³². На московском съезде Объединенного Русского Народа активно и сочувственно рассуждали о «наших знаменитых славянофилах (Киреевском, Хомякове, Аксакове)»⁸³³. Ф.Д. Самарин оценивал факт работы Русского собрания как «поворот в сторону славянофильства... уяснения и проведения в жизнь русских начал»⁸³⁴. При открытии первого отдела Русского собрания в Харькове подчеркивались славянофильские мотивы этой организации⁸³⁵. Крыжановский писал о тех, кто разделял точку зрения на единство и неделимость России: «точка зрения эта имела свои глубокие корни и в интеллигентных слоях, особенно славянофильских, которые издавна стремились распространить на всю Россию одинаковые порядки; насколько глубоко коренилось это инстинктивное чувство и в остальных слоях образованного общества, стало ясно после переворота, когда оно нашло себе выражение, почти болезненное, в несогласии на какие-либо отступления от начала единства даже ценою помощи окраинных элементов в борьбе с большевиками, от исхода которой зависело самое бытие России...»⁸³⁶.

⁸³¹ *Соловьев К.А.* Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899 – 1905. М., 2009. С. 23.

⁸³² *Сергеев С.М.* Л.А. Тихомиров и лагерь русских традиционалистов в 90-е гг. 19 в. (Материалы к истории русского традиционализма). В кн.: *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. М., 2002. С. 607; *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. М., 1999. Брошюра написана в 1910. С. 164.

⁸³³ *Г.П.* Под впечатлением московского съезда «Объединенного Русского Народа». СПб, 1907. С. 109, см. также: Русские исторические начала и их современное приложение. Речь, произнесенная С.Ф. Шараповым 30 ноября 1907 г. при открытии Аксаковского политического и исторического общества. М., 1908. С. 3.

⁸³⁴ Цит. по: *Соловьев К.А.* Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899 – 1905. М., 2009. С. 239.

⁸³⁵ *Королева Н.Г.* Помещичье-монархические организации в 1905 – 1907 гг. Образование, структура, тактика // *Непролетарские партии России в трех революциях.* Сб. ст. М., 1989. С. 106.

⁸³⁶ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг С.Е. Кр-кого, последнего государственного секретаря Российской империи. Б.г. Б.д. С. 125 – 126.

Сами эксперты объявляли себя наследниками славянофилов. Бородкин активно публиковался в изданиях, объявлявших себя наследниками славянофилов и одновременно участниками «русского народного направления»⁸³⁷. Он нередко ссылаясь как на некий ориентир на Ю.Ф. Самарина и К.Д. Кавелина⁸³⁸, К.С. Аксакова и А.С. Хомякова⁸³⁹. Им было написано несколько работ по истории славянофильства – что не означало глубокого знакомства его с темой, но выдавало искренний интерес⁸⁴⁰.

Все это не означает действительной связи со славянофилами, а лишь заставляет задаться вопросом, что видели в этом движении «эксперты» и их современники, на какие конкретно элементы этой традиции они опирались и почему. Кроме того, некоторые «привычки мышления» экспертов и значимые для них категории действительно перекликаются с таковыми в славянофильском наследии. Осуждение «вещественной цивилизации» (символом капиталистического мира выступала Англия) присутствовала у славянофилов (за исключением Хомякова)⁸⁴¹. Тема цивилизованности как основного водораздела между поляками и русскими появлялась в творчестве Юрия Самарина. Для славянофилов тоже были характерны идея «воспитания» общества и власти, неоднозначное отношение к западной традиции понимания «права», важность действия морально-этических категорий в политическом процессе и зависимость исторических наблюдений от общественно-политических взглядов, стремление примирить все сословия – и ряд других положений⁸⁴², однозначно напоминающих те особенности антифинляндского дискурса, которые были проанализированы выше. Наличие нюансов в партийно-политической позиции и идеологии экспертов не отменяет общих

⁸³⁷ Русская беседа. 1895. Январь. С. I – II.

⁸³⁸ Бородкин М.М. Н.Д. Сергеевский и его ... С. 3, 4, 21.

⁸³⁹ Он же. Современные беседы. О революции. СПб, 1907. С. 119, 178. Собственно, весьма «славянофильскими» выглядят и его рассуждения о государстве как живом единстве народа, состоящего из свободных лиц: Там же. С. 103.

⁸⁴⁰ Бородкин М.М. Происхождения славянофильства. Памяти М.Ю. Лермонтова. СПб, 1891; Он же. Славянофильство Тютчева и Герцена. СПб, 1902.

⁸⁴¹ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион... С. 159.

⁸⁴² Цимбаев Н.И. Славянофильство: из истории ... С. 146, 150, 184, 235, 237-238, 240.

для них механизмов мышления и тесной связи с традициями русской общественной мысли XIX в. Но надо признать, что конкретные формы этой преемственности, эволюция ключевых понятий и концепций от одного течения к другому – достаточно сложная область и требует отдельного тщательного исследования.

Подведем итоги. Совокупность содержательных установок, зафиксированных в антифинляндском дискурсе, позволяет четко атрибутировать их авторов как представителей русского национального движения. Процесс национальной самоидентификации, попытка в первую очередь решать «русский вопрос» явно выходит на передний план в данных текстах. Анализ отдельных особенностей работы мышления, проявившихся в антифинляндском дискурсе, демонстрирует тесную связь важнейших мировоззренческих установок экспертов и их единомышленников во власти – и предпринимаемых действий. Объяснимыми становятся приоритет идеальных соображений в трактовке и разрешении русско-финляндского конфликта по сравнению с Real Politik; принципиальная публичность в его обсуждении; достаточно вольное обращение с зафиксированными законодательно особыми правами края; нежелание монархии пойти на уступки в сфере разделения властей в любой форме; неприятие социально-экономических мероприятий, которые могли бы ускорить движение страны по капиталистическим рельсам; отказ от гибкой политики в отношении инородцев и осуществление курса русификации на отдельных окраинах. Корни таких действий уходили в базовые особенности мышления. В финляндском вопросе эти особенности вошли в острый конфликт не только с нуждами практической имперской политики, но и шире – со стратегиями модернизации, перехода от аграрного общества к индустриальному. Смена политического курса должна была предполагать отказ от базовых ценностей и принципов мышления тех, кто его разрабатывал, что практически было вряд ли возможно.

Если составить на основании антифинляндских текстов когнитивную карту в виде схемы-графа для их усредненного автора, то видно, как прочно связаны отдельные ребра между собой, насколько много общих линий между его вершинами. Это говорит о высокой степени взаимовлияния отдельных ее элементов, системном характере взаимосвязей и в целом очень устойчивой картине мира, свойственной публицистам. Пример приведен в приложении I: там не показаны все взаимосвязи, но в качестве иллюстрации выделены (серым) те положения в практической политике и стратегии поведения в княжестве, которые закономерно проистекали только лишь из одной, важнейшей для системы ценностей экспертов, категории – «единства».

§ 2. Жанровая специфика антифинляндских публикаций

Различные жанры осознанно использовались экспертами как инструмент и в использовании каждого был накоплен существенный опыт. Рассмотрим основные из них.

Жанровая специфика может анализироваться по содержанию и по форме. По содержанию основной массив публикаций по финляндскому вопросу может быть поделен на две большие группы. Это публицистические сочинения и научные (или, по крайней мере, оформленные в научной стилистике, подробнее этот нюанс будет рассмотрен ниже). Вторые распадаются на два основных блока: юридические и исторические сочинения.

Еще большее разнообразие представляет собой жанровая специфика антифинляндских публикаций, анализируемая с точки зрения формы. Здесь существовали следующие группы: монография, небольшая работа/брошюра, газетная публикация, которая могла быть представлена в виде редакционной статьи, фельетона, авторской статьи, сказки, анекдота, новостной заметки, телеграммы.

Для наглядности представим разнообразие антифинляндских публикаций в виде таблички:

ФОРМА		СОДЕРЖАНИЕ		
		Публицистика	Научный труд	
			Исторический	Юридический
Монография		+	+	+
Небольшая работа/брошюра		+	+	+
Газетная публикация	Редакционная статья	+	-	-
	Авторская статья	+	+	+
	Фельетон	+	-	-
	Новостная заметка	+	-	-
	Телеграмма	+	-	-
	Сказка	+	-	-
	Анекдот	+	-	-

Те ячейки, где стоят плюсы и минусы – показывают характер конкретной публикации (например, материал мог быть крупной работой/монографией по форме, но публицистикой по содержанию). А авторская, по всем формальным показателям, газетная статья могла содержательно и стилистически быть выполнена в научном жанре. Иллюстрируя использование «несерьезного» жанра, например, «сказки» на финляндскую тему, надо отметить, что они

определенно могут быть отнесены к публицистическому жанру (в силу мощного идеологического фундамента и задач, заложенных в них). В остальном распределение материалов достаточно очевидно, а жанровое своеобразие публикаций налицо. Разберем подробнее его особенности.

Важнейшая особенность антифинляндского дискурса, которая видна и в приведенной выше таблице, – значительный пиетет его авторов перед научным стилем публикаций. Они прибегали к нему даже на таких площадках, которые обычно не предусматривают использование жанра научных сочинений (ежедневная газета). Рассмотрим этот аспект внимательнее.

Юридические сочинения. Одной из примечательных особенностей финляндского вопроса был его явный юридический оттенок. Начиная с полемики Ордина и Мехелина, центром всей дискуссии была проблема статуса княжества в составе Российской империи. Poleмика по этому сюжету продолжалась вплоть до 1910-х гг. Российские юристы разделились на два лагеря – сторонников и противников финляндской автономии. Наиболее ярким представителем первого лагеря был Б.Н. Чичерин, писавший, что «конституционные права Финляндии были утверждены на совершенно ясном и точном основании законов и никогда не подвергались ни малейшему сомнению»⁸⁴³. Среди противников числились Н.С. Таганцев, Н.М. Коркунов, Ф.Ф. Мартенс, Э.Н. Берендтс и др. Бородкин, помимо своей погруженности в финляндскую тему, ценился в правительственных сферах как знающий профессиональный юрист⁸⁴⁴. Сторонний наблюдатель мог легко прийти к заключению, что позиция юристов нередко напрямую коррелировала с их политическими пристрастиями. К 1910 г. из 25 русских правоведов, высказывавшихся по финляндской проблеме, только трое придерживались «автономистских» взглядов. Это отчасти объяснялось активными действиями

---

⁸⁴³ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // Чичерин Б.Н. Философия права. СПб, 1998. С. 592.

⁸⁴⁴ РГВИА Ф. 400. Оп. 12. Д. 20762. Л. 2.

имперских властей, стимулировавших юристов переходить на политически «правильные» позиции⁸⁴⁵.

Важную роль здесь сыграло и то обстоятельство, что законодательные источники финляндского вопроса были действительно неоднозначны и запутаны, что обуславливало существование различных, но равно обоснованных точек зрения. Это признавали и представители власти: Столыпин предварял свою речь в Государственной Думе по финляндской проблеме, наполненную массой юридических аргументов, следующим замечанием: «Я убежден, что масса материалов, документов, актов, касающихся отношений Финляндии к России, дают возможность легко защищать всякую теорию»⁸⁴⁶. Как отметил Э.Н. Берендтс, «с 1809 г., когда Финляндия была присоединена к России, ученые спорили о том, какова природа связи России с Финляндией? Реальная ли это уния, или личная уния, или Финляндия инкорпорированная провинция? Сколько книг, столько и мнений»⁸⁴⁷. Юрист, публицист и чиновник достаточно высокого уровня Петр Шиловский отмечал исключительную запутанность правовой стороны конфликта⁸⁴⁸. Как писал известный правовед Б.Э. Нольде в 1911 г., русское право «никогда само не разбиралось систематически в том, что оно здесь творило..., наше право знало лишь отдельные земли и индивидуально характеризовало их отношение к целому русскому государству»⁸⁴⁹.

Тем не менее, сочинения по финляндскому вопросу с ярко выраженным юридическим оттенком, от статей до монографий, в массовом порядке продолжали появляться в российском информационном поле. На наш взгляд, существуют два блока причин, позволяющих это объяснить.

---

⁸⁴⁵ Новикова И.Н. Особое государство или провинция империи: российские юристы о государственно-правовом статусе Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб, 2001.

⁸⁴⁶ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906 – 1911. М., 1911. С. 288.

⁸⁴⁷ Берендтс Э.Н. Кое-что о современных вопросах. СПб, 1907. С. 1 – 2.

⁸⁴⁸ Шиловский П.П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб, 1903. С. 4, 15.

⁸⁴⁹ Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб, 1911. С. 280 – 281.

С одной стороны, это искренняя уверенность авторов антифинляндского дискурса в необходимости соответствия политических действий некоторым правовым стандартам. Для представителей власти это был вопрос о легитимности режима. В своем приветственном слове избранным депутатам первой Государственной Думы Николай II подчеркнул, что «для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода – необходим порядок на основе права»⁸⁵⁰. Монархия очень старалась придать своим действиям в княжестве вид законности, оставляя на втором плане прагматические меры по интеграции княжества и обеспечению наибольшей лояльности его населения. Характерно объяснение, которое дал осторожной политике в крае Александра III С.Ю. Витте: монарх не желал создавать ненужный прецедент в нарушении законности⁸⁵¹. Факт серьезного и подробного рассмотрения юридической стороны финляндского вопроса в правительственных комиссиях и документах «для внутреннего пользования»⁸⁵² исключает гипотезу об исключительной «работе на публику».

С другой стороны, использование идеологами антифинляндской политики юридических аргументов носило явный инструментальный характер. Вне зависимости от наличия у противоположной стороны убедительных аргументов, эксперты продолжали активно привлекать юристов к своим информационным кампаниям. Написанные юристами статьи и брошюры составляли немалый процент из всех текстов, опубликованных по финляндской тематике. Ссылки на юридические аргументы активно использовали и «обычные» публицисты. Эти материалы были сухими, сложными для восприятия и формальными по стилю, а priori, вроде бы, отталкивающими массового читателя. Но они выполняли важную функцию создания у аудитории иллюзии полной законности претензий монархии к своим финляндским подданным. Характерным примером могут служить

⁸⁵⁰ *Ольденбург С.С.* Царствование Николая II. М., 2003. С. 381.

⁸⁵¹ *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1994. Т. 2. С. 254 – 259.

⁸⁵² См. напр.: РГВИА Ф. 400. Оп. 3. Д. 3214. Журналы и материалы Особого совещания для обсуждения некоторых вопросов, касающихся Великого княжества Финляндского. Л. 4 – 5.

циклы статей известного своей антифинляндской ориентацией юриста, профессора Э.Н. Берендтса, регулярно публикуемые официозной газетой «Россия»⁸⁵³. Авторы статей стремились придать своим аргументам вид юридически неоспоримый, постоянно ссылались на те или иные законы и постановления. В полемике с финляндскими или западными юристами могло выясниться, что не менее профессионально составленные последними положения в пользу законности автономии Финляндии не так-то легко опровергнуть. В этом случае публицисты жаловались на архаичность и неразработанность финляндского и шведского права, на противоречия в указаниях российских императоров⁸⁵⁴. Если и это не добавляло убедительности, – опирались на естественные законы природы и законы справедливости⁸⁵⁵ – но оставались в рамках правовой стилистики.

В соответствии с особенностями мышления экспертов, право понималось как необходимый элемент легитимности режима – но не могло быть ограничителем воли монарха. Сакральность самодержавной власти делала любое противодействие ей нарушением высшего закона справедливости и «божественной правды»⁸⁵⁶. Попытки финнов сослаться на законы, противоречащие намерениям действующего императора, считались неприемлемыми⁸⁵⁷. Столыпиным постулировался приоритет если не неограниченной полноты власти монарха перед исполнением правовых норм, то блага государства: «Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества»⁸⁵⁸. Интересно, что исследователи отмечают существенным для логики

⁸⁵³ См. также: *Берендтс Э.Н.* К вопросу о правовом положении Финляндии. СПб, 1910. С. 6; Финляндия в столетнюю годовину завоевания. СПб, 1910. С. 5.

⁸⁵⁴ Гражданин. 1909. №63 – 64. С. 7; Московские ведомости. 1908. 6 (19) января. С. 2.

⁸⁵⁵ «Высшие мировые законы и Финляндия» // Россия. 1907. 16 (30) ноября. С. 1.

⁸⁵⁶ «Финляндцы и правда Божия» // Россия. 1910. 19 апреля (4 мая).

⁸⁵⁷ *Бородкин М.М.* Современное положение русского дела на финляндской окраине. СПб, 1905. С. 4; *Он же.* Финляндский вопрос. СПб, 1905. С. 27-28.

⁸⁵⁸ Цит. по: *Рыбас С.* Столыпин. С. 279.

неославянофилов то, что «ценность государства определялась значимостью идей, лежащих в его основании. Соответственно, правовые формы должны способствовать реализации этих идей, сами по себе они имеют вторичное значение»⁸⁵⁹. Как выразился известный исследователь, в России право воспринималось как некая «культурная фикция», не предназначенная для последовательной реализации в реальной жизни⁸⁶⁰. Еще Катков, противопоставляя западный принцип «договорных начал», считал базовой чертой русского сознания основывать все на «вере»⁸⁶¹. Для Бородкина было характерно противопоставление истины закона «продиктованного изворотливым и хитрым умом человека» или чем-то материальным, «внешним» – истине «закона нравственного, идеального»⁸⁶².

Вновь «привычки мышления», принятые установки делают более понятной суть русско-финляндского конфликта. Жесткая политика в отношении Финляндии нередко квалифицировалась как беззаконие не только западными юристами и жителями финляндской окраины, но и значительной частью общественного мнения внутри страны. Это вытекало из понимания закона как анонимного и самоценного акта, универсального для всех, свойственного рациональному мышлению и модерной политической культуре⁸⁶³. Из записки Сейма мы видим, что «могучую опору своего национального существования народ Финляндии видит в том, что закон ненарушаемо соблюдается как чиновниками, так и частными лицами»⁸⁶⁴, а в обращении к Императору финская сторона исходила из того, что «сила не может быть выше права»⁸⁶⁵. Авторы антифинляндского дискурса исходили из

⁸⁵⁹ Соловьев К.А. Круг «Беседа». ... С. 66, 84 – 85.

⁸⁶⁰ Уортман Р. Властители и судьи. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 24, 477.

⁸⁶¹ Катков М.Н. О самодержавии и конституции. М., 1905. С. 14.

⁸⁶² Бородкин М.М. Современные беседы. Т. 2. О свободе. СПб, 1907. С. 82 – 83, 85.

⁸⁶³ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 142 – 143.

⁸⁶⁴ РГВИА Ф. 400. Оп. 3. Д. 3214. Журналы и материалы Особого совещания для обсуждения вопросов о Финляндии. Л. 64.

⁸⁶⁵ Там же. Л. 82.

совершенно другого понимания законности, уходящего корнями в традиционное общество старого порядка.

Особенности исторического жанра в антифинляндском дискурсе.

Отличительной особенностью развития финляндского вопроса в российском коммуникационном пространстве является его «историческая» грань – большой удельный вес исторических сочинений на финляндские темы в печати, а исторических сюжетов и аргументов – в соответствующих статьях и документах. В XIX в. жители Российской империи узнавали о положении дел на финляндской окраине, в основном, из путеводителей. Однако, с н. 1890-х гг. ситуация резко изменилась. Образованный читатель того времени, следивший за новинками на книжном рынке и пролистывавший ведущие периодические издания, вдруг оказался в курсе перипетий финляндской политической, социально-экономической и даже культурной жизни как минимум за последние два столетия. Непосредственно по истории Финляндии выходили статьи в журналах и многотомные фолианты, выдерживавшие переиздания. Сложно объяснить значительное присутствие чисто исторической информации там, где оно было вовсе необязательно, и даже излишне, – в официальных документах, чиновнической переписке, делопроизводственных материалах, юридических трактатах и публицистических сочинениях по финляндской проблеме⁸⁶⁶. Например, вопрос о естественности требования от финнов участия в расходах по

---

⁸⁶⁶ ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1493. Записка неустановленного лица об участии Александра I в разрешении дел, касающихся Финляндии. 1907 год. Л. 1 – 3; ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1511 а. Плева В.К. Журнал заседания Особого совещания по делам княжества Финляндского по вопросу о присоединении двух приходов Выборгской губернии к составу Петербургской губернии. 13 ноября 1910. Л. 1 – 2; Историческая записка о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. // Россия. Государственный совет. Временные организации. Дополнение. Материалы. Т. 79. СПб, 1910. С. 1 – 81; Материалы по вопросу о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. СПб, Гос. Тип. 1910. Бесплатное приложение к газете «Окраине России». С. 3 – 103 (Историческая справка); Справка. Доклад Н.Н. Корево по финляндскому вопросу. СПб, 1910. С. 1 – 9; РГИА Ф. 1276. Оп. 18. Д. 12, 13; РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Т. 5. Д. 6891. Ч. 2. Л. 119 – 120; Ф. 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 6; *Ордин Б.К.* О правах России на Финляндию. СПб, 1906. С. 4 – 11; Справка о Финляндии. Некоторые статистические сведения и параллели. Гельсингфорс, 1890. С. 1 – 10;

содержанию русских войск в крае и других нуждах рассматривался в специальных брошюрах, содержащих развернутые исторические справки и ссылки на исторический прецедент⁸⁶⁷. Исторические справки активно включались в тексты газетных статей или отдельных публикаций⁸⁶⁸. Характерны упреки, адресованные финнам, в отсутствии ими знаний по истории или напрямую в попытках ее переписать⁸⁶⁹. Хорошее знание финляндского вопроса, истории его развития – было необходимым, с точки зрения Бобрикова, условием для членов экспертной комиссии при Госсовете⁸⁷⁰. Исторические справки прикреплялись к делам различных комиссией, и в ходе самих заседаний постоянно цитировались те самые исторические аргументы, которые кочевали между трудами последователей Ордина, многочисленными брошюрами и «Московскими ведомостями». Конспект «замечаний» К.И. Якубова по истории присоединения Финляндии к России находился в бумагах В.К. Плеве⁸⁷¹. Указания «М. Бородкина – историка Финляндии» подавались как аргумент в принятии того или иного варианта политической стратегии в отношении княжества в ходе работы официальных учреждений⁸⁷². Ссылки на исторический прецедент («Финляндия никогда не была самостоятельна») содержались в ведомственных военных бумагах, в обосновании проектов, в отдельных

⁸⁶⁷ Материалы к истории финансового управления Финляндией со времени ее присоединения к России. СПб. 1901. С. 4 – 5.

⁸⁶⁸ *Евреинов Г.А.* Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политической программы. Малороссы. Царство Польское. Белорусы и Литва. Прибалтийские губернии. Финляндия. Кавказ. СПб, 1908. С. 71-74; Московские ведомости. 1901. 8 (21) января. С. 2; 9 (22) января. С. 2; 18 (31) августа. С. 1; см. также цикл статей П.И. Мессароша «Существует ли конституция в Финляндии?»: Московские ведомости. 1899. 25 апреля (11 мая), с. 3; 27 апреля (13 мая). С. 2; 28 апреля (14 мая). С. 2, и сл.

⁸⁶⁹ Московские ведомости. 1899. 28 апреля (14 мая). С. 3; Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XVII. Запросы в Государственную Думу. Общеимперское законодательство и русско-финляндская комиссия 1909 года. СПб, Гос. Тип. 1911. С. 14.

⁸⁷⁰ ОР РНБ Ф. 586. Д. 28. Л. 70-71.

⁸⁷¹ ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1524. Плеве В.К. Конспект «замечаний» Якубова по истории присоединения Финляндии к России.

⁸⁷² ГА РФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 1511а. Л. 2. Журнал заседания Особого совещания по делам княжества Финляндского по вопросу о присоединении двух приходов Выборгской губернии к составу Петербургской губернии 13 ноября 1910 года.

записках, докладах чиновников⁸⁷³. Страницы из истории Финляндии содержатся в сводках сведений штаба Петроградского военного округа, составлявшихся в недрах военного министерства⁸⁷⁴. Одному из многочисленных правительственных совещаний понадобилось всего три заседания, чтобы вынести свое решение по важнейшему для русско-финских отношений манифесту 3 февраля. Однако, его участники нашли время, чтобы «внимательно разобраться в историческом ходе порученного ему вопроса»⁸⁷⁵. В отношении «отцов-основателей» «русской партии» – К.Ф. Ордина и К. Якубова – подчеркивалось их прекрасное знание истории княжества как основы выработки «правильной точки зрения» на этот предмет в настоящем⁸⁷⁶. Донесение до широких общественных слоев истории русско-финляндских взаимоотношений, составленной в духе Ордина, воспринималось как задача государственной важности⁸⁷⁷.

Выше уже рассматривались сюжеты о поручениях Николая II, касающихся написания «правильных» исторических трудов по истории русско-финляндских отношений⁸⁷⁸. Количество отдельных работ, опубликованных Бородкиным под своей фамилией⁸⁷⁹, приближается к сотне, и из них большая часть – исторические по предмету исследования и форме изложения. Значительная часть экспертов были либо историками по образованию (Якубов, Корево, Майков), либо – значительно чаще – авторами

⁸⁷³ Бородкин М.М. Из истории финляндской монеты. Гельсингфорс, 1903. С. 9, 37; Ордин К.Ф. О финляндской монете. // Русский вестник. 1890. Май. С. 129; Разведчик. 1911. № 1066. С. 1; РГВИА Ф. 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 6; РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Т. 5. Д. 6891. Сводки сведений штаба Петроградского военного округа. Л. 119. РГВИА Ф. 400. Оп. 3. Д. 3214. Л. 67. РГВИА Ф. 400. Оп. 3. Д. 3214. Л. 90.

⁸⁷⁴ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Т. 5. Д. 6891. Ч. 2. Л. 119-120.

⁸⁷⁵ Материалы по вопросу о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. СПб, 1910. С. 3 – 103, 204, 210, 215 – 217; Россия. Государственный совет. Временные организации (Дополнение). Материалы. Т. 79 (1910). СПб, 1910. Л. 3. С. 21.

⁸⁷⁶ Разведчик. 1911. №1066. С. 1.

⁸⁷⁷ РГВИА. Ф. 59. Оп.1. Д. 18. Л. 1. Записка «О задачах финляндской русской газеты».

⁸⁷⁸ ОР РНБ Ф. 586. Д. 28. Л. 57; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 158. Л. 210; Русская политика насилия в Финляндии. Берлин, 1902. С. 1.

⁸⁷⁹ И было опубликовано еще несколько работ под псевдонимами Абов, Михайлов, С.К. и рядом других.

исторических работ без соответствующего образования (Ордин, Бородкин, Еленев).

Неоправданно высокий удельный вес исторических трудов в публицистике, посвященной финляндскому вопросу и тем более, в работе правительственных чиновников в связи с ним, имеет свое объяснение. Оно кроется, во-первых, в признании этого вопроса в значительной степени идеологическим феноменом, развивающимся в общественно-политическом пространстве и сфере массовой коммуникации; и во-вторых, в понимании деятельности Ордина, Бородкина и их единомышленников как части определенного этапа в развитии русского национального движения. Роль историков в создании национального нарратива, той самой «правильной истории» – явление совершенно обыденное в истории национальных движений. Это явление четко вписывается в отмечаемое многими теоретиками положение об особом вкладе историков в развитие националистических идеологий и движений⁸⁸⁰. Настолько четко, что это может вызвать даже некоторое удивление у исследователей, привыкших к специфике и непохожести русского национализма на классические образцы. Уместно вспомнить здесь слова классика в изучении национальных движений Э. Хобсбаума: «историки для национализма – это то же самое, что выращивающие мак пакистанцы для наркоманов-героинщиков: мы поставляем необходимое сырье на рынок... Прошлое – это то, что творит нацию. Историки же – это люди, создающие прошлое»⁸⁸¹. Функция обслуживания политических интересов правящей элиты менее банальна – однако, в случае с финляндским вопросом, проявилась и эта грань.

Однако, есть и еще один вопрос – о научном/ненаучном характере их исторических трудов и причинах, которые обусловили эти особенности. Он важен, поскольку до сих пор эти авторы рассматриваются как часть

⁸⁸⁰ *Смит Э.Д.* Национализм и историки // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 260.

⁸⁸¹ *Ab imperio*. 2001. № 4. С. 431.

профессионального сообщества, а их работы издаются как исторические научные труды.

Для консерваторов и представителей «официальных» инстанций научность Ордина, Бородкина и их единомышленников не подлежала сомнениям. Работа Бородкина об истории Финляндии в Крымскую войну удостоилась почетного отзыва Академии наук⁸⁸². По мнению автора биографической прижизненной статьи о нем, именно репутация беспристрастного деятеля способствовала получению им важных поручений от высшей власти⁸⁸³. Труды Еленева в консервативной печати оценивались, как «обильный, притом объективно-беспристрастный материал»⁸⁸⁴. Совершенно не умаляющим заслуг автора обстоятельством отмечалось его точное следование материалу Ордина – его аргументы уже считались «несомненными фактами»⁸⁸⁵.

Напротив, у их оппонентов не было никаких сомнений в политизированном и ненаучном характере рассматриваемых трудов. Мнения о заказном характере (со стороны власти) исторических и юридических «русификаторских» сочинений высказывалась уже современниками Бородкина⁸⁸⁶. Мехелин достаточно подробно и доказательно останавливался на неточностях и прямом искажении фактов в ранних работах Бородкина⁸⁸⁷. Финские рецензенты труда Ордина отмечали «резкую и страстную» манеру полемики исследователя – и имели на то все основания. Они признавали также, что «он собрал все относящиеся к делу документы и излагает факты, за некоторыми исключениями довольно точно и ... пространно», но при этом всегда «с русской точки зрения». Рецензенты не без оснований предполагали,

---

⁸⁸² *Иконников В.С.* Отзыв о сочинении М.М. Бородкина. Пг, Типография Академии Наук. 1917. С. 63; Разведчик. 1911. № 1066. С. 1.

⁸⁸³ Разведчик. 1911. № 1066. С. 1.

⁸⁸⁴ Исторический вестник. 1891. Август. С. 480; Русский вестник. 1891. Сентябрь. С. 276.

⁸⁸⁵ Русский архив. 1898. № 5. С. 147; Русский вестник. 1891. Сентябрь. С. 276 – 280.

⁸⁸⁶ *Свенторжецкий К.* Правно-политическое положение Финляндии. СПб, 1906. С. 3.

⁸⁸⁷ *Civis Fennicus (Лео Мехелин).* Опровержение книги М.М. Бородкина. «С.К. Михайлов: юридическое положение Финляндии. Заметки по поводу отзыва Сейма 1899 г.» СПб, 1901. С. 90 – 102 и др.

что концепция Ордина вытекала из представления, по которому «иностранец и враг считались понятиями тождественными: только будучи русскими или перерожденными в русских, финляндцы могут быть друзьями России и верными ей; оставаясь финляндцами, они, будто бы, могут быть только врагами России. В этом главная суть всей книги Ордина»⁸⁸⁸. Они же указывали, что источники на финском языке, по всей вероятности, Ордин не использовал, нередко прибегал к вольной интерпретации документов и терминов, обходил неудобные факты молчанием. Расхожими были упреки в подтасовке исторических фактов и их субъективном подборе Ординым, Еленевым, Бородкиным, Мессарошем⁸⁸⁹. Весьма обстоятельной критике подверг труд Ордина профессор Александровского университета в Гельсингфорсе Рихард Даниэльсон, называвший взгляды Ордина «историко-политическими»⁸⁹⁰. Финны отмечали, что Ордин стал «основателем школы», что «за его трудом посыпался дождь брошюр», для авторов которых ограничение автономии Финляндии уже доказанная необходимость, не нуждающаяся в подкреплении фактами⁸⁹¹.

У трудов экспертов были и российские критики. В апрельском номере «Исторического вестника» за 1890 г. Глинский назвал сочинение Ордина «злую книгою, враждебною всякому свободному порыву, всякой новой мысли», а Вестник Европы в майском номере за тот же год отметил, что в книгу внесен «тот специфический запах, который неуместен в трудах научного содержания»⁸⁹². По мнению Б. Чичерина, использование архивных документов Ординым не смогло изменить того факта, что им было создано «не

---

⁸⁸⁸ Г. Ордин и его история покорения Финляндии. Перевод из газеты «Uusi Suometar». Гельсингфорс, 1890. С. 1 – 4.

⁸⁸⁹ Там же. С. 3, 5 – 9. Более подробный критический разбор труда Ордина см.: Даниэльсон-Кальмари И.Р. Соединение Финляндии с Российской Державою. По поводу сочинения К. Ордина «Покорение Финляндии». Гельсингфорс, 1890. С. 16 – 172; см. также: Несколько разоблачений о русских финнофобах и их проделках. Вып. I. Стокгольм, 1902. С. 12, 14.

⁸⁹⁰ Даниэльсон-Кальмари И.Р. Соединение Финляндии ... С. 2.

⁸⁹¹ К освещению финляндского вопроса. Несколько статей из финляндской газеты. Berlin, 1900. С. 68 – 69, 73.

⁸⁹² Даниэльсон-Кальмари И.Р. Соединение Финляндии...С. 14.

только крайне пристрастное, но и прямо лживое толкование, с умалчением одних фактов, превратным толкованием других и извращенным представлением третьих»⁸⁹³. Даже Николай Сергеевский, единомышленник Бородкина, рецензируя труд последнего о Бобрикове для «Окраин России», все же счел нужным отметить полное отсутствие какой-либо критики при описании его политики⁸⁹⁴.

Очень показателен отзыв Н.Ф. Дубровина о работе Ордина. Он считал своей «нравственной обязанностью просить Академию удостоить сочинение г. Ордина Макарьевской премии». При этом даже такой исключительно комплиментарный рецензент указывал, что Ордин часто не давал ссылок, и проверить его утверждения было непросто⁸⁹⁵. Характерно, что сами сторонники Ордина выстраивали свои панегирики ему именно в такой логической последовательности: «общественный деятель, горячий патриот и первый исследователь Финляндии», в своей «научно-патриотической деятельности» он высказал определенные взгляды на отношения Финляндии и России, а потом уже обосновал их архивными документами⁸⁹⁶. Публицисты сравнивали его с Юрием Самариным в отношении последнего к балтийскому вопросу.

Кто был ближе к истине: почитатели исторических трудов экспертов или их оппоненты? Как сами эксперты относились к своим трудам? Приведем те данные, которые свидетельствуют о серьезности их подхода к занятиям историей⁸⁹⁷. По крайней мере на словах, Бородкин придавал большое значение научной этике и отрицал свою тенденциозность. Анализируя аргументы своих критиков, он нередко упрекал их за «партийность»⁸⁹⁸, имея в виду априорное

⁸⁹³ Чичерин Б. Россия накануне ... С. 127.

⁸⁹⁴ Окраины России. 1906. 5 марта. № 1. С. 24.

⁸⁹⁵ Дубровин Н.Ф. Рукописное сочинение К.Ф. Ордина «Покорение Финляндии». С. 27 – 28.

⁸⁹⁶ С.К. Финляндские заметки. XXX. К.Ф. Ордин // Новое время. 1902. 5/18 июня. С. 2.

⁸⁹⁷ Лунтинен П. Отношения между финнами и русскими во времена Великого княжества Финляндского (1809 – 1917 гг.). В кн.: Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII – XX вв. М., 2006. С. 67.

⁸⁹⁸ Бородкин М.М. По шаблонам и трафаретам. О критике барона С.Корфа. Гельсингфорс, 1915. С. 8, 10. 15 – 16.

следование определенной тенденции в изложении (и при этом нередко бывал прав). Опубликовав целую брошюру «О научном беспристрастии», Бородкин подчеркивал собственную склонность по возможности ссылаться на первоисточники⁸⁹⁹. Он высказывал мысль, что «историком должна руководить неподкупная совесть; он обязан быть беспристрастным судьей, а не брать на себя должность прокурора-обвинителя/адвоката-защитника». Сам он охотно обвинял в нечистоплотности и предвзятости «финляндских историков, ученых и крючкотворов»⁹⁰⁰.

Бородкин использовал для написания «Истории Финляндии» рукописи библиотеки Главного штаба, Военно-ученый Архив Главного штаба, архивы Морского министерства, Сенатского, Государственного Артиллерийского музея, генерал-губернаторский архив в Гельсингфорсе, данные архива Государственного Совета, Московского архива иностранных дел, архив финляндского статс-секретариата⁹⁰¹. В отличие от Еленева или Мессароша, он явно не занимался переписыванием Ордина и значительно расширил круг исследования финляндского вопроса. Он отмечал также своей главной целью не военную историю, а историю политическую и бытовую, а также, отчасти, культурную⁹⁰².

М.М. Бородкин постоянно следил за происходящим в печати, отслеживал выход новых книг, рецензии, занимался этим с подлинным увлечением отнюдь не только по финляндскому вопросу. В разных личных фондах сохранилось достаточно большое количество свидетельств переписки Бородкина по вопросам о приобретении и изучении книг и статей по истории Финляндии⁹⁰³. Надо отметить и широту его интересов: не ограничиваясь политическими и историческими аспектами финляндской темы, он в 1890-е гг.

⁸⁹⁹ *Он же*. О научном беспристрастии. Гельсингфорс, 1915. С. 18 – 21.

⁹⁰⁰ *Мих-ъ*. Начало финляндских притязаний // Русский архив. 1890. Кн. 2. С. 290.

⁹⁰¹ *Иконников В.С.* Отзыв о сочинении М.М. Бородкина. Пг, Типография Академии Наук. 1917. С. 66.

⁹⁰² *Бородкин М.М.* История Финляндии. Т. II. С. XIV; Т. VI. С. XXVIII.

⁹⁰³ ОР РГБ Ф. 342. Шибановы. Картон №11. Д. 74. Переписка с Бородкиным. Л. 1 – 4, 6 – 7, 12, 14.

запрашивал книги и статьи по финской географии и геологии, русской литературе, истории⁹⁰⁴. Подлинный библиофил, он тем не менее, понимал разницу между историческим трудом и беллетристикой, считал необходимым для историка «обогащать родную историю редкими документами, изданиями, исследованиями»⁹⁰⁵. Он искренне интересовался происходящим в финляндском образованном обществе⁹⁰⁶.

Бородкин печатался в профессиональных исторических журналах. Он выступал в Императорском русском военно-историческом обществе с сообщениями по финляндской истории⁹⁰⁷. Бородкин специально подчеркивал: «Конечно, я все оцениваю с русской точки зрения, а не балтийской» - но «я не позволяю себе отбрасывать доказательств, не согласующихся с моими теориями и воззрениями»⁹⁰⁸. Он поддерживал контакты с профессиональными историками, общался с ними лично⁹⁰⁹.

Но идеологически уже в первой своей статье по истории княжества Бородкин полностью следовал за Ординым и полностью отдавал себе отчет в реальных политических последствиях исторических выводов⁹¹⁰. Сам Ордин в личной переписке упоминал о том, что затрагивал те или иные темы потому, что «того требовала историческая истина», настаивал на своем «беспристрастии и спокойствии», а также опоре на документы при проведении исследования⁹¹¹ – но сочетал это с «русским взглядом». Рецензент от

---

⁹⁰⁴ Там же. Л. 16 – 18, 23.

⁹⁰⁵ ОР РНБ Ф. 152. Архив Военского К.А. Оп. 2. Д. 159. Письмо Бородкина М.М. к Военскому К.А. Л. 1.

⁹⁰⁶ ОР РНБ Ф. 273. И.В. Егоров. Д. 40. Письмо И.В. Егорову от М.М. Бородкина. Л. 2.

⁹⁰⁷ Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1913. Апрель. С. 167 – 168.

⁹⁰⁸ *Бородкин М.М.* По шаблонам и трафаретам. О критике барона С. Корфа. Гельсингфорс, 1915. С. 9.

⁹⁰⁹ ОР РНБ Ф. 124. Собрание П.Л. Вакселя. Д. 482. Бильбасов Василий Алексеевич, историк, письмо к Бородкину М.М. от 12 ноября 1901 г. Л. 2. К профессиональными историкам случалось обращаться и Ордину: ОР РНБ Ф. 377. Д. 964. Письма Ордина К.Ф. Ивану Петровичу Корнилову. 1878 – 1890. Л. 1, 2.

⁹¹⁰ Мих-в. Начало финляндских притязаний // Русский архив. 1890. 2 книга. Вып. 7. С. 289 – 291.

⁹¹¹ ОР РНБ Ф. 377. Д. 964. Письма Ордина К.Ф. Ивану Петровичу Корнилову. 1878 – 1890. Л. 2 – 3.

Академии Наук вполне сочувственно относится к стремлению Бородкина дать «нравственную оценку» изучаемым явлениям, как и явную политизированность автора: «вызванный на настоящий труд позднейшими политическими явлениями, автор не скрывает своего стремления установить русскую точку зрения на описываемые им события и отношения»⁹¹². Встает вопрос, почему очевидная политизированность не мешала этим авторам искренне претендовать на научность, а их читателям определенной системы взглядов верить им?

Попытаемся поставить историческое творчество экспертов в контекст развития русской общественной и исторической мысли, и тем самым найти объяснение его особенностям. Карамзин заложил подход «политико-назидательного назначения истории», в котором история служила «нравоучению, политическому наставлению, а не научному познанию». Именно такими идеями весь XIX век подпитывалась официальная историография⁹¹³. С другой стороны, русская историография начиная с первой половины XIX века отличалась повышенным вниманием к власти идей в историческом процессе⁹¹⁴. Увлечение Гегелем в 40-е гг. только закрепило эту тенденцию. Славянофилы и западники равно не находили места для подробного анализа материальных факторов в истории. Славянофилы заимствовали у Гегеля понятие о едином начале истории, которое имеет идейное содержание: «историей движет идея». Для периода с к. XIX – н. XX вв. нередко говорят о повороте от позитивизма к идеализму в исторических штудиях⁹¹⁵. В самой российской традиции исторических исследований

---

⁹¹² *Иконников В.С.* Отзыв о сочинении М.М. Бородкина. Пг., Типография Академии Наук. 1917. С. 251 – 252.

⁹¹³ *Аветисян С.А.* Научное и художественное воспроизведение истории в концепции Н.М. Карамзина (состояние вопроса) // *Историки об истории. Межведомственный сборник научных трудов.* Омск, 1989. С. 50.

⁹¹⁴ *Довнар-Запольский М.* Исторический процесс русского народа в русской историографии // *Русская мысль.* 1902. № 3. (март).

⁹¹⁵ *Корзун В.П.* Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А.С. Лаппо-Данилевского // *Историки об истории. Межведомственный сборник научных трудов.* Омск, 1989. С. 65, 72.

существовали предпосылки для развития в сторону идеализма. Популярными в тот период времени неокантианцы распространили аксиологический подход на историческое познание – и это также получило свое отражение в творчестве отдельных российских историков.

При этом признание необходимости использования исторических выводов в практической политике являлось характерной чертой позитивизма и было широко распространено среди русских историков к. XIX – н. XX вв. Интересным образом перекликаются с этим положением результаты исследований, полученные в последние десятилетия при изучении специфики поколений 70-90-х гг.: для них неперенным условием было следование определенным общественно-политическим идеалам, активная гражданская позиция⁹¹⁶. Отказ С.Ф. Платонова от четкого артикулирования своих политических взглядов и участия в общественной жизни был скорее исключением из правила.

Идеализм, внимание к идейной стороне исторического процесса, пренебрежение объективной истиной в угоду разного рода актуальным ценностям текущего момента являются отличительной чертой российского общественного сознания указанной эпохи и были непосредственной «привычкой мышления» самих экспертов, о чем говорилось выше. Все указанные элементы входили в определенную интеллектуальную традицию. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в историческом цехе эксперты выбрали именно ту школу, которая обладала сходными идеологическими основаниями – и в глазах других представителей той же традиции заняли место «ученых» на вполне легитимных основаниях.

Эксперты выбрали традиционный способ историописания, который можно обозначить как нарративизм. Он *a priori* противоположен сциентизму. Нарратив понимается как более или менее замаскированная повествовательная нить, на которую исследователи нанизывают факты и

---

⁹¹⁶ Серых А.А. Поколение «восьмидесятников» и поколенческая идентичность русских историков рубежа XIX – XX вв. С. 166 – 167.

объясняющие их концепции⁹¹⁷. Это рассказ о событиях прошлого, «логика повседневного мышления, когда стремятся осмыслить причинно-следственные связи состоявшегося события, идя от результата к причине, с целью извлечения уроков». По сути своей этот способ не позволяет отличить истинное утверждение от ложного: и тот, и другой опирается на точку зрения автора, под которую автор и собирает свои «исторические» высказывания или примеры. Это интерпретация, которая не является наукой⁹¹⁸. Та нить, на которую нанизывался отбор фактов и их оценка – изначальная уверенность авторов в несправедливости сложившейся модели российско-финляндских отношений и стремление защитить «русскую правду от финляндского обмана»⁹¹⁹.

Подведем итоги. Для исторического творчества экспертов было свойственно:

- признание тезиса «наука должна быть национальной»: правомерность использования истории в идеологических целях во благо государственным интересам не ставилась под сомнение и не лишало ее научного статуса;
- признание за историческими выводами истинности, которую необходимо учитывать в практической политике, и которая обладают непреложным авторитетом в ходе общественных дискуссий;
- нарративизм как логика мышления, когда стремятся осмыслить причинно-следственные связи состоявшегося события, идя от результата к причине, с целью извлечения «уроков»;
- аксиологичность, требование нравственных оценок исторических событий;

⁹¹⁷ См. труды Х. Уайта. *Ab Imperio*. 2000 №3 – 4. С. 461.

⁹¹⁸ *Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // *Российская история*. 2009. № 4. С. 8.

⁹¹⁹ ОР РНБ Ф. 847. Шаховской Н.В. Д. 119. Письма Еленева Федора Павловича (за период с июня по август 1898 г). Л. 2.

- приоритетное внимание к идеальным концептам в трактовке исторического процесса и к идеям, актуальным в общественной жизни в текущий момент;
- и при всем том – добросовестное использование отдельных приемов и методов, применявшихся в исторической науке того времени, стремление выступать на профессиональном поле исторической науки.

Отдельно стоит отметить, что юристы «антифинляндского» направления осознанно использовали исторические аргументы для обоснования своей позиции (маркируя их, как уже доказанные учеными этой специальности). Так, издавая очередную работу, комментирующую понимание Александром I слова «конституция» и статус «коренных законов Финляндии», известный юрист Н. Куплеваский писал, что его выводы о юридических правах России на Финляндию подкрепляют уже сделанные обоснования «такими русскими исследователями как Ордин, Еленев, проф. Сергеевский, М. Бородкин» и признанные «всеми русскими учеными, специально занимавшимися историей русско-финляндских отношений»⁹²⁰. Профессор указывал на критическую важность исторических исследований для вынесения юридического вердикта, но при этом для него не являлось секретом, что ученые, непосредственно занимавшиеся этими исследованиями, являлись «русскими писателями, защищающими в этом вопросе русскую точку зрения» (Ордин, Бородкин, Еленев и другие)⁹²¹.

Статус ученого-историка у экспертов и научного исторического сочинения у их работ автоматически распространял на выводы в них модальность «доказанных» - по крайней мере для тех лиц, которые некритично относились к описанной выше исторической традиции или сами были ее

---

⁹²⁰ Курсив автора: *Куплеваский Н.* Манифест императора Александра I 9/21 февраля 1816 г. о переименовании финляндского правительственного совета в императорский финляндский сенат. СПб, Гос. Тип., 1910. С. 14.

⁹²¹ *Он же.* Справка о мнении 25-ти русских ученых, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской империи. СПб, 1910. С. 6, 13.

частью⁹²². Так, по мнению Бородкина, главное достижение Ордина заключалось именно в том, что он смог доказать отсутствие у Финляндии «исторических данных на самостоятельное существование»⁹²³. Юридические и исторические аргументы переплетались – и многократно усиливали эффект «научности» издаваемых сочинений, будь они по форме солидным трудом – или простой газетной заметкой. Если же, по мнению «национальной печати», «нельзя никакими юридическими и историческими доводами убедить финляндцев в несостоятельности их теории о финляндском «государстве», значит надо прекратить разговоры и перейти к делу»⁹²⁴. Специфика написания исторических и юридических трудов и их инструментальное использование полностью соответствует особенностям мышления экспертов, которые были проанализированы выше.

Мощное присутствие в антифинляндском дискурсе таких «серьезных» жанров как исторические и юридические труды (как больших, так и малых форм) с одной стороны, наглядно свидетельствует о том искреннем поиске, который вели эксперты в выработке оптимальной, с их точки зрения, политики в финляндском вопросе (исторические и юридические аргументы были важны для них самих, составляли суть их работы). С другой стороны, это четко указывает на адресат данных публикаций: монархия и властные элиты, которые в состоянии были воспринять информацию, поданную в такой непростой для восприятия стилистике и форме.

Однако, не менее важными и высокочастотными были чисто публицистические работы. Их основное адресат – максимально широко понимаемое «общество». Многообразие жанров, выбор «легких» форм (фельетоны, анекдоты и даже сказки) предполагали использование юмористической стилистики, что должно было привлечь внимание аудитории

---

⁹²² Мессарош П.И. Существует ли конституция в Финляндии? СПб, 1900. С. 6.

⁹²³ Бородкин М.М. К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читаемый в «Русском собрании»). // Русский вестник. 1902. Июль. С. 185.

⁹²⁴ Свет. 1909. 10 декабря.

и облегчить ее восприятие⁹²⁵. Также мощным средством воздействия на широкую публику был определенный риторический стиль антифинляндских работ. Рассмотрим его подробнее.

§ 3. Формальные характеристики текстов экспертов: между риторикой и пропагандой

То, как интересующие нас авторы обосновывали свои основные тезисы не менее важно, чем собственно их смысл. Как было показано выше, основной целью создателей текстов являлось распространение уже сложившихся убеждений на определенную аудиторию. Такой характер вполне соответствует сущности любого политического текста. Ни один из них не появляется в поле общественно-политической коммуникации случайно. Комплекс речевых актов - отдельных высказываний, утверждений, требований, - представленный в отдельном тексте, а зачастую и в их совокупности, представляет собой неразрывное единство, которое в таком виде и должно анализироваться. Его особенности продиктованы авторской потребностью осуществлять свои целевые установки в форме, максимально адекватной и понятной его читателю. Поэтому – сознательно или бессознательно – он использует набор приемов, облегчающих его задачу⁹²⁶. Авторы антифинляндского дискурса сознательно рассчитывали на пропагандистский эффект и при этом действительно владели обширным арсеналом риторических средств воздействия на аудиторию.

В общем комплексе антифинляндских текстов присутствует единая, хорошо поддающаяся верификации, аргументационная стратегия. Она представляет собой комбинирование **рациональной и иррациональной аргументации**.

---

⁹²⁵ «Приключения гражданки Автономии (сказка про белого бычка) // Гражданин. 1910. № 41.

⁹²⁶ Связь между выбором языковых средств и достижением политических целей подробно изучает прагмалингвистика. См. напр.: Юдина Т.В. Дискурсивное ...С. 38.

Рассмотрим первый тип. Практически все публицисты активно используют в своей риторической практике так называемые «естественные доказательства» (**доводы к очевидности**, сопровождающиеся ссылкой на **факты**⁹²⁷). Описание «финляндского вопроса» всегда очень конкретно. Претензии к финнам сформулированы четко и базировались на приводимых фактах, которые, даже будучи неполными или искаженными, позволяли создать иллюзию объективности автора. В частности, авторы упоминали цифры, имевшие отношение к невыполнению финнами военных и финансовых обязательств по отношению к России, конкретные случаи нарушения прав русских в княжестве⁹²⁸.

Созданию иллюзии очевидности служило активное использование публицистами **ссылок на авторитет**. Этот прием использовался в самых разных вариациях. Регулярно встречались ссылки на **авторитет науки**. В этот пункт попадают рассматривавшиеся выше исторические и юридические труды. Там, где это было возможно, газета давала ссылки на аналогичные мнения других российских и зарубежных ученых. Особенно приветствовались при этом упоминания финляндских деятелей науки, поскольку они могли придать тем или иным тезисам видимость общепризнанных среди всех настоящих ученых, даже прямо заинтересованных в судьбе финляндского вопроса, но не ангажированных «вредными» политическими течениями. Например, приводилась ссылка на мнение отдельных финляндских ученых (умеренного толка, к тому же высказанное в работах 20-ти и 30-летней

---

⁹²⁷ Опора на эмпирические данные является одной из трех систем доказательств, известных в риторической практике, наряду с опорой на логику и психологию. См.: *Хазагеров Г.Г.* Политическая риторика. М., 2002. С.33.

⁹²⁸ *Бородкин М.М.* Итоги ... С. 6; *Он же.* Краткая... С.161; Гражданин. 1908. № 35 – 36. С.7; 1909. № 63 – 64. С. 7; «Из бесед» // Россия. 1910. № 1362; *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1909. №77 – 78. С.14; 1910. № 20. С. 2; № 22. С. 16; «Просвет в Финляндии» // Московские ведомости. 1908. № 30. С. 1; Россия. 1907. № 495. С. 1; *Столыпин П.А.* Речь о Финляндии, произнесенная в Государственной Думе 21 мая 1910 г. В кн.: *Столыпин П.А.* Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 293 – 294; Финляндия в столетнюю...С.6, 12; «Центр и окраины» // Московские ведомости. 1908. № 2. С. 1.

давности) о том, что пока для «проявлений высшей национальной жизни финны не созрели»⁹²⁹.

Аналогичны по задачам и **ссылки на «зарубежный опыт»**⁹³⁰. Так, говоря о событиях в Турции, публицисты характеризовали их как «дикость и распад», произошедшие в результате деятельности революционеров и «турецких инородцев» – армян. В этом же контексте упоминались отечественные аналоги младотурков (использовались термины «младофинны» и «младоруссы» – под последними имелись в виду все партии, левее октябристов, а порой и включая их)⁹³¹. Широко применялся прием упоминания финляндских дел мельком, не акцентируя на них непосредственного внимания, но в «правильном» идеологическом ключе.

Для создания эффекта очевидности служили также **ссылки на анонимные источники**. Сюда относится, например, ссылка на прецедент такого типа: «где же это видано», – чтобы «покоренная окраина» указывала своим завоевателям», а «вассальная Финляндия» – своему «российскому сюзерену»⁹³². Грамматическое постулирование определенных явлений действительности, как чего-то несомненного, считается исследователями одним из очень действенных приемов при создании мифа, искаженного образа реальности⁹³³.

Вспомогательный характер здесь выполняло частое обращение к эпистолярному жанру. Письма могли быть фальсифицированы, периодически в роли финляндских корреспондентов под псевдонимами выступали известные русские политические публицисты (Бородкин регулярно писал для

⁹²⁹ *Бородкин М.М.* О «Рассказах ...». СПб, 1910. С. 5; «Высшие мировые законы и Финляндия» // *Россия*. 1907. № 597. С. 1.

⁹³⁰ Финляндия в столетнюю ... С.14.

⁹³¹ *Меньшиков М.* Евреи и султаны // *Новое время*. 1909. 26 апреля; «Письма с Ближнего Востока» // *Гражданин*. 1909. № 65 – 66. С. 4 – 5; «Турецкие дела» // *Гражданин*. 1908. № 85. С. 5; «Тьма» // *Гражданин*. 1909. №22 – 23. С. 3; № 35. С. 3.

⁹³² Доклад по финляндскому вопросу Н. Корево на съезде объединенного всероссийского дворянства // *Россия*. 1910. № 1326. С.1.

⁹³³ *Барт Р.* Мифологии. М., 2000. С. 184.

газеты «Россия» под псевдонимом Абов)⁹³⁴. Вариацией этого приема было использование анонимных псевдонимов («Очевидец», «Русский», «Гражданин России», «Москвич»⁹³⁵) и публикация «писем читателей», «телеграмм с мест». В качестве примера процитируем один пассаж из статьи, посвященной убийству Столыпина: «Финляндцы, как гласит телеграмма, уже кричали «ура!», узнав о крайне опасном положении Столыпина»⁹³⁶. Наконец, публицисты могли просто дать важное для них утверждение в виде **цитаты**, без уточнения процитированной информации: «Сами финляндцы заявили претензии “объединить и руководствовать забастовками и революционным русским движением”»⁹³⁷.

Подборка уместных по содержанию цитат широко использовалась также в брошюрах и в монографиях⁹³⁸. Тенденциозно подобранные цитаты из крайних финляндских газет⁹³⁹, либо подробная перепечатка отдельных резких высказываний политиков-автономистов, либо откровенно сфабрикованные письма вроде «письма швейцарского сепаратиста финляндским коллегам» позволяли найти необходимые аргументы для тезисов о «неблагодарности» финнов, их ненависти к русским, революционности и любых других. В частности, в «письме швейцарца» его «автор» восхищался мужеством финнов в борьбе с «варварским русским языком и чужеземным гнетом»⁹⁴⁰. Бородкин, желая сохранить репутацию «объективного исследователя», избегал обвинений финнов в ненависти к русским, и порой даже указывал на противоположные факты (относящиеся, правда, исключительно к прошедшим

⁹³⁴ *Абов И.* Письмо из Гельсингфорса // Россия. 1907. №607. С. 4; 1908. №670. С. 4; №673. С.4; №675. С. 1-2; №757.

⁹³⁵ «Белорусы, литовцы и Польша в окраинном вопросе России» // Новое время. 1909. 18 сентября; «Окраинная кичливость и петербургское смирение» // Новое время. 1909. 14 сентября.

⁹³⁶ *Меньшиков М.* Еврейская империя // Новое время. 1911. 7 сентября.

⁹³⁷ *Гражданин.* 1910. №2. С. 5; *Суворин А.С.* Маленькие письма. DCLXVI // Новое время. 1906. 28 июля;

⁹³⁸ «Развязность финляндской печати». // Московские ведомости. 1908. №.146. С. 1 – 2; *Абов И.* Письмо из Гельсингфорса // Россия. 1907. № 607. С. 4.

⁹³⁹ *Бородкин М.М.* Финляндский вопрос. СПб, 1905. С. 3.

⁹⁴⁰ «Швейцария и Финляндия» // Россия. 1910. № 1355.

временам), однако дословно приводил негативное мнение других авторов на эту тему⁹⁴¹. Это пример «негативной» ссылки на авторитет: Бородкин не соглашается с правоммерностью цитаты, но приводит ее, ставит на ней смысловой акцент, а значит принцип её действия тот же самый. Выбирались цитаты, провоцирующие резко негативную естественную реакцию особенно у русских читателей: «западники считают, что французы – народ цивилизованный, а наш русский – эскимосы, готтентоты, зверообразные пародии на людей»⁹⁴².

Рассмотрев варианты использования публицистами рациональной аргументационной стратегии, переходим к вопросу о степени использования её антипода. Надо отметить, что область воздействия **иррациональной аргументации** – прежде всего человеческие чувства. Логика и разум отступают здесь на второй план. Воздействие на психологию читателей изначально обещает более мощный эффект, нежели на их сознание. Влияние установок, неотрефлексированных человеком, работающих на подсознательном уровне, обладает заведомо большей устойчивостью и длительностью. Важнейшим приемом их создания является использование ассоциаций, вызывающих однозначную реакцию у читателя. Для этого типа убеждения характерны два основных приёма: расчет на чисто эмоциональную реакцию при чтении отдельных сюжетов, связанных с финнами, и апелляция к морально-нравственным представлениям аудитории, нарушение которых должно рассматриваться ею как недопустимое⁹⁴³.

Расчет на эмоции читателей полнее всего реализовался в комплексе речевых приемов, направленных на создание негативного образа финна. Замещение в прессе с н. ХХ в. образа финна-соседа, с набором как негативных, так и положительных характеристик, образом врага уже отмечалось как в

⁹⁴¹ *Он же*. Война 1854-1855 гг... С. 326.

⁹⁴² *Он же*. Современное положение русского...С. 29. *Он же*. Современные ... Т. 3. Национальный вопрос. С. 22; *Он же*. Финляндский ... С. С. 54 – 55.

⁹⁴³ О риторической системе доказательств: *Хазагеров Г.Г.* Ук. соч. С.32, 43 – 52.

исследовательской литературе, так, собственно, и самими публицистами⁹⁴⁴. Созданный «образ врага» опирался на образ финна – «чужого». Оба фигурировали в исключительно широком контексте. Стоит иметь в виду, что **дихотомия «свой» - «чужой»** является одним из структурных компонентов коллективного сознания, и воздействие её должно было быть эффективным.

Приведем пример возбуждения заведомо негативных эмоций читателя. В перепечатанном из финляндской газеты объявлении: “разыскиваемая Ольга Штейн пишет: «Возмущенная черной неблагодарностью петербуржцев, я, наконец, покинула эту яму [Петербург]..., и решила посвятить себя Финляндии”⁹⁴⁵ (здесь показательна упомянутая фамилия, вызывающая явные ассоциации с евреями, а значит с революционерами, разрушающими русскую государственность, и, как водится, обретающими приют на финляндской земле). Эмоциональная линия вообще часто активировалась при освещении тематики, связанной с "революционностью" финнов. «Финляндия вооружается» – слоган в публицистике.

Эксплуатация этой темы была направлена на пробуждение чувства страха, неуверенности и незащищенности у читателей. При этом ощущение угрозы, исходившей от Финляндии, усиливалось сознательной **гиперболизацией** всем известных фактов. В частности, говоря о «революционности» окраины и связях финляндских сепаратистов с социалистами (что было общепризнанным фактом), авторы могли упомянуть о планах финнов начать «вооруженную борьбу с Россией» даже в том случае, если отделение окраины от империи пройдет успешно⁹⁴⁶. С той же целью использовался **гротеск**: «странно, очень странно дарить финляндскому вампиру русских людей на съедение»⁹⁴⁷. Обязательно подчеркивалась опасность военной и террористической угрозы для всего населения империи,

⁹⁴⁴ *Илюха О.* Ук. соч. С.492; *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1909. №87 – 88. С. 14 – 15; № 12. С. 16; № 19, С. 16 – 18; № 21. С. 33; № 22. С. 16.

⁹⁴⁵ Гражданин. 1907. № 92. С. 7.

⁹⁴⁶ Гражданин. 1908. № 35 – 36. С. 5.

⁹⁴⁷ *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1909. №77 – 78. С.14.

которая исходит из Финляндии⁹⁴⁸. Имевшие место единичные террористические акты подавались как многочисленные, а их описание порой сопровождалось **натуралистическими подробностями**⁹⁴⁹. На информации об активной подготовке террористов ставился смысловой акцент, что достигалось лексическими или композиционными средствами (последняя фраза в брошюре, например, могла констатировать факт попадания в Финляндию очередного груза с оружием, или другую информацию подобного рода ⁹⁵⁰). **Синтаксические конструкции** типа: «пошли волнения, смуты, грабежи, убийства, расходясь концентрическими кругами от главных городов к окраинам...а инородческие заправилы достигли своей цели»⁹⁵¹ способствовали созданию эмоциональной напряженности текста и одновременно сигнализировали об угрозе безопасности каждого русского человека, исходящей от инородцев. Статьи, в которой маленькая Финляндия сравнивалась с сильной Россией, могли дать заголовок «Пугают», который сам по себе содержал негативный подтекст и действовал не меньше основного смысла заметки⁹⁵².

Создание образа финна, угрожающего русским людям фактом своего существования, производилось также путем подбора соответствующей **лексики**. Вот типичный словарный запас, используемый публицистами при описании финнов: «лиходеи», «злодеи», «смутьяны», «крамольники», «враги земли русской», «мятежные шайки», «вожаки» (также применительно к

⁹⁴⁸ Румянцев А. Финляндия вооружается! Союз «Сила» («Voima»). СПб, 1907; Финляндия в... С.16; Финляндская окраина...С.93, 97, 98.

⁹⁴⁹ Алекторов А.Е. Ук. соч. С.9-12.

⁹⁵⁰ Витушкин Ф.В. Военный.... С.15.

⁹⁵¹ «Необходимость единения правой печати» // Московские ведомости. 1908. № 61. С.2.

⁹⁵² Россия. 1910. № 1338. с.2.

революционерам)⁹⁵³, «опричина от революции»⁹⁵⁴, «обособленники»⁹⁵⁵, «крамола»⁹⁵⁶, «вольница» в связи с деятельностью интеллигенции вообще, и финляндской интеллектуальной элиты в частности⁹⁵⁷, «година бедствий», «лихолетье», «междоусобия», «феодалная раздробленность» о возможных последствиях автономности окраин и «междоусобная брань», «бунт» о революции (также часто связанной с действиями инородцев)⁹⁵⁸. Отдельные инородцы в целом заслуживают у публицистов именованний: «разных федералистов, автономистов, сепаратистов, дашнакцаканов, гачакистов, анархистов и вообще разбойной сволочи»⁹⁵⁹. Революция 1905 г. прямо объявлялась «инородческой крамолой»⁹⁶⁰. Финны - революционеры, интеллигенты и просто уголовники - в публицистике фигурировали в точно таком же слитном контексте, как в приведенном выше списке наименований. При этом темой статьи вовсе не обязательно должна быть революционная ситуация на окраине, в таком контексте финны могли быть упомянуты и просто в связи с остальными инородцами, и по поводу русской революции.

⁹⁵³ *Меньшиков М.* Цивилизация в опасности // Новое время. 1906. 15 августа; Он же. Нация – это мы // Новое время. 1906. 19 сентября.

⁹⁵⁴ *Бородкин М.М.* Современные...Т.1. О революции. СПб, 1907. С. 6, 31; Гражданин. 1907. № 16. С. 2; 1908. № 65 – 66. С. 1; *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1910. № 19. С. 16; Московские ведомости. 1908. № 5. С. 1; № 6, С.1, № 61. С. 2; *Владимиров С.* Ук.соч. С.1, 8, 12, 16, 18, 20 – 21; *Волинец А.* Крушение революции. Ч.1, 2 // Московские ведомости. 1908. № 103. С. 1, № 118. С. 2.

⁹⁵⁵ *Бородкин М.М.* Финляндский ... С. 15; Он же. Современное положение русского...С. 33.

⁹⁵⁶ *Бодиско Дм.* «Циклон надвигается» // Гражданин. 1910. №48, С.5; *Бородкин М.М.* Современные ... Т.1. О революции. С. 5; «Прямые ответы на современные вопросы» // Гражданин. 1907. № 14. С. 4; «Крамола и власть». // Гражданин. 1907. № 15. С. 3; Там же. № 35-36, С. 7; № 41 – 42. С.11; № 67 – 68. С. 2; № 82. С. 5.

⁹⁵⁷ Гражданин. 1910. № 12. С. 6.

⁹⁵⁸ *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1908. № 26. С. 2; № 27 – 28, С. 3. *Богданович Е.В.* Школа патриотизма. СПб, 1908. С. 3 – 5; Гражданин. 1908. № 79. С. 5; № 80. С.1; *Меньшиков М.* Чернильная бомба // Новое время. 1906. 30 марта. Он же. Цивилизация в опасности // Новое время. 1906. 15 августа; Он же. Хазарская идея // Новое время. 1909. 12 декабря.

⁹⁵⁹ *Меньшиков М.* Права на Кавказ // Новое время. 1909. 7 февраля; *Бородкин М.М.* Современное положение русского дела на финляндской окраине. СПб, 1905. С. 33; Он же. Финляндский вопрос. СПб, 1905. С. 15; *С. Владимиров В.* Ук. соч. С. 1, 8, 12, 16, 18, 20 – 22; Гражданин. 1907. № 16; 1908. № 65 – 66; 1910. № 19; Новое время. 1906. 15 августа; 1906. 19 сентября.

⁹⁶⁰ *Меньшиков М.* Необходимо ли заражать армию? // Новое время. 1911. 15 февраля.

Так на финляндском примере в головы обывателей закладывались прочные ассоциации между сепаратизмом окраин, нерусскими национальностями, преступлениями общегосударственного масштаба (в первую очередь – с революцией), грабежами и убийствами, и всё это касалось их лично. Надо отметить, что порой эти идеи выражались прямо, и тогда читатель получал четкий и недвусмысленный сигнал об опасности: «на великоросса идут с оружием и дрекольем. На него именно идет эта революция. Его именно она хочет поглотить, обессилить и обезволить. Со всех окраин идут крики, что великоросс ничтожен, что он должен уступить и подчиниться, что его век прошел, что его вековые работы уничтожены, а главенство должно разлететься прахом. Окраины поднимают оружие против него и грозят»⁹⁶¹. Тезис, по которому только «на развалинах русского государства» финны способны «основать свое благополучие» подводил итог всему **блоку аргументов, рассчитанных на устрашение читателя**⁹⁶².

Прямые обвинения финнов в одних текстах дополнялись их упоминанием в других, при этом косвенный характер негативных высказываний позволял достичь даже большей убедительности, поскольку прямо не фокусировал внимание читателя на них, а проводился исподволь⁹⁶³.

Действие того или иного тезиса усиливалось многократными **повторениями**⁹⁶⁴: русские люди «оказались в плену» у «покоренной инородчины», «мы в плену», «мы не заметили иноземного нашествия», инородцы «нас завоевывают, они забирают наше царство»⁹⁶⁵. Используемые **антитезы** позволяли добиться особенной контрастности и яркости текста⁹⁶⁶, а

⁹⁶¹ *Суворин А.С.* Маленькие письма. DCLXXXIII // Новое время. 1907. 1 января.

⁹⁶² «Русское царство» // Гражданин. 1908. № 1. С. 4.

⁹⁶³ *Бородкин М.М.* Война 1854-1855 гг. ...С. 223 – 224; *Меньшиков М.* Еврейская империя // Новое время. 1911. 7 сентября.

⁹⁶⁴ Неупорядоченный лексический повтор позволяет достичь ощущения убедительности речи, уверенности в сообщаемой информации, он также является одной из фигур речи, повышающих эмоциональность высказывания. См.: *Хазагеров Г.Г.* Ук. соч. С. 92, 106 – 107.

⁹⁶⁵ *Меньшиков М.О.* Великорусская партия // Новое время. 1907. 23 июня. *Он же.* Россия прежде всего // Новое время. 1907. 1 ноября; *Он же.* Права на Кавказ // Новое время. 1909. 7 февраля; *Бородкин М.М.* Современные ...Т. 3. Национальный вопрос. С. 146, 152.

⁹⁶⁶ *Хазагеров Г.Г.* Ук. соч. С. 156.

сравнение именно с русскими дополнительно усиливало эффект коллективной интеграции читателя, и таким образом сильнее воздействовало на него. Методом возбуждения этнической отчужденности выступало и нарочитое упоминание в одном контексте с финнами русских с употреблением лексики, оскорбляющей их национальные чувства. Таковыми, в частности, были следующие конструкции: финны «стыдят русских за их неподобающее поведение», русские считаются «париями» на земле, «обильно политой русской кровью», «финляндцам давалась конституция, в то время как русские продавались на базарах»⁹⁶⁷, «русским войскам ставятся в вину даже солдатские песни, оскорбительные для финляндского слуха (точь в точь, как звон русских колоколов и православные крестные ходы были оскорбительны для религиозного чувства евреев и поляков Западного края»⁹⁶⁸. Такой же провокационный характер и у следующего высказывания, опубликованного в «Гражданине» в 1905 г., когда стала очевидной умеренная политика преемников Бобрикова: «ну, с варварами соотечественниками действовать одно, а с образованными и культурными финнами надо церемониться»⁹⁶⁹. О «рабской и варварской России» писал в «Новом времени» М. Меньшиков⁹⁷⁰. Подобное противопоставление русским их внутренних и внешних врагов носило системный характер и является составной частью лингвистического приема, который в современной политологической литературе называется «захватом аудитории», а в теории лингвистического анализа дискурса – **«мы-интенциональность»**⁹⁷¹. Для «антифинляндской» публицистики было характерно повествование от первого лица множественного числа. Раз за разом употребляя в тексте местоимение «мы», его авторы тем самым отождествляли себя с аудиторией и начинали рассматривать финляндские

⁹⁶⁷ Бородкин М.М. Итоги ... С. 8; Он же. О «Рассказах ...». С. 5, 14; Он же. Современное ... С. 41.

⁹⁶⁸ «Развязность финляндской печати» // Московские ведомости. 1908. № 146. С.2.

⁹⁶⁹ Цит. по: Бородкин М.М. Современное положение ... С. 45.

⁹⁷⁰ Меньшиков М. Чернильная бомба // Новое время. 1906. 30 марта.

⁹⁷¹ Юдина Т.В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи. Дисс. на зв. докт. филол. наук. М., 2001. С. 30 – 32.

проблемы с точки зрения «общих» интересов. При этом местоимение ставилось нередко в национальный контекст: «мы, русские»⁹⁷². Могла использоваться также «политическая» модификация («мы» в смысле верноподданные, далекие от политики и политических партий)⁹⁷³. В данном случае читатель оказывался сопричастен некоему виртуальному «целому», непосредственно вовлечен в изложение и на подсознательном уровне воспринимал прочитанные тексты, как написанные о нем и для него, в защиту его интересов. Излишне говорить, что острие этого «мы» было направлено против финнов (и шире – всех врагов русской империи, как внутренних, так и внешних, существующих в контексте антифинляндского дискурса).

Надо признать, что авторы периодически (в том числе ради создания впечатления собственной объективности) считали нужным характеризовать финнов с положительной стороны⁹⁷⁴. Однако, такие случаи можно пересчитать по пальцам, и большинство из них либо заканчивается союзом «но»⁹⁷⁵, либо упомянутые достоинства финнов авторы относили к прошедшей эпохе⁹⁷⁶. Как правило, финны (как, кстати, и инородцы в целом) поставлены в резко негативное семантическое окружение. Критика шла в направлении создания отрицательного образа не только финских «революционеров», «автономистов» и других «смутьянов», но всего народа. Это выразилось в обвинениях финнов в алкоголизме, безнравственности и нечистоплотности⁹⁷⁷. Их могли назвать «угрюмым, замкнутым в себе, холодно-жестоким»

⁹⁷² *Бородкин М.М.* Современные ... Т.3. Национальный вопрос. С. 3 – 5, 7, 21; *Владимиров С.* Что делается у нас в Финляндии? М., 1908. С.1, 3, 11, 12, 15, 24 и сл.; *Меньшиков М.* Нация – это мы // Новое время. 1906. 19 сентября. Финляндская окраина... С.43 и др.

⁹⁷³ Россия. 1910. № 1404. С. 1.

⁹⁷⁴ *Бородкин М.М.* Война 1854 – 1855 гг. ... С. 335; *Бородкин М.М.* Финляндский .... С. 38.

⁹⁷⁵ Там же. С. 39 – 40; «По финляндскому вопросу» // Гражданин. 1908. № 35 – 36. С. 3.

⁹⁷⁶ *Бородкин М.М.* Война ... С. 352.

⁹⁷⁷ Гражданин. 1909. № 69 – 70. С. 5, 14; *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1909. № 77 – 78. С. 13; «Школьные порядки» // Россия. 1910. № 1314. С. 1; *Бородкин М.М.* Итоги ... С. 6, 15; Россия. 1908. № 891. С. 4; «Потребление алкоголя в Финляндии» // Россия. 1910. № 1366; «Люди товар» // Россия. 1910. № 1383; «Как веселятся в Финляндии» // Россия. 1910. № 1423; «Нравственность населения Финляндии» // Россия. 1910. № 1436; «Ошибочная идеализация» // Россия. 1910. № 1502.

народом)⁹⁷⁸. Произведения их писателей – «не возбуждающими ни мысли, ни фантазии». Среди этого народа невозможно было «найти замечательных женщин», а сам край рисовался «холодным и неприютным»⁹⁷⁹.

Среди проявлений иррациональной аргументации в антифинляндских текстах надо отдельно упомянуть **смысловую игру на дополнительных ассоциациях**, важных в сознании читателя. Так в к. XIX – н. XX вв. в пространстве русской общественно-политической коммуникации чрезвычайное распространение получили аллюзии – смысловые и лингвистические – со Смутным временем. Намеренное сопоставление современной ситуации в России с периодом борьбы с иноземцами за свою независимость, окончившийся обретением русским народом своего легитимного царя, входило в династический миф, активно культивируемый правящими элитами⁹⁸⁰. В риторике «смутного времени» описывали не только глобально-исторические, но и совершенно житейские, даже бытовые сюжеты, а для характеристики своей эпохи эту лексику использовали постоянно⁹⁸¹. Особенно это культивировалось в консервативной публицистике, поскольку преодоление смуты и становление впоследствии неограниченной власти монарха виделось консерваторам желательным вектором развития современной им России. В этот лингвистическо-смысловой контекст попадает финляндский вопрос. «Риторика смуты» постоянно присутствовала в антифинляндских текстах, и она же была использована при рассмотрении темы революции⁹⁸². «Смута», революция и деятельность

⁹⁷⁸ «Злость» // Гражданин. 1907. № 1. С. 3.

⁹⁷⁹ Новое время. 1906. 8 (21) февраля.

⁹⁸⁰ Уортман Р. Сценарии власти... Т. II. С. 705.

⁹⁸¹ Алексеева-Борель В.М. 40 лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб, 2000. С. 235 и др.; Вяземский Н. Самозванцы и самозванщина // Россия. 1906. № 7. С.2 – 3; Епанчин Н.А. Ук. соч. С. 325, 349, 359; Богданович А.В. Ук. соч. С. 410; Записи А.Н. Яхонтова, сделанные во время заседаний Совета министров ... С. 131; Мецкерский В.П. Дневники // Гражданин. 1908. № 9. С. 14; Редигер А. Ук. соч. Т. I. С.432, 531; Т. II. С. 471; Сухомлинов В. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 131.

⁹⁸² Россия. 1908. № 692. С. 1; Гражданин. 1910. №№ 4 (С. 17), 11 (С.5), 21 (С. 16), Новое время. 1906. 10 февраля, 30 марта, 13 июля; 1907, 21 июня; Бородин М.М. Современные... Т. 1. О равенстве. С. 146, 152; Т. 1. О революции. СПб, 1907. С. 7. 9, 11, 14, 20, 32, 41, 46,

финнов вновь подавались как неразрывно связанные между собой явления⁹⁸³. Таким образом, с помощью языковых средств авторы пытались воздействовать на психологию читателя и закрепить в его сознании и подсознании неприятие революции и неприязнь к инородцам.

Использовались и другие исторические аналогии. Широко использовались аллюзии на тему феодальной раздробленности. Последняя, с одной стороны, представляла собой наиболее явно выраженный антипод единой державы, а с другой имела однозначно негативную коннотацию в исторической памяти. Как и в случае со смутой, весь комплекс приведенной исторической лексики имел сложившиеся устойчивые ассоциативные связи в сознании и подсознании аудитории, и даже не прибегая к грубым лозунгам, обеспечить нужный эффект было несложно.

Лексически это выглядело следующим образом. Россия вместе со своими окраинами обозначалась термином «русские царство». Своим существованием она обязана монархам - «собирателям земель», а также усилиям русского народа, создавшего Русь «трудами и кровью», и в силу этого ставшего полноправным «хозяином» её территорий (включая инородческие)⁹⁸⁴. Бородкин мог прямо обвинить финнов в подготовке свержения самодержавия и установлении демократии в России⁹⁸⁵, а мог иносказательно описать крушение «воздушных замков маленькой финляндской Фронды»⁹⁸⁶, противопоставив единству, государственности и национальности «раздробленную и расчлененную Россию», обязанную своим

62; Гражданин. 1908. № 33 – 34, С. 7; № 41 – 42, С. 2; 1910. № 41, С. 2-3; Дурново Н. По поводу съезда националистов // Санкт-Петербургские ведомости. 1912. №51. 3 (16) марта. С. 2; «Прибалтийские дела и русское правительство» // Россия. 1906. № 26. С. 2.

⁹⁸³ Бородкин М.М. Современное положение русского... С. 6.

⁹⁸⁴ Он же. Современные ... Т. 3. Национальный вопрос. С. 8; Финляндский ... С. 14; Меньшиков М. Дружина храбрых // Новое время. 1907. 7 июля; Он же. Россия – прежде всего // Новое время. 1907. 1 ноября; Пестржецкий Д. Заселение окраин // Россия. 1908. № 692. С. 1.

⁹⁸⁵ Бородкин М.М. Современные ... Т.1. О революции. С.9.

⁹⁸⁶ Он же. Война 1854-1855 гг. ... С. 348, 356.

крушением революционерам, которые, в свою очередь, неразрывно связывались с финнами⁹⁸⁷.

Вся эта тематика подавалась в **специфической лексике – устаревшей и престолярной**. Внешние враги именовались «иноземцами»⁹⁸⁸. Публицистами постулировалась необходимость избегать употребления иностранных слов, что приводило даже к **образованию неологизмов** (космополиты именовались термином «мирограждане»)⁹⁸⁹. Подобное внимание к языковым нюансам – родовая черта националистического сознания. Именно наличием националистической составляющей в сознании публицистов объясняется и использование слова «Русь», и преимущественное наименование Российской империи Русским государством, а российских граждан – русскими⁹⁹⁰.

В антифинляндских текстах широко использовался такой мощнейший инструмент речевого воздействия, как **метафора**. Особенно распространены были «физиологические», семейные и родственные метафоры. С их помощью выстраивался устойчивый ассоциативный ряд, вновь создающий у читателя ощущение личной причастности к предмету изложения. Россия в корпусе антифинляндских текстов представлена как «единое тело»⁹⁹¹, «организм», «дом», «мать», «семья» с «императором-отцом» во главе. «Чужаки» (инородцы-финны) несли ей «угрозу распада», «разложения» и «гибели», владели «ключами от русского дома». «Матерью» самой Финляндии называлась Швеция⁹⁹², что также напоминало читателю о «чуждости» финнов, делающей возможной военную угрозу с севера. При этом реальный вес

⁹⁸⁷ Он же. *Современные ...* Т.1. О революции. С. 57, 59.

⁹⁸⁸ «Прямые ответы на современные вопросы» // *Гражданин*. 1907. № 14. С. 4; Меньшиков М.О. Великорусская партия // *Новое время*. 1907. 10 мая. С.1; Он же. Россия прежде всего. // *Новое время*. 1907. 1 ноября; *Бородкин М.М.* *Современные ...* Т.1. О революции. С. 18, Т. 3. Национальный вопрос. С. 21, 27, 28.

⁹⁸⁹ *Мецкерский В.П.* *Дневники* // *Гражданин*. 1911. № 38. С.15; «Реакция патриотизма» // *Московские ведомости*. 1908. № 108. С. 1.

⁹⁹⁰ *Бородкин М.М.* *Война 1854 – 1855 гг. ...* С. 361; *Суворин А.С.* *Маленькие письма*. DCXLVII // *Новое время*. 1906. 25 мая. С. 2.

⁹⁹¹ *Курсив мой* - А.П.

⁹⁹² *Бородкин М.М.* О «Рассказах прапорщика Столя». СПб, 1910. С. 17.

финляндского края – источника столь серьезных угроз, – представлялся как совершенно незначительный. На языке метафор окраина была чем-то вроде «постороннего... маленького и темного чулана в огромном русском доме»⁹⁹³. Такое подчеркнутое несоответствие должно было пробудить в читателях чувство несправедливости и желание восстановить status quo.

Само понятие нации порой рассматривалось как элемент «физиологии», с привлечением соответствующих риторических средств. Иностранцы вообще, и финны в частности, уподоблялись «болезнетворным бактериям», просочившимся в «наши государственные ткани»⁹⁹⁴. В контексте конкуренции с финнами за влияние на карел, публицисты называли «финляндский вопрос» «гангреной, угрожающей заражением всему российскому северу»⁹⁹⁵. Впрочем, опасность грозила отнюдь не только карельским территориям: «[иностранцы, окружив Россию] железным кольцом и отрезав от света и воздуха, ослабив паразитными наростами [стремятся] превратить этот могучий дуб в дуплистое дерево, которое повалится при первом порыве бури»⁹⁹⁶. Общая выразительность речевых средств, в сочетании с гиперболизацией и гротеском, служила созданию выразительного образа России, «страдающей» от иностранцев, «больной окраинами», имеющей перспективу быть окончательно «съеденной ими»⁹⁹⁷. Космополитически настроенную бюрократию упрекали в том, что она отдает русских людей «на съедение финляндскому вампиру»⁹⁹⁸. Использование подобных языковых инструментов включало у аудитории нужные ассоциации, достигался высокий эмоциональный градус. Именно «физиологические» метафоры несли в себе

⁹⁹³ Новое время. 1906. 8 (21) февраля.

⁹⁹⁴ *Бородкин М.М.* Современные ... С. 3-4, 7; *Меньшиков М.* Россия – прежде всего // Новое время. 1907. 1 ноября; «Нет худа без добра» // Гражданин. 1908. № 23. С. 3.

⁹⁹⁵ «По окраинам» // Московские ведомости. 1908. №1 25. С. 1.

⁹⁹⁶ «Из бесед» // Россия. 1910. № 1362; «Центр и окраины» // Московские ведомости. 1908. № 2. С. 2.

⁹⁹⁷ *Бородкин М.М.* Современные ... С. 129; *Он же.* Финляндский вопрос. СПб, 1905. С. 3.

⁹⁹⁸ Гражданин. 1909. № 77 – 78.

мощный эмоциональный заряд и, повторяясь из текста в текст, должны были оседать в умах неискушенной аудитории.

В рамках отдельно взятого текста подобные пассажи воспринимаются просто как достаточно выразительная фигура речи. Рассматриваемые в целостном комплексе антифинляндских текстов, они заставляют отнестись к себе внимательнее. Согласно знаменитой формуле Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «метафоры определяют сознание», и потому с одной стороны являются сильнейшим средством воздействия на аудиторию (что особенно актуально для политического дискурса), а с другой – красноречиво свидетельствует о специфике мышления самих авторов. В теории метафор именно природные и физиологические образы (болезни и здоровья, света и тьмы, смен времен года) относятся к архетипическим, и в этом качестве содержат колоссальный потенциал с точки зрения пропаганды любой идеологии⁹⁹⁹. Широкая аудитория воспринимает их быстрее, глубже и активнее, чем любые другие. Вместе с тем, их систематическое употребление идеологами «наступления на особые финляндские права» иллюстрирует подлинные пласты сознания, оказавшиеся задействованными при обоснования этого наступления. Доводы разума и «реальной политики» были слишком сиюминутны для этого уровня.

Не пренебрегали авторы также **композиционными и стилистическими** средствами воздействия. Изложение материала велось зачастую в форме констатирующих высказываний¹⁰⁰⁰, акцентирование нужных тезисов производилось с помощью сцепления, многократного повтора¹⁰⁰¹, серий

---

⁹⁹⁹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387 – 415. См. также работы М. Осборна по архетипичным метафорам: *Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53; Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric. In Western Speech. 1967. Vol. 31.*

¹⁰⁰⁰ Спорные факты упоминались, как не подлежащие сомнению. См. об этом: *Остин Дж. Л. Перформативы – констативы // Философия языка. М., 2004. С. 22; Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. 1986. С. 122 – 128.*

¹⁰⁰¹ В том числе анафор, передающих чувство уверенности и особенную настойчивость в убеждении читателя. См.: *Хаззагеров Г.Г. Политическая риторика. М., 2002. С. 70, 72, 98 – 99, 138.*

риторических вопросов, использования восклицательных знаков, выделения важнейших тезисов курсивом и жирным шрифтом. Использование юмористического стиля позволяло перевести обсуждение финляндских проблем из серьёзной плоскости в комедийную, и тем самым добиться снижения значимости аргументов противной стороны в глазах читателей. Этот прием использовался, в частности, в ходе освещения темы политических партий. В комедийном ключе описывалась борьба сторонников различных форм автономии и борцов за конституцию¹⁰⁰². Снижение образа в юмористическом стиле применялось при описании негативного воздействия политических партий на финляндского обывателя, которые, несомненно, не стали бы подвергать сомнению своё единство с русской государственностью, «если бы не стал прохаживаться среди здоровой хвои финских лесов левый осёл, который, по его упрямой глупости, да притом в союзе с финскими кадетами, может натворить немало зла...»¹⁰⁰³.

Рассмотрим, как конкретно применялись различные риторические приемы при описании ключевых для публицистов сюжетов, связанных с политикой, социально-экономическим устройством и культурой. При появлении темы политических партий публицисты активно использовали:

✓ термин «политиканы» при описании финляндских общественных деятелей (что несло в себе негативную коннотацию, причем не только по отношению к финнам, но и к политической деятельности как таковой)¹⁰⁰⁴;

---

¹⁰⁰² «Приключения гражданки Автономии (сказка про белого бычка)» // Гражданин. 1910. № 41, С. 2 – 3; «Школьные порядки» // Россия. 1910. № 1314. С.1; «Какая разница между русскими националистами и финляндскими революционерами?» // Гражданин. 1911. № 34. С.6; «Съезд автономистов» (Quasi una fantasia) // Россия. 1908. № 882. С.2.

¹⁰⁰³ «По адресу Финляндии» // Гражданин. 1909. № 69 – 70. С. 4.

¹⁰⁰⁴ Московские ведомости. 1907. № 2. С. 2; «Крушение финляндского государства» // Московские ведомости. 1908. №373. С. 4; «Финляндские лоцмана» // Россия. 1910. № 1351. С.1.

✓ исторические аналогии: финнов-политиков называли «смутьянами»¹⁰⁰⁵ (активация «риторики смуты»);

✓ «уголовную» лексику: лидеры партий (финских и русских) именовались агитаторами, вожаками или главарями¹⁰⁰⁶, сравнивались с членами «разбойничьей шайки», и напрямую с бандитами. Сами публицисты делали на этом акцент: «крамола превратилась в простую уголовщину»¹⁰⁰⁷;

✓ прием «мы»-интеграции (в контексте желательной непричастности создаваемого «воображаемого коллектива» к политике)¹⁰⁰⁸;

✓ бинарные оппозиции по типу «хороший – плохой»: «самодержавное» противопоставлялось «демократическому», «верноподданный» - «гражданину», «националист» - «космополиту», «консерватор» - «революционеру»¹⁰⁰⁹ что являлось логическим продолжением дихотомии «свой – чужой», и в совокупности составляло стройную систему. Большинство из этих пар апеллировало к первоосновам человеческого мировосприятия (как противопоставление личной безопасности угрозе для жизни). В психологии эти категории относятся к архетипам мышления любого человека¹⁰¹⁰.

Важнейшую роль играл подбор соответствующей риторики при описании финляндских социально-экономических реалий. Авторы

¹⁰⁰⁵ *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1910. № 19. С. 16; Московские ведомости. 1908. № 5. С. 1; № 6, С.1, № 61. С. 2; *Волынец А.* Крушение революции. Ч.1,2. // Московские ведомости. 1908. № 103. С. 1, № 118. С. 2; *Владимиров С.* Ук.соч.С.1, 8, 12, 16, 18, 20 – 21.

¹⁰⁰⁶ *Михайлов М.* 1 мая в Финляндии // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. № 89. 25 апреля (6 мая). С. 2; «Финляндские настроения» // Россия. 1910. № 1393; *Бородкин М.М.* Современное положение ... С. 9 – 10; *Мещерский В.П.* Дневники // Гражданин. 1909. № 87 – 88. С. 14. «Финляндские настроения» // Россия. 1910. № 1393.

¹⁰⁰⁷ Гражданин. 1908. № 2, С. 5.

¹⁰⁰⁸ Россия. 1910. № 1404. С. 1.

¹⁰⁰⁹ *Бородкин М.М.* Итоги ... С.8.

¹⁰¹⁰ *Юдина Т.В.* Теория общественно-политической речи. М., МГУ, 2001. С. 72.

специально выделяли «хитрость», с которой буржуа использовали рабочих «для достижения желаний лишь имущих классов»¹⁰¹¹. В описании этой темы риторика приобретала практически социалистический оттенок. Публицисты проявляли пристальную заботу о нуждах финляндского пролетариата, еще важнее в их глазах было благополучие «пролетариата» сельского¹⁰¹². Консервативная пресса прямо писала о том, что в княжестве правят бал «бароны и бюргеры». Публицисты «Нового времени» обличали Сейм, в котором собрались «не представители финляндского населения, а его «хозяева», при том господствующие экономически при помощи власти политической, которая в их руках является орудием эксплуатации народной массы»¹⁰¹³. Социальное и национальное сливалось воедино: на страницах «Нового времени» швед-помещик третировал торпаря «как бессмысленное животное» и «заставлял» его противодействовать русским¹⁰¹⁴. К последней задаче, по мнению русской прессы, нередко подключалась и финская интеллигенция¹⁰¹⁵.

На риторическом уровне обыгрывались и важные для публицистов культурные сюжеты. «Утонченности цивилизации, идущие из Европы», упоминались регулярно и с сарказмом¹⁰¹⁶. С помощью броских заголовков («финляндская сверхкультура», «образцы высокой финляндской культуры» и подобных) авторы пытались обесценить расхожее представление о преимуществах финнов. Более того, именно в этой болезненной для них теме зачастую вносились в повествование явные конфликтогены, прямо способствуя повышению эмоциональной вовлеченности читателя в осуждение

---

¹⁰¹¹ Мустонен З.А. Разоблачение тайн. Взаимные отношения революционеров и социалистов в Финляндии. Бесплатное приложение к газете «Окраины России». СПб, Государственная типография. 1909. С. 3 (вступление издателей). С. 4.

¹⁰¹² Московские ведомости. 1908. № 73. С. 1; Новое время. 1900. 14 (27) марта. С. 2; 1901. 7 (20) марта. С. 3. Термин «сельский пролетариат» встречается неоднократно.

¹⁰¹³ Новое время. 1900. 26 августа (8 сентября). С. 2.

¹⁰¹⁴ Новое время. 1902. 8 (21) января. «Письма из Финляндии».

¹⁰¹⁵ Новое время. 1900. 30 марта. С. 4.

¹⁰¹⁶ Биржевые ведомости. 1899. 23 декабря (4 января). С. 1; Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XX. СПб, 1914. С. 113 – 118.

финнов: «чужеземная шведская культура Финляндии расцвела благодаря крови и поту русского мужика»¹⁰¹⁷, или как вариант: «сытые и властные» верхи финляндского населения «хвастают» своей европейской культурой¹⁰¹⁸.

Следует поставить вопрос о соотношении риторических и пропагандистских элементов в рассматриваемых публикациях. Риторические приемы этих двух форм общественно-политической коммуникации идентичны. Однако, они сильно отличаются по своему характеру. Риторика предполагает ведение диалога с различными общественными силами, поиск компромисса, внимание к требованиям и запросам аудитории. Специалисты отмечают, что развитая риторическая политическая культура благотворно сказывается на решении общегосударственных проблем и способствует благоприятному климату в обществе¹⁰¹⁹. Пропаганда направлена на манипулирование своими объектами, не допускает изменения распространяемой системы убеждений и нацелена на обеспечение искренней и безусловной поддержки широкими массами населения тех, кто её инициирует. Наиболее законченный вид пропаганда приобретает, если авторство в ней принадлежит государственным институтам, власти, либо она располагает их поддержкой. Можно привести несколько доказательств пропагандистского характера антифинляндских текстов.

1. Классическая риторика использует прежде всего рациональную аргументационную стратегию и ориентируется на осознанную поддержку адресатом её тезисов¹⁰²⁰. В рассматриваемой публицистике доминируют приемы, апеллирующие к эмоциям и воздействующие на подсознание читателей. Широкое использование иррациональных методов аргументации свидетельствует в пользу её пропагандистского характера.

¹⁰¹⁷ Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. XX. СПб, 1914. С. 118.

¹⁰¹⁸ Новое время. 1901. 7 (20) марта. С. 3.

¹⁰¹⁹ Хазагеров Г.Г. Ук. соч. С. 5 – 6, 164.

¹⁰²⁰ Юдина Т.В. Теория...С. 77 – 78.

2. Риторические произведения сконцентрированы на решении актуальных и конкретных повседневных проблем. Предмет пропаганды составляют скорее вопросы идеологии и символики, она сориентирована на выполнение более базовых, глобальных задач¹⁰²¹. Анализ антифинляндской публицистики наглядно продемонстрировал неспособность и нежелание её авторов предложить жизнеспособный рецепт решения конкретных проблем края. Её «сверхзадачей» было мифотворчество, затрагивавшее и финляндские, и российские реалии; укрепление института самодержавия, глобально понимаемого «единства» в стране и обеспечение поддержки правящей династии путем воздействия на сознание и психику читателей.

3. Непременным условием пропаганды является массовое тиражирование. Финляндский случай отвечает этому требованию. Помимо высоких тиражей печатных изданий, в которых помещались тексты, стоит отметить их целенаправленное распространение среди читателей самыми разными способами, о чем шла речь выше.

4. Знакомство с понятием и методами пропаганды у её авторов.

В начале века теоретические знания об агитации и пропаганде только зарождались, и интеллектуалам старого порядка позволительно было не знать о подобных новшествах. Впрочем, в Москве уже вышла в 1898 г. книга Г. Лебона «Психология народов и масс». В 1903 г. известный российский психоневролог В. Бехтерев выпустил работу, в которой анализировал возможность «психопатических эпидемий» и признавал большую роль в их развитии «внушения словом» на «народные массы», особенно если последние характеризуются «крайним невежеством, неудовлетворенностью духовных потребностей..., отсутствием нравственных руководящих начал и недостатком умственного развития»¹⁰²². Одновременно с Лебоном в России были изданы другие классические работы в области социальной психологии –

¹⁰²¹ Хазагеров Г.Г. Ук. соч. С. 167 – 169, 171.

¹⁰²² Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб, 1903. С.124 – 125.

«Мнение и толпа» Тарда и «Преступная толпа» Сигеля. Таким образом, в России появлялись все новинки западной социологии, затрагивающие возможности манипуляции массами. При этом к выводам ученых призывали прислушиваться отнюдь не только, и возможно не столько представители либеральной мысли. В частности, в 1908 г. «Журнал министерства народного просвещения» назвал Лебона человеком «серьезной научной мысли», данные которого имеет смысл учитывать особенно в связи с реальной угрозой распространения революционных настроений и социалистической идеологии в России¹⁰²³.

Сложно сказать, была ли «Психология народов и масс» обязательным атрибутом библиотек членов императорской фамилии и министров, как это иногда утверждается¹⁰²⁴. О возможности сильного воздействия «на психику 180 млн населения» с помощью печати говорил в Совете министров А.В. Кривошеин¹⁰²⁵. Однако факт использования указанных теоретических работ антифинляндскими публицистами сомнениям не подлежит. В частности, Бородкин ссылался в своих работах и на Лебона, и на Тарда¹⁰²⁶, а его общий анализ проблем теории социальных движений подтверждает его знакомство с этими работами. Меньшиков демонстрировал в своих статьях отличное знакомство с достижениями современной ему психологии и психиатрии¹⁰²⁷. При этом в его творчестве использованы именно те работы, в которых основное внимание уделено национальной психологии и разработке понятия «психологии народов» - в частности, работы Лацаруса, Е.А. Сикорского и того же Лебона¹⁰²⁸. В других случаях, не давая конкретных ссылок, публицист продолжал мыслить в русле, проложенном этими авторами. Показательна в

¹⁰²³ Социологическая мысль в России. Л., 1978. С. 82, 85.

¹⁰²⁴ Лебедев А. Предисловие к изданию Г. Лебона. В кн.: *Лебон Г. Психология народов и масс*. СПб, 1995. С.5.

¹⁰²⁵ Записи А.Н. Яхонтова, сделанные во время заседаний Совета министров... С. 222.

¹⁰²⁶ Бородкин М.М. Современные ... Т.І. О революции. СПб, 1907. С. 38 – 40, 44.

¹⁰²⁷ Меньшиков М. Хуже чумы // Новое время. 1906. 18 марта; *Он же*. Чернильная бомба // Новое время. 1906. 30 марта.

¹⁰²⁸ *Он же*. Они и мы // Новое время. 1910. 16 мая; *Он же*. Самые плохие в Европе черепа // Новое время. 1910. 24 мая.

этом смысле его фраза: «всякая идея приобретает силу не раньше, чем становится стихийной»¹⁰²⁹.

В антифинляндских текстах очевидным образом присутствует **апелляция к различным социальным слоям**. Видна попытка авторов дискурса нащупать социальную базу, обрести себе сторонников в условиях стремительно меняющейся России. В частности, отдельные обвинения против финнов явно рассчитаны на возбуждение интереса конкретных сословий: дворянства (финнов не лишили, в отличие от русских дворян, свободы от общегосударственных податей и повинностей, они также имеют гораздо больший шанс сделать блестящую карьеру в русской администрации и армии, нежели русские – в финской¹⁰³⁰, в результате присоединения Выборга к Финляндии русские помещики лишились своих крепостных); духовенства (в Финляндии оскорбляют российских священников, лютеране обращают в свою веру карел); буржуазии (в финской прессе высказываются предложения бойкотировать русские товары, при том, что на финский рынок активно и не без сочувствия местных предпринимателей проникает Германия), крестьянства (русские вынуждены отдавать большее количество населения в солдаты, поскольку в Финляндии нет обязательной воинской повинности); всех налогоплательщиков (в Финляндию, регион практически свободный от общеимперских налогов, в течение всего времени её существования в составе империи идет перечисление крупных средств, расходуемых там на культурные цели)¹⁰³¹.

По своему характеру антифинляндская пропаганда продемонстрировала неосознанную, возможно, самими публицистами, частичную переориентацию на мелкобуржуазные слои общества. Именно в среде бывших «разночинцев», горожан, мелких предпринимателей в большей степени (не считая высшие социальные страты) читали эти газеты и брошюры; именно в этой среде уже

¹⁰²⁹ *Он же*. Народное мужество // Новое время. 15 мая.

¹⁰³⁰ *Алекторов А.Е.* Ук.соч. С.6; *Суворов П.* К вопросу о равноправии положения русских в Финляндии и финляндцев в империи. СПб, 1907; Финляндия в...С.3.

¹⁰³¹ *Бородкин М.М.* Густав-Мориц Армфельт ... С.5, 7, 17, 82, 89 – 91.

тогда были наиболее развиты националистические настроения, именно она по уровню своего интеллектуального развития была наиболее удобным объектом пропаганды. Отметим, что антифинляндская программа отвечает трем требованиям буржуазного типа пропаганды, сформулированных Р. Бартом: она крайне негативно относится к интеллектуальным слоям общества (выше указывались постоянные нападки на русскую и финскую интеллигенцию в публицистике), она консервативна по сути и не приемлет общественные перемены в любом виде, она замкнута на себя и не способна к диалогу¹⁰³² (базовые черты антифинляндских текстов).

Но все же, именно потому, что в корпусе текстов присутствовали отсылки к такому большому количеству адресатов, социальное послание размывалось. Можно сказать, что наиболее четким и последовательным у экспертов по финляндскому вопросу получился не социальный, а национальный посыл. Они обращались к русским. Это видно и на риторическом уровне. Характерно уже постоянное употребление слова «русский» вместо «российский»¹⁰³³. В основном, речь шла про «русское» правительство, «русское» государство и «русский» народ¹⁰³⁴ – причем эти эпитеты использовались, о каких бы конкретных политических, социальных или экономических аспектах не шла речь.

Подведем итоги. Иррациональную стратегию можно считать важнейшей для аргументации публицистов. Она соседствовала с рациональной, на эмоциональном уровне закрепляя знания и представления, которые хотели вложить читателям авторы антифинляндских текстов. Формальные особенности текстов антифинляндского дискурса демонстрируют четкую корреляцию с «привычками мышления», которые разбирались выше. Это объясняется инструментальными задачами (публицисты ретранслировали свои представления всеми доступными

¹⁰³² Там же. С. 122, 127, 175, 223 – 230.

¹⁰³³ Шоловский П.П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб, 1903. С. 7, 8 и др.

¹⁰³⁴ Россия. 1908. № 685. С. 1; № 755. С. 1; Россия. 1908. № 757. С. 1.

средствами). Но с другой стороны, «привычки мышления» публицистов сами, естественным путем, влияли на подбор тех или иных риторических стратегий. Например, алармизм мышления логично сочетался с последовательным формированием «образа врага» - финна, использованием риторических средств, направленных на устрашение читателя и общее обостренное восприятие ситуации.

«Национально мыслящие» эксперты продемонстрировали высокий уровень владения самыми современными на тот момент методиками воздействия на аудиторию. При этом острие их пропагандистских усилий было направлено в первую очередь на определенную национальную, а не социальную группу – на русских.

Заключение

Финляндский вопрос традиционно анализировался как конфликт русских имперских властей и ВКФ, набор политических действий монархии по унификации и русификации княжества в к. XIX – н. XX вв. В этом случае он оказывался уравнением с несколькими неизвестными. В их числе – нерациональность (настойчивое следование определенному политическому курсу, несмотря на очевидные высокие издержки) и непонятная публичность (мощное присутствие финляндской тематики в российском информационном пространстве – несоразмерно реальным проблемам края).

Уравнение можно решить, если подставить в него в качестве постоянно действующей функции усилия группы интеллектуалов, которая сложилась в к. 1880-х – 1890-е гг. и сделала своей целью ликвидацию особых финляндских прав. Само рождение финляндского вопроса произошло значительно раньше первых шагов власти по ограничению автономии княжества – а именно, в статьях Михаила Каткова в 1860-е. После этого в течение еще двух десятилетий автономия края расширялась, а количество упоминаний ВКФ в прессе было минимальным. Ситуация изменилась в к. 1880-х, когда в Гельсингфорсе и в Петербурге начала действовать группа лиц – идейных

наследников Каткова. По совокупности взглядов и практических шагов их можно отнести к зарождающемуся в тот момент русскому национальному движению. К.Ф. Ордин, К. Якубов, М.М. Бородкин, Н.Д. Сергеевский и их единомышленники действовали по собственной инициативе и на первых порах практически не были связаны с властью.

Их многолетняя работа в рамках финляндского вопроса включала в себя максимально широкую пропаганду своих взглядов: среди представителей власти, среди различных общественных элит, и просто в поле публичной коммуникации. Организация «информационных войн» против ВКФ и планомерные попытки продвижения своих взглядов в высших эшелонах власти привели эту группу к успеху: они получили статус экспертов в финляндском вопросе и имели непосредственное отношение к политике в ВКФ вплоть до 1917 г.

Пытаясь утвердить свой вариант «правильной» стратегии поведения в княжестве, члены группы активно применяли традиционные методы политической борьбы: создание полезных социальных связей, участие в работе влиятельных неформальных структур (политические салоны и клубы), банальное лоббирование. Но ими также были опробованы методы, которые по своему типу и в совокупности скорее относятся к массовому обществу современного типа. Это интенсивная работа с прессой, организация «информационных кампаний», создание своих печатных органов, издание и распространение пропагандистских брошюр, публичные лекции, адресная рассылка материалов в России и за рубежом, написание научных работ (в том числе «на заказ») и их реклама. При этом в своих текстах авторы продемонстрировали разнообразные методы работы с читательской аудиторией: хорошее владение различными стилями подачи информации, жанровым своеобразием, риторическими приемами. Это значительно повышало пропагандистский эффект тех идей, что они отстаивали. Их усилиями в российском общественно-политическом пространстве сложился антифинляндский дискурс – определенная система взглядов на финнов и

положение ВКФ в составе Российской империи, растиражированная во множестве текстов, с устойчивыми смысловыми ходами, распространенными метафорами и другими формальными характеристиками.

Внутреннее содержание данного дискурса во многом определялось спецификой мышления его авторов – участников русского национального движения. «Привычки мышления», способы анализа окружающей действительности, ключевые категории – влияли на специфику освещения финляндской темы. Они позволяют понять, почему эксперты занимали ту или иную позицию в своей практической деятельности. Кроме того, многочисленные статьи, разоблачающие финна-врага, могли иметь более влиятельный и долгосрочный мировоззренческий эффект, чем планировали сами их создатели. Со страниц антифинляндских текстов в мышление читателей проникали националистические максимы, напряженность процесса самоидентификации, культурные комплексы, злость на успешных ближних и дальних соседей, привычка выбирать эмоциональные трактовки действительности вместо рациональных, приоритет идеологических посылов перед практическими соображениями.

По словам Н. Лумана, «вся политика – это не более и не менее, чем коммуникация и только через коммуникацию она может вводить в заблуждение как других, так и себя»¹⁰³⁵. У склонности к определенным «привычкам мышления» всегда есть своя цена. В 1919 г., в ходе гражданской войны решался вопрос о возможном участии Финляндии в антибольшевистском походе. Тот факт, что поезд финляндской независимости уже прошел точку невозврата, был совершенно очевиден. Тем не менее, премьер-министр деникинского правительства генерал Драгомиров сообщал, что «Украина и Финляндия не могут даже и думать об отделении от России». Милюков оставлял вопрос о ее дальнейшей политической судьбе на усмотрение будущей легитимной русской власти. При этом он высказывал

---

¹⁰³⁵ Цит. по: Юдина Т.В. Дискурсивное пространство... С. 48.

надежду, что финны в качестве «небольшой национальности» удовлетворятся «разумными» требованиями в виде широких автономных прав¹⁰³⁶. Согласно воспоминаниям барона Алексея Будберга, занимавшего разные должности в ставке адмирала Колчака, Верховному правителю поступало в 1919 г. предложение от генерала Маннергейма направить финскую армию на Петроград в обмен на последующее признание независимости Финляндии (уже полученную ею к тому времени *de facto*). Советники Колчака настояли на отрицательном ответе, руководствуясь идеальными представлениями о великой и неделимой России¹⁰³⁷. Будберг удивлялся недальновидности советников Колчака, частично объясняя это решение низким уровнем окружающих его людей – и совершенно напрасно. Как показано выше, они были отнюдь не одиноки в своем видении статуса Финляндии и с их уровнем это никак не было связано. Более того, это видение было очень широко представлено в информационном пространстве поздней Империи – в том числе, стараниями экспертов в области финляндского вопроса.

История этой группы и ее лидеров весьма любопытна с точки зрения изучения развития русского национального движения. Интересно перекликается она с концепцией Мирослава Хроха о роли интеллектуалов на определенных этапах развития «отдельно взятых национализмов»¹⁰³⁸, а также с исследованием Фрица Рингера об участии немецких интеллектуалов, сочетавших статус свободных ученых и высшие государственные посты, в политике Германии к. XIX – первой трети XX вв.¹⁰³⁹. Как и в случае, который рассматривал Рингер, задача состоит не в том, чтобы вынести интеллектуалам вердикт, оценить их деятельность с позиций «хорошо» или «плохо», определить полезна или вредна она была (в имперском строительстве,

---

¹⁰³⁶ Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г. // Красный архив. 1940. № 1 (98). С. 54.

¹⁰³⁷ Будберг А. Дневник. 1917 – 1919. М., 2016. С. 665 – 668.

¹⁰³⁸ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. В кн.: Нации и национализм. М., 2002. С. 125.

¹⁰³⁹ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890 – 1933. М., 2008.

национальном вопросе, общественном самосознании или исторической науке). Но важно понять, из каких кусочков, как и почему складывалось их мировоззрение, в рамках каких интеллектуальных традиций оно сформировалось – и какие концепции и «привычки мышления» они передали по цепочке следующему поколению представителей русской общественной мысли.

Список источников и литературы

Источники

Библиографические материалы

1. Бородкин М.М. Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии. СПб, 1902.
2. Корево Н.Н. Финляндия в русской печати. Пг., 1915.

Материалы архивов

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Ф. 555. Оп. 1. Д. 485. Выписки из финляндских газет по «финляндскому вопросу».
2. Ф. 586 (Плеве В.К.). Оп. 1. Д. 15. Ф. 116. (Союз русского народа). Оп. 2. Д. 22. Извещения о занятиях и списки членов «РС». 1911.
3. Ф. 586. Оп. 1. Д. 510. Письмо Бобрикова Н.И. финл. генерал-губернатору Плеве В.К., и.д.м. ст-сек ВКФ. 25 сент.1899 г.
4. Ф. 586. Оп. 1. Д. 517. Письма Богдановича Е.В. Плеве В.К. Включает заметки/газетные вырезки о пребывании Богдановича в Одессе и награждении его. 15 августа 1902 г. – 24 сентября 1903.
5. Ф. 586. Оп. 1. Д. 605. Письма Гейдена П. Плеве В.К. 1894.
6. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1454. Письмо мин.фин. Коковцева В.Н. Богдановичу Е.В. с сообщением о разрешении выдачи ему пособия на издательскую деятельность. 15 января 1914.
7. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1481. Письма (копии) Сергеевскому Н.Д. с обращением «Николай Степанович» и к Эрштрему Э.А. с просьбой об увольнении его из подготовительной комиссии по разграничению общественного и местного финляндского законодательства и препроводительное письмо управляющего финляндской канцелярии к Плеве Н.В. 26 апреля 1905 – 20 ноября 1909.

8. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1483. Записка финляндского генерал-губернатора Оболенского Н. Николаю 2 о политическом положении в Финляндии в период очередной сессии сейма в 1905.

9. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1493. Записка неустановленного лица об участии Александра I в разрешении дел, касающихся Финляндии. 1907 год.

10. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1496. Особый журнал заседания Совета министров по вопросу о военных платежах Финляндии Государственному казначейству и справки Н.В. Плеве по тому же вопросу. Журнал высочайше учрежденного совещания по делам Великого княжества Финляндского.

11. Ф. 586. Оп.1. Д. 1499. Записка из письма Витте С.Ю. и Плеве В.К. от 14 января 1901 г. о введении нового устава о воинской повинности в ВКФ. Дело начато не ранее 1909 г.

12. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1504. Записка без подписи «Главнейшие события и мероприятия правительства в Финляндии в период 1905-1909 гг.».

13. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1507. Особый журнал Совета министров по проекту правил о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения и журнал совещания по делам Великого княжества Финляндского. 1910 г.

14. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1511. Записка неустановленного лица об отношениях финляндских партий к вопросу о равноправии русских в Финляндии. Не ранее июня 1910.

15. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1511 а. Плеве В.К. Журнал заседания Особого совещания по делам княжества Финляндского по вопросу о присоединении двух приходов Выборгской губернии к составу Петербургской губернии. 13 ноября 1910.

16. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1524. Конспект «замечаний» Якубова по истории присоединения Финляндии к России.

17. Ф. 588. Оп. 3. Д. 24. Черновые заметки Б.В. Никольского по вопросам деятельности Русского Собрания.
18. Ф. 588 (Никольский Б.В.). Оп. 1. Д. 91 Письма Бородкина М.М. Никольскому Б.В. 1911 – 2 марта 1918 гг.
19. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1243. Протоколы заседаний Русского собрания 1902-1907 гг.
20. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1244. Дело о постановлениях в заседании Совета Русского собрания.
21. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1250. Именные списки членов РС по г. Петрограду.
22. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1305. Записка о необходимости издания газеты, стоящей на страже «монархии, порядка и русской национальности», неизв. автора.
23. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1307. Записка Б.В. Никольского на имя царя об организации распространения патриотических листов и брошюр в войсках. 1905.
24. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1330. Брошюры, речи и открытые письма членов РС по политическим вопросам. 1906-1917.
25. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1334. Дублиеты брошюр, программ, воззваний, листовок, речей и проч.печат.мат-в. 1905-1914.
26. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1499, 1499 б, 1499 в, 1499 д. Повестки «Русского собрания» Никольскому Борису Владимировичу, 1912-1917, б/д.
27. Ф. 588. Оп.1. Д. 1502. Визитные карточки разных лиц.
28. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 31 (2). ЧСК для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Канцелярия (Следственная часть). Переписка с Министерством юстиции и другими учреждениями о деятельности и привлечении к уголовной ответственности бывшего

генерал-губернатора Финляндии Ф.А. Зейна и вице-губернатора М.М. Боровитинова.

29. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 642. ЧСК. Следственная часть. Приложение к делу о Дейтрихе. Формулярный список о службе бывшего вице-председателя Гос.совета В.Ф. Дейтриха.

Российский Государственный исторический архив (РГИА)

1. Ф. 468, оп. 43, Д. 1214. Формулярный список о службе состоящего при МВД попечителя богадельни цесаревича Николая Александровича, гофмейстера Его Императорского Величества Ордина. Сост. в февр. 1891.

2. Ф. 472. Оп. 60. Д. 207. 1907 г.

3. Ф. 476. Оп. 1. Дд. 3, 4, 21, 38, 51, 88, 303, 324, 338, 382, 430, 557, 889, 1770.

4. Ф. 530. Оп. 1. Д. 21.

5. Ф. 560. Д. 314. Переписка министра финансов В.Н. Коковцова с разными лицами об издании сборника материалов по «финляндскому вопросу». 12 января – 17 декабря 1907 и некоторые данные по 1906 г.

6. Ф. 565. Оп. 6. Д. 21438. Дело о расходах на издание «Обзора периодической печати в Финляндии». 1912-1913 гг.

7. Ф. 565. Оп. 14. Д. 123. Всеподданнейший доклад министра финансов В.Н. Коковцова об отпуске средств на продолжение работы по ознакомлению общественного мнения в России и за границей с финляндским вопросом и об отнесении этих средств на секретные расходы. 13 июня 1911.

8. Ф. 565. Оп. 6. Д. 21438.

9. Ф. 727. Оп. 2. Д. 223. Письма Н.Д. Сергеевского к Э.Ю. Нольде. 7 дек. 1893 - 13 авг. 1884.

10. Ф. 759. Оп. 80. Д. 102.

11. Ф. 776. Оп. 4, Д. 209. Материалы, касающиеся Ф.П. Еленева.
12. Ф. 777. Оп. 2. Д. 134.
13. Ф. 922. Оп. 1. Д. 64, 162, 296, 332, 356. Заметки, относящиеся к 1899-1901 гг.
14. Ф. 922. Оп. 1. Д. 786. Л. 37. (Письмо Бородкина, с просьбой прислать ему номера газеты «Кремль», издаваемой Илловайским Д.И. в Москве от 28 февраля 1910 г.).
15. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 314.
16. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 539.
17. Ф. 1162. Оп. 5. Д. 12. Переписка председателей учрежденной при Государственной канцелярии временной комиссии по финляндским делам Н.Д. Сергеевского и Н.Н. Корево о рассылке изданий и по другим вопросам деятельности комиссии.
18. Ф. 1250, оп. XVI, Д. 4, Ч. IV. Из дел графа Блудова. Мнения и предположения по различным частям управления. Записка адмирала В. Мелихова «О направлении, которое полезно было бы принять для правительственных распоряжений в Финляндии» от 26 декабря 1861 г.
19. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 7. Дело канцелярии Совета министров по экспедиции о возобновлении издания «обзора периодической печати в Финляндии» в целях проведения идеи общей государственности между Россией и Финляндией.
20. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 12, 13.
21. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 228. Данные по рассылке обзоров периодической печати по Финляндии за 1915 г. Речь в документах идет о периоде с 1911 по 1915 гг.
22. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 329; Д. 395.
23. Ф. 1620. (Богданович Е.В.) Оп. 1. Д. 93. Письмо А. Никольского Евг.Вас. Богдановичу о финляндских делах.

**Отдел рукописей Российской государственной
библиотеки (ОР РГБ)**

1. Ф. 93/II. Достоевские. Оп. 7. Д. 96. Письма Победоносцева с упоминанием Бобрикова.
2. Ф. 169. (Милютин Д.А.) Оп. 51. Д. 20. Телеграмма начальнику Александровской военно-юридической академии ген.-лейт. Бородкину.
3. Ф. 169. Оп. 54. Д. 16. Письмо Милютина Д.А. к Ордину К.Ф. от 13 марта 1890 г.
4. Ф. 169. Оп. 72. Д. 47. Письмо К.Ф. Ордина к Милютину Д.А. от 2 марта 1890 г.
5. Ф. 224 (Петровский С.А.) Оп. 1. Д. 12. Письмо Петровскому С.А. от Бобрикова Н.И. 29 августа 1891 года.
6. Ф. 224. Оп. 1. Д. 15. Письма Бородкина за 1894 год.
7. Ф. 224. Оп.1. Д. 52. Письмо Петровскому С.А. от Еленева Ф.
8. Ф. 224. К. 2. Д. 15. Письма Петровскому С.А. от Ордина Б.К. 90-е – 1900-е.
9. Ф. 230. (Победоносцев К.П.) Оп. 4392 («картон»). Д. 3. Письма к графу Толстому Д.А. с характеристикой Бобрикова.
10. Ф. 249. Розанов В.В. Д. 44. Письмо Бородкина с пометой Розанова.
11. Ф. 342. Шибановы. Оп. 11. Д. 74. Письма Бородкина.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

1. Ф. 124. (Собрание П.Л. Вакселя). Д. 482. Бильбасов Василий Алексеевич, историк, письмо к Бородкину М.М. от 12 ноября 1901 г.
2. Ф. 124. Д. 594. Записка Бородкина М.М. к неустановленному лицу от 3 мая 1917 г.
3. Ф. 152. (Архив Военского К.А.) Оп. 2. Д. 159. Письмо Бородкина М.М. к Военскому К.А.

4. Ф. 273. (И.В. Егоров). Д. 40. Письмо И.В. Егорову от М.М. Бородкина.
5. Ф. 377. (Корнилов И.П.). Д. 964. Письма Ордина К.Ф. Ивану Петровичу Корнилову. 1878-1890.
6. Ф. 760. (Таганцев Н.С.). Д. 161. Письма к Таганцеву Дейтриха В.Ф. 1899-1904.
7. Ф. 760. Д. 365. Ордин К.Ф. Письмо к Таганцеву Н.С. от 10 сентября 1890 г.
8. Ф. 760. Д. 450. Письма Сергеевского Н.Д. Таганцеву. 1874-1891.
9. Ф. 760. Д. 509. Письма Эдуарда Васильевича Фриша к Таганцеву. 1889-1904 и б/д.
10. Ф. 847. (Шаховской Н.В.) Д. 117. Письма Еленева Федора Павловича (за период с 4 июня 1896 г. по 3 марта 1898 г).
11. Ф. 847. Д. 118. Письма Еленева Федора Павловича (за период с 24 января по 12 августа 1898 г).
12. Ф. 847. Д. 119. Письма Еленева Федора Павловича (за период с июня по август 1898 г).
13. Ф. 874. Шубинский. Оп. 1. Д. 38. (Исторический архив за 1887 год). Письмо Якубова К.И. Шубинскому С.Н. от 1887 г.
14. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 158. Проект письма Бобрикова военному министру Сахарову, написанный Бородкиным.

**Российский государственный архив литературы и
искусства (РГАЛИ)**

1. Ф. 317. (Соколов Н.М. Цензор.) Оп.1. Д. 1. Письмо Соколова Николая Матвеевича в редакцию журнала «Новое время».
2. Ф. 317. Оп.1. Д.2. Письмо Соколова Н.М. в Совет Русского Собрания.
3. Ф. 317. Оп. 1. Д. 7. Письма Бородкина к Соколову.

4. Ф. 459. (Суворин) Оп. 2. Д. 1220. Письмо Бородкина М.М. Суворину А.А. от 9 февраля 1898 г.

5. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 7. Письма Бородкину М. к Соколову Н.М.

**Российский Государственный военно-исторический архив
(РГВИА)**

1. Ф. 1 (Канцелярия военного министерства). Оп. 1. Т.39. Д. 70971. Особый журнал Совета министров по вопросам о различных распоряжениях, касающихся Великого княжества Финляндского. 1907-1911 гг.

2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72893. Дело 1909 г. по описи №861 Первого административного делопроизводства Канцелярии военного министерства о назначении генерал-лейтенанта Бородкина помощником начальника главного военно-судного управления.

3. Ф. 59 (Н.И. Бобриков). Оп. 1. Д. 7. Записка Н.И. Бобрикова. О новом уставе для финских войск. 1901.

4. Ф. 59 Оп. 1, Д. 13. Замечания по поводу записки о мерах направления к успокоению Финляндии.

5. Ф. 59. Оп. 1. Д. 14. Записка финляндского генерал-губернатора Бобрикова Н.И. о противоправительственном движении в Финляндии на 1 февраля 1903 года и о мерах к его прекращению.

6. Ф. 59. Оп. 1. Д. 15. Записка о введении в учреждениях Финляндии делопроизводства и переписки на русском языке и проект вр.и.д. финляндского генерал-губернатора Гончарова о необходимости требовать от сенаторов и губернаторов знания русского языка.

7. Ф. 59. Оп. 1. Д. 17. Копия с письма финляндского генерал-губернатора к министру статс-секретаря ВКФ от 11/24 июня 1902г.

8. Ф. 59. Оп. 1. Д. 18. Записка «О задачах русской финляндской газеты».

9. Ф. 59. Оп. 1. Д. 19. Замечания, сделанные при рассмотрении проекта нового устава о воинской повинности в Финляндии с указанием вызываемых ими возражений.

10. Ф. 59. Оп. 1. Д. 29. Письмо от редактора «Правительственного вестника» к Н.И. Бобрикову.

11. Ф. 59. Оп. 1. Д. 71. Письма Н.И. Бобрикова к жене Е.И. Бобриковой. 1897, 1898, 1901.

12. Ф. 165. Оп. 1. Д. 531.

13. Ф. 400 (Главный штаб Военного министерства). Оп. 3. Ч. 1. Д. 1172. О необходимости изъятия из «всеподданнейших» отчетов по военным округам некоторых вопросов особо секретного характера. 18 марта – 29 мая 1897 г.

14. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 1. Д. 2103, Д. 2116, Д. 2135, Д. 2167, Д. 2181, Д. 2200, Д. 2221, Д. 2245, 2279, 2300, 2321, 2341, 2383, 2399, 2423, 2442, 2471, 2473, 2520-2531, 2746, 2783, 2796. Дела о командировании войск для предупреждения и подавления волнений в различных губерниях, о революционных волнениях и командировании различных корпусов (1881-1907 гг.).

15. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2787. Об охране границ Финляндии и воспрепятствовании ввозу оружия.

16. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2892. О газете «Русский инвалид» и журнале «Военный сборник» за 1907 год. Военное мин-во, Генштаб, 3 стол, 2 отделение.

17. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 1. Д. 3053. О составе войск в Киевском военном округе: доклад генерал-майора Бородкина о причинах революционных волнений в войсках Киевского гарнизона. 6 августа – 27 октября 1907 г.

18. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3152.

19. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3214. Журналы и материалы Особого Совещания для обсуждения некоторых вопросов, касающихся ВКФ. 8 июля 1908 - 9 окт. 1908.
20. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 2. Д. 3344. Об издании газеты «Русский инвалид» и журнала «Военный сборник» в 1908 г.
21. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 1. Д. 3420. О выдаче денежных субсидий журналу «Русский воин» и «Туркестанской военной газете» 1910 – 1911 гг.
22. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 2. Д. 4500. О мерах по борьбе с революционной пропагандой в войсках. (1906-1907 гг.).
23. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 2. Д. 5247. О рассмотрении и рекомендации к распространению в войсках различных сочинений, руководств, учебников, брошюр, журналов. 1903-1904 гг. Д. 5247а. То же. 1903-1905 гг.
24. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5264. По вопросу о правах Финляндского генерал-губернатора (18 октября 1904 – 9 января 1905 гг.)
25. Ф. 400. Оп. 3. Д. 5283. Делопроизводство по изданию каталога книг, одобренных к обращению в войсках.
26. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 2. Д. 5284. О помещении в периодической прессе статей и заметок по военным вопросам.
27. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 2. Д. 5295. О разрешении распространять в войсках с целью прекращения революционной пропаганды газеты «Русское чтение», издаваемой полковником Дубенским. (1905 год).
28. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 2. Д. 5299. О рассмотрении различных сочинений, книг, списки изданий, отобранных для включения в каталог книг, одобренных к обращению в войсках.
29. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 2. Д. 5301. О сокращении расходов по изданию газеты «Русский инвалид» и журнала «Военный сборник». (1906).

30. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 2. Д. 5303. Об обязательном распространении среди солдат газеты «Русское чтение» (1906).

31. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 2. Д. 5339. Переписка о печатных изданиях, предложенных к распространению в войсках и объявленных в циркулярах Главного штаба.

32. Ф. 400. Оп. 12. Д. 20762. Об объявлении Высочайшего благоволения Председателю, членам и делопроизводителям Комиссии по финляндским делам.

33. Ф. 409 (Послужные списки военных). Оп. 1. Д. 132967/1-14; 181774 п/с 206408-536. Послужные списки Генералов Штаб- и Обер-офицеров Варшавского военно-окружного суда по 1 января 1895 г.

34. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133293. П/с №81-881. Алфавитный реестр полных послужных списков генералов, штабс- и обер-офицеров Николаевской академии Генерального штаба. 1 января 1895 г. Послужной список Золотарева А.М.

35. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133428/1-13. Алфавитный реестр послужных списков генералов, штаб и обер-офицеров Петербургского военно-окружного суда. 29 января 1900.

36. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133644/1-54. Канцелярское дело 1890 г. Варшавского военно-окружного суда. Послужные списки чиновников.

37. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133652/1-29. Послужной список генералов, штаб и обер-офицеров Варшавского военно-окружного суда. 1895 год.

38. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1569. Отношение финляндского генерал-губернатора о борьбе со шведским влиянием в Финляндии. 1911 г.

39. Ф. 2000 (Штаб Петроградского военного округа). Оп.1. Т. 5. Д. 6758. Сводки сведений штаба Петроградского военного округа о внутривосточном положении в Финляндии.

40. Ф. 2000. Оп. 1. Т. 5. Д. 6891. Сводки сведений штаба Петроградского военного округа. Ч. I – II.

41. Ф. 3611. Оп. 1. Д. 754. П/с Золотарева Акима Михайловича. Сост. 1879 г.

42. Ф. 4000. Оп.3. Д. 2892. О газете «Русский инвалид» и журнале «Военный сборник». 1907 год.

Законодательные источники

1. Борениус Г. Акты для выяснения политического положения Великого княжества Финляндского. Гельсингфорс, 1890.

2. Высочайшие Манифесты Российских императоров о сохранении особых прав Финляндии. В кн.: Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб, 1903.

3. Куплеваский Н. Манифест императора Александра I 9/21 февраля 1816 г. о переименовании финляндского правительственного совета в императорский финляндский сенат. СПб, Гос. Тип., 1910.

4. Манифест о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения // Гражданин. 1910. №23.

5. Манифест о производстве финляндской казной государственному казначейству денежных платежей взамен отбывания жителями Великого Княжества Финляндского личной воинской повинности // Гражданин. 1909. №77-78.

6. Общее уложение и дополненные к нему узаконения Финляндии. Новое издание, на основании официальных шведско-финских источников Кронида Малышева, члена Консультации при Министерстве Юстиции, старшего чиновника Кодификационного отдела при Государственном совете. СПб, 1891.

7. Сеймовый устав Великого княжества Финляндского 7/20 июля 1906 года. СПб, 1907.

Делопроизводственные источники

1. Военное министерство. Доклад по Главному штабу. 22 мая 1898. История составления и утверждения финляндского устава о воинской повинности.
2. Военное обозрение Финляндского военного округа. Гельсингфорс, 1876.
3. Всеподданнейшая записка финляндского генерал-губернатора. 1898 – 1902. СПб, 1902.
4. Всеподданнейший доклад по военному министерству. СПб, 1896.
5. Всеподданнейший отчет военного министерства за 1895 год. СПб, 1897.
6. Всеподданнейший отчет военного министерства за 1897 год. СПб, 1899. Приложение. Отчет о состоянии финских войск.
7. Всеподданнейший отчет военного министерства за 1898 год. СПб, 1900. Приложение. О состоянии финских войск.
8. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1899 год. СПб, 1901.
9. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1900 год. СПб, 1902.
10. Всеподданнейший отчет о мероприятиях Военного министерства, выполненных за пятилетие 1898-1902 гг. СПб, 1904.
11. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906. СПб, Государственная типография 1906. Сессия 1. Том 1. Заседание 5, 5 мая.
12. Замечания на составленные финляндским временным комитетом в 1885 – 1887 гг. проекты кодификации основных законов и сословных привилегий Финляндии. Гельсингфорс, 1889.
13. Записи А.Н. Яхонтова, сделанные во время заседаний Совета министров в 1914-1916 гг. // Совет министров Российской

империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка). СПб, 1999.

14. Записка канцелярии финляндского генерал-губернатора о положении местных школ в Финляндии. СПб, Гос. типография. 1910.

15. Записка о дальнейшем направлении дела относительно разграничения общегосударственного законодательства от местного финляндского. Статс-секретариат Великого княжества Финляндского. СПб, 1904.

16. Историческая записка о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения // Россия. Государственный совет. Временные организации. Дополнение. Материалы. Т. 79. СПб, 1910.

17. Об издании законов государственных. Записка Н.Д. Сергеевского // Россия. Государственный совет. Временные организации. Дополнение. Материалы. Т. 79. СПб, 1910.

18. Обзор деятельности военного министерства в царствование Императора Александра III. 1881-1894. СПб, 1903.

19. Общий обзор состояния и деятельности всех частей военного министерства за 1903 год. СПб. 1905.

20. Памятная записка начальника экспедиции торговли и промышленности Императорского финляндского сената, переданная представителем финляндского генерал-губернатора на заседание 24 апреля 1913 года высочайше утвержденной при Министерстве финансов Межведомственной комиссии, образованных для разработки основных начал таможенного объединения Финляндии с империей. СПб, 1913.

21. Проект П.А. Столыпина о преобразовании государственного устройства России. (Согласно записям проф. А.В. Зеньковского, под дикт. П.А. Столыпина в мае 1911 г.) // Палеолог С.К. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004.

22. Проект Председателя Совета министров о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения. СПб, 1910.

23. Протоколы заседаний Государственного совета. 1-81. Сессия VII. 1911-1912 гг. Протокол от 14 декабря 1911 г.; Протокол от 9 января 1912 г.; Протокол от 10 января 1912 г.

24. Россия. Государственный совет. Временные организации. (Дополнение). Материалы. Т. 79. 1910. Комиссия вторая. Продолжение. СПб, 1910.

25. Список гг. членам Государственного совета по Высочайшему назначению, по старшинству в чинах, с краткими о службе их сведениями. Сост. по 15 фев. 1917.

26. Список гг. членам Государственного совета по Высочайшему назначению, по старшинству в чинах, с краткими о службе их сведениями. Сост. по 15 фев. 1917.

27. Финляндия. Сейм. Протоколы. 1912.

Документы политических партий и общественных организаций

1. Историческая записка о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения // Россия. Государственный совет. Временные организации. Дополнение. Материалы. Т. 79. СПб, 1910.

2. Русское окраинное общество. Речь Н.Д. Сергеевского на первом собрании 27 апреля 1908 г. СПб, 1908.

3. Шестая годовщина РСН им. Мих. Архангела. Отчет за 1912-1913 гг. СПб, 1914.

Речи политиков, касающиеся Великого княжества Финляндского

1. Речи членов Государственной Думы Маркова-2-го и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908 г. СПб, 1908.
2. Речь Александра III при открытии сейма в Гельсингфорсе 12/24 января 1882 г. // Акты для выяснения политического положения Великого княжества Финляндского. СПб, 1908.
3. Речь П.А. Столыпина в Государственной Думе (27 апреля) // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. №93. 28 апреля (11 мая).
4. Речь П.А. Столыпина в Государственном Совете 1 апреля 1911г // Санкт-Петербургские ведомости. 1911. 2 (15) апреля. № 74.
5. Русские исторические начала и их современное приложение. Речь, произнесенная С.Ф. Шараповым 30 ноября 1907 г. при открытии Аксаковского политического и исторического общества. М., 1908.
6. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе государственном совете. 1906-1911 гг. М., 1991.

Судебно-следственные дела

1. Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Л., 1926. Т. IV.

Опубликованные источники личного происхождения

1. Алексеева-Борель В.М. 40 лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб, 2000.
2. Аренберг Як. Из новейшей истории Финляндии // Голос минувшего. 1916. №9.
3. Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVIII.
4. Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г. // Красный архив. 1940. №1 (98).
5. Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. IV - V. М., 1980.
6. Богданович А.В. Три последних самодержца. М.-Пг., 1924.

7. Будберг А. Дневник. 1917-1919. М., 2016.
8. Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1994. Т. 1-3.
9. Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1.
10. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000.
11. Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992.
12. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996.
13. Из дневника Льва Тихомирова (период столыпинщины) // Красный архив. 1935. Т. 5 (72) – Т. 6 (73).
14. Из записок А.Ф. Редигера // Красный архив. 1930. Т. 5 (60).
15. Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Мемуары. Пг.-М., 1923.
16. Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005.
17. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1903-1919. Париж, 1933.
18. Короленко В.Г. Дневник. 1898 – 1903. Полтава, 1928.
19. Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Кр-кого, последнего государственного секретаря Российской империи. Б.г. Б.д.
20. Курлов П. Гибель императорской России. Берлин, 1924.
21. Куропаткин А.Н. Дневник // Красный архив. 1922. Т. 2.
22. Он же. Дневник // Красный архив. 1935. Т. 1(68).
23. Он же. Русско-японская война 1904-1905. Итоги войны. СПб, 2002.
24. Лемке 250 дней в Царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). СПб. 1920.
25. Минцлов С. Трапезондская эпопея. В кн.: Литература русского зарубежья. Антология. Т.2. М., 1991.
26. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
27. Палеолог С.К. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004.

28. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907 – 1916. Т. I. М., 1924.
29. Половцов А.А. Дневник // Красный архив. 1929. Т.3.
30. Поссе В.А. По Европе и России. 1899-1909. СПб, 1909.
31. Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889 – 1927. СПб, 2004.
32. Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I-II. М., 1999.
33. Рудаков В.Е. Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения. СПб, 1911.
34. Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.
35. Самойло А. Две жизни. М., 1958.
36. Семенов Е.В. В стране изгнания (из записных книжек карьериста). СПб., 1911.
37. Сергеевский Б.Н. Пережитое. 1914. Белград, 1933.
38. Он же. Прошлое земли русской. Нью-Йорк, 1954.
39. Столыпин П.А. Переписка. М., 2004.
40. Суворин А.С. Дневник. М., 1992.
41. Сухомлинов В. Воспоминания. Берлин, 1924.
42. Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003.
43. Он же. Из дневника // Красный архив. 1935. №6.
44. Туманов Г.М. Из записок гр. И.И. Воронцова-Дашкова // Голос минувшего. 1916. №9. Сентябрь.
45. Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998.
46. Шульгин В.В. Дни. М., 1989.
47. Энгельгардт Н. Эпизоды моей жизни. (Воспоминания) // Минувшее. Исторический альманах. Т. 24. СПб, 1998.
48. Эпизод с рескриптом императора Александра III о русско-финляндских отношениях (Из записной книжки Я.К. Грота) // Старина и

новизна. Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III. Кн. XIV. М., 1911.

Периодические издания

Подборки материалов периодических изданий

1. Искра. Вып. I-II. 1900-1903 №№1-23. Л., 1925.
2. Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший манифест от 3/15 февраля 1899 г. Официальные документы, реляции, газетные и журнальные статьи и прочее. Берлин, 1901.
3. Сборник избранных статей из «Финляндской газеты» за 1916. Гельсингфорс, 1916.
4. Финляндия. Обзор. (Обзор печати о Финляндии). Вып. I-XXII. СПб.
5. Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «финляндского вопроса». Вып. I-III. М., 1891-1897.

Подшивки периодических изданий¹⁰⁴⁰

1. Биржевые ведомости. 1899-1900.
2. Вестник Европы. 1890, 1910.
3. Вятская газета. 1899.
4. Гражданин. 1906-1911.
5. Московские ведомости. 1899-1902; 1906-1911.
6. Новое время. 1899-1902; 1906-1911.
7. Правительственный вестник. 1889.
8. Россия. 1906-1911.
9. Русский вестник. 1891, 1902.

---

¹⁰⁴⁰ Также в работе было использовано большое количество отдельных номеров периодических изданий с 1880-х по 1910-е гг., в том числе: «Исторический вестник», «Мир Божий», «Мирный труд», «Окраины России», «Православное обозрение», «Русский архив», «Финляндская газета» и другие.

10. Санкт-Петербургские ведомости. 1881, 1899-1902; 1906-1911.
11. Свет. 1899-1901.

Работы Михаила Каткова (отдельные издания)

1. Катков М.Н. О дворянстве. М., 1905.
2. Он же. О печати. М., 1905.
3. Он же. О самодержавии и конституции. М., 1905.
4. Он же. О смысле и значении политической печати в России.
// Александров А. Знаменательное десятилетие (Памяти М.Н. Каткова). М., 1897.
5. Он же. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1886 год. М., 1898.
6. Он же. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи». Вып. I-II. 1863 год. М., 1887.

Работы экспертов по финляндскому вопросу и близких к ним публицистов и общественных деятелей

1. Абов Г.А. Густав-Мориц Армфельт и его русско-финские отношения: Исторический очерк. СПб, 1901.
2. Он же. Из истории учений финляндского государственного права. Из Ж-ла Мин-ва Юст., СПб, Типография Правительствующего Сената. 1895.
3. Он же. Памяти К.И. Якубова // Новое время. 1900. 12 октября. Эта же статья была опубликована в: Московские ведомости. 1900. №317; Наблюдатель. 1900. Ноябрь; Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 13 октября; Финляндская газета. 1900. 10 октября.
4. Он же. Топелиус, как поэт и публицист // Русская беседа. 1895. Апрель. №4.

5. Абов И. Письма из Гельсингфорса // Россия. 1907. №607. С. 4; 1908. №670. С. 4; №673. С.4; №675. С. 1-2; №757.
6. Алекторов А.Е. Иностранцы в России. СПб, 1906.
7. Богданович Е.В. Школа патриотизма. СПб, 1908.
8. Б-нь М.М. Человек и животное. // Православное обозрение за 1890 г. Май-июнь.
9. Бородкин М.М. Вассер и Арвидсон. Гельсингфорс, 1914.
10. Он же. Война 1854-1855 гг. на Финском побережье. СПб, 1904.
11. Он же. Всеславянское братство (панславизм). СПб, 1892.
12. Он же. Из истории финляндской монеты. Гельсингфорс, 1903.
13. Он же. К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читаемый в «Русском собрании»). // Русский вестник. 1902. Июнь. С. 628. Июль.
14. Он же. Из прошлого. Граф Н.В. Адлерберг. Гельсингфорс, 1914.
15. Он же. Итоги столетия. Харьков, 1909.
16. Он же. К военному вопросу Финляндии.
17. Он же. Краткая история Финляндии. СПб, 1911.
18. Он же. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб, 1912.
19. Он же. История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб, 1910.
20. Он же. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб, 1909.
21. Он же. История Финляндии. Время императора Николая I. СПб, 1915.
22. Он же. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб, 1910.

23. Он же. К.Ф. Ордин и финляндские дела (Доклад, читанный в Русском собрании) // Русский вестник. 1902. Июнь-Июль.
24. Он же. Национальность в науке. СПб, 1912.
25. Он же. Необходимость самодержавия для России. Харьков, 1901.
26. Он же. Н.Д. Сергеевский и его отношение к финляндскому вопросу. Харьков, 1909.
27. Он же. О научном беспристрастии. Гельсингфорс, 1915.
28. Он же. О «Рассказах прапорщика Столя». Гельсингфорс, 1901.
29. Он же. Памяти финляндского генерал-губернатора Бобрикова. Речь в Русском собрании. Харьков, 1905.
30. Он же. Памятка о М.В. Ломоносове. Харьков, 1913.
31. Он же. Пиэтизм в Финляндии в 30-40-х гг. прошлого столетия. Гельсингфорс, 1914.
32. Он же. По шаблонам и трафаретам. О критике барона С. Корфа. Гельсингфорс, 1915.
33. Он же. Происхождения славянофильства. Памяти М.Ю. Лермонтова. СПб, 1891.
34. Он же. Славянофильство Тютчева и Герцена. СПб, 1902.
35. Он же. Славянское призвание России. СПб, 1913.
36. Он же. Современное положение русского дела на финляндской окраине. СПб, 1905.
37. Он же. Современные беседы. Т. 1-3. О революции. О социализме. Национальный вопрос. СПб, 1907.
38. Он же. Финляндский вопрос. СПб, 1905.
39. Он же. Финляндское ученое высокомерие. В.кн.: Э.Г. Пальмен Кодификационные замыслы в 1830 и 1840 гг. Пг, 1914.
40. Он же. Юридическое положение Финляндии. Заметки по поводу отзыва Сейма 1899 г. СПб, Типография Суворина. 1901.

41. Будилович А.С. Может ли Россия отдать инородцам своим окраины? СПб, 1907.
42. Он же. Новейший фазис самоопределения народностей. СПб, 1906.
43. Он же. О единстве русского народа. СПб, 1907.
44. Вальтер Н. Изнанка финляндской культуры. Финляндская печать о финляндцах. Материалы для очерка финляндских нравов. СПб, 1913.
45. Витушкин Ф. Военный бунт в Финском заливе. СПб, 1906.
46. Владимиров В. Революция в Финляндии при князе Иване Оболенском. СПб. 1911.
47. Главные события и мероприятия правительства в Финляндии в период 1905-1909 гг. СПб, 1910.
48. Евреинов Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политической программы. Малороссы. Царство Польское. Белорусы и Литва. Прибалтийские губернии. Финляндия. Кавказ. СПб, 1908.
49. Он же. Пределы здравого русского национализма. СПб, 1912.
50. Он же. Самобытность или отсталость? СПб, 1905.
51. Он же. Финляндский вопрос после манифеста 14 марта 1910 г. СПб. 1910.
52. Еленев Ф.П. Историко-критический обзор узаконений, включенных под именем Основных законов Финляндии в финляндские кодификационные проекты». СПб, 1894.
53. Он же. Наше молодое поколение. В разъяснение причин студенческих волнений 1899 года. М., 1900.
54. Он же. Отчего победители обращаются иногда в побежденных. СПб, 1898.
55. Он же. Учение о финляндском государстве. СПб. 1893.

56. Он же. Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб, 1891.
57. Он же. Чего достигли и чего домогаются достигнуть финляндцы? Как проведен был финляндцами устав 1878 года о воинской повинности. М., 1898.
58. Золотарев А.М. Военно-статистический очерк Финляндии. Курс Николаевской Академии Генерального Штаба. СПб, 1890.
59. Иконников В.С. Отзыв о сочинении М.М. Бородкина. Пг, Типография Академии Наук. 1917.
60. Каменский К. Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства. СПб, 1908.
61. Ковалевский П.И. Александр III, царь-националист. СПб, 1912.
62. Корево Н.Н. Финляндия и общественное законодательство. Доклад X съезду уполномоченных дворянских обществ 39 губерний, прочитанный 4 марта 1914 г. председателем Комиссии по систематизации финляндских законов Н.Н. Корево. СПб, 1914.
63. Он же. Доклад Н.Н. Корево по финляндскому вопросу. Справка. СПб, 1907.
64. Крохин В. П. О финляндской пропаганде в Карелии. 1910.
65. Он же. Из истории русской школы в Финляндии в 18 и в начале 19 вв. (по архивным данным). Гельсингфорс, 1916.
66. Куплеваский Н. Справка о мнении 25-ти русских ученых, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской империи. СПб, Гос.тип., 1910.
67. Луото К. Правда. СПб, 1910. Бесплатное приложение к газете «Окраины России».
68. Майков П.М. Финляндия. История и культура. Ее прошедшее и настоящее. СПб, 1911.

69. Материалы по вопросу о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. СПб, Гос. Тип. 1910. Бесплатное приложение к газете «Окраине России».

70. Мессарош П.И. Существует ли конституция в Финляндии? СПб, 1900.

71. Он же. Финляндия – государство или русская окраина? Значение особых учреждений финляндской окраины Российской империи. СПб, 1897.

72. Мих-ъ¹⁰⁴¹. Начало финляндских притязаний // Русский архив. 1890. Кн. 2. Вып. 7.

73. Мустонен Z.A. Разоблачение тайн. Взаимные отношения революционеров и социалистов в Финляндии. Бесплатное приложение к газете «Окраины России». СПб, Государственная типография. 1909.

74. Ордин Б.К. От издателя // Ордин К.Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. 1. Исследования, статьи, записки и письма. СПб, 1908.

75. Он же. О правах России на Финляндию. СПб, 1906.

76. Ордин К.Ф. О финляндской монете // Русский вестник. 1890. Май.

77. Он же. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. СПб, 1889. Т. 1-3.

78. Он же. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Исследования, статьи, записки и письма. СПб, 1908. Т. I – III.

79. Охрана русских интересов в Финляндии. СПб, 1907.

80. Павлов М. Покорение Финляндии // Ордин К.Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Исследования, статьи, записки и письма. СПб, 1908. Т. 2.

---

¹⁰⁴¹ Псевдоним Бородкина М.М.

81. Риттих А.Ф. Обиженный край. СПб, 1911.
82. Риттих А.Ф., Бубнов А.Л. Россия и ее моря. Краткая история России с морской точки зрения. СПб, 1907.
83. Румянцев А. Финляндия вооружается! Союз «Сила» («Voima»). СПб, 1907.
84. С.К¹⁰⁴². Финляндские заметки. XXX. К.Ф. Ордин // Новое время. 1902. 5/18 июня.
85. Сергеевский Н.Д. Ешь меня собака! Наша главная болезнь. СПб, 1907.
86. Он же. К вопросу о коренных законах Великого княжества Финляндского. СПб, 1899.
87. Он же. К вопросу о финляндской автономии и основных законах. СПб, 1902.
88. Он же. Предисловие // Сеймовый устав Великого княжества Финляндского 7/20 июля 1906 года. (Библиотека Окраин России, №1. Издание Н.Д. Сергеевского). СПб, 1907.
89. Он же. «Русский дух». Харьков, 1907.
90. Суворов П. К вопросу о равноправии положения русских в Финляндии и финляндцев в Империи. СПб, 1907.
91. Сугоняев Тим. Автономия. М., 1906.
92. Тризна Д.С. Справка о Финляндии. Некоторые статистические сведения и параллели. По официальным данным составил Д.Т. Гельсингфорс. 1890.
93. Федоров Евг. Подготовка финляндской революции. 1889-1905 гг. СПб, 1905.
94. Финляндия в столетнюю годовину завоевания. СПб, 1910.
95. Финляндия за 100 лет в составе России (1808-1809 г.). Сост. по офиц. данным генерал от инфантерии Д.С. Тризна. СПб, 1911.

---

¹⁰⁴² Псевдоним Бородкина М.М.

96. Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб, 1906.

97. Финляндцы как контингент для комплектации нашего флота. Гельсингфорс, 1901.

98. Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов, извлеченных из Московского главного архива МИД и Шведского государственного архива, и касающихся взаимоотношений России и Швеции в 1616-1651 гг. М., 1897.

99. Он же. Сборник действующих в Финляндии основных законоположений. Гельсингфорс, 1889.

100. Он же. Что творилось в Финляндии в скорбные дни России; Искажение финляндцами Высочайшего манифеста об их привилегиях; Пребывание генерала Дена в Финляндии и Гельсингфорский университет // Московские ведомости. 1894 г. 10 и 18 ноября.

Дореволюционные издания по финляндскому вопросу¹⁰⁴³

1. Александров А. Знаменательное десятилетие (Памяти М.Н. Каткова). М., 1897.
2. Афанасьев Н.И. Современники. Альбом биографий. Т. 1-2. СПб, 1909-1910.
3. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-1909 гг.). СПб, 1910.
4. Он же. Интернационализм, национализм и империализм. М., 1917.

---

¹⁰⁴³ В этом разделе представлены материалы дореволюционной литературы, которая репрезентировала различные политические точки зрения (в том числе мнение финляндской стороны и позицию правых российских политических сил), тем не менее, не связанных с экспертами непосредственно либо имевших с ними какие-либо расхождения. По своей сути, этот раздел скорее представляет источники по истории «финляндского вопроса» - хотя здесь размещены и работы, в том числе, исследовательского характера.

5. Он же. Новое религиозное сознание и общественность. СПб, 1907.
6. Берендтс Э.Н. Императорский Александровский университет Финляндии. Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб, 1902.
7. Он же. К вопросу о правовом положении Финляндии. СПб, 1910.
8. Он же. Кое-что о современных вопросах. СПб, 1907.
9. Он же. Краткий очерк бюджетного права Финляндии. СПб, 1909.
10. Он же. Лекции по административному праву Великого княжества Финляндского. Т. II. СПб, 1903.
11. Он же. По поводу воззваний иностранных ученых относительно прав Финляндии. СПб, 1910.
12. Он же. Почему пустуют университетские кафедры? // Россия. 1908. №860.
13. Он же. Статьи по поводу речи члена Государственной Думы П.Н. Милюкова 13 мая 1908 года при рассмотрении вопросов по Финляндскому управлению. СПб, 1910.
14. Он же. Финансовое право Великого княжества Финляндского в XIX столетии. Исторический очерк. СПб, 1900.
15. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб, 1903.
16. Боот-Хольмберг Цецилия. Роль предательства в борьбе за Финляндию. Пб, Гос. Тип., 1917.
17. Борнгак К. По поводу книги анонимного автора под заглавием «Финляндский вопрос в 1911 году». СПб, 1914.
18. Василевский Л.М. Россия и Финляндия. Политическая библиотека «Биржевых ведомостей». СПб. 1906.

19. Величко В.Л. Интересное время //Величко В.Л. Русские речи. Полное собрание публицистических сочинений В.Л. Величко. Т. 2. СПб, 1905.
20. Военная энциклопедия. СПб, 1911. Издательство Сытина. Т. V.
21. Г. Ордин и его история покорения Финляндии. Перевод из газеты «Uusi Suometar». Гельсингфорс, 1890.
22. Г.П. Под впечатлением московского съезда «Объединенного Русского Народа». СПб, 1907.
23. Герье В. Первая русская Государственная Дума. Политические воззрения и тактика ее членов. Второе издание. М., 1906.
24. Даниельсон-Кальмари И.Р. Соединение Финляндии с Российской Державою. По поводу сочинения К. Ордина «Покорение Финляндии». Гельсингфорс, 1890.
25. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
26. Два письма Б.Н. Чичерина о финляндском вопросе // Освобождение. 1904. №23 (47).
27. Добромыслов В. Иностранцы в России. М., 1907.
28. Дубровин Н.Ф. Рукописное сочинение К.Ф. Ордина «Покорение Финляндии». Отчет о присуждении в 1889 г. премии Макария, митрополита Московского. СПб, 1890.
29. К освещению финляндского вопроса. Несколько статей из финляндской газеты. Berlin, 1900.
30. Ковалевский М. Финляндский вопрос // Вестник Европы. 1910. Кн. VII. Июль.
31. Кодификационные замыслы в 1830 и 1840 гг. О кодификации финляндских законов. Доклад, прочитанный проф. Э.Г. Пальменом на состоявшемся в 1914 г. собрании исследователей и преподавателей истории. Пер. с финс. и примеч. В.С. Баранова. Пг., Гос. Типография. 1914.

32. Кок И. Всеобщая забастовка в Финляндии. Пер. с финс. под ред. и с предисл. А. Ингельстрома. СПб, 1907.
33. Коллонтай А. Общественное движение в Финляндии. // Общественное движение в России в начале XX века. СПб, 1912.
34. Корф С.А. Положение Финляндии // Санкт-Петербургские ведомости. 1912, №54, 7 (12) марта.
35. Он же. Финляндские дела // Отечественная война 1812 г. и русское общество. М., 1911. Т.2.
36. Кузьмин-Караваев В.В. Военно-юридическая академия. 1866-1891. Краткий исторический очерк. СПб, 1891.
37. Куприн А.И. Немножко Финляндии // Собр.соч. в 6 тт., М, 58, т. 5.
38. Лебедев А. Предисловие к изданию Г. Лебона. В кн.: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб, 1995.
39. Ленин В.И. Еще о «национализме» // ПСС Т. 24.
40. Он же. Критические заметки по национальному вопросу // ПСС. Т. 24.
41. Он же. Политическая борьба и политиканство //ПСС. Т.7.
42. Он же. Поход на Финляндию // ПСС. Т.19.
43. Он же. Царь против финского народа // ПСС. Т.24.
44. Липаев И.В. По Финляндии. М., 1914.
45. Материалы к истории финансового управления Финляндией со времени ее присоединения к России. СПб. 1901
46. Майнов В. Путеводитель по Финляндии. СПб, 1887.
47. Меньшиков М. Национальная империя. М., 2004.
48. Мехелин Л. К вопросу о финляндской автономии и основных законах. Критика брошюры Н.Д. Сергеевского. Берлин, 1903.
49. Он же. Конституция Финляндии в изложении местного сенатора Л. Мехелина. СПб, 1888.

50. Он же. Критический разбор закона 17 (30) июня 1910 г. Гельсингфорс, 1910.
51. Он же. Неприемлемый проект, составленный русским совещанием. Гельсингфорс, 1909.
52. Он же. Противоречат ли права Финляндии интересам России? По поводу финляндского вопроса. Гельсингфорс, 1890.
53. Он же. Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор. СПб. 1908.
54. Мысли о современном положении Финляндии. Лондон, 1900.
55. Несколько разоблачений о русских финнофабах и их проделках. Вып.1. Стокгольм, 1902.
56. Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911.
57. Обнинский В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора российского Николая II. М.,1992.
58. Общественное движение в России в н. XX в. СПб, 1914.
59. Одинец Д.М. Национальный вопрос// *Ab Imperio*. 2001. №1-2.
60. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. II. М., 1992.
61. Отчет о 25-летней деятельности Русского благотворительного общества в Финляндии. 1872-1897. Сост. Лилье Вс. Гельсингфорс, 1898.
62. Панов В.И. Великий лжец. СПб, 1910.
63. Правительствующий Сенат. СПб, 1912.
64. Происшествия в Гельсингфорсе. Стокгольм, 1902.
65. Раствление гельсингфорской полиции. Берлин, 1902.
66. Руссобтовский М. Историческое освещение «финляндского вопроса». СПб, 1910.

67. Россия и окраины. Очерк Е. Игнатъева. СПб, 1906. Политическая библиотека «Биржевых ведомостей».
68. Русская политика насилия в Финляндии. Берлин, 1902.
69. Струве П.Б. Patriotika. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет. (1905-1911). М., 1997.
70. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 1999. (Брошюра написана в 1910)
71. Он же. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 200
72. «Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам» Ф.С. Еленева // Исторический вестник. 1891. Август.
73. Финны. Чтение для народа. Сост. Ф.Ф. Пуцыкович. СПб. 1898.
74. Финляндия. Под ред. Д. Протопопова. СПб, 1898.
75. Финляндская элементарная школа в ее прошлом и настоящем. М., 1890. Университетская типография, подписано Ю.Н. Верещагиным. Библиотека М.П.М.
76. Финляндский разгром. Purleigh, Maldon, Essex, England. 1900. Сб. под редакцией В. Черткова.
77. Хедегренн Иоанн. Лео Мехелин. Биографический очерк. СПб, 1908.
78. Хорсов П. Михаил Михайлович Бородкин // Мирный труд. 1904. №3.
79. Чего достигли и чего домогаются достигнуть финляндцы Ф.П. Еленева. Русский архив. 1898. №5.
80. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901.
81. Ш-въ В.В. Финляндские впечатления (записки туриста). СПб, 1901.

82. Шарапов С.Ф. Об автономиях и самоуправлении. //Бакунин и Шарапов об автономиях. М. 1908.
83. Он же. Что делать с Финляндией? М., 1910.
84. Шиловский П.П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб, 1903.
85. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. М., 1992. Т. 2.
86. Civis Fennicus (Лео Мехелин). Опровержение книги М.М. Бородкина. «С.К. Михайлов: юридическое положение Финляндии. Заметки по поводу отзыва Сейма 1899 г.» СПб, 1901.
87. Finland im Abfang des XX Jahrhunderts. Helsingfors, 1919.

Историография

1. Аверин М.Б. Финляндия и Польша в составе Российской империи: становление и развитие буржуазных судебных систем (сер. 60-х гг. XIX в. – 1914 г.). Ульяновск, 2001.
2. Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. М., 1968.
3. Андерсен Б. Воображаемые сообщества. М., 2016.
4. Андреева Н.С. «Остзейский вопрос» в реформаторских планах правительства (1900-февраль 1917 года) // Исторические записки. 12 (130). М., 2009.
5. Андронов С.И. К. Ордин о возникновении государственной автономии Финляндии // Петрозаводский университет. Уч. зап. Т.16. Вып.7. Вопросы истории. Сб.ст. Петрозаводск, 1986.
6. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
7. Ахвенайнен Й. Бумажная промышленность и российский рынок в 1885-1913 гг. В кн.: Россия и Финляндия. Торговля, промыслы, крупная промышленность. Л., 1981.
8. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
9. Он же. Мифологии. М., 2000.

10. Бахтин М.М. Тетралогия. М., 1998.
11. Барышников В.Н. Русский исследователь М.М. Бородкин о Финляндии и о финнах периода времени Петра I. // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы конференции. СПб, 2007.
12. Бахтурина А. Военное и гражданское управление на западных окраинах Российской империи в годы Первой мировой войны. // Российская история. 2014. №5.
13. Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения накануне великой октябрьской социалистической революции (эпоха империализма). Л., 1968.
14. Бобович И.М., Китанина Т.М. Русский хлебный экспорт и рынок Финляндии во второй половине XIX – начале XX вв. // Труды советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1988.
15. Ведерников В.В. Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895-1902). Вестник ЛГУ, 1981, №8, вып. 2.
16. Вест Дж. Л. Буржуазия и общественность в предреволюционной России //История СССР, 1992, №1.
17. Витухновская М.А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX вв. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004.
18. Она же. Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социо-экономические различия российской и финляндской Карелий как фактор национальной политики. // Ab Imperio 2003. №1.
19. Она же. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905-1917. СПб, 2006.
20. Вихавайнен Т. Новая ситуация – новая идентичность. В кн.: Два лика России. СПб, 2007.

21. Власова М.Н. Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции (1905-1907). Петрозаводск, 1961.
22. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб, 1996.
23. Водак Р., Пешё М., Фукс К. Итоги и перспективы по поводу автоматического анализа дискурса. В кн.: Квадратура смысла. М., 1999.
24. Выскочков Л.В. Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823-1831 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Пятой ежегодной научной конференции (23-25 апреля 2003 г.). СПб, 2004.
25. Вэнк С. Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе. В кн.: Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.
26. Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. А.Н. Яхонтов и его «тяжелые дни». История текста и издания. 1996.
27. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. В кн. Нации и национализм. М., 2002.
28. Горизонтов Л.Е. «Польский вопрос» в кругу «роковых вопросов» Российской империи (1831 год – начало XX в.). // Государственное и муниципальное управление в России: История и современность. Самара, 2004.
29. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989
30. Демин В.А. Верховная палата российской империи. 1906-1917. М., 2006.
31. Долбилов М. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в северо-западном крае в 1863-1865 гг. // *Ab Imperio* 2001. №1-2.

32. Он же. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. Ред. Гудков Л. М., 2005.
33. Долбилов М.Д., Сталюнас Д. «Обратная уния»: проект присоединения католиков к православной церкви в Российской империи (1865-1866 годы) // Славяноведение. 2005. №5.
34. Дубровская Е.Ю. Европейский север в истории России: «круглый стол». // Российская история. 2009. №3.
35. Она же. Первая мировая война в Финляндии: империя против нации, российская армия против финляндцев // *Ab imperio*. 2001. №4.
36. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. №11-12.
37. Он же. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1910 гг. Л., 1978.
38. Елисеев А.В. Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX века. Авт.канд.дисс. М., 1997.
39. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825-1853. М., 1982.
40. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
41. Залежский В. Монархисты. Харьков, 1929.
42. Захарова Л.Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года. // Вопросы истории. 1972. №8.
43. Игнатьев А.В. Балтийский вопрос во внешней политике России. 1905-1907 годов // Вопросы истории. 1986. №3.
44. Он же. Внешняя политика России 1907-1914 гг. Тенденции. Люди. События. М., 2000.

45. Он же. Российская империя в начале XX столетия: опыт сравнительной характеристики. В кн.: Имперский строй России в региональном измерении М., 1997.
46. Илюха О. Проект «Образ Финляндии в России» // *Ab imperio*. 2003.
47. Исмаил-Заде Д.И. Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1991.
48. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999.
49. История внешней политики России. Конец XIX – н. XX века. Т.5. М., 1997.
50. Кан А.С. Великое княжество Финляндское под властью царской России. Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980.
51. Каппелер А. Национальные движения и национальная политика в Российской империи: опыт систематизации (XIX век-1917 год). В кн.: Имперский строй России в региональном измерении. М., 1997.
52. Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001.
53. Кемпбелл Е. К вопросу об ориентализме в России (во второй половине XIX – начале XXв.) // *Ab imperio*. 2002, №1.
54. Кетола Э., Черняев В.Ю. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. №6.
55. Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900-1917. М., 2003.
56. Киселев А.А. Имидж Финляндии, Швеции, Норвегии и их народов в представлении мурманчан в первой половине XX века. Мурманск, 2000.
57. Клинге М. Очерк истории Финляндии. Хельсинки, 1990.

58. Корзун В.П. Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А.С. Лаппо-Данилевского. // Историки об истории. Межведомственный сборник научных трудов. Омск, 1989.
59. Корнилов Г.Д. Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX – начале XX в. (1885-1914). Авт. дисс. на зв. канд. ист. наук. Петрозаводск, 1968.
60. Королева Н.Г. Помещичье-монархические организации в 1905-1907 гг. Образование, структура, тактика // Непролетарские партии России в трех революциях. Сб.ст. М., 1989.
61. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.
62. Он же. ВНС. Формирование организационно-идейных основ (1907-1917). Авт.дисс.на зв.канд.ист.наук. СПб, 1999.
63. Кудрявцева Л. Борьба за «место памяти» в империи: история памятника основателя Выборга Торгильсу Кнутссону // *Ab imperio*. 2004. №4.
64. Кузнецов Н.Д. III Государственная Дума и национальная политика царизма на Кавказе. Авт.дисс. на зв.канд.ист.наук. М.,1951.
65. Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861-1900. М.,1974.
66. Лапин А.В. Армия империи – империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил в России в XVI-н. XX вв. // *Ab imperio*. 2001. №4.
67. Лехен. Финляндия. Краткий исторический, политический и военный очерк. М., 1924.
68. Летенков Э.В. «Литературная промышленность» России к. XIX – н. XX в. Л.,1988.
69. Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905-1907 годах. СПб, 1997.

70. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005.
71. Малинова О.Ю. Две концепции «либерального национализма»: П.Б. Струве и П.Н. Милюков. В кн.: П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000.
72. Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. №4.
73. Медяков А.С. Немецкая открытка Первой мировой войны как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2020.
74. Менгер М. Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны. — В кн.: “Скандинавский сборник”, 17. Таллин, 1972.
75. Миллер А.И. Галиция в системе австро-венгерского дуализма. В кн.: Австро-Венгрия. Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.
76. Он же. «Народность» и «нация» в русском языке XIX в.: подготовительные наброски к истории понятия // Российская история. 2009. №1.
77. Он же. Русификации: классифицировать и понять // *Ab imperio*. 2002. №2.
78. Он же. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. СПб, 2000.
79. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб, 1999. Т. 2.
80. Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Сб. статей под научн. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. Великий Новгород: изд-во НовГУ, 2002.

81. Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины. М., 1997.
82. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1998.
83. Национальный вопрос в Государственных думах России (опыт законотворчества). М., 1999.
84. Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб, 2002.
85. Она же. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб, 2002.
86. Образование Северо-западного правительства. Гельсингфорс, 1920.
87. Островский А.В. Октябрьская революция: случайность? Исторический зигзаг? Или закономерность? // Островский А.В. (ред.) Из глубины времен. 1993. №2.
88. Ошеров Е.Б., Суни Л.В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX-XX вв. Петрозаводск, 1986.
89. Ошеров Е.Б. Политика царизма в Финляндии в освещении русской печати (1890-1899) // Петрозаводский университет. Уч. зап. Т.16. Вып.7. Вопросы истории. Сб. ст. Петрозаводск, 1986.
90. Павлов М.А. Государственная регламентация чтения в России. 1890-1917 гг. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. СПб, 2000.
91. Пекшева Л.А. Деятельность М.М. Сперанского в сфере местного управления (1803-1831 гг.). Автореф. дис. на соискание звания кандидата исторических наук. Воронеж, 2007.

92. Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя: реформы и реформаторы (к. XVIII – н. XX вв). М., 1993.
93. Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. М., 2003.
94. Он же. Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (к. XVIII – н. XX вв.). М., 1985.
95. Пешё М, Фукс К. Итоги и перспективы по поводу автоматического анализа дискурса. В кн.: Квадратура смысла. М., 1999.
96. Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И.Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898-1904 гг. СПб, 1997.
97. Похлебкин В.В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений: 1713-1973. М., 1975.
98. Приходько Н.И. Исследовательские периоды в изучении русско-шведской («финляндской») войны 1808-1809 гг. в отечественной историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы конференции 25-26 апреля 2001 года. СПб, 2002.
99. Райконен Е.Е. Таможенное законодательство Великого княжества Финляндского. СПб, 1996.
100. Раскин А.П. Финляндия: Рекомендуемый указатель литературы. М., 1978.
101. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. Москва: Новое издательство, 2005.
102. Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004.
103. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Том 3. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2016.
104. Рыкин В.С. Австрийский федерализм: история и современность //Новая и новейшая история. 1999, №3.
105. Сафрастян Р.А. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи. Ереван, 1985.

106. Святая Русь Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм. М., 2003.
107. Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо». Запад и военная элита России. 1900-1914. М., 2001.
108. Он же. Представленческие модели военных элит России и Запада накануне Первой мировой войны (сравнительный аспект). В кн.: Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 1. М., 2002.
109. Он же. «Угроза с Запада» в оценках военно-политической элиты Российской империи (начало XX века). В кн.: Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002.
110. Сергеев С.М. Л.А. Тихомиров и лагерь русских традиционалистов в 90-е гг. 19 в. (Материалы к истории русского традиционализма).
111. Серио П. Как читают тексты во Франции. В кн.: Квадратура смысла. М., 1999.
112. Серых А.А. Поколение «восьмидесятников» и поколенческая идентичность русских историков рубежа XIX – XX вв. // Диалог со временем. Вып. 34. М., 2011.
113. Симонова Н.Б. Система периодической печати России (вторая половина XIX – начала XX вв.). Новосибирск, 2002.
114. Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962.
115. Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899-1905. М., 2009.
116. Соловьев Ю.Б. Идеология контрреформ как показатель чрезвычайных трудностей обуржуазивания России // Старцев В.И., Фруменкова Т.Г. (ред.). Россия в XIX в.: Политика. Экономика. Культура. СПб, 1994.
117. Соломещ И.М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 1992.

118. Социологическая мысль в России. Л.,1978.Союз русского народа. М.-Л., 1927.
119. 100-летие «ВЕХ». Интеллигенция и власть в России. 1909-2009. Круглый стол. // РИ, 2009, №6.
120. Суни Л.В. Очерк общественно-политического развития Финляндии. Л., 1979.
121. Он же. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80-90-е гг. XIX в. Л., 1982.
122. Он же. Русско-финляндский таможенный тариф 1885 // Вопросы истории. Сб.ст., вып.1, Петрозаводск, 1961.
123. Он же. О месте Финляндии в военно-стратегических планах царизма в 80-е гг. XIX в.// Скандинавский сборник. Таллин. 1976.
124. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997.
125. Такала И.Р., Соломещ И.М. «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808-1809 гг. // Российская история. 2009. №3.
126. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия: М.Н. Катков и его издания. М., 1978.
127. Тейстре У.В. «Финляндский вопрос» в политике царизма в к. XIX-н.ХХвв. Авт.дисс.на зв. канд. ист. наук. Тарту,1980.
128. Торбаков И. «Осколки разбитого вдребезги»: историческое поражение русского имперского проекта. // *Ab imperio*. 2001. №4.
129. Уткин Н.И. Россия – Финляндия: «карельский вопрос». М., 2003.
130. Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм). XIX – начало XX в. М.,1985.
131. Фишер А.Е. К вопросу об особенностях исследования партизанского движения в Финляндии в период русско-шведской войны

1808-1809 годов на примере российской историографии XIX-XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы конференции 2006 г.

132. Франк С.Л. Кризис западной культуры. В кн.: Освальд Шпенглер и «Закат Европы». Сб.ст. М., 2000.

133. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.

134. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М., 2002.

135. Цамутали А.Н., Илюха О.П. Предисловие. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004.

136. Цимбаев Н.И. Идеи федерализма в общественной мысли. В кн.: Очерки истории русской культуры. Т. 4. М., 2003.

137. Он же. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

138. Черменский Е.Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976.

139. Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати в 60-70 годы XIX века Л., 1989.

140. Чернышева О.В. Шведский характер в русском восприятии (по свидетельствам XIX – XX вв.). М., 2000.

141. Юдина Т.В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи. Дисс. на зв. докт. филол. наук. М., 2001.

142. Юртаева Е.А. Государственный совет в России (1906-1917 гг.). М., 2001.

Зарубежная историография

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

2. Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? В кн.: Нации и национализм. М., 2002.

3. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
4. Грегори, Пол. Экономический рост Российской империи (конец XIX - начало XX в.): новые подсчеты и оценки / Пер. с английского И. Кузнецова, А. И Н. Тихоновых. Москва: РОССПЭН, 2003.
5. Коэн Дж.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.
6. Кон Х. Идея национализма // *Ab imperio*. 2001. №3.
7. Куяла А. Россия и Финляндия в 1907-1914 гг: планы введения военного положения // *Отечественная история*. 1998. №2.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры*. М., 1990.
9. Лунтинен П. Отношения между финнами и русскими во времена Великого княжества Финляндского (1809 – 1917 гг). В кн.: *Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII – XX вв.* М., 2006.
10. Менгер М. Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны. — В кн.: *“Скандинавский сборник”*, 17. Таллин, 1972.
11. Нумминен Р. П.А. Столыпин в истории Финляндии // *На пути к революционным потрясениям*. СПб – Кишинев. 2001.
12. Остин Дж.Л. Перформативы – констативы // *Философия языка*. М., 2004.
13. Пайпс Р. Русский консерватизм во второй половине XIX в. // *Доклад на XIII международном конгрессе исторических наук 16-23 авг.1970 г.* М., 1970.
14. Рассила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996.
15. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. М., 2008.

16. Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. 1986.
17. Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002.
18. Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и «теория» империи. // *Ab Imperio* 2001 №1-2.
19. Схиммельпенник ван дер Ойе. Идеологии империи в России имперского периода. // *Ab Imperio*. 2001. №1-2.
20. Он же. Ориентализм – дело тонкое. // *Ab Imperio*. 2002. №1.
21. Томпсон Эндрю С. Язык империализма и разный смысл понятия «империя»: имперский дискурс в политической жизни Великобритании. 1895 – 1914 гг. // *Ab imperio*. 2005. №2.
22. Уортман Р. Властители и судьи. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.
23. Он же. Демонстрации набожности // *Ab Imperio*. 2000. №2.
24. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии. Т. I-II. М., 2004.
25. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе. В кн.: *Нации и национализм*. М., 2002.
26. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. В кн.: *Нации и национализм*. М., 2002.
27. Хэфнер Л. «Конституционно-демократическая партия не менее твердо держится принципа единства и нераздельности России»: либерализм и национализм в российской провинции. // *Ab Imperio*. 2000. №3-4.
28. Хяккинен К., Цеттерберг С. Финляндия вчера и сегодня. Саранск, 1997.

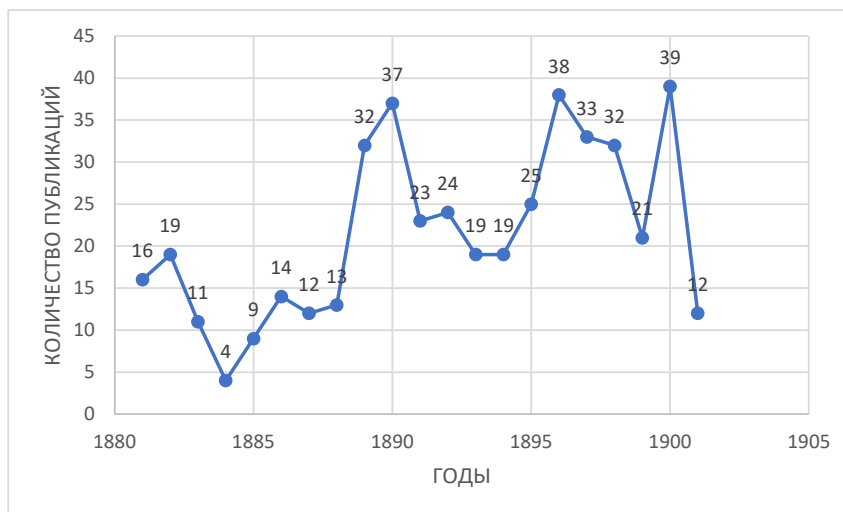
29. Шенк Ф.Б. Политический миф и коллективная идентичность: миф Александра Невского в российской истории (1263-1998). // *Ab Imperio* 2001 №1-2.
30. Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809-1917 гг. Хельсинки, 2009.
31. Юттикала Э. История Финляндии с древнейших времен до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
32. Asher A. P.A. Stolypin. The Search of Stability in Late Imperial Russia. Stanford. 2001.
33. Austin J. How to do Things with words. Cambridge, 1962.
34. Hirvisaho Iida Katariina. A Stepchild of the Empire. Finland in Russian Colonial Discourse. LA, 1997.
35. Lieven D. Russia as empire: a comparative perspective. В кн.: Hosking G., Service R. Eds. Reinterpreting Russia. London, 1999.
36. Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric. In *Western Speech*, 1967, Vol. 31.
37. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*, 1967, Vol. 53.
38. *Revolutionary Russia*. Ed. by R.Pipes. NY. 1968.
39. Rowley, D. Imperial Vs. National Discourse: The Case of Russia. // *Nations and Nationalism* 6:1 (2000).
40. Seton-Watson H. Russian Nationalism in Historical Perspective // *The Last Empire: Nationality and the Soviet Future*. Stanford, 1986.
41. Thaden Edward C. Conservative nationalism in nineteenth-century Russia. Seattle, Univ. of Washington Press, 1964.
42. Thaden Edward C. (ed.) Russification in the Baltic Provinces and Finland. Princeton, N.J., Princeton Univ. Press, 1981.

43. Walicki Andrzej. The Slavophile Thinkers and the Polish Question in 1863. // Polish Encounters. Russian Identity. Bloomington and Indianapolis, 2005.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Выход отдельных изданий по «финляндскому вопросу»¹⁰⁴⁴.

¹⁰⁴⁴ Здесь и далее подсчет произведен на основании библиографического сборника М.М. Бородкина: Бородкин М.М. Финляндия в русской печати. СПб, 1901. Данные за 1901 год вошли в используемую библиографию не полностью, чем и объясняется провал на графике.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

